This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DK
438
.G15
1906

BUHR A
Filmed by Preservation NEH 1992

[redacted]
a39015 01810943 2b

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN · LIBRARIES ·
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817

М. Таккедушъ.

БЪ АВТОНОМІИ ПОЛЬШИ.

(Воскресающій Лазарь).

1906.

Второе, исправленное
и дополненное, изданіе

Т-ва И. Д. Сытина.

DK
40
1906

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой.
МОСКВА. — 1906.

1112814-230

Предисловіе къ 1-му изданію.

Книга эта написана безпристрастно, но не безстрастно.

Любовь къ своимъ не побуждала меня идеализировать ихъ. Только тогда безразличны мы къ дурному, замѣчаемому въ другихъ, когда они не имѣютъ цѣны въ нашихъ глазахъ. Любить отечество, религію, родныхъ — это съ самаго начала значитъ отчетливо представлять себѣ ихъ пороки, чтобы, работая надъ искорененіемъ зла, совершенствовать все хорошее, дорогое. Но рѣшительное осужденіе системы не было огульнымъ, не мѣшало мнѣ тѣмъ съ большею радостью отмѣчать всякую положительную частность. Не моя вина, что приходилось дѣлать это такъ рѣдко. Въ свою очередь, и состраданіе къ угнетаемымъ не препятствовало мнѣ видѣть, въ какой степени и когда своими бѣдами обязаны они были себѣ.

Вотъ почему авторъ претендуетъ на безпристрастіе.

Однако я не могъ, да и не хотѣлъ бы, подняться до олимпійской высоты наблюдателя, довольствующагося холоднымъ изученіемъ людей и дѣлъ. Безстрастіе — удѣлъ боговъ и машинъ.

Какъ человѣкъ, я не скрывалъ ни своего сочувствія, ни ненависти къ тѣмъ или другимъ идеямъ и установленіямъ. Личности интересовали меня исключительно лишь какъ выразители силъ, дѣлающихъ исторію. Я старался походить на добросовѣстнаго рабочаго, который, взвѣшивая руду, никогда не скажетъ вамъ фальшивой мѣры, не солжетъ, но искренне порадуется, если въ чашкѣ лежитъ самородокъ золота, и вздохнетъ, когда цѣлый день придется ему возиться съ одною глиной.

Еще римляне считали загадкой судьбу каждой книги; долю этой, кажется, можно предвидѣть. Найдетъ ли она друзей — не знаю, и не сомнѣваюсь, что она будетъ встрѣчена злословіемъ извѣстныхъ круговъ. Какъ лестную награду, пріемлю я его. Зато обидно сознаніе, что ни она, ни тысячи другихъ, болѣе сильныхъ и краснорѣчивыхъ свидѣтельствъ не поколеблютъ ужасной „системы". Зная, какую цѣну придаетъ бюрократія печатному слову, я въ этомъ отношеніи гоню прочь всякія надежды. Но я и писалъ не для слѣпыхъ. Я писалъ для общества, твердо вѣря въ близость момента, когда повсюду, въ томъ числѣ и на окраины, оно будетъ призвано спасать, что еще можно.

Въ чаяніи великаго дня голосъ самаго скромнаго, лишь бы безпристрастнаго наблюдателя не прозвучитъ напрасно, а „небезстрастіе" автора да заразитъ васъ тѣмъ же, читатель!

Августъ 1905 года.

М. Гаккебушъ.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Мой „Лазарь“ воскресъ только послѣ 17 октября. Отпечатанный еще въ августѣ, онъ немедленно былъ арестованъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати; въ то время справедливое и человѣчное отношеніе къ инородцамъ считалось преступнымъ, и для этой книги уже готовился костеръ...

Палъ, быть-можетъ, временно палъ, приказный строй, мой трудъ увидѣлъ свѣтъ и ровно черезъ десять дней понадобилось второе изданіе. Этотъ сладкій, непредвидѣнный успѣхъ авторъ позволяетъ себѣ объяснять не только снисходительностью публики, но и тѣмъ, что въ извѣстной степени она раздѣляетъ взгляды и положенія, намѣчаемые мною.

Второе изданіе, совершенно законченное, полностью погибло въ огнѣ, пріостановившемъ просвѣтительную дѣятельность издательской фирмы И. Д. Сытина въ жестокіе дни декабрьскаго усмиренія Москвы.

Изъ пепла, какъ фениксъ, встаетъ теперь новое, — увы! — съ умолчаніями и „смягченіями“. Имъ не было мѣста въ выпускѣ, исполненномъ въ дни подлинной свободы печати.

Что дѣлать! И полузадушенный голосъ правды предпочтительнѣе, чѣмъ гробовое безмолвіе.

Вѣнцомъ желаній моихъ, какъ публициста, является наступленіе времени, когда въ этой книгѣ вовсе минуетъ надобность, потому что доказывать право каждой націи на культурное самоопредѣленіе будетъ равнозначаще ломанію въ открытую дверь.

До той же поры идите вы въ бой и бой мои наблюденія и доводы! Спѣшите убѣждать Спѣшите побѣдить!

10 февраля 1906 года.

М. Г.

I.

„...Іисусъ говоритъ: отнимите камень. Сестра умершаго, Мареа, говоритъ Ему: Господи, уже смердитъ, ибо четыре дня, какъ онъ во гробѣ". ...„Онъ воззвалъ громкимъ голосомъ: Лазарь! Иди вонъ. И вышелъ умершій, обвитый по рукамъ и ногамъ погребальными пеленами, и лицо его обвязано было платкомъ. Іисусъ говоритъ имъ: развяжите его, пусть идетъ".

(Іоанна, гл. XI, 39, 43, 44).

«Проклятая нога!»

Вамъ не случалось слышать такое восклицаніе подагрика? А оно очень типично и характерно: больной сердится не на себя, не на то, что долгіе годы велъ неправильный образъ жизни, а на несчастную ногу, до поры, до времени служившую вѣрой-правдой, а теперь безмолвно лишь свидѣтельствующую о пораженіи всего организма. Понетерпѣливѣе, такъ тотъ еще кулакомъ пристукнетъ по колѣнкѣ:

«На вотъ тебѣ, проклятая!»

Таково отношеніе правительства и «патріотической» печати къ польскому вопросу, этому старому недугу русскаго государственнаго организма.

Чтобы избавиться отъ мукъ, въ распоряженіи подагрика имѣется множество обезболивающихъ средствъ: впрыскиванія морфія, втиранія хлороформа... Эти палліативы дѣйствуютъ быстро, но — увы! — на самое короткое время: страданія утихаютъ, чтобы вернуться съ удесятеренной силой, и вскорѣ наступаетъ пора, когда нога вовсе подаетъ въ отставку.

Для радикальнаго излѣченія существуетъ одинъ путь: немедля самымъ кореннымъ образомъ измѣнить весь режимъ. Людямъ слабовольнымъ или легкомысленнымъ это трудно: надо точно взвѣсить серьезность своего положенія, мужественно отказаться отъ многихъ любимыхъ привычекъ, стать выше соблазновъ, хотя лицепріятная совѣсть напередъ уже выноситъ оправдательный вердиктъ согрѣшившему.

Въ Царствѣ Польскомъ *никогда* русское правительство не держалось второго метода, единственно цѣлительнаго; изъ арсенала оздоравливающихъ средствъ здѣсь принимались исключительно палліативы: припарки горячія и холодныя, кровопусканія... Мѣръ не было — были только полумѣры. О перемѣнѣ режима, какъ единственномъ средствѣ спасти и русскіе и польскіе интересы, не думалъ никто. Лживое «все обстоитъ благополучно», передаваемое «по командѣ» снизу вверхъ, обманывало петербургскихъ командировъ и менѣе проницательную часть общества...

На самомъ дѣлѣ все обстояло и обстоитъ неблагополучно: къ небу вопіющіе о томъ свидѣтели — январскіе и апрѣльскіе ужасы въ Варшавѣ, іюньская анархія въ Лодзи, только глухимъ неслышный грозный, подземный шумъ во всемъ краѣ — предвѣстникъ страшной катаклизмы:

«Временное явленіе! Случайная вспышка мѣстнаго недовольства!» скажетъ оптимистъ, человѣкъ недалекій или преступный, ибо оптимизмъ иногда преступленіе: «не то же ли наблюдается и въ остальной Россіи? Ужъ не прикажете ли весь 130-милліонный народъ считать банкротомъ?»

Конечно, не прикажемъ, ни единой минуты не прикажемъ, потому что обанкротился, несомнѣнно, не народъ... Обратно: одинъ онъ, какъ администраторъ, можетъ предотвратить всѣ послѣдствія несостоятельности. Однако если аналогичные польскимъ безпорядки творятся повсюду, то вотъ вамъ прямое доказательство, что они не случайны, что самоубаюкиванье здѣсь вредно и, главное, безцѣльно.

Пора, пора приняться за серьезное лѣченіе русско-польскихъ ранъ! Въ противность Гиппократу тутъ уже ferrum et ignis non sanant...

II.

Опечаленный и радуясь, отчаиваясь и бодрый, безконечно потрясенный всѣмъ, что узналъ и видѣлъ (объ этой двойственности впечатлѣній рѣчь впереди), я уже простился съ Варшавою и спѣшилъ на вокзалъ. Послѣдній разъ окинулъ я взглядомъ православный каѳедральный соборъ на Саксонской площади, и эта каменная громада — теперь, когда я началъ подводить итоги — вдругъ стала для меня откровеніемъ: нѣмая — она говоритъ больше, чѣмъ тысячи самыхъ пламенныхъ обличеній, бездушная — она ярко, до болѣзненности ярко, характеризуетъ самую сущность, подлинную душу нынѣшнихъ русско-польскихъ отношеній.

Это больше, чѣмъ символъ: это — монументальное воплощеніе цѣлаго періода родной исторіи, какая-то симфонія торжествующей окраинной политики. Рука зодчаго безсознательно учительствовала, и, какъ соборы Монреаля или Кельна освѣщаютъ вамъ далекія эпохи, такъ равно варшавскій храмъ навѣки останется краснорѣчивѣйшимъ поясненіемъ жизни двухъ славянскихъ народностей за послѣднее сорокалѣтіе.

Казенно-византійскій «штиль». Больше казематъ, чѣмъ мѣсто объединенія въ молитвѣ. Скорѣе пугаетъ, чѣмъ влечетъ къ себѣ, обѣщаетъ выдать «установленное свидѣтельство за соотвѣтствующимъ подписомъ и приложеніемъ казенной печати» о «слушаніи» литургіи, но не облегчитъ душу. Давитъ все окружающее, пригнетаетъ васъ и тянетъ къ землѣ; далекія небеса скупо кидаютъ въ него лучи чрезъ узкія немногочисленныя окна. Онъ не ищетъ свѣта, и свѣтъ равнодушенъ къ нему. Его не вѣнчаетъ единый куполъ, легкій и радостный, наподобіе перла византійской архитектуры — св. Софіи въ Константинополѣ. Для такого творчества нужны полетъ, смѣлость, [illegible]

требуются дерзость художника, отвращеніе къ шаблону, а не «какъ прикажете, такъ и потрафимъ!» мастеровщины. Не великій Юстиніанъ, а старательный фельдфебель наложилъ здѣсь неизгладимый отпечатокъ своей личности. Нѣсколько небольшихъ слѣпыхъ куполовъ-луковицъ должны прельщать глазъ позолотою, точно богатствомъ можно замѣнить отсутствіе мысли и вкуса. Должны, сказалъ я, но не могутъ, ибо... позолота уже почернѣла, хотя храмъ еще не открытъ. Кто толкуетъ о злоупотребленіяхъ, кто объ ошибкахъ нѣкоторыхъ членовъ строительной комиссіи или фирмы, взявшей на себя подрядъ,— это не важно. Какое изъ казенныхъ зданій не требуетъ ремонта еще до окончанія? Но, согласитесь, какъ знаменательно, что главный козырь въ игрѣ зодчихъ — золото, долженствовавшее искупать ничтожество фантазіи и плана, оказалось фальшивымъ.

Таковъ варшавскій соборъ, — эта неудачная попытка руссифицировать чрезъ Христа и само Евангеліе обратить въ орудіе воинствующей государственности. Значеніе его, какъ вызова, подчеркивается мѣстомъ, которое для него выбрали: Саксонская площадь по многимъ историческимъ воспоминаніямъ дорога полякамъ. Не объ уврачеваніи ли старыхъ ранъ слѣдовало бы намъ заботиться больше, чѣмъ о созданіи новыхъ занозъ?

Русскіе старожилы безъ труда выяснятъ вамъ необходимость сооруженія, по крайней мѣрѣ, 4—5 православныхъ приходскихъ церквей въ разныхъ частяхъ большого раскинутаго города. На это доброе дѣло съ избыткомъ хватило бы тѣхъ бѣшеныхъ денегъ, въ которыя обошелся и обойдется соборъ. Но, конечно, для цѣлей демонстративныхъ скромныя приходскія церкви не годятся: онѣ были бы *только* мѣстомъ собранія вѣрующихъ, а вѣдь туземными юпитерами исключительно двигаетъ «тонкая и больше политическая причина», по выраженію гоголевскаго Аммоса Ѳедоровича.

Скажите же мнѣ теперь: да развѣ эта параллель между соборомъ и дѣятельностью русской администраціи въ краѣ искусственна? Развѣ цѣлыхъ семьдесятъ лѣтъ тутъ не пригнеталось все живое подъ видомъ служенія богу русской государствен-

ности, который варшавскимъ Аммосамъ Ѳедоровичамъ рисовался Молохомъ — пожирателемъ дѣтей, но не богомъ любви и свободы? Развѣ здѣшніе государственные строители сообразовались съ почвою, качествами матеріаловъ, руководились оригинальнымъ планомъ, а не стали, постыдно махнувъ рукою на культурныя и этнографическія особенности, возводить зданіе, которое одинаково годилось бы и для Калужской губерніи, и для Башкиріи, и для Бухары, т.-е., иначе говоря, вовсе никуда не годилось? Подъ сводами этого каземата живутъ лишь обида и равнодушіе къ Россіи; только офиціальныя лицемѣріе и близорукость не замѣчаютъ того. Такъ и чванный варшавскій соборъ вмѣститъ въ себѣ не богомольцевъ, а гг. чиновниковъ, «исполняющихъ обязанности», налагаемыя религіей. Смотришь на него и невольно ищешь на фронтонѣ двустишіе:

...чтобъ не потѣснить гуляющихъ господъ,
Пускать не велѣно сюда простой народъ.

«Привислинцы» (такъ окрестили своихъ чиновниковъ обыватели Царства Польскаго) сошлются вамъ на экономическій подъемъ края, на ростъ промышленности и скажутъ: «дѣло свидѣтельствуетъ за насъ». Подобныя увѣренія имѣютъ блескъ и цѣну не болѣе, чѣмъ фальшивое золото на главахъ собора. Если край и сталъ (лишь сравнительно) богатымъ, то потому только, что администраціи не удалось пока въ корнѣ задушить частный починъ въ области индустріи и сельскаго хозяйства. Препоны же въ этомъ направленіи ставились и ставятся весьма усердно. Загляните въ только что вышедшій «Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по губерніямъ Царства Польскаго» (Спб., 1905), — эту іеремиаду, подкрѣпленную цифрами, и одновременно неотразимый обвинительный актъ противъ администраціи. Да и когда благосостояніе матеріальное было синонимомъ духовнаго довольства націи, показателемъ пріобщенія ея къ извнѣ навязываемой государственной идеѣ и сигналомъ къ искреннему историческому сотрудничеству? Колоніи Англіи въ Америкѣ не были бѣдны, но это не помѣшало имъ четырнадцатилѣтнею

(1775 - 1789) тяжкою борьбою добиться самостоятельности, какъ только стало ясно, что англичане рѣшили проводить свою идею исключительно военными и полицейскими мѣрами. А вѣдь миссія британцевъ была куда легче нашей въ Царствѣ Польскомъ: съ колонистами ихъ объединяли и языкъ и, до извѣстной степени, религіозныя узы. На что ужъ былъ недалекъ Жеромъ Бонапартъ, заявившій: «Со штыками можно дѣлать все, что угодно, — нельзя только сидѣть на нихъ», но, очевидно, встрѣчаются еще болѣе недалекіе люди, доселѣ не уразумѣвшіе этой, иногда горькой, всегда спасительной истины...

Да! Соборъ навсегда останется лучшимъ памятникомъ — характеристикою послѣдней системы управленія краемъ. Но *можно ли оставить самую систему?*

Для посильнаго отвѣта на этотъ вопросъ мнѣ представлялось недостаточнымъ изучить литературу предмета; только о покойникахъ приходится судить по бумагамъ. Съ живыми слѣдуетъ знакомиться лично. Я поѣхалъ въ Варшаву, Лодзь, Холмъ. Встрѣчался и откровенно бесѣдовалъ съ людьми всѣхъ «племенъ, нарѣчій, состояній»: сановниками и рабочими, полицейскими и литераторами, учеными и врагами учености, съ нашими священниками, ксендзами, раввинами и ихъ паствами, съ банкирами и нищими. Я входилъ во дворцы и лачуги, церкви и участки, къ гонителямъ и гонимымъ. Я видѣлъ дѣла насилія сверху и отпоръ имъ снизу, баррикады и кровь... Какъ умѣлъ, пытался я заглянуть въ душу страдальца-народа, понять его горе, которое въ громадной части оказывается нашимъ собственнымъ горемъ, выяснить средства совмѣстнаго уврачеванія.

III.

Да, да, именно «совмѣстнаго», потому что безъ коренного и правильнаго разрѣшенія польскаго вопроса немыслимо процвѣтаніе Россіи въ тѣсномъ смыслѣ слова. Мы заинтересованы въ этомъ не менѣе, чѣмъ сама Польша, а, можетъ-быть, и

больше, поскольку вообще благополучіе цѣлаго важнѣе, нежели частей.

Измѣненіе режима въ Привислиньѣ, издавна говорятъ поляки, принесетъ не только мѣстную пользу, но и всему государству. Эту мысль они доказываютъ такъ: «Царство Польское обратилось въ высшую практическую школу бюрократіи. Здѣсь чиновникъ особенно сильно пропитывается убѣжденіемъ, что народъ созданъ для правителей, а не обратно. Разъ навсегда усвоивъ себѣ тутъ полицейскую точку зрѣнія на гражданъ, какъ на злоумышленниковъ, вольнолюбивые порывы которыхъ неуклонно слѣдуетъ «предупреждать и пресѣкать», или въ лучшемъ случаѣ, какъ на дѣтей, нуждающихся въ мелочной опекѣ, привислинскіе администраторы не разстаются съ этими пріемами и въ дальнѣйшей своей карьерѣ. «Во глубинѣ Россіи» они потомъ такъ же склонны заподозрѣвать сепаратистскую интригу, какъ и на окраинѣ. Маньяки произвола, они несутъ его съ Вислы на берега Яузы, Невы и Волги... Не одинъ Плеве пожаловалъ въ Петербургъ непосредственно изъ Варшавы. Если Россіи достаточно набили оскомину кислые плоды бюрократіи, то прямой ея расчетъ, чтобы разсадникъ этихъ прелестей въ Польшѣ былъ, наконецъ, закрытъ!»

Отчасти невѣрнымъ, отчасти слабымъ представляется намъ такое разсужденіе. Во-первыхъ, далеко не всегда наши администраторы «воспитывались» въ Привислинскомъ, вѣрнѣе — *на* Привислинскомъ краѣ. Зачастую изъ внутреннихъ губерній туда посылались такіе «доктора бюрократизма», предъ которыми герои варшавскаго удѣла казались мальчишками и щенками. Во-вторыхъ, и это главное, грозно близится время, когда бюрократія будетъ поставлена въ приличествующія ей рамки чисто исполнительной дѣятельности. Администратору придется стать слугою и оберегателемъ закона, забывъ теперешній девизъ «захочу — полюблю, захочу — погублю»... Однимъ запретомъ на такое хотѣнье развѣ будетъ разрѣшенъ польскій вопросъ? Ничуть! Смягчится только острота его, какъ выглядывала бы менѣе отталкивающе старая рана, съ которой мы смыли запек-

[illegible] отъ

[illegible] мнѣніе другихъ [illegible]-
[illegible] причинную связь
[illegible] въ Царствѣ Поль-
[illegible] Не изъ петербургскихъ
[illegible] ледомъ на всю страну,
[illegible] а, наоборотъ, снѣговое
[illegible]мъ въ грозный буранъ
[illegible]ника Николая I оконча-
[illegible] легити-
[illegible] въ Россіи, и оскоп-
[illegible] *после 1831 года*,
[illegible] потому что недовѣріе
[illegible] 1815 года
[illegible] мундирной
[illegible] идею
[illegible]никовъ,
[illegible] шапка,
[illegible]лѣстной
[illegible] тяжкія
[illegible] хотя
[illegible] Когда
[illegible] политики Александра II, обра-
[illegible]ванія въ [illegible],
[illegible] Россія [illegible]
[illegible] движеніе [illegible]
[illegible] и русскій [illegible],
[illegible] перемѣны въ [illegible],
[illegible] чеховскимъ нудным людьми-
[illegible]ка? *После 1863 года*. Не
[illegible]смотрѣніе причинъ, почему не
[illegible]ральный въ лучшемъ смыслѣ
[illegible] Белепольскаго; достаточно, что

эта неудача заставила насторожиться все прекраснодушіе Александра II, а возстаніе и возможность вмѣшательства западно-европейскихъ державъ, раздувъ шовинизмъ, сплотили отдѣльные націоналистическіе голоса въ дружный реакціонный хоръ. Едва выяснилось, что свобода какъ все живое, рождается не безъ боли, то бросились въ поиски средствъ, могущихъ прекратить созрѣваніе плода. Польшу рѣшили муштровать, а для Россіи пришла пора застоя и калѣченія первыхъ смѣлыхъ замысловъ до калибра, въ лучшемъ случаѣ, маниловщины... Только теперь, въ страшныхъ мукахъ, Россія близится къ конституціонной эрѣ, которая, безъ событій 63-го года и вызванныхъ ими репрессій, наступила бы еще 40 лѣтъ тому назадъ.

«Недовольство режимомъ, установленнымъ для поляковъ, вызываетъ попытки насильственнаго его сверженія и, какъ противодѣйствіе, частную, а затѣмъ общегосударственную реакцію: если желательно избѣжать послѣдней, нужно устранить первопричину всего, т.-е. ввести режимъ, съ которымъ бы помирилось Царство Польское».

Таковъ сложный польскій силлогизмъ, обѣщающій обоюдную пользу отъ выгоды для одной изъ народностей и грозящій бѣдою обѣимъ, когда попраны интересы слабѣйшей.

Признаемъ мы его правильнымъ или нѣтъ, но практическія послѣдствія его, какъ и указаній на вредъ привислинской «школы бюрократіи», диктуются дальше утилитарными соображеніями. Поляки какъ будто говорятъ намъ: «Вы хотите пользы для Россіи? Облегчите же участь Польши! Первое, по такимъ-то и такимъ-то причинамъ, немыслимо безъ второго».

Что и толковать, здоровая политика зиждется лишь на реальныхъ основахъ, но храни насъ Богъ цѣликомъ сводить ихъ къ принципамъ утилитаризма. Онъ слишкомъ дружитъ съ себялюбіемъ, слишкомъ лицепріятный судья, чтобы имъ однимъ опредѣлялись нормы государственнаго пониманія добра и зла. Его почтеннымъ флагомъ слишкомъ легко прикрыть въ политикѣ контрабандный грузъ исключительно-націоналистическихъ воззрѣній, а отсюда ужъ совсѣмъ рукой подать до преобладанія

Вѣнцомъ желаній моихъ, какъ публициста, является наступленіе времени, когда въ этой книгѣ вовсе минуетъ надобность, потому что доказывать право каждой націи на культурное самоопредѣленіе будетъ равнозначаще ломанію въ открытую дверь.

До той же поры идите вы въ бой и бой мои наблюденія и доводы! Спѣшите убѣждать Спѣшите побѣдить!

10 февраля 1906 года.

М. Г.

I.

„...Іисусъ говоритъ: отнимите камень. Сестра умершаго, Марѳа, говоритъ Ему: Господи, уже смердитъ, ибо четыре дня, какъ онъ во гробѣ". ...„Онъ воззвалъ громкимъ голосомъ: Лазарь! Иди вонъ. И вышелъ умершій, обвитый по рукамъ и ногамъ погребальными пеленами, и лицо его обвязано было платкомъ. Іисусъ говоритъ имъ: развяжите его, пусть идетъ".

(Іоанна, гл. XI, 39, 43, 44).

«Проклятая нога!»

Вамъ не случалось слышать такое восклицаніе подагрика? А оно очень типично и характерно: больной сердится не на себя, не на то, что долгіе годы велъ неправильный образъ жизни, а на несчастную ногу, до поры, до времени служившую вѣрой-правдой, а теперь безмолвно лишь свидѣтельствующую о пораженіи всего организма. Нетерпѣливѣе, такъ тотъ еще кулакомъ пристукнетъ по колѣнкѣ:

«На вотъ тебѣ, проклятая!»

Таково отношеніе правительства и «патріотической» печати къ польскому вопросу, этому старому недугу русскаго государственнаго организма.

Чтобы избавиться отъ мукъ, въ распоряженіи подагрика имѣется множество обезболивающихъ средствъ: впрыскиванія морфія, втиранія хлороформа... Эти палліативы дѣйствуютъ быстро, но — увы! — на самое короткое время: страданія утихаютъ, чтобы вернуться съ удесятеренной силой, и вскорѣ наступаетъ пора, когда нога вовсе подаетъ въ отставку.

Для радикальнаго излѣченія существуетъ одинъ путь: немедля самымъ кореннымъ образомъ измѣнить весь режимъ. Людямъ слабовольнымъ или легкомысленнымъ это трудно: надо точно взвѣсить серьезность своего положенія, мужественно отказаться отъ многихъ любимыхъ привычекъ, стать выше соблазновъ, хотя лицепріятная совѣсть напередъ уже выноситъ оправдательный вердиктъ согрѣшившему.

Въ Царствѣ Польскомъ *никогда* русское правительство не держалось второго метода, единственно цѣлительнаго; изъ арсенала оздоравливающихъ средствъ здѣсь принимались исключительно палліативы: припарки горячія и холодныя, кровопусканія... Мѣръ не было — были только полумѣры. О перемѣнѣ режима, какъ единственномъ средствѣ спасти и русскіе и польскіе интересы, не думалъ никто. Лживое «все обстоитъ благополучно», передаваемое «по командѣ» снизу вверхъ, обманывало петербургскихъ командировъ и менѣе проницательную часть общества...

На самомъ дѣлѣ все обстояло и обстоитъ неблагополучно: къ небу вопіющіе о томъ свидѣтели — январскіе и апрѣльскіе ужасы въ Варшавѣ, іюньская анархія въ Лодзи, только глухимъ неслышный грозный, подземный шумъ во всемъ краѣ — предвѣстникъ страшной катаклизмы:

«Временное явленіе! Случайная вспышка мѣстнаго недовольства!» скажетъ оптимистъ, человѣкъ недалекій или преступный, ибо оптимизмъ иногда преступленіе: «не то же ли наблюдается и въ остальной Россіи? Ужъ не прикажете ли весь 130-милліонный народъ считать банкротомъ?»

Конечно, не прикажемъ, ни единой минуты не прикажемъ, потому что обанкротился, несомнѣнно, не народъ... Обратно: одинъ онъ, какъ администраторъ, можетъ предотвратить всѣ послѣдствія несостоятельности. Однако если аналогичные польскимъ безпорядки творятся повсюду, то вотъ вамъ прямое доказательство, что они не случайны, что самоубаюкиванье здѣсь вредно и, главное, безцѣльно.

Пора, пора приняться за серьезное лѣченіе русско-польскихъ ранъ! Въ противность Гиппократу тутъ уже ferrum et ignis non sanant...

II.

Опечаленный и радуясь, отчаиваясь и бодрый, безконечно потрясенный всѣмъ, что узналъ и видѣлъ (объ этой двойственности впечатлѣній рѣчь впереди), я уже простился съ Варшавою и спѣшилъ на вокзалъ. Послѣдній разъ окинулъ я взглядомъ православный каѳедральный соборъ на Саксонской площади, и эта каменная громада — теперь, когда я началъ подводить итоги — вдругъ стала для меня откровеніемъ: нѣмая — она говоритъ больше, чѣмъ тысячи самыхъ пламенныхъ обличеній, бездушная — она ярко, до болѣзненности ярко, характеризуетъ самую сущность, подлинную душу нынѣшнихъ русско-польскихъ отношеній.

Это больше, чѣмъ символъ: это — монументальное воплощеніе цѣлаго періода родной исторіи, какая-то симфонія торжествующей окраинной политики. Рука зодчаго безсознательно учительствовала, и, какъ соборы Монреаля или Кельна освѣщаютъ вамъ далекія эпохи, такъ равно варшавскій храмъ навѣки останется краснорѣчивѣйшимъ поясненіемъ жизни двухъ славянскихъ народностей за послѣднее сорокалѣтіе.

Казенно-византійскій «штиль». Больше казематъ, чѣмъ мѣсто объединенія въ молитвѣ. Скорѣе пугаетъ, чѣмъ влечетъ къ себѣ, обѣщаетъ выдать «установленное свидѣтельство за соотвѣтствующимъ подписомъ и приложеніемъ казенной печати» о «слушаніи» литургіи, но не облегчитъ душу. Давитъ все окружающее, пригнетаетъ васъ и тянетъ къ землѣ; далекія небеса скупо кидаютъ въ него лучи чрезъ узкія немногочисленныя окна. Онъ не ищетъ свѣта, и свѣтъ равнодушенъ къ нему. Его не вѣнчаетъ единый куполъ, легкій и радостный, наподобіе перла византійской архитектуры — св. Софіи въ Константинополѣ. Для такого творчества нужны полетъ, смѣлость, размѣръ,

требуются дерзость художника, отвращеніе къ шаблону, а не «какъ прикажете, такъ и потрафимъ!» мастеровщины. Не великій Юстиніанъ, а старательный фельдфебель наложилъ здѣсь неизгладимый отпечатокъ своей личности. Нѣсколько небольшихъ слѣпыхъ куполовъ-луковицъ должны прельщать глазъ позолотою, точно богатствомъ можно замѣнить отсутствіе мысли и вкуса. «Должны», сказалъ я, но не могутъ, ибо... позолота уже почернѣла, хотя храмъ еще не открытъ. Кто толкуетъ о злоупотребленіяхъ, кто — объ «ошибкахъ» нѣкоторыхъ членовъ строительной комиссіи или фирмы, взявшей на себя подрядъ,— это не важно. Какое изъ казенныхъ зданій не требуетъ ремонта еще до окончанія? Но, согласитесь, какъ знаменательно, что главный козырь въ игрѣ зодчихъ — золото, долженствовавшее искупать нищенство фантазіи и плана, оказалось фальшивымъ.

Таковъ варшавскій соборъ, — эта неудачная попытка руссифицировать чрезъ Христа и само Евангеліе обратить въ орудіе воинствующей государственности. Значеніе его, какъ вызова, подчеркивается мѣстомъ, которое для него выбрали: Саксонская площадь по многимъ историческимъ воспоминаніямъ дорога полякамъ. Не объ уврачеваніи ли старыхъ ранъ слѣдовало бы намъ заботиться больше, чѣмъ о созданіи новыхъ занозъ?

Русскіе старожилы безъ труда выяснятъ вамъ необходимость сооруженія, по крайней мѣрѣ, 4—5 православныхъ приходскихъ церквей въ разныхъ частяхъ большого раскинутаго города. На это доброе дѣло съ избыткомъ хватило бы тѣхъ бѣшеныхъ денегъ, въ которыя обошелся и обойдется соборъ. Но, конечно, для цѣлей демонстративныхъ скромныя приходскія церкви не годятся: онѣ были бы *только* мѣстомъ собранія вѣрующихъ, а вѣдь туземными юпитерами исключительно двигаетъ «тонкая и больше политическая причина», по выраженію гоголевскаго Аммоса Ѳедоровича.

Скажите же мнѣ теперь: да развѣ эта параллель между соборомъ и дѣятельностью русской администраціи въ краѣ искусственна? Развѣ цѣлыхъ семьдесятъ лѣтъ тутъ не пригнеталось все живое подъ видомъ служенія богу русской государствен-

ности, который варшавскимъ Аммосамъ Ѳедоровичамъ рисовался Молохомъ — пожирателемъ дѣтей, но не богомъ любви и свободы? Развѣ здѣшніе государственные строители сообразовались съ почвою, качествами матеріаловъ, руководились оригинальнымъ планомъ, а не стали, постыдно махнувъ рукою на культурныя и этнографическія особенности, возводить зданіе, которое одинаково годилось бы и для Калужской губерніи, и для Башкиріи, и для Бухары, т.-е., иначе говоря, вовсе никуда не годилось? Подъ сводами этого каземата живутъ лишь обида и равнодушіе къ Россіи; только офиціальныя лицемѣріе и близорукость не замѣчаютъ того. Такъ и чванный варшавскій соборъ вмѣститъ въ себѣ не богомольцевъ, а гг. чиновниковъ, «исполняющихъ обязанности», налагаемыя религіей. Смотришь на него и невольно ищешь на фронтонѣ двустишіе:

...чтобъ не потѣснить гуляющихъ господъ,
Пускать не велѣно сюда простой народъ.

«Привислинцы» (такъ окрестили своихъ чиновниковъ обыватели Царства Польскаго) сошлются вамъ на экономическій подъемъ края, на ростъ промышленности и скажутъ: «дѣло свидѣтельствуетъ за насъ». Подобныя увѣренія имѣютъ блескъ и цѣну не болѣе, чѣмъ фальшивое золото на главахъ собора. Если край и сталъ (лишь сравнительно) богатымъ, то потому только, что администраціи не удалось пока въ корнѣ задушить частный починъ въ области индустріи и сельскаго хозяйства. Препоны же въ этомъ направленіи ставились и ставятся весьма усердно. Загляните въ только что вышедшій «Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по губерніямъ Царства Польскаго» (Спб., 1905), — эту іеремиаду, подкрѣпленную цифрами, и одновременно неотразимый обвинительный актъ противъ администраціи. Да и когда благосостояніе матеріальное было синонимомъ духовнаго довольства націи, показателемъ пріобщенія ея къ извнѣ навязываемой государственной идеѣ и сигналомъ къ искреннему историческому сотрудничеству? Колоніи Англіи въ Америкѣ не были бѣдны, но это не помѣшало имъ четырнадцатилѣтнею

(1775—1789) тяжкою борьбою добиться самостоятельности, какъ только стало ясно, что англичане рѣшили проводить свою идею исключительно военными и полицейскими мѣрами. А вѣдь миссія британцевъ была куда легче нашей въ Царствѣ Польскомъ: съ колонистами ихъ объединяли и языкъ и, до извѣстной степени, религіозныя узы. На что ужъ былъ недалекъ Жеромъ Бонапартъ, заявившій: «Со штыками можно дѣлать все, что угодно, — нельзя только сидѣть на нихъ», но, очевидно, встрѣчаются еще болѣе недалекіе люди, доселѣ не уразумѣвшіе этой, иногда горькой, всегда спасительной истины...

Да! Соборъ навсегда останется лучшимъ памятникомъ — характеристикою послѣдней системы управленія краемъ. Но *можно ли оставить самую систему?*

Для посильнаго отвѣта на этотъ вопросъ мнѣ представлялось недостаточнымъ изучить литературу предмета; только о покойникахъ приходится судить по бумагамъ. Съ живыми слѣдуетъ знакомиться лично. Я поѣхалъ въ Варшаву, Лодзь, Холмъ. Встрѣчался и откровенно бесѣдовалъ съ людьми всѣхъ «племенъ, нарѣчій, состояній»: сановниками и рабочими, полицейскими и литераторами, учеными и врагами учености, съ нашими священниками, ксендзами, раввинами и ихъ паствами, съ банкирами и нищими. Я входилъ во дворцы и лачуги, церкви и участки, къ гонителямъ и гонимымъ. Я видѣлъ дѣла насилія сверху и отпоръ имъ снизу, баррикады и кровь... Какъ умѣлъ, пытался я заглянуть въ душу страдальца-народа, понять его горе, которое въ громадной части оказывается нашимъ собственнымъ горемъ, выяснить средства совмѣстнаго уврачеванія.

III.

Да, да, именно «совмѣстнаго», потому что безъ коренного и правильнаго разрѣшенія польскаго вопроса немыслимо процвѣтаніе Россіи въ тѣсномъ смыслѣ слова. Мы заинтересованы въ этомъ не менѣе, чѣмъ сама Польша, а, можетъ-быть, и

больше, поскольку вообще благополучіе цѣлаго важнѣе, нежели частей.

Измѣненіе режима въ Привислиньѣ, издавна говорятъ поляки, принесетъ не только мѣстную пользу, но и всему государству. Эту мысль они доказываютъ такъ: «Царство Польское обратилось въ высшую практическую школу бюрократіи. Здѣсь чиновникъ особенно сильно пропитывается убѣжденіемъ, что народъ созданъ для правителей, а не обратно. Разъ навсегда усвоивъ себѣ тутъ полицейскую точку зрѣнія на гражданъ, какъ на злоумышленниковъ, вольнолюбивые порывы которыхъ неуклонно слѣдуетъ «предупреждать и пресѣкать», или въ лучшемъ случаѣ, какъ на дѣтей, нуждающихся въ мелочной опекѣ, привислинскіе администраторы не разстаются съ этими пріемами и въ дальнѣйшей своей карьерѣ. «Во глубинѣ Россіи» они потомъ такъ же склонны заподозрѣвать сепаратистскую интригу, какъ и на окраинѣ. Маньяки произвола, они несутъ его съ Вислы на берега Яузы, Невы и Волги... Не одинъ Плеве пожаловалъ въ Петербургъ непосредственно изъ Варшавы. Если Россіи достаточно набили оскомину кислые плоды бюрократіи, то прямой ея расчетъ, чтобы разсадникъ этихъ прелестей въ Польшѣ былъ, наконецъ, закрытъ!»

Отчасти невѣрнымъ, отчасти слабымъ представляется намъ такое разсужденіе. Во-первыхъ, далеко не всегда наши администраторы «воспитывались» въ Привислинскомъ, вѣрнѣе — *на* Привислинскомъ краѣ. Зачастую изъ внутреннихъ губерній туда посылались такіе «доктора бюрократизма», предъ которыми герои варшавскаго удѣла казались мальчишками и щенками. Во-вторыхъ, и это главное, грозно близится время, когда бюрократія будетъ поставлена въ приличествующія ей рамки чисто исполнительной дѣятельности. Администратору придется стать слугою и оберегателемъ закона, забывъ теперешній девизъ «захочу — полюблю, захочу — погублю»... Однимъ запретомъ на такое хотѣнье развѣ будетъ разрѣшенъ польскій вопросъ? Ничуть! Смягчится только острота его, какъ выглядывала бы менѣе отталкивающе старая рана, съ которой мы смыли запек-

шійся гной, но самая рана еще не зарубцевалась бы отъ этого...

Болѣе обоснованнымъ кажется намъ мнѣніе другихъ польскихъ публицистовъ, которые усматриваютъ причинную связь между усиленіемъ административнаго гнета въ Царствѣ Польскомъ и торжествомъ реакціи въ Россіи. Не изъ петербургскихъ канцелярій, заявляютъ они, вѣетъ холодомъ на всю страну, слѣдовательно и на польскую окраину, а, наоборотъ, снѣговое облачко въ Варшавѣ разрастается затѣмъ въ грозный буранъ надо всѣмъ государствомъ. Когда политика Николая I окончательно кристаллизовалась въ рскимъ международнаго легитимизма, добровольной полицейской охраны внѣ Россіи, и оскопленія всякаго духа живого внутри? Немедленно *послѣ 1831 года*, послѣ воцаренія въ Варшавѣ Паскевича, потому что недовѣріе къ либеральнымъ началамъ польской конституціи 1815 года императоръ перенесъ на общественныя силы всей не-мундирной Россіи. Онъ предпочиталъ, чтобы лелѣянную для него идею самодержавія узурпировали «сорокъ тысячъ столоначальниковъ», нежели допустить хотя пробѣлъ гражданской самодѣятельности, за которую, по его мнѣнію, прятался фригійская шапка. Польшу пришлось заковать въ цѣпи и, какъ слѣдствіе мѣстной репрессіи, вызвавшей общую свободобоязнь, не менѣе тяжкія цѣпи проносили еще цѣлыхъ 30 лѣтъ русскіе крестьяне, хотя необходимость освобожденія ихъ была ясна Николаю I. Когда наблюдается роковой переломъ въ политикѣ Александра II, обратившій задуманныя великія начинанія въ тѣ «полуреформы», недоконченностью которыхъ болѣетъ Россія особенно въ наши дни? Съ какихъ поръ поступательное движеніе страны свелось къ формулѣ «шагъ впередъ, два назадъ», и русскій ренессансъ, чуть не вдругъ, какъ послѣ «чистой перемѣны» въ балетѣ, уступилъ чередъ сумеркамъ духа, чеховскимъ нуднымъ людишкамъ, жертвамъ безволья и рефлекса? *Послѣ 1863 года.* Не будемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе причинъ, почему не удался широко задуманный, либеральный въ лучшемъ смыслѣ этого слова, планъ маркиза А. Велепольскаго; достаточно, что

эта неудача заставила насторожиться все прекраснодушіе Александра II, а возстаніе и возможность вмѣшательства западно-европейскихъ державъ, раздувъ шовинизмъ, сплотили отдѣльные націоналистическіе голоса въ дружный реакціонный хоръ. Едва выяснилось, что свобода какъ все живое, рождается не безъ боли, то бросились въ поиски средствъ, могущихъ прекратить созрѣваніе плода. Польшу рѣшили муштровать, а для Россіи пришла пора застоя и калѣченія первыхъ смѣлыхъ замысловъ до калибра, въ лучшемъ случаѣ, маниловщины... Только теперь, въ страшныхъ мукахъ, Россія близится къ конституціонной эрѣ, которая, безъ событій 63-го года и вызванныхъ ими репрессій, наступила бы еще 40 лѣтъ тому назадъ.

«Недовольство режимомъ, установленнымъ для поляковъ, вызываетъ попытки насильственнаго его сверженія и, какъ противодѣйствіе, частную, а затѣмъ общегосударственную реакцію: если желательно избѣжать послѣдней, нужно устранить первопричину всего, т.-е. ввести режимъ, съ которымъ бы помирилось Царство Польское».

Таковъ сложный польскій силлогизмъ, обѣщающій обоюдную пользу отъ выгоды для одной изъ народностей и грозящій бѣдою обѣимъ, когда попраны интересы слабѣйшей.

Признаемъ мы его правильнымъ или нѣтъ, но практическія послѣдствія его, какъ и указаній на вредъ привислинской «школы бюрократіи», диктуются дальше утилитарными соображеніями. Поляки какъ будто говорятъ намъ: «Вы хотите пользы для Россіи? Облегчите же участь Польши! Первое, по такимъ-то и такимъ-то причинамъ, немыслимо безъ второго».

Что и толковать, здоровая политика зиждется лишь на реальныхъ основахъ, но храни насъ Богъ цѣликомъ сводить ихъ къ принципамъ утилитаризма. Онъ слишкомъ дружитъ съ себялюбіемъ, слишкомъ лицепріятный судья, чтобы имъ однимъ опредѣлялись нормы государственнаго пониманія добра и зла. Его почтеннымъ флагомъ слишкомъ легко прикрыть въ политикѣ контрабандный грузъ исключительно-націоналистическихъ воззрѣній, а отсюда ужъ совсѣмъ рукой подать до преобладанія

аппетитовъ классовыхъ или отдѣльныхъ личностей. Понятіе о пользѣ невозможно всегда построить на началахъ нравственности. Опасно жить мечтами распаленной фантазіи, не считаясь съ законами суровой дѣйствительности. Исторія жестоко расправляется съ народами-донъ-кихотами, но еще меньше оставляетъ отъ дѣлъ націй, идущихъ по стопамъ Санхо-Панча, практика и утилитариста par excellence.

Мы исповѣдуемъ, что недальновидна и недолговѣчна всякая иная политика, кромѣ той, которая умѣетъ сочетать принципъ нравственности съ задачами разумно понятой государственной пользы. Политика безъ идеальныхъ элементовъ влечетъ народъ къ разложенію; безъ реальныхъ — дастъ слѣдствія не лучшія, чѣмъ борьба рыцаря печальнаго образа съ вѣтряными мельницами.

Нужно ли распространяться о *пользѣ*, вытекающей для насъ изъ правильнаго разрѣшенія польскаго вопроса? Что лучше: имѣть десять милліоновъ искреннихъ друзей и помощниковъ или столько же недоброжелателей, прикрывающихся личиной равнодушія, ибо искреннее выраженіе волнующихъ ихъ чувствъ повлекло бы за собою строгое возмездіе? Что пріятнѣе: обладать прочнымъ миромъ внутри, позволяющимъ объединить всѣ силы страны для общей культурной работы, или постоянно ждать осложненій и на окраинѣ и затѣмъ внутри, такъ какъ, по прекрасному выраженію В. А. Елагина, всѣ элементы безпорядка, какіе существуютъ въ Россіи, находятъ свою опору и пищу въ польскомъ элементѣ, — сжатомъ и выбивающемся, какъ газъ изъ закупореннаго сосуда?

Неотложность реформы въ Привислиньѣ, коренной, которая вовсе положила бы конецъ самому польскому вопросу и начала бы новую эру существованія двухъ братскихъ націй, мы хотимъ вывести не изъ соображеній полезности, а прежде всего изъ немолчныхъ позывовъ русской народной совѣсти. Главнымъ образомъ, *нравственныя побужденія* требуютъ для Польши новаго «19 февраля», какъ въ свое время и старое для крестьянской Россіи было обусловлено ими же.

Императоръ Александръ III, желая охарактеризовать благодушное безкорыстіе національной внѣшней политики, какъ-то выразился, что русскому флагу приличествовалъ бы девизъ: «Гдѣ наше не пропадало!», а И. С. Аксаковъ рьяно доказывалъ въ «Днѣ», что «всякое уклоненіе нашей политики отъ началъ нравственныхъ намъ удается плохо и возбуждаетъ сильный протестъ нашей собственной, общественной исторической совѣсти». Оба эти мнѣнія кажутся мнѣ слишкомъ лестными: и чужое пропадало за нами гораздо чаще, чѣмъ «наше» за другими, и разрывъ со всякою нравственностью (не то, что скромныя «уклоненія» отъ нея) вызывали не бурю гражданскаго негодованія, а еле слышные голоса отдѣльныхъ страстотерпцевъ. Такіе злаки, какъ протесты, не прививаются на отечественной нивѣ.

Гораздо отраднѣе и ближе къ истинѣ будетъ отмѣтить, что народъ нашъ не обуянъ нетерпимостью и частичныя вспышки ея можно вызвать только искусственнымъ путемъ. Въ какой мѣрѣ такая терпимость является спутникомъ старой нашей дряблости, пассивности, и въ какой — сознательнымъ плодомъ общаго міропониманія, не важно: она налицо, и за то уже хвала небесамъ! Эта драгоцѣнная черта національнаго характера нуждается въ самомъ тщательномъ, любовномъ уходѣ.

Она-то всего громче, всего настоятельнѣе, болѣе побѣдно, чѣмъ расчеты собственной пользы, требуетъ рѣшенія польскаго вопроса въ ея духѣ, т.-е. духѣ широкой терпимости. Таково *нравственное обоснованіе* русско-польской проблемы; передъ нимъ стушевываются всякія утилитарныя соображенія, не отдѣлимыя отъ мотивовъ эгоистическихъ. Болѣе того: какія бы выгоды ни сулила всякая иная развязка, но если бы мы стали на другую почву, кромѣ естественной широкой терпимости, то народной душѣ была бы нанесена зіяющая рана и нравственная мощь націи — корень и щитъ государственности — быстро пошла бы на убыль.

Пусть такъ! скажетъ читатель. Согласимся, что велѣнія нравственности не допускаютъ сдать въ архивъ нашу старинную тяжбу. Но, право, мы успѣемъ и потомъ вынести новый,

болѣе справедливый, приговоръ... Сейчасъ, когда Россія, на порогѣ новой жизни, трепетно ждетъ, чтобъ открылись завѣтныя двери Государственной Думы, умѣстно ли подымать польскій вопросъ? Развѣ онъ вступилъ въ новый фазисъ и вдобавокъ настолько острый, что медлить больше нельзя?

На это приходится твердо и положительно отвѣтить: онъ, помимо несомнѣннаго вступленія въ новый фазисъ, настолько неотдѣлимъ отъ русскаго освободительнаго движенія вообще, что послѣднее можетъ направиться совсѣмъ не по настоящей дорогѣ, можетъ упереться въ тупикъ логическихъ противорѣчій, если теперь же, сразу, не будетъ предрѣшена участь Польши при томъ строѣ, который обѣщанъ намъ манифестомъ 17 октября.

Такое предрѣшеніе нужно не какъ пріемъ тактики, не потому, что увеличитъ ряды борцовъ русской прогрессивной партіи силами мыслящей и дѣйствующей Польши, не потому даже, что немедленно закрѣпитъ за собою сочувствіе и поддержку инородческихъ элементовъ вообще. Нѣтъ! Принципіальное выясненіе взглядовъ молодой Россіи на польскій вопросъ необходимо немедленно же, какъ мѣрило глубины нашей политической мысли, какъ показатель ея зрѣлости: чтобы получить право на строительство, особливо государственное, нужно сперва умѣть начертать руководящій планъ, и мы требуемъ предъявленія его отъ юныхъ зодчихъ, которымъ ввѣряется ремонтъ обветшалаго русскаго дома.

Только близорукій человѣкъ рѣшится утверждать, что русско-польскія отношенія не измѣнились существеннымъ образомъ за послѣднее время. Уличныя манифестаціи самыхъ внушительныхъ размѣровъ и непрекращающіяся убійства полицейскихъ агентовъ свидѣтельствуютъ не объ одной только слабости власти, растерявшейся и утратившей всякій кредитъ послѣ катастрофъ на Дальнемъ Востокѣ. Съ другой стороны, безпорядки и кровавыя расправы представляютъ лишь случайную форму выраженія волнующихъ толпу чувствъ, самую грубую и отталкивающую, зато, правда, характерную. Если бъ обаяніе, вѣр-

нѣе угроза, силы даже не было подорвано постоянными военными пораженіями, то ни болѣзненность, ни опасность процесса, точащаго Россію и ея западную окраину, отъ этого не уменьшились бы: самый недугъ творилъ бы, пожалуй, свою разрушительную работу болѣе скрытно, но тѣмъ затруднительнѣе было бы справиться съ нимъ впослѣдствіи. Еще 45 лѣтъ тому назадъ одинъ публицистъ пророчески сказалъ, что «насильственное соединеніе Польши съ Россіей — это значитъ принять Польшу внутрь, *отравиться* Польшею во всѣхъ отношеніяхъ». Надъ этимъ предостереженіемъ посмѣялись, и вотъ результаты... Они-то во всякомъ случаѣ не вызываютъ смѣха.

Новыми и должно признать: ту насыщенность хроническаго отравленія Россіи Польшею, при которой необходимо немедленное противоядіе, ту остроту кризиса собственно въ Польшѣ, который, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ назрѣвъ особенно быстро, теперь настойчиво зоветъ цѣлителей.

Вотъ почему обнародованіе всѣхъ русско-польскихъ клиническихъ матеріаловъ не терпитъ отлагательства.

IV.

Начинать приходится съ покаянія.

Вообразите себѣ брата, сосѣда, даже врага (а тремя этими понятіями опредѣляются всѣ возможныя отношенія русскихъ къ полякамъ), который представляется для васъ, какъ это ни странно, полной загадкою. Вы не знаете ни степени его духовныхъ и матеріальныхъ силъ, ни затаенныхъ желаній, ни характера, ни привычекъ. Естественно ли это? Тепла ли любовь, серьезна ли вражда, полезно ли сосѣдство, основываемыя на взаимномъ невѣдѣніи?

А между тѣмъ это уродство существуетъ: и мы и поляки одинаково повинны въ тяжкомъ грѣхѣ невѣдѣнія другъ друга. Польскія королевны выходили за нашихъ удѣльныхъ князей, кіевскіе властители подавали и брали помощь отъ поляковъ, мы

овладѣвали Варшавою, какъ поляки Москвою, цѣловали крестъ Владиславу и сажали королей въ старый замокъ надъ Вислою, пролили моря крови въ бояхъ и за и противъ другъ друга и совершенно не знаемъ ни исторіи, ни литературы, ни идеаловъ, ни даже быта людей, съ которыми скоро ужъ сто лѣтъ имѣемъ общую родину.

Созидать сообща домъ для совмѣстной жизни — и даже не познакомиться съ товарищемъ по работѣ! Воля ваша — такой нелѣпицы не оправдаешь классическою ссылкой на то, что мы искони «лѣнивы и нелюбопытны».

За Александровомъ и Вержболовомъ мы чувствуемъ себя больше дома, нежели въ Варшавѣ. Съ легкой обмолвки гордаго въ своемъ смиреніи Достоевскаго, не въ шутку мня себя «всечеловѣками», мы сочувствуемъ законному кличу венгерцевъ: «прочь отъ Австріи!» или искренне трогаемся бѣдами обездоленныхъ ирландцевъ, но до сихъ поръ не успѣли замѣтить: нѣтъ ли кое-чего «венгерскаго» и очень много «ирландскаго» въ русско-польскихъ отношеніяхъ?

До извѣстной степени еще понятно, что поляки не знаютъ и отчасти не хотятъ знать насъ: въ десяти губерніяхъ Царства Польскаго живетъ и «дѣйствуетъ» ad majorem civitatis gloriam 40.000 русскихъ чиновниковъ. Сказать правду, совершенно достаточно, чтобъ отбить всякую охоту къ знакомству съ русскимъ обществомъ, которое поляки до самаго послѣдняго времени наивно отождествляли съ бюрократическимъ элементомъ.

— Чему жъ удивляться?—сказалъ мнѣ одинъ изъ тонкихъ наблюдателей польской жизни, крупный писатель, читаемый и въ Россіи, когда я упрекнулъ его соотечественниковъ въ равнодушіи ко всему русскому. — Вѣдь здѣшніе чиновники не свалились къ намъ съ Марса... Они — плоть отъ плоти русскаго общества; по части мы судили о цѣломъ... Едва не надняхъ мы впервые встрѣтились съ вашимъ не-служилымъ людомъ. Мы слышали земцевъ, адвокатовъ, литераторовъ и начинаемъ понимать, какъ неправильно было огульное осужденіе всего «москальскаго». Но возвращаю упрекъ: гдѣ же были

вы, представители русскаго общества? Какой злой духъ мѣшалъ *вамъ* наблюдать насъ и знакомить насъ съ собою?

Какой — не берусь судить, но что помѣшалъ и очень основательно — это несомнѣнно.

Поработали ли наши ученые надъ польской исторіей, безъ знанія которой положительно невозможно понять и русскую, — такъ тѣсно сплетены вмѣстѣ русскія и польскія нити въ полотнѣ общаго историческаго процесса? Монографіи Костомарова, Соловьева, Любовича, Антоновича, Мякотина содержательны, дѣльны, но... онѣ — монографіи, т.-е. отдѣльныя звенья цѣпи, которая еще не выкована, этюды къ большой картинѣ, которая пока не нарисована. Генеральнаго же обзора, анализа интереснѣйшихъ явленій польскаго прошлаго, вдохновеннаго синтеза культуры родственнаго намъ народа еще никто не сдѣлалъ. Спеціальный курсъ польской исторіи не обязателенъ даже на соотвѣтствующихъ отдѣленіяхъ нашихъ филологическихъ факультетовъ, да далеко и не каждый годъ читается. О гимназическомъ ея преподаваніи даже говорить не хочется. Невѣжественные, отравленные хамскою тенденціей учебники гг. Иловайскихъ и прочихъ монополистовъ-«просвѣтителей» излагаютъ исторію Польши лишь эпизодически, въ связи съ русскою, изображая поляковъ въ лучшемъ случаѣ мелодраматическими злодѣями, а то и проще — «безмозглыми» людьми, которые, по благодушію Россіи, «бунтовали» противъ нея еще чуть ли не со временъ Пяста; всякому благодушію, даже добрѣйшаго изъ начальства, приходитъ конецъ. Онъ наступилъ, и христолюбивое россійское воинство, — эйнъ, цвей и дрэй, — привело злокозненныхъ пановъ къ порядку. Порокъ справедливо наказанъ, а если схема «упрощена» до абсурда, то ей нельзя отказать въ главномъ, для чего пишутся всѣ наши гимназическіе учебники: ни въ «па-а-а-атріотизмѣ», ни въ народности.

Она патріотична, потому что въ розовомъ цвѣтѣ рисуетъ все мягкосердечіе Россіи, столь долго щадившей крамольниковъ, и въ черномъ — всю закоренѣлость неблагодарныхъ поляковъ, только теперь, «подъ опекою благодѣтельной власти», нашедъ

шихъ истинное счастье; она народна, такъ какъ очень близко подходитъ къ черноземному, — если можно такъ выразиться, — толкованію народомъ всѣхъ событій внѣшней политики. «Почему война съ Японіей?» — «Бунтуетъ ёнъ, апонецъ!»

Ну, а что за бунтъ полагается, — это вполнѣ извѣстно всякому, даже младенцу, различающему правую руку отъ лѣвой, соску отъ нагайки. Итакъ, поляки получили лишь должное.

Увы! Я не шаржирую. Таковы именно въ цѣломъ уроки исторической «мудрости», выносимые нашимъ юношествомъ изъ гимназій. Вспомните, что, за рѣдчайшимъ исключеніемъ (сколько у насъ студентовъ-филологовъ?), эти молодые люди ужъ никогда не станутъ систематически заниматься исторіей, а вѣдь изъ нихъ, изъ этой будущей Россіи, вербуются кадры сатраповъ и помпадуровъ для Царства Польскаго.

Съ такимъ знаніемъ прошлаго того народа, среди котораго суждено имъ дѣйствовать, разберутся ли они въ его настоящемъ, не будутъ ли навсегда отдѣлены отъ него бездонною пропастью, на одномъ краю которой стоитъ произволъ, опирающійся на собственное невѣжество, на другомъ — ненависть, сдерживаемая силой?

Но не одна исторія учитъ жизни.

Обратимся къ литературѣ и публицистикѣ. Первая больше молчала о полякахъ, другая говорила много и, пожалуй, было бы лучше, если бъ она иной разъ помолчала.

Нечего удивляться, что ни у одного изъ нашихъ корифеевъ вы не встрѣтите поляка, какъ центральной фигуры: на то они и были *русскими* литераторами, чувствовавшими свою силу, какъ Антей, лишь при соприкосновеніи съ землею, въ данномъ случаѣ Россіей. Но, и какъ второстепенные персонажи, поляки обрисовываются здѣсь грубыми мазками; вспомните картонныхъ шляхтичей «Тараса Бульбы» или хотя бы Мнишковъ и патера Черниковскаго «Бориса Годунова». Дочь жаждетъ власти и блеска, отецъ — денегъ и титуловъ, духовная особа совсѣмъ ужъ ходульна. Но что же тутъ спеціально польскаго? Харак-

терно, что такой провидецъ-психологъ, какъ Достоевскій, и тотъ не поднялся выше балаганнаго комизма въ вводныхъ фигурахъ двухъ польскихъ пановъ-шулеровъ («Братья Карамазовы»). Кстати: ужъ не считали ли вообще наши художники ловкое передергиваніе картъ типичной польской особенностью? Вѣдь Кречинскій тоже полякъ, и, подражая В. В. Самойлову, многіе актеры и донынѣ ведутъ эту роль съ сильнымъ польскимъ акцентомъ.

Вы видите, какъ все это ничтожно, недостойно имени великихъ мастеровъ. Однако если они погрѣшали, то какъ-то мимоходомъ и, конечно, безъ злого умысла. Художественный тактъ опускался здѣсь до банальности, но никогда не падалъ до завѣдомаго искаженія дѣйствительности.

Чего ужъ ждать намъ на задворкахъ литературы? Въ историческихъ и бытовыхъ романахъ Вс. Крестовскаго, Клюшникова, Вс. Соловьева и др. маріонетчиковъ поляки сплошь и рядомъ выступаютъ на первый планъ, и авторовъ ни въ коемъ случаѣ не обвинишь въ *безсознательныхъ* погрѣшностяхъ противъ истины: эти безчисленныя произведенія окрашены самою яркою тенденціей, которую писатели вовсе не скрываютъ. Наоборотъ: ею какъ бы гордятся «сочинители» этого типа, видя свой долгъ въ «раскрытіи глазъ» слѣпотствующей публикѣ.

Компанія персонажей, трафаретно рисуемыхъ этими бытописателями Польши, подобрана «невелыка, але честна», выражаясь словами извѣстнаго малороссійскаго анекдота.

Старый панъ, интриганъ «въ злодѣйствахъ посѣдѣлый», угнетатель крестьянъ, которыхъ онъ называетъ не иначе, какъ «быдло» (скотъ); молодой панъ, «довудца» (вождь) повстанческой шайки, куда его адъютантомъ непремѣнно поступаетъ какая-нибудь романическая россійская дѣвица,—жертва ужасной «польской справы»; практичная польская дѣвица, жертвующая честью для уловленія въ сѣти россійскаго Олоѳерна въ должности IV класса; ксёндзъ или іезуитъ, форменное исчадье ада, фанатикъ, только и мечтающій о совершеніи ужасовъ, отъ которыхъ бы

...упокойники въ гробахъ перевернулись...

Не забудемъ еще «девотокъ», трактуемыхъ, какъ послушныя орудія козней ксендзовъ и ихъ любовницы. Эта грубая стряпня подается съ соусомъ, претендующимъ на нѣкоторый „couleur locale“: старики пьютъ добрый «венгжинъ», молодежь танцуетъ залихватскую мазурку, въ костелахъ поютъ «Еше Польска не згинѣла»...

Вотъ по какому рецепту (Ксавье де-Монтепэнъ пополамъ съ Грингмутомъ) готовились и готовятся десятки романовъ, знакомящіе средняго русскаго читателя съ Польшею!

Переводы съ польскаго немногочисленны (Сенкевичъ, Пруссъ, Ожешко) и, за исключеніемъ «Русской Мысли», появляются въ журналахъ лишь случайно.

Не въ священной ли силѣ и до нашихъ дней остается старое проклятіе Хомякова:

Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменникамъ раздоръ
И перешедшей въ поколѣнья
Вражды безсмысленной позоръ!

V.

Но если подлый ядъ человѣконенавистничества до извѣстной степени обезвреживается въ беллетристикѣ антихудожественностью самыхъ образовъ, то въ области публицистической онъ тѣмъ свирѣпѣе заразилъ почти всѣхъ. Приготовленіе спасительной вакцины тутъ еще необходимѣе.

Н. М. Карамзинъ далъ первую по времени публицистическую отповѣдь на русско-польскія темы, и въ ней сразу звучитъ лейтъ-мотивъ вражды, который такъ великолѣпно разработаетъ, 44 года спустя, «трибунъ Страстного бульвара». Въ своемъ извѣстномъ письмѣ (отъ 7 октября 1819 года) къ Александру I историкъ объясняетъ самое намѣреніе государя возстановить Польшу единственно христіанскимъ побужденіемъ: Александръ хочетъ благотворить *врагу*, ибо «никогда поляки не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками». Какъ

далекъ этотъ важный совѣтникъ царей, офиціально признаваемая Кассандра, отъ прежняго друга свободы, сантиментальнаго «русскаго путешественника».

И Пушкинъ прошелъ такой же печальный путь забвенія собственныхъ идеаловъ; онъ, сначала видѣвшій свою заслугу въ томъ, что «вслѣдъ Радищеву воспѣлъ свободу», по пунктамъ затѣмъ пытается опровергать Радищева и уврачевать горе гражданина благонамѣренными совѣтами камеръ-юнкера. «Кому вѣнецъ: мечу иль крику?» спрашиваетъ поэтъ въ «Бородинской годовщинѣ», — отзвукѣ на польское возстаніе 1831 года, и отвѣчаетъ: силѣ, вмѣсто того, чтобы сказать: справедливости. Пушкинъ одно время былъ близокъ съ Мицкевичемъ, но, очевидно, плохо понималъ и его и сущность польскаго вопроса, когда изображалъ потомъ дѣятельность великаго эмигранта, какъ «угодничество дикой черни». Или славянскіе ручьи должны слиться въ русскомъ морѣ, или оно изсякнетъ, — Пушкинъ не признавалъ другихъ рѣшеній стараго спора между «вѣрнымъ Россомъ» и «кичливымъ Ляхомъ» («Клеветникамъ Россіи»). Общій гуманитарный строй пушкинской лиры удержалъ поэта отъ дальнѣйшихъ шаговъ по наклонной плоскости узкаго націонализма, но и пророненнаго было достаточно, чтобы оба величайшіе пѣвцы славянства уподобились, по образному сравненію Мицкевича, двумъ родственнымъ альпійскимъ вершинамъ: «навѣки ихъ раздѣлила струя потока и едва слышатъ онѣ шумъ врага („Pomnik Piotra Wielkiego“).

Правда, что воззрѣнія Пушкина и Жуковскаго, которому розовая водица его поэзіи тоже не помѣшала отрыгнуться ядовитою слюною на событія 1831 года, встрѣтили немедленно жестокій судъ современниковъ. Личный другъ и поклонникъ обоихъ поэтовъ, кн. П. А. Вяземскій, пишетъ: «Пушкинъ въ стихахъ своихъ «Клеветникамъ Россіи» кажетъ имъ (т.-е. полякамъ) шишъ изъ кармана... Нѣтъ ни одного листка „Journal des Débats“, гдѣ не было бы статьи, написанной съ большимъ жаромъ и большимъ краснорѣчіемъ, нежели стихи Пушкина въ «Бородинской годовщинѣ»... Смѣшно, когда Пушкинъ

хвастается, что «мы не сожжемъ Варшавы ихъ». И вѣстимо, потому что послѣ намъ пришлось же бы застроить ее» (Полное собр. сочин. кн. П. А. Вяземскаго, т. IX, стр. 158, СПБ., 1884). Однако ни эта критика, ни еще болѣе суровая — потомковъ (А. Н. Пыпинъ, «Польскій вопросъ въ русской литературѣ», «Вѣстн. Европы», 1880, книги 2, 4, 5, 10 и 11), не воспрепятствовали тому, чтобы «Клеветникамъ Россіи» попало въ хрестоматіи; наша средняя школа усидчиво изучала и комментировала это злополучное стихотвореніе. Въ пору отрочества, когда на вѣру пріемлется большинство элементовъ будущаго міросозерцанія, юнымъ душамъ усердно прививались ростки шовинизма и племенной нетерпимости. Плоды — мы видимъ.

Очень характерно, что самъ Вяземскій, этотъ просвѣщенный европеецъ, котораго, какъ видно, не могла ослѣпить шумиха «патріотическихъ» фразъ, слѣдующимъ образомъ рѣшаетъ польскій вопросъ: «при первой войнѣ, при первомъ движеніи въ Россіи, Польша возстанетъ на насъ, или должно будетъ имѣть русскаго часового при каждомъ полкѣ. Есть одно средство: бросить Царство Польское, какъ даемъ мы отпускную неголяю, котораго ни держать у себя не можемъ, ни поставить въ рекруты. Пускай выиграетъ себѣ родъ жизни... Какая выгода Россіи быть внутреннею стражею Польши? Гораздо легче при случаѣ имѣть ее явнымъ врагомъ» (стр. 156). Лучшіе люди тридцатыхъ годовъ смотрѣли на Польшу, какъ на крѣпостного холопа Россіи, а освободительныя ея стремленія считали «негодяйствомъ»!

Въ разсматриваемый періодъ у насъ публицистики, въ настоящемъ значеніи этого слова, собственно еще не было; ея зачатки поэтому и приходится искать то въ стихахъ, то въ мемуарахъ, то въ частной перепискѣ. Только одна газета «Сѣверная Пчела» Булгарина и Греча имѣла какой «политическій» отдѣлъ, прежде всего и прямо инспирируемый и (негласно) знаменитымъ Третьимъ Отдѣленіемъ. Общественное мнѣніе, которое не организовано, какъ слѣдуетъ и какъ, училось тогда де-

петать, хоронясь отъ общества въ московскихъ салонахъ сороковыхъ годовъ. Возникшіе здѣсь споры славянофиловъ и западниковъ вносятъ нѣчто новое въ пониманіе русско-польской задачи.

Когда представители чисто-апріорной мысли встрѣчаются съ опровергающими ее фактами живой жизни, то положеніе ихъ становится трагическимъ: приходится или отказаться отъ излюбленнаго умозрѣнія, столь прельщающаго своей стройностью, или во что бы то ни стало уложить на прокрустово ложе теоріи — самоё дѣйствительность, т.-е. искалѣчить ее. Такимъ калѣченіемъ и закрываніемъ глазъ на рядъ вопіющихъ несообразностей, для мнимаго торжества логической формулы, особенно принуждены были заняться славянофилы. Въ самомъ дѣлѣ: ихъ кропотливое построеніе, краеугольнымъ камнемъ котораго была мысль о полной несовмѣстимости началъ славянскаго и католическаго, рушилось, какъ карточный домикъ, отъ того простого факта, что славянская Польша была и остается католическою. «Польша, это — острый клинъ, вогнанный латинствомъ въ самую сердцевину славянскаго міра съ цѣлью расколоть его въ щепы», горько жаловался Ю. Ѳ. Самаринъ («Сочиненія», т. I, М., 1877, «Современный объемъ польскаго вопроса»), не замѣчая, что «клинъ» раскололъ не славянство, а лишь ложное о немъ представленіе славянофиловъ, — обычная непріятность, которую терпятъ всѣ фанатики теоретизма, спускаясь съ заоблачныхъ высей на реальную почву. Поляки, а съ ними, добавимъ, чехи, мораване, словаки, лужицкіе сербы, хорваты, словинцы (о которыхъ въ данномъ случаѣ умышленно забывали славянофилы) наглядно показываютъ, что можно остаться славянами, будучи католиками; признать естественность и историческую законность такой совмѣстимости значило бы для Самарина и его единомышленниковъ собственными руками вырыть себѣ могилу. Православіе хотя бы и большей части славянства становилось тогда не болѣе провиденціальнымъ, чѣмъ католичество меньшей, и уже нельзя было толковать о грядущемъ сокрушеніи односторонней западной

культуры великимъ *славянскимъ* духомъ, «воспитаннымъ подъ руководствомъ св. отцовъ восточной Церкви». Славянскій духъ въ лучшемъ случаѣ сводился ужъ только къ великорусскому, а младшіе славянофилы, въ лицѣ А. Григорьева, готовы были возлагать свои надежды и на «замоскворѣцкій». Что оставалось дѣлать старшимъ, горделивое сомомнѣніе которыхъ было такъ упорно? Они, пытаясь обтесать Польшу по мѣркѣ своего прокрустова ложа, сочли ее, за католицизмъ, *измѣнницею* славянскому дѣлу. Стоитъ ли этотъ взглядъ опроверженія? Чтобы измѣнить, сперва надо обязаться блюсти вѣрность. А когда и кому обязывались западные славяне принять православіе?

Ложность основной точки зрѣнія славянофиловъ повлекла за собою спутанность и шаткость всѣхъ ихъ взглядовъ на польскій вопросъ; при ближайшемъ ознакомленіи вы иногда уже готовы привѣтствовать здоровыя посылки того или другого отдѣльнаго представителя школы, какъ вдругъ онъ огорошиваетъ васъ нежданнымъ выводомъ, дикость котораго удвоивается, когда мы вспомнимъ, что этими людьми двигаетъ *любовь* къ славянству. Изъ послѣдняго мыслимо ли исключать поляковъ?

Должно замѣтить, что въ такой же логическій тупикъ, какъ славянофилы, попали и родственные имъ по нетерпимости польскіе ультра-націоналисты, не могшіе въ рамки своей теоріи упрятать государственность Россіи. На обвиненіе въ «измѣнѣ» они отвѣтили, устами Духинскаго, что великороссы отнюдь не славяне, а туранцы, самовольно и неправильно присвоившіе своему государству имя Россіи. Такое же обвиненіе въ проживательствѣ по чужому паспорту обратно перебросилъ полякамъ М. П. Погодинъ: «Я давно уже, — пишетъ онъ, — увѣрился въ западномъ, кельтическомъ или романскомъ, происхожденіи шляхты» («Польскій вопросъ», М., 1867). Вотъ какими абсурдами пытались купить побѣду кабинетнымъ измышленіямъ надъ мощными свидѣтельствами жизни!

«Измѣнница» обще-племеннымъ началамъ, Польша довольно сурово третировалась славянофилами; если же надъ послѣдними *бралъ* верхъ голосъ естественной любви къ крупнѣйшей, послѣ

русской, вѣтви славянства, то несчастные идеологи впадали въ глубочайшее противорѣчіе самимъ себѣ.

Самаринъ, за словомъ «Польша» видѣвшій три отдѣльныхъ понятія: народность, государственность и особое просвѣтительное начало — полонизмъ, полагалъ, что задача можетъ быть рѣшена лишь однимъ изъ двухъ путей: или должно удержать Польшу за собою мѣрами «твердой власти», до военной диктатуры включительно, или же возвратить ей полную независимость, ничего уже не гарантируя и простирая политическое равнодушіе къ новому сосѣду до предѣловъ возможнаго. Tertium non datur: никакія промежуточныя формы, въ родѣ династической уніи или автономіи, не пріемлемы, ибо «осуждены опытомъ».

Погодинъ «въ 1854 году предлагалъ совершенное отдѣленіе Польши отъ Россіи и возвращеніе политической самобытности въ предѣлахъ польскаго языка; въ 1856 году желалъ ей полной автономіи», а въ 1863 году говорилъ: «изъ западныхъ русскихъ губерній должны быть выжиты поляки, во что бы то ни стало, выкурены, высланы, выпровождены по казенной надобности»...

Сильно ополчается на предложеніе объ отправкѣ цѣлой націи «по казенной надобности» А. Ѳ. Гильфердингъ, несомнѣнный единомышленникъ Погодина,—настолько сбивчивы взгляды славянофиловъ на поляковъ. Гильфердингъ боится, что выполненіе погодинскаго проекта причинило бы ущербъ всего болѣе самой Россіи. Исторія знаетъ тождественныя попытки, никогда не вѣнчавшіяся успѣхомъ. Изгнаніемъ мавровъ Испанія не поправила своихъ дѣлъ: «съ этого событія историки привыкли считать паденіе Испаніи, и, кажется, не напрасно. Не въ томъ дѣло, что страна потеряла въ маврахъ большое количество рабочихъ и умственныхъ силъ; главное дѣло въ томъ, что это было признаніемъ внутренней несостоятельности испанскаго духа, сознаніемъ его въ безсиліи одолѣть враждебное настроеніе и чуждыя стихіи пришельцевъ, очутившихся гражданами кастильскаго государства. Захотимъ ли мы подражать печаль-

[illegible] Жизнь [illegible] II. Спб., [illegible]

[illegible] и много [illegible] Ханыковъ [illegible] Ханыковъ [illegible] Ханыковъ

вредъ обще-славянскому дѣлу» («Россія и Европа», Спб., 1871), а А. Григорьевъ — безъ обиняковъ говоритъ, что онъ и его соратники, «глубоко сочувствуя всему разноплеменному славянскому..., — исключительны даже до нѣкоторой подозрительности, особенно въ отношеніи къ началамъ ляхитскому и хохлацкому».

Объ эпигонахъ славянофильства или его имитаторахъ (въ родѣ В. В. Комарова) мы говорить не будемъ, потому что ихъ «публицистика» замѣтно приближается къ доносительству.

Среди ученыхъ изслѣдователей славянства, гг. Ламанскаго, Будиловича и Филевича, мы не встрѣтимъ большей опредѣленности во взглядахъ, чѣмъ у романтиковъ его.

В. И. Ламанскій находитъ, что замѣна русскаго языка польскимъ въ дѣлахъ администраціи, суда и образованія «была бы однозначительна съ возстановленіемъ прежняго Царства Польскаго». «Получивъ полную почти автономію, они пожелаютъ тогда имѣть... свою армію, свои таможни, свою монету и при первомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, при какомъ-нибудь европейскомъ замѣшательствѣ, попытаются, чего добраго, повторить старую исторію. Можно легко предвидѣть новыя неудачи и новыя несчастія поляковъ, которыя, несомнѣнно, постигли бы ихъ въ такомъ случаѣ» («Евреи и нѣмцы въ Привислинскомъ краѣ», «Русск. Вѣстникъ», 1879, книга 3-я). При нашемъ искреннемъ уваженіи къ маститому автору мы не можемъ назвать его логику въ данномъ случаѣ иначе, какъ порхающею. И правда: почему предоставленіе польскому языку его естественныхъ правъ равносильно автономіи? Почему, наконецъ, автономія влечетъ за собою отдѣльную армію, собственные финансы и т. д., т.-е. равносильна политической независимости? Что это за чудесныя превращенія понятій, такъ какъ мы гонимъ мысль объ умышленной ихъ подтасовкѣ?

Другой ученый славистъ, г. Будиловичъ, бывшій ректоръ Варшавскаго университета, справедливо замѣчаетъ, что полякамъ предстоитъ въ будущемъ одно изъ трехъ: или обрусѣть, или онѣмечиться, или сохранить свою народность. «Вѣроятно

ли и желательно ли обрусѣніе польскаго народа?» спрашиваетъ г. Будиловичъ («Нѣсколько замѣчаній о польскомъ вопросѣ съ точки зрѣнія всеславянства», «Бесѣда», 1871, VI) и немедленно отвѣчаетъ: «Невозможно, и потому нежелательно»... «Непрочно государство, основанное на насиліи и народной исключительности. Вотъ почему лучше даже потерять Польшу, чѣмъ насильственно ее обрусить». Возможно ли въ такомъ случаѣ онѣмеченіе Польши? Вполнѣ, такъ какъ Германія владѣетъ тѣмъ, чего нѣтъ у Россіи: избыткомъ матеріально обезпеченнаго населенія для колонизаціи Привислинья; но успѣшность прусскаго Drang nach Osten, онѣмеченіе Польши, грозитъ бѣдами для всего славянства и особенно для Россіи. Допустить его мы безусловно не можемъ. Остается одно: «сохраненіе польскимъ народомъ своей исторической личности. Это не то, что возможно и желательно, но необходимо и потому неизбѣжно, какъ требованіе права, какъ законъ природы, какъ условіе свободы, какъ залогъ будущности».

Видали ли вы, читатель, когда-нибудь такой фокусъ: доморощенный Пинетти покрываетъ живого голубя футляромъ, трижды машетъ «магической палочкой», снимаетъ футляръ и подъ нимъ вдругъ оказывается букетъ цвѣтовъ? Такой же фокусъ продѣлываетъ — увы! не могу подыскать другого сравненія — и г. Будиловичъ, только подъ его футляромъ вмѣсто невиннаго голубя таится цѣлая змѣя. Онъ неопровержимо, «какъ залогъ будущности, какъ законъ природы» и т. д., и т. д., доказалъ вамъ право поляковъ на національное и культурное самоопредѣленіе. Вы ждете далѣе практическихъ совѣтовъ, точки надъ і. Извольте, вотъ она; теперь необходимыя реформы преждевременны, но «Россія можетъ и должна дать польскому народу и обществу одно благо, котораго оно, кажется, лишено: *надежду!* Пусть Польша знаетъ, что цѣль Россіи не уничтоженіе польской народности»... Итакъ, сильнымъ взмахомъ пера отыскана панацея для зіяющихъ ранъ Польши. Да здравствуетъ благодѣтельная надежда, которой отнять, дѣйствительно, нельзя даже *у задыхающихся* въ агоніи людей! Надѣйся, полякъ, на восходъ

свѣтлаго солнца свободы, а какъ тебѣ уберечься отъ вредной росы, которая, по пословицѣ, можетъ «выѣсть очи» еще до восхода, такъ что его ты и не увидишь,— объ этомъ г. Будиловичъ не говоритъ ни слова.

Вы скажете: «независящія обстоятельства» заставили г. Будиловича сдѣлать это рѣдкостное сальто-мортале. Отрицать всю силу этихъ «обстоятельствъ», цѣликомъ зависящихъ отъ произвола власти, конечно, нельзя, но еще Тацитъ говорилъ, что въ иныя времена молчаніе бываетъ краснорѣчиво; г. Будиловичъ, рекомендуя полякамъ «надѣяться», упустилъ чудный случай быть краснорѣчивымъ.

И. П. Филевичъ, считающій гибель Польши «вполнѣ заслуженной» («Польша и польскій вопросъ», М., 1894, стр. 90), смотритъ «на старый споръ» чрезъ стекла бинокля, повернутаго вверхъ ногами,— самый предметъ кажется ему незначительнымъ: «въ настоящее время польскій вопросъ потерялъ свою практическую остроту; грозить какими-нибудь крупными осложненіями онъ не можетъ». Если стоитъ еще заниматься этой темой, то потому лишь, что «безпримѣрное въ исторіи паденіе государства» и «современная жизнь политическаго банкрота» имѣютъ «теоретическій интересъ». Г. Филевичъ, надо замѣтить, не только профессоръ Варшавскаго университета, но и консулъ «Новаго Времени» въ столицѣ Царства: своими публицистическими опытами онъ украшаетъ страницы этого неудобоназываемаго органа и ученымъ титуломъ замѣняетъ фиговый листокъ безстыднаго провокаторства. Не до историческаго безпристрастія подымаетъ онъ суворинскую газету, но насилуетъ исторію, пытаясь на ней обосновать необходимость травли поляковъ. «Возрожденіе польскаго вопроса въ началѣ нынѣшняго вѣка не можетъ имѣть другого смысла, какъ только тотъ, что историческая роль Польши передъ Европой — роль европейскаго холопа, то прямо выдававшаго славянъ и литовцевъ нѣмцамъ, то подготовлявшаго почву для такой выдачи ... «Русскіе трупы устлали поля Италіи и Германіи и въ результатѣ всего этого было возстановленіе Польши и Пруссіи. [illegible]

le roi de Prusse стало лозунгомъ русской дипломатіи» (стр. 101). Авторъ купается въ морѣ туманностей, не рекомендуетъ буквально никакого пути для рѣшенія вопроса, но самая трактовка поляковъ, какъ Іудъ, продающихъ Россію нѣмцамъ, схожа съ возгласомъ «слово и дѣло». Къ несчастью, «тайная канцелярія» еще существуетъ.

Антиподы славянофильства — западники, весьма мало и не особенно успѣшно занимались польскимъ вопросомъ. Достаточно сказать, что В. Г. Бѣлинскій, эта воплощенная совѣсть Россіи сороковыхъ годовъ, неодобрительно отнесся къ освободительному движенію въ лицѣ Мицкевича (въ статьѣ «Менцель, критикъ Гёте»). Правда, это было въ эпоху увлеченія «неистоваго Виссаріона» гегеліанствомъ и признанія разумнымъ всего существующаго, въ скверной памяти 1839 годъ, когда была написана Бѣлинскимъ «Бородинская годовщина». Никто такъ строго впослѣдствіи не осудилъ Бѣлинскаго, какъ самъ онъ. 10 декабря 1840 г. критикъ пишетъ: «Болѣе всего печалитъ меня теперь выходка противъ Мицкевича, въ гадкой статьѣ о Менцелѣ: какъ! отнимать у великаго поэта священное право оплакивать паденіе того, что дороже ему всего въ мірѣ и въ вѣчности — его родины... И этого-то благороднаго и великаго поэта назвалъ я печатно крикуномъ, поэтомъ риѳмованныхъ памфлетовъ!»

Для двухъ крупнѣйшихъ западниковъ-эмигрантовъ, Герцена и Бакунина, сущность польскаго вопроса прежде всего заключалась въ рѣшеніи мучительной загадки: «перестала ли Польша быть шляхетною?» Если «да», ихъ демократическія сердца привѣтствовали *такую* Польшу, напередъ безъ критики одобряя то политическое устройство, которое она сама себѣ выберетъ; если «нѣтъ»... но этого случая Герценъ и Бакунинъ не могли, быть-можетъ, не хотѣли предвидѣть. Они не были въ силахъ усвоить специфической черты старой польской исторіи — исканія свободы для одного сословія, борьбы за однѣ дворянскія вольности. Но въ 63 году было дерзостью утверждать то, на что мы сейчасъ имѣемъ и право, и доказательства, было ошибкою признавать,

какъ это дѣлаемъ теперь, польское общество демократизированнымъ. А такая вѣра была отправною точкой зрѣнія обоихъ эмигрантовъ, точкою фальшивой, вызывавшей у читателя подозрѣніе и ко всѣмъ ихъ дальнѣйшимъ выводамъ.

Въ торжественномъ посланіи Бакунина «Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ» («Колоколъ», № 122, 15 февр. 1862 г.) весь «старый споръ» формулируется такъ: «*хлопская* Польша или крестьянская Россія? Дай Богъ, чтобъ онѣ осуществились вмѣстѣ, и чтобы между ними было не Апеллесово и не Павлово дѣло, а Христово, т.-е. обще-славянское дѣло». Но представители инсуррекціонной Польши обходили молчаніемъ эту сторону дѣла; центръ его тяжести они усматривали совсѣмъ въ иномъ. Въ № 146 «Колокола» мы читаемъ слѣдующее воззваніе къ его издателямъ «Отъ центральнаго народнаго польскаго комитета въ Варшавѣ»: «Для насъ нѣтъ Польши раздѣленной, для насъ Польша единая, та, которая состоитъ въ соединеніи Польши, Литвы и Русиновъ, безъ всякой гегемоніи котораго-нибудь изъ трехъ народовъ. Выходя изъ этой точки зрѣнія, мы стремимся къ возстановленію Польши въ прежнихъ ея границахъ». Какъ же отвѣчаютъ на это слишкомъ опредѣленное требованіе Герценъ и Бакунинъ? Жаждать политическаго самоопредѣленія для себя и не признавать его для Русиновъ, съ которыми, путемъ завоеванія, была соединена Польша, являлось вопіющимъ противорѣчіемъ, совершенно отнимавшимъ всякую моральную цѣну у стремленій польскихъ борцовъ. Такое противорѣчіе рѣзко бросалось въ глаза публикѣ и осталось незамѣченнымъ нашими эмигрантами. Въ № 147 они пишутъ «центральному комитету»: «Намъ легко итти съ вами: вы идете отъ признанія правъ крестьянъ на землю, обрабатываемую вами; вы признаете право всякаго народа располагать своей судьбой». Но гдѣ же это признаніе? Герценъ и Бакунинъ хотѣли его видѣть тамъ, гдѣ таилась національная исключительность, заботившаяся лишь о себѣ и безапелляціонно предопредѣлявшая участь другихъ народностей. Въ томъ же выпускѣ «Колокола» его издатели въ по-

сланіи къ «Русскимъ офицерамъ въ Польшѣ» облекаютъ свое Credo по польскому вопросу въ такую форму: «народъ польскій не врагъ Россіи, а врагъ императорскаго деспотизма. Что Польша желаетъ остаться въ федеральномъ союзѣ со всѣми народами, входившими въ цѣлость Рѣчи Посполитой, это совершенно естественно и что она не можетъ признать насильственнаго раздѣленія, не отрекаясь отъ самобытности своей, тоже ясно». Увы! было и остается совершенно неяснымъ, чтобы Польша, которая нынѣ находится въ такомъ же приблизительно подчиненіи отъ Россіи, какъ въ свое время Западная Русь находилась—отъ Рѣчи Посполитой, могла имѣть сама право на самоопредѣленіе, не предоставляя его прежнимъ своимъ составнымъ частямъ—западноруссамъ и литвинамъ. Для однородныхъ явленій не можетъ быть двухъ разныхъ мѣрокъ. Шовинизмъ поляковъ 63 года, естественный и непреоборимый, не то что заразилъ издателей «Колокола», но показался имъ справедливой отплатой за весь гнетъ правительства Николая I. Герценъ и Бакунинъ, прежде всего—солдаты священнаго легіона свободы, не поднялись до высоты историческаго безстрастія и не унизились, какъ это долженъ дѣлать реальный политикъ, до соображеній о практической осуществимости своихъ плановъ. Наша узконаціоналистично настроенная публика не сумѣла отдѣлить отъ золота ихъ правды ничтожную лигатуру заблужденій, столь понятную въ пылу борьбы. Популярность «Колокола» была совершенно подорвана «польскими» статьями журнала: лондонскій звонъ впослѣдствіи умолкъ вовсе, потому что не могъ пройти сквозь толщу давней предвзятости.

Читающей Руси гораздо болѣе приходилась по душѣ точка зрѣнія «украинскихъ», если можно такъ выразиться, публицистовъ. Они имѣли свои особые, мѣстные счеты съ Рѣчью Посполитой и при пересмотрѣ процесса выступали не только какъ прокуроры, но и какъ гражданскіе истцы, — обвинителями дважды. Польша и Россія боролись въ исторіи, какъ государства, а Польша и Малороссія — сверхъ того и какъ общественные организмы; состязаніе общественныхъ началъ польскаго и

малорусскаго не прекращалось на юго-западѣ до шестидесятыхъ годовъ; къ этому именно времени и относятся статьи Костомарова и Кулиша (журналъ «Основа», 1861—1862).

«Крайніе» польской журналистики, доказывая самозванство «московитовъ-туранцевъ», тѣмъ охотнѣе открывали объятія признаннымъ родичамъ, южно-руссамъ, и черезъ рѣки крови, пролитой въ бояхъ между поляками и казачествомъ, пытались перебросить легкій мостикъ увѣреній, будто ужасы прошлаго есть только слѣдствіе частныхъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ. Не малорусскій народъ возставалъ противъ польскаго, а бунтовали нѣкоторые крестьяне, выведенные изъ себя жестокимъ обращеніемъ отдѣльныхъ пановъ; обѣ націи въ цѣломъ жили дружно; такая солидарность въ прошломъ обязываетъ къ совмѣстному преслѣдованію общихъ цѣлей и нынѣ. Кулишъ и Костомаровъ яростно отвергали навязываемый союзъ. «Что за симпатія такая, — пишетъ первый изъ нихъ, — къ намъ у потомковъ той самой шляхты, которая еще такъ недавно говорила о насъ: пся кревъ! Такъ скоро ненависть и презрѣніе не перерождаются... Вы сами по себѣ, мы сами по себѣ».

«*Я* польское и *я* украинское разошлись, въ теченіе вѣковъ, на такое разстояніе, что полякъ при всемъ стараніи не можетъ войти въ натуру украинца, а украинецъ при всѣхъ приманкахъ войти въ натуру польскую не хочетъ». И тутъ, слѣдовательно, какъ по всей почти линіи, восторжествовала идея непримиримости.

1863 годъ былъ переломнымъ въ исторіи русско-польскихъ отношеній и публицистикѣ, ихъ зеркалѣ. Система уступокъ, всегда дѣлаемыхъ у насъ на столько поздно, что онѣ уже никого не удовлетворяютъ, заставила часть націи, вдосталь изнервничавшейся подъ 20-лѣтнимъ гнетомъ Паскевича, окончательно потерять голову. Разгоряченная фантазія объяснила нерѣшительность правительства, проистекавшую изъ его моральной немощи, матеріальною слабостью и бурно окрылилась; было усмотрѣно сочувствіе къ Польшѣ тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ

таилась лишь вражда къ Россіи; неясныя надежды на помощь съ Запада, наконецъ — на чудо, опьяняли всѣхъ... Началась неравная схватка, гдѣ съ обѣихъ сторонъ совершено не мало темныхъ дѣлъ, — вещь обычная, когда человѣкъ спуститъ съ цѣпи звѣря въ себѣ...

Вмѣсто того, чтобъ дожидаться судебнаго разслѣдованія, крикните на пожарѣ — «вотъ поджигатель!» и укажите хоть на несчастнаго, разореннаго хозяина квартиры, пожираемой огнемъ: онъ будетъ разорванъ въ клочья толпою, психологія которой, въ моменты общественнаго бѣдствія, становится не менѣе разрушительной, чѣмъ сама бушующая стихія.

М. Н. Катковъ первымъ отыскалъ «поджигателя» на пожарѣ 1863 года.

Никто такъ много не писалъ о польскомъ вопросѣ, никто такъ усердно не сѣялъ вражды между двумя братскими народностями, какъ этотъ человѣкъ мрачнаго ума и программы всерусскаго отрицанія.

Когда углубляешься въ его статьи, собранныя воедино («1863 годъ», 2 тома, М., 1887), то нельзя не подивиться, что эти плоскія соображенія, этотъ блѣдный языкъ въ свое время оказывали вліяніе на общество. Повидимому, ихъ можно было еще бѣгло проглядывать въ номерѣ газеты, умирающемъ съ тѣмъ днемъ, который его и родилъ, но большей долговѣчности онѣ не заслуживали; бойкость и какая-то капральская безпардонность при обсужденіи самыхъ тонкихъ, самыхъ важныхъ дѣлъ, вѣроятно, щекотали грубые, возбужденные умы, но теперь публицистика Каткова, суммированная и закрѣпленная на страницахъ увѣсистыхъ книгъ, производитъ жалкое впечатлѣніе. Хлесткостью изложенія нельзя искупить бѣдность мысли.

Какъ же объяснить успѣхъ Каткова, правда, не общій, но весьма внушительный? Намъ кажется, двумя причинами. Съ самаго начала — гражданской незрѣлостью общества; могло ли *оно, всего два года* передъ тѣмъ спокойно владѣвшее людьми,

какъ вещью, въ цѣломъ составѣ подняться до высоты признанія политическихъ правъ и за всякою иною народностью, кромѣ собственной? Крѣпостное иго наложило свой отпечатокъ на умы, и для многихъ связь между Россіей и Польшей рисовалась одною изъ формъ *частно*-правовыхъ отношеній. Царство Польское было чуть не имѣніемъ, гдѣ дерзкіе «подданные» взбунтовались противъ законнаго помѣщика, русскаго народа. Не забудемъ далѣе, что перспектива вмѣшательства западныхъ державъ подняла страсти до кипѣнія, когда справедливость и логика умолкаютъ, а беззастѣнчивый горланъ, въ родѣ Каткова, пріобрѣтаетъ необъяснимую власть надъ людьми, которые въ другой часъ, не будучи разгорячены, только посмѣялись бы надъ нимъ.

Не будемъ искать оружія противъ Каткова у самого же Каткова, хотя при хамелеонствѣ его это и нетрудно; покойный Джаншіевъ къ каждой главѣ своего изслѣдованія «Изъ эпохи великихъ реформъ» подобралъ такіе пикантные эпиграфы изъ твореній великаго отрицателя, что, не будь они подписаны именемъ, священнымъ для цензуры, можетъ-быть, и всей книгѣ не пришлось бы увидѣть свѣтъ. Повѣрите ли, читатель, что даже въ 1863 году Катковъ, напр., обмолвился такъ: «Если бы вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы дать Польшѣ лучшія учрежденія, чтобы предоставить ей полное самоуправленіе и національную администрацію, тогда объясниться было бы легко; тогда всякому русскому можно было бы отъ души сочувствовать полякамъ, не становясь измѣнникомъ своему отечеству» («Русскій Вѣстникъ», 1863 г., № 1)! Но Богъ съ ними, съ противорѣчіями на каждомъ шагу, которыя всего ярче характеризуютъ этого автора; не считаясь съ ними, опредѣлимъ руководящіе взгляды Каткова на польскій вопросъ и посмотримъ, какую силу сохранила его аргументація до и для нашего времени.

Основное положеніе мрачнаго публициста таково: независимость Польши равносильна концу Россіи; самостоятельность первой влекла бы за собою выходъ второй изъ семьи европейскихъ державъ, — для русскихъ осталась бы только Азія; от-

ному примѣру Испаніи?» («Собраніе сочиненій», т. II, Спб., 1868—1874).

Эволюціи ко злу, тяжкой драмы потемнѣнія разума и сердечности не избѣгаетъ даже такой почтенный мыслитель, какъ И. С. Аксаковъ. Въ разгаръ мятежа, когда справедливость робко бѣжитъ отъ разгорѣвшихся политическихъ страстей, этотъ дѣятель имѣлъ мужество сказать, что рѣшеніе судьбы поляковъ всего лучше предоставить ихъ же всенародному плебисциту [1]) (передовая статья «Дня», отъ 2 февраля 1863 года), а много лѣтъ спустя, когда на западной окраинѣ царило мрачное спокойствіе кладбища, Аксаковъ такъ характеризовалъ родственное намъ племя: «Несчастное, спесивое, заносчивое, легкомысленное, вдобавокъ насквозь прожженное католическо-іезуитскою моралью» («Русь», 15 августа 1871 г.)...

Изъ славянофиловъ «младшаго поколѣнія» Н. Данилевскій весьма туманно условіемъ «счастья Польши» ставитъ ея вступленіе въ свой, еще болѣе туманный, «всеславянскій союзъ»: «Въ качествѣ члена союза, будучи самостоятельна и независима, въ формѣ ли личнаго соединенія съ Россіей, или даже безъ онаго, она была бы свободна только во благо, а не во

---

[1]) Здѣсь Аксаковъ повторяетъ благородную мысль А. С. Хомякова: „Пусть возстановится Польша во сколько можетъ: Познань съ Гданскомъ (Данцигъ), княжество Галицкое и Краковъ, герцогство Варшавское и часть Литвы, не говорящія по-русски. Но такъ какъ это дѣло не административное и не правительственное, а народное и историческое въ высшемъ значеніи слова, то въ немъ не должно быть признаваемо никакое случайное различіе между людьми и голоса должны быть собираемы поголовно: дворяне единицами въ счетъ крестьянскихъ единицъ, города причислены къ деревнямъ и т. п. Всякая область должна имѣть право приписаться или къ новой Польшѣ, или къ сосѣдней державѣ, или составить отдѣльную общину подъ покровительствомъ или безъ покровительства другой державы. Такимъ образомъ, будущая суть славянскихъ народовъ будетъ опредѣлена ими самими“ (письмо къ А. О. Смирновой, 21 мая 1848 г.). Этотъ мудрый совѣтъ былъ поданъ въ то время, когда мы особенно рьяно несли роль добровольца-жандарма въ Зап. Европѣ, навсегда посѣявъ къ себѣ справедливую ненависть венгерцевъ.

вредъ обще-славянскому дѣлу» («Россія и Европа», Спб., 1871), а А. Григорьевъ — безъ обиняковъ говоритъ, что онъ и его соратники, «глубоко сочувствуя всему разноплеменному славянскому..., — исключительны даже до нѣкоторой подозрительности, особенно въ отношеніи къ началамъ ляхитскому и хохлацкому».

Объ эпигонахъ славянофильства или его имитаторахъ (въ родѣ В. В. Комарова) мы говорить не будемъ, потому что ихъ «публицистика» замѣтно приближается къ доносительству.

Среди ученыхъ изслѣдователей славянства, гг. Ламанскаго, Будиловича и Филевича, мы не встрѣтимъ большей опредѣленности во взглядахъ, чѣмъ у романтиковъ его.

В. И. Ламанскій находитъ, что замѣна русскаго языка польскимъ въ дѣлахъ администраціи, суда и образованія «была бы однозначительна съ возстановленіемъ прежняго Царства Польскаго». «Получивъ полную почти автономію, они пожелаютъ тогда имѣть... свою армію, свои таможни, свою монету и при первомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, при какомъ-нибудь европейскомъ замѣшательствѣ, попытаются, чего добраго, повторить старую исторію. Можно легко предвидѣть новыя неудачи и новыя несчастія поляковъ, которыя, несомнѣнно, постигли бы ихъ въ такомъ случаѣ» («Евреи и нѣмцы въ Привислинскомъ краѣ», «Русск. Вѣстникъ», 1879, книга 3-я). При нашемъ искреннемъ уваженіи къ маститому автору мы не можемъ назвать его логику въ данномъ случаѣ иначе, какъ порхающею. И правда: почему предоставленіе польскому языку его естественныхъ правъ равносильно автономіи? Почему, наконецъ, автономія влечетъ за собою отдѣльную армію, собственные финансы и т. д., т.-е. равносильна политической независимости? Что это за чудесныя превращенія понятій, такъ какъ мы гонимъ мысль объ умышленной ихъ подтасовкѣ?

Другой ученый славистъ, г. Будиловичъ, бывшій ректоръ Варшавскаго университета, справедливо замѣчаетъ, что полякамъ предстоитъ въ будущемъ одно изъ трехъ: или обрусѣть, или онѣмечиться, или сохранить свою народность. «Вѣроятно

ли и желательно ли обрусѣніе польскаго народа?» спрашиваетъ г. Будиловичъ («Нѣсколько замѣчаній о польскомъ вопросѣ съ точки зрѣнія всеславянства», «Бесѣда», 1871, VI) и немедленно отвѣчаетъ: «Невозможно, и потому нежелательно»... «Непрочно государство, основанное на насиліи и народной исключительности. Вотъ почему лучше даже потерять Польшу, чѣмъ насильственно ее обрусить». Возможно ли въ такомъ случаѣ онѣмеченіе Польши? Вполнѣ, такъ какъ Германія владѣетъ тѣмъ, чего нѣтъ у Россіи: избыткомъ матеріально обезпеченнаго населенія для колонизаціи Привислинья; но успѣшность прусскаго Drang nach Osten, онѣмеченіе Польши, грозитъ бѣдами для всего славянства и особенно для Россіи. Допустить его мы безусловно не можемъ. Остается одно: «сохраненіе польскимъ народомъ своей исторической личности. Это не-то, что возможно и желательно, но необходимо и потому неизбѣжно, какъ требованіе права, какъ законъ природы, какъ условіе свободы, какъ залогъ будущности».

Видали ли вы, читатель, когда-нибудь такой фокусъ: доморощенный Пинетти покрываетъ живого голубя футляромъ, трижды машетъ «магической палочкой», снимаетъ футляръ и подъ нимъ вдругъ оказывается букетъ цвѣтовъ? Такой же фокусъ продѣлываетъ — увы! не могу подыскать другого сравненія — и г. Будиловичъ, только подъ его футляромъ вмѣсто невиннаго голубя таится цѣлая змѣя. Онъ неопровержимо, «какъ залогъ будущности, какъ законъ природы» и т. д., и т. д., доказалъ вамъ право поляковъ на національное и культурное самоопредѣленіе. Вы ждете далѣе практическихъ совѣтовъ, точки надъ і. Извольте, вотъ она; теперь необходимыя реформы преждевременны, но «Россія можетъ и должна дать польскому народу и обществу одно благо, котораго оно, кажется, лишено: *надежду!* Пусть Польша знаетъ, что цѣль Россіи не уничтоженіе польской народности»... Итакъ, сильнымъ взмахомъ пера отыскана панацея для зіяющихъ ранъ Польши. Да здравствуетъ благодѣтельная надежда, которой отнять, дѣйствительно, нельзя даже *у задыхающихся* въ агоніи людей! Надѣйся, полякъ, на восходъ

свѣтлаго солнца свободы, а какъ тебѣ уберечься отъ вредной росы, которая, по пословицѣ, можетъ «выѣсть очи» еще до восхода, такъ что его ты и не увидишь,— объ этомъ г. Будиловичъ не говоритъ ни слова.

Вы скажете: «независящія обстоятельства» заставили г. Будиловича сдѣлать это рѣдкостное сальто-мортале. Отрицать всю силу этихъ «обстоятельствъ», цѣликомъ зависящихъ отъ произвола власти, конечно, нельзя, но еще Тацитъ говорилъ, что въ иныя времена молчаніе бываетъ краснорѣчиво; г. Будиловичъ, рекомендуя полякамъ «надѣяться», упустилъ чудный случай быть краснорѣчивымъ.

И. П. Филевичъ, считающій гибель Польши «вполнѣ заслуженной» («Польша и польскій вопросъ», М., 1894, стр. 90), смотритъ «на старый споръ» чрезъ стекла бинокля, повернутаго вверхъ ногами, — самый предметъ кажется ему незначительнымъ: «въ настоящее время польскій вопросъ потерялъ свою практическую остроту; грозить какими-нибудь крупными осложненіями онъ не можетъ». Если стоитъ еще заниматься этой темой, то потому лишь, что «безпримѣрное въ исторіи паденіе государства» и «современная жизнь политическаго банкрота» имѣютъ «теоретическій интересъ». Г. Филевичъ, надо замѣтить, не только профессоръ Варшавскаго университета, но и консулъ «Новаго Времени» въ столицѣ Царства: своими публицистическими опытами онъ украшаетъ страницы этого неудобоназываемаго органа и ученымъ титуломъ замѣняетъ фиговый листокъ безстыднаго провокаторства. Не до историческаго безпристрастія подымаетъ онъ суворинскую газету, но насилуетъ исторію, пытаясь на ней обосновать необходимость травли поляковъ. «Возрожденіе польскаго вопроса въ началѣ нынѣшняго вѣка не можетъ имѣть другого смысла, какъ только тотъ, что историческая роль Польши передъ Европой — роль европейскаго холопа, то прямо выдававшаго славянъ и литовцевъ нѣмцамъ, то подготовлявшаго почву для такой выдачи»... «Русскіе трупы устлали поля Италіи и Германіи и въ результатѣ всего этого было возстановленіе Польши и Пруссіи. Travailex pour

le roi de Prusse стало лозунгомъ русской дипломатіи» (стр. 101). Авторъ купается въ морѣ туманностей, не рекомендуетъ буквально никакого пути для рѣшенія вопроса, но самая трактовка поляковъ, какъ Іудъ, продающихъ Россію нѣмцамъ, схожа съ возгласомъ «слово и дѣло». Къ несчастью, «тайная канцелярія» еще существуетъ.

Антиподы славянофильства — западники, весьма мало и не особенно успѣшно занимались польскимъ вопросомъ. Достаточно сказать, что В. Г. Бѣлинскій, эта воплощенная совѣсть Россіи сороковыхъ годовъ, неодобрительно отнесся къ освободительному движенію въ лицѣ Мицкевича (въ статьѣ «Менцель, критикъ Гёте»). Правда, это было въ эпоху увлеченія «неистоваго Виссаріона» гегеліанствомъ и признанія разумнымъ всего существующаго, въ скверной памяти 1839 годъ, когда была написана Бѣлинскимъ «Бородинская годовщина». Никто такъ строго впослѣдствіи не осудилъ Бѣлинскаго, какъ самъ онъ. 10 декабря 1840 г. критикъ пишетъ: «Болѣе всего печалитъ меня теперь выходка противъ Мицкевича, въ гадкой статьѣ о Менцелѣ: какъ! отнимать у великаго поэта священное право оплакивать паденіе того, что дороже ему всего въ мірѣ и въ вѣчности — его родины... И этого-то благороднаго и великаго поэта назвалъ я печатно крикуномъ, поэтомъ риѳмованныхъ памфлетовъ!»

Для двухъ крупнѣйшихъ западниковъ-эмигрантовъ, Герцена и Бакунина, сущность польскаго вопроса прежде всего заключалась въ рѣшеніи мучительной загадки: «перестала ли Польша быть шляхетною?» Если «да», ихъ демократическія сердца привѣтствовали *такую* Польшу, напередъ безъ критики одобряя то политическое устройство, которое она сама себѣ выберетъ; если «нѣтъ»... но этого случая Герценъ и Бакунинъ не могли, быть-можетъ, не хотѣли предвидѣть. Они не были въ силахъ усвоить специфической черты старой польской исторіи — исканія свободы для одного сословія, борьбы за однѣ дворянскія вольности. Но въ 63 году было дерзостью утверждать то, на что мы сейчасъ имѣемъ и право, и доказательства, было ошибкою признавать,

какъ это дѣлаемъ теперь, польское общество демократизированнымъ. А такая вѣра была отправною точкой зрѣнія обоихъ эмигрантовъ, точкою фальшивой, вызывавшей у читателя подозрѣніе и ко всѣмъ ихъ дальнѣйшимъ выводамъ.

Въ торжественномъ посланіи Бакунина «Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ» («Колоколъ», № 122, 15 февр. 1862 г.) весь «старый споръ» формулируется такъ: «*хлопская* Польша или крестьянская Россія? Дай Богъ, чтобъ онѣ осуществились вмѣстѣ, и чтобы между ними было не Апеллесово и не Павлово дѣло, а Христово, т.-е. обще-славянское дѣло». Но представители инсуррекціонной Польши обходили молчаніемъ эту сторону дѣла; центръ его тяжести они усматривали совсѣмъ въ иномъ. Въ № 146 «Колокола» мы читаемъ слѣдующее воззваніе къ его издателямъ «Отъ центральнаго народнаго польскаго комитета въ Варшавѣ»: «Для насъ нѣтъ Польши раздѣленной, для насъ Польша единая, та, которая состоитъ въ соединеніи Польши, Литвы и Русиновъ, безъ всякой гегемоніи котораго-нибудь изъ трехъ народовъ. Выходя изъ этой точки зрѣнія, мы стремимся къ возстановленію Польши въ прежнихъ ея границахъ». Какъ же отвѣчаютъ на это слишкомъ опредѣленное требованіе Герценъ и Бакунинъ? Жаждать политическаго самоопредѣленія для себя и не признавать его для Русиновъ, съ которыми, путемъ завоеванія, была соединена Польша, являлось вопіющимъ противорѣчіемъ, совершенно отнимавшимъ всякую моральную цѣну у стремленій польскихъ борцовъ. Такое противорѣчіе рѣзко бросалось въ глаза публикѣ и осталось незамѣченнымъ нашими эмигрантами. Въ № 147 они пишутъ «центральному комитету»: «Намъ легко итти съ вами: вы идете отъ признанія правъ крестьянъ на землю, обрабатываемую вами; вы признаете право всякаго народа располагать своей судьбой». Но гдѣ же это признаніе? Герценъ и Бакунинъ хотѣли его видѣть тамъ, гдѣ таилась національная исключительность, заботившаяся лишь о себѣ и безапелляціонно предопредѣлявшая участь другихъ народностей. Въ томъ же выпускѣ «Колокола» его издатели въ по-

сланіи къ «Русскимъ офицерамъ въ Польшѣ» облекаютъ свое Credo по польскому вопросу въ такую форму: «народъ польскій не врагъ Россіи, а врагъ императорскаго деспотизма. Что Польша желаетъ остаться въ федеральномъ союзѣ со всѣми народами, входившими въ цѣлость Рѣчи Посполитой, это совершенно естественно и что она не можетъ признать насильственнаго раздѣленія, не отрекаясь отъ самобытности своей, тоже ясно». Увы! было и остается совершенно неяснымъ, чтобы Польша, которая нынѣ находится въ такомъ же приблизительно подчиненіи отъ Россіи, какъ въ свое время Западная Русь находилась—отъ Рѣчи Посполитой, могла имѣть сама право на самоопредѣленіе, не предоставляя его прежнимъ своимъ составнымъ частямъ—западноруссамъ и литвинамъ. Для однородныхъ явленій не можетъ быть двухъ разныхъ мѣрокъ. Шовинизмъ поляковъ 63 года, естественный и непреоборимый, не то что заразилъ издателей «Колокола», но показался имъ справедливой отплатой за весь гнетъ правительства Николая I. Герценъ и Бакунинъ, прежде всего—солдаты священнаго легіона свободы, не поднялись до высоты историческаго безстрастія и не унизились, какъ это долженъ дѣлать реальный политикъ, до соображеній о практической осуществимости своихъ плановъ. Наша узконаціоналистично настроенная публика не сумѣла отдѣлить отъ золота ихъ правды ничтожную лигатуру заблужденій, столь понятную въ пылу борьбы. Популярность «Колокола» была совершенно подорвана «польскими» статьями журнала: лондонскій звонъ впослѣдствіи умолкъ вовсе, потому что не могъ пройти сквозь толщу давней предвзятости.

Читающей Руси гораздо болѣе приходилась по душѣ точка зрѣнія «украинскихъ», если можно такъ выразиться, публицистовъ. Они имѣли свои особые, мѣстные счеты съ Рѣчью Посполитой и при пересмотрѣ процесса выступали не только какъ прокуроры, но и какъ гражданскіе истцы, — обвинителями дважды. Польша и Россія боролись въ исторіи, какъ государства, а Польша и Малороссія — сверхъ того и какъ общественные организмы; состязаніе общественныхъ началъ польскаго и

малорусскаго не прекращалось на юго-западѣ до шестидесятыхъ годовъ; къ этому именно времени и относятся статьи Костомарова и Кулиша (журналъ «Основа», 1861—1862).

«Крайніе» польской журналистики, доказывая самозванство «московитовъ-туранцевъ», тѣмъ охотнѣе открывали объятія признаннымъ родичамъ, южно-руссамъ, и черезъ рѣки крови, пролитой въ бояхъ между поляками и казачествомъ, пытались перебросить легкій мостикъ увѣреній, будто ужасы прошлаго есть только слѣдствіе частныхъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ. Не малорусскій народъ возставалъ противъ польскаго, а бунтовали нѣкоторые крестьяне, выведенные изъ себя жестокимъ обращеніемъ отдѣльныхъ пановъ; обѣ націи въ цѣломъ жили дружно; такая солидарность въ прошломъ обязываетъ къ совмѣстному преслѣдованію общихъ цѣлей и нынѣ. Кулишъ и Костомаровъ яростно отвергали навязываемый союзъ. «Что за симпатія такая, — пишетъ первый изъ нихъ, — къ намъ у потомковъ той самой шляхты, которая еще такъ недавно говорила о насъ: пся кревъ! Такъ скоро ненависть и презрѣніе не перерождаются... Вы сами по себѣ, мы сами по себѣ».

«*Я* польское и *я* украинское разошлись, въ теченіе вѣковъ, на такое разстояніе, что полякъ при всемъ стараніи не можетъ войти въ натуру украинца, а украинецъ при всѣхъ приманкахъ войти въ натуру польскую не хочетъ». И тутъ, слѣдовательно, какъ по всей почти линіи, восторжествовала идея непримиримости.

1863 годъ былъ переломнымъ въ исторіи русско-польскихъ отношеній и публицистикѣ, ихъ зеркалѣ. Система уступокъ, всегда дѣлаемыхъ у насъ на столько поздно, что онѣ уже никого не удовлетворяютъ, заставила часть націи, вдосталь изнервничавшейся подъ 20-лѣтнимъ гнетомъ Паскевича, окончательно потерять голову. Разгоряченная фантазія объяснила нерѣшительность правительства, проистекавшую изъ его моральной немощи, матеріальною слабостью и бурно [illegible] было усмотрѣно сочувствіе къ Польшѣ тамъ, [illegible]

таилась лишь вражда къ Россіи; неясныя надежды на помощь съ Запада, наконецъ — на чудо, опьяняли всѣхъ... Началась неравная схватка, гдѣ съ обѣихъ сторонъ совершено не мало темныхъ дѣлъ, — вещь обычная, когда человѣкъ спуститъ съ цѣпи звѣря въ себѣ...

Вмѣсто того, чтобъ дожидаться судебнаго разслѣдованія, крикните на пожарѣ — «вотъ поджигатель!» и укажите хоть на несчастнаго, разореннаго хозяина квартиры, пожираемой огнемъ: онъ будетъ разорванъ въ клочья толпою, психологія которой, въ моменты общественнаго бѣдствія, становится не менѣе разрушительной, чѣмъ сама бушующая стихія.

М. Н. Катковъ первымъ отыскалъ «поджигателя» на пожарѣ 1863 года.

Никто такъ много не писалъ о польскомъ вопросѣ, никто такъ усердно не сѣялъ вражды между двумя братскими народностями, какъ этотъ человѣкъ мрачнаго ума и программы всерусскаго отрицанія.

Когда углубляешься въ его статьи, собранныя воедино («1863 годъ», 2 тома, М., 1887), то нельзя не подивиться, что эти плоскія соображенія, этотъ блѣдный языкъ въ свое время оказывали вліяніе на общество. Повидимому, ихъ можно было еще бѣгло проглядывать въ номерѣ газеты, умирающемъ съ тѣмъ днемъ, который его и родилъ, но большей долговѣчности онѣ не заслуживали; бойкость и какая-то капральская безпардонность при обсужденіи самыхъ тонкихъ, самыхъ важныхъ дѣлъ, вѣроятно, щекотали грубые, возбужденные умы, но теперь публицистика Каткова, суммированная и закрѣпленная на страницахъ увѣсистыхъ книгъ, производитъ жалкое впечатлѣніе. Хлесткостью изложенія нельзя искупить бѣдность мысли.

Какъ же объяснить успѣхъ Каткова, правда, не общій, но весьма внушительный? Намъ кажется, двумя причинами. Съ самаго начала — гражданской незрѣлостью общества; могло ли *оно, всего* два года передъ тѣмъ спокойно владѣвшее людьми,

какъ вещью, въ цѣломъ составѣ подняться до высоты признанія политическихъ правъ и за всякою иною народностью, кромѣ собственной? Крѣпостное иго наложило свой отпечатокъ на умы, и для многихъ связь между Россіей и Польшей рисовалась одною изъ формъ *частно*-правовыхъ отношеній. Царство Польское было чуть не имѣніемъ, гдѣ дерзкіе «подданные» взбунтовались противъ законнаго помѣщика, русскаго народа. Не забудемъ далѣе, что перспектива вмѣшательства западныхъ державъ подняла страсти до кипѣнія, когда справедливость и логика умолкаютъ, а беззастѣнчивый горланъ, въ родѣ Каткова, пріобрѣтаетъ необъяснимую власть надъ людьми, которые въ другой часъ, не будучи разгорячены, только посмѣялись бы надъ нимъ.

Не будемъ искать оружія противъ Каткова у самого же Каткова, хотя при хамелеонствѣ его это и нетрудно; покойный Джаншіевъ къ каждой главѣ своего изслѣдованія «Изъ эпохи великихъ реформъ» подобралъ такіе пикантные эпиграфы изъ твореній великаго отрицателя, что, не будь они подписаны именемъ, священнымъ для цензуры, можетъ-быть, и всей книгѣ не пришлось бы увидѣть свѣтъ. Повѣрите ли, читатель, что даже въ 1863 году Катковъ, напр., обмолвился такъ: «Если бы вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы дать Польшѣ лучшія учрежденія, чтобы предоставить ей полное самоуправленіе и національную администрацію, тогда объясниться было бы легко; тогда всякому русскому можно было бы отъ души сочувствовать полякамъ, не становясь измѣнникомъ своему отечеству» («Русскій Вѣстникъ», 1863 г., № 1)! Но Богъ съ ними, съ противорѣчіями на каждомъ шагу, которыя всего ярче характеризуютъ этого автора; не считаясь съ ними, опредѣлимъ руководящіе взгляды Каткова на польскій вопросъ и посмотримъ, какую силу сохранила его аргументація до и для нашего времени.

Основное положеніе мрачнаго публициста таково: независимость Польши равносильна концу Россіи; самостоятельность первой влекла бы за собою выходъ второй изъ семьи европейскихъ державъ, — для русскихъ осталась бы только Азія; от-

сюда дѣлался прямой выводъ, — кто за Россію, тотъ долженъ быть противъ Польши[1]).

Допустимъ, что кто-нибудь сказалъ бы: «Но вѣдь сами поляки, по крайней мѣрѣ, благоразумное большинство ихъ, вовсе не толкуютъ о независимости, а просятъ лишь, ссылаясь на вѣнскій конгрессъ, представительныхъ учрежденій, согласованныхъ съ духомъ ихъ національности; не слѣдуетъ ли, въ цѣляхъ общаго спокойствія, исполнить это желаніе?» Тогда Катковъ возражалъ: почему часть предпочтительнѣе цѣлаго? Какъ можно давать Польшѣ реформу, которой не имѣетъ Россія? Отчего вѣрноподданные будутъ лишены преимуществъ, которыми хотятъ облагодѣтельствовать бунтовщиковъ?

На этихъ двухъ китахъ основывается разрѣшеніе Катковымъ русско-польской проблемы и съ пера его невольно просится жестокое осужденіе «дряблости» соотечественниковъ, не разумѣющихъ, какъ должно расправиться, разъ навсегда, съ «ляхами»: «если бъ европейскимъ государственнымъ людямъ, особенно англійскимъ и германскимъ, пришлось хозяйничать въ Польшѣ при тѣхъ условіяхъ, какъ хозяйничаемъ мы, такъ тамъ въ самомъ скоромъ времени не было бы и помина ни о польской національности, ни о святынѣ католицизма. Европейская цивилизація расправилась бы тамъ съ этими святынями несравненно успѣшнѣе нашего варварства такъ, какъ она уже расправилась съ ними въ присоединенныхъ земляхъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ восточной Пруссіи, народъ стыдится говорить по-польски, а католическая религія находится въ презрѣніи» («Русскій Вѣстникъ», 1863 годъ, № 5).

---

[1]) „Утративъ политическую самостоятельность, полякъ не отказался отъ своей народности; онъ рвется изъ своего плѣна и не хочетъ мириться ни съ какою будущностью, если она не обѣщаетъ ему возобновленія старой Польши со всѣми ея притязаніями. Ему недостаточно простой независимости, онъ хочетъ преобладанія; ему недостаточно освободиться отъ чужого господства, онъ хочетъ уничтоженія своего восторжествовавшаго противника. Ему недостаточно быть полякомъ, онъ хочетъ, чтобы и русскій сталъ полякомъ или убрался за уральскій хребетъ“ („1863 годъ“, т. II, стр. 23).

Вотъ оно, до чего забрало за живое: даже гнилой Западъ поставленъ въ примѣръ святой Руси... Какъ же! У насъ и говорить не стыдятся по-польски, и католичества не презираютъ, шутка сказать!

Эти два фундаментальныхъ положенія тысячи разъ повторяются въ статьяхъ Каткова, переиначиваемыя на фасоны, одинъ гнуснѣе другого, усиливаемыя предвѣщаніями всякихъ бѣдъ, если Россія будетъ «гуманничать», прикрашиваемыя истерическими всхлипываньями, сдобренныя клеветою и передержками. Публицистическая мудрость Каткова не пошла дальше. Орудія его писательскаго арсенала, какъ видно, больше гремятъ, чѣмъ поражаютъ; и, право, не знаешь, стоятъ ли они теперь даже самой поверхностной критики? Несостоятельность ихъ такъ ясна...

Въ самомъ дѣлѣ: на чемъ основано это коренное, — не на жизнь, а на смерть, — противоположеніе интересовъ Польши интересамъ Россіи? Развѣ такъ-таки немыслима ихъ гармонія? Вѣдь мало сказать, но надо (а это невозможно) и доказать, что Россія и Польша всегда балансируютъ, стоя на концахъ воображаемой доски, и когда подымается одна, стремглавъ внизъ летитъ другая, и обратно. Что короли сотни лѣтъ воевали съ нашими царями, такъ вѣдь такія же сотни лѣтъ и роднились удѣльные князья съ Пястовичами, да, сверхъ того, нужно разобрать, въ какой мѣрѣ эти войны вызывались волею и для пользы народовъ, а въ какой—династическими расчетами, миссіонерской ревностью и т. д. Не слѣдуетъ ли предположить совершенно обратное, т.-е. что, по размежеваніи русскимъ — русскаго и польскаго—полякамъ Польша будетъ искренне способствовать росту могущества Россіи, какъ непремѣнному условію собственнаго процвѣтанія, а Россія начнетъ охранять культурную самобытность Польши?

Вѣдь эта послѣдняя станетъ надежнымъ союзникомъ въ борьбѣ съ общимъ врагомъ — германизмомъ — лишь постольку, поскольку будетъ самобытна. Племенное родство, прошлыя судьбы, географическая смежность обоихъ народовъ дѣлаютъ ихъ зна-

гоцѣннымъ пополненіемъ другъ къ другу, служатъ ручательствомъ солидарности, а не разъединенія, какъ только будутъ заглажены взаимные старые грѣхи.

Понятнѣе нашему сердцу звучитъ утвержденіе Каткова, что глухою болью отозвалось бы въ Россіи дарованіе полякамъ тѣхъ политическихъ благъ, которыхъ лишены мы. Зачѣмъ, однако, дѣлать отсюда злой и неумный выводъ, что положеніе Польши должно оставаться безъ перемѣнъ? Не будемъ уподобляться хромому, который, мучась своимъ уродствомъ, хотѣлъ бы, чтобъ его близкіе тоже захромали. Не проще ли, не цѣлесообразнѣе ли ему напрячь всѣ силы, чтобы вылѣчиться, самому стать здоровымъ и красивымъ? Итакъ, вовсе не отдавая предпочтенія части предъ цѣлымъ, русское общество законно могло только желать, чтобы и цѣлое получило ту полноту гражданскихъ правъ, гарантируемыхъ конституціей, которыхъ мучительно жаждала часть.

Катковъ не только до конца не сходилъ съ разъ занятой позиціи, но съ каждымъ годомъ все болѣе укрѣплялся на ней. Постоянно подливая масла въ неугасающій огонь вражды, онъ и катастрофу 1 марта 1881 года призналъ дѣломъ польскихъ рукъ, основываясь на предположеніи, что государь погибъ отъ бомбы не Рысакова, а той, которую бросилъ полякъ Гриневецкій, племянникъ католическаго епископа, высланнаго во внутреннія губерніи Россіи послѣ столкновенія съ виленскимъ генералъ-губернаторомъ. Этотъ извѣтъ не прошелъ безъ послѣдствій, хотя признавъ даже—отнюдь пока не доказанную — правдивость самаго факта, можно ли отвѣтственность за преступленіе отдѣльнаго человѣка возлагать на цѣлый народъ? И *нравственное* чувство наше развѣ не въ равной степени всегда вмѣняетъ вину лицамъ, злая воля которыхъ направлена къ тождественной цѣли, вооружена одинаковыми средствами, но лишь по случайности дала разные результаты?

Въ томъ застѣнкѣ, въ который логически уперлась фанатичная прямолинейность Каткова, совсѣмъ не осталось свѣжаго *воздуха для новыхъ* всходовъ; поэтому Катковъ, къ счастью,

не оставилъ намъ въ наслѣдіе какой-нибудь публицистической школы. Казенныя субсидіи послѣ него подѣлили нищіе духомъ ловкачи, которые за лишнюю подачку или по приказу съ одинаковымъ жаромъ будутъ проповѣдывать полонофильство или полонофобство, православіе или исламъ, народное представительство или сатрапство. Въ данный моментъ они всюду, чуть ли и не въ пятнахъ Марса, усматриваютъ «польскую интригу» и преслѣдуютъ ее очень ретиво, но съ такою неловкостью, которая едва ли удостоится барскаго «спасибо».

Принципіальный багажъ «охранителей» такъ легковѣсенъ, что о нихъ, собственно, не стоило бы говорить, если бъ среди поляковъ не укрѣпилось пагубное заблужденіе, будто «Московскія Вѣдомости», «Свѣтъ» и «Новое Время» выражаютъ общественное мнѣніе всей Россіи. До тѣхъ поръ, пока на берегахъ Вислы будутъ думать именно такъ, названные органы не перестанутъ играть роль червей, тревожащихъ польскія раны. Искусившись въ области доносительства, они не сходятъ съ почвы отдѣльныхъ мелкихъ фактовъ, зачастую извращенныхъ, и никогда не отваживаются на широкое идейное обоснованіе своихъ взглядовъ. Это было бы равносильно для нихъ моральному самоубійству, а кто же себѣ не другъ?

Газеты и «толстые» журналы приличнаго тона почти не занимаются польскими дѣлами, такъ какъ, въ противность реакціоннымъ Панглосамъ, усматриваютъ кругомъ слишкомъ много болѣе близкихъ предметовъ для печалованія. Отрадное исключеніе представляютъ «Русь» А. А. Суворина, а прежде «Петербургскія Вѣдомости» Э. Э. Ухтомскаго, «Вѣстникъ Европы» и «Русская Мысль». Какъ курьезъ, отмѣчу, что сотрудникомъ «Вѣдомостей», однимъ изъ самыхъ искреннихъ проповѣдниковъ примиренія и объединенія безъ обрусѣнія былъ... русскій жандармскій генералъ и понынѣ состоящій на дѣйствительной службѣ (статьи его собраны въ брошюрѣ «Возможно ли русско-польское сближеніе?» Спб., 1898). Подчеркиваю *былъ*, потому что на перо генерала наложенъ секвестръ свыше...

Въ противность «всякое бывало» Бенъ-Акибы, полагаю, что только въ Россіи глашатаями любви выступали жандармы. Не есть ли это частичное удовлетвореніе за то, что мы постоянно встрѣчаемъ жандармскій духъ въ чуждыхъ ему дѣлахъ вѣры и школы?

Отсутствіе собственныхъ корреспондентовъ на мѣстѣ иныя газеты пытались возмѣщать случайными «впечатлѣніями», «набросками» на русско-польскія темы, появлявшимися на страницахъ этихъ органовъ... обязательно весною. Почему? Вовсе не потому, что май, пора «благорастворенія воздуховъ», настраивалъ публицистовъ на лирическій ладъ и, какъ соловей констанцскаго собора, будилъ лучшія струны ихъ сердца. Связь весны съ интересомъ русскихъ редакцій къ Польшѣ объясняется гораздо проще.

Изъ обѣихъ столицъ всѣ пути за границу ведутъ черезъ Варшаву. Собравшись весною въ какой-нибудь, comprenezvous, вояжъ, газетный Иванъ Александровичъ въ родѣ Сигмы (г. Сыромятникова) дѣлалъ на сутки привалъ въ Варшавѣ, собиралъ въ Европейской или Брюлевской гостиницѣ на завтракъ двухъ-трехъ туземныхъ фельетонистовъ, между кофе и крюшономъ бесѣдовалъ съ ними о политикѣ имперской и мѣстной et voila tout!..

«Я не хотѣлъ писать, но редакція говоритъ: «Пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь». Думаю себѣ: «Пожалуй, изволь, братецъ». И тутъ же въ одинъ вечеръ, кажется, все написалъ, всѣхъ изумилъ. У меня легкость необыкновенная въ мысляхъ»...

Эти плоды «необыкновенной легкости», облеченные, впрочемъ, въ тяжеловѣсную форму чуть не государственныхъ прорицаній, долго жевалъ потомъ терпѣливый русскій читатель, а стѣна невѣдѣнія, отдѣлявшая насъ отъ поляковъ, конечно, ни чуточки не поддавалась усиліямъ Хлестаковыхъ.

Мощнымъ тараномъ противъ нея, естественно, должна была бы служить русская печать въ Царствѣ Польскомъ. Отъ органовъ, издающихся тутъ, мы въ правѣ не только ожидать, но

даже требовать честнаго ознакомленія насъ съ польскими дѣлами; въ свою очередь, русскій публицистъ въ Варшавѣ могъ бы стать проводникомъ нашихъ культурныхъ началъ, апостоломъ сближенія въ любви и свободѣ, а не подъ гнетомъ безцѣльнаго насилія. Это ли не благороднѣйшая миссія?

Увы! Ею не задается здѣсь никто. «Варшавскій Дневникъ» — жалкая рептилія, довольствующаяся въ большинствѣ случаевъ офиціальными извѣстіями и похищеніемъ фактическаго матеріала у мѣстныхъ газетъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда «Дневникъ» начинаетъ «смѣть свое сужденіе имѣть», онъ или дико кричитъ «ура» въ честь мѣстныхъ администраторовъ, или змѣинымъ шипомъ обличаетъ козни ксендзовъ и пановъ. Положительная цѣнность его не идетъ дальше значенія гофъ-фурьерскаго журнала, дотошно и слишкомъ подробно описывающаго поѣздки различныхъ здѣшнихъ крупныхъ чиновъ по «ввѣренному имъ краю».

И какимъ тономъ излагается все это! Языкъ египетскаго скрибы, разсказывающаго исторію фараоновъ, менѣе подобострастенъ, менѣе напыщенъ!

Было бы несправедливо за грѣхи «Варшавскаго Дневника» *цѣликомъ* возлагать отвѣтственность на теперешняго или прежнихъ его руководителей. Люди виноваты лишь тѣмъ, что соглашались стать во главѣ субсидируемаго изданія, но еще болѣе виновата система, предпочитающая флеръ подкупленнаго слова голосу отрезвляющей правды.

Впрочемъ, кн. Н. Н. Голицынъ, редактировавшій при П. П. Альбединскомъ «Дневникъ» въ примирительномъ духѣ, сумѣлъ тогда придать интересъ газетѣ.

Различныя «Губернскія Вѣдомости» Царства, это — или собраніе вѣстей о разыскиваемыхъ преступникахъ и приблудномъ скотѣ, или же (какъ, напримѣръ, «Люблинскія») прямыя покушенія, правда, съ негодными средствами, на «руссификаторство».

Руссификаторство въ сквернѣйшемъ, привислинскомъ, смыслѣ этого слова, т.-е. — съ одной стороны: «громъ побѣды раздавайся!», «бей ляха!»—съ другой.

Частныхъ русскихъ изданій въ краѣ не существуетъ; они возникали («Денница» П. Дубровскаго въ 1842 г. и «Западная Почта» В. А. Яковлева и М. Е. Терехова въ 1878 г.), потому что потребность въ нихъ слишкомъ ощутительна, и быстро погибали, такъ какъ не умѣли или не могли подняться выше кругозора «обывательщины». А въ этой области трудно, почти невозможно состязаться съ польскими органами, которымъ ничего другого, кромѣ копанья въ обывательщинѣ, и не предоставлено просвѣщенною цензурою.

Русское общество жадно набросилось въ прошломъ году на «Западный Голосъ», чтобы послѣ первыхъ же нумеровъ обратиться снова къ «курьеркамъ»: оригиналъ всегда предпочтительнѣе копіи.

Если отъ періодическихъ изданій мы обратимся къ новѣйшимъ брошюрамъ и книгамъ, спеціально посвященнымъ польскому вопросу, то и здѣсь замѣтно господство націоналистически-шовинистскихъ тенденцій надъ духомъ безпристрастнаго изслѣдованія. Авторы (гг. Брянцевъ, Волковъ, Мосоловъ, Орловъ, Павлищевъ, Ренненкампфъ, Сидоровъ, Цертелевъ, Ярошъ и др.) или плохо знаютъ предметъ и избыткомъ «патріотизма» стараются скрыть невѣжество, или же, будучи, повидимому, освѣдомлены, не стѣсняются съ правдой. Къ голосу совѣсти, личной и народной, они совершенно глухи, изъ самаго факта насилія они выводятъ не только оправданіе всему существующему, но и хвалу ему.

Чрезвычайно типичнымъ образцомъ подобнаго рода публицистики является книга В. Р. «Очерки Привислянья» (М., 1897). Принадлежитъ она перу человѣка, по узамъ крови очень близко стоявшаго къ фельдмаршалу І. В. Гурко, руководителю всей административной политики въ Царствѣ Польскомъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ. Авторъ располагалъ документами, которые совершенно недоступны для обыкновенныхъ смертныхъ; находясь у самаго источника мѣстной власти, онъ познакомился съ теоретическими обоснованіями ея дѣятельности во всей ихъ полнотѣ, отъ альфы до омеги. Его твореніе есть только щедро

отраженный свѣтъ государственной «мудрости» Гурко, самостоятельно дѣлавшаго солнце и вѣтеръ (почти всегда — вѣтеръ) на берегахъ Вислы. «Очерки» поэтому имѣютъ своего рода цѣну, какъ исповѣдь человѣка, которому было ввѣрено разрѣшеніе польскаго вопроса.

Вы знаете, почему огромный край никакъ не можетъ успокоиться? Очень просто: «поляки интригуютъ и конспирируютъ ради самой интриги, въ которой находятъ особую прелесть. Вотъ, между прочимъ, одна изъ причинъ, почему никакія уступки русскаго правительства не приведутъ къ успокоенію» («Очерки», стр. 23). Что за охота ломать голову надъ окраинными дѣлами, когда ларчикъ открывается такъ легко: караси любятъ, чтобъ ихъ жарили въ сметанѣ, — такъ и поляки, не имѣя никакихъ поводовъ къ недовольству, страстно любятъ самый процессъ интриги и, слѣдовательно, достодолжное за козни возмездіе. А какъ оно было сурово въ правленіе властнаго фельдмаршала—объ этомъ много интереснаго могли бы разсказать стѣны варшавской цитадели.

Впрочемъ, нашъ глубокій государствовѣдъ-психологъ отыскалъ и другую причину, искусственно заволакивающую тучами ясный варшавскій горизонтъ. «Cherchez la femme», — говоритъ непочтенный публицистъ: «страстью польскихъ женщинъ къ комплоту отчасти объясняется ихъ упорство въ нежеланіи примириться съ владычествомъ Россіи: вѣдь тогда игра въ политику была бы ужъ немыслима» («Очерки», стр. 22).

Экія злокозненныя эти польскія женщины! Желая доконать ихъ окончательно, чистоплотный авторъ, съ ювеналовской силой, упрекаетъ ихъ въ томъ, что онѣ «моются лишь тогда, когда тонутъ...» — сарказмъ, отъ котораго ударяетъ въ носъ! И все это пишется въ изслѣдованіи, претендующемъ на серьезность, въ зерцалѣ политическихъ завѣтовъ будущимъ администраторамъ!

Пусть терпятъ оскорбленіе и здравый смыслъ, и обоняніе, но проглядите эту книгу; послушайте, какъ и что говоритъ авторъ о католицизмѣ, ксендзахъ, шляхтѣ, учащейся молодежи...

Вѣдь это все — куриная философія «Кроваваго пуфа» Вс. Крестовскаго, но ею руководились не вымышленные герои бульварнаго романа, а Гурко, безконтрольно оперировавшій надъ десятью милліонами *живыхъ* гражданъ Царства Польскаго!

Но г. В. Р. — еще обстоятельнѣе прочихъ апологетовъ нашей привислинской политики: онъ все-таки опирается на наблюденія и посылки, правильность которыхъ мы видѣли выше; товарищи же его по перу чуть не ограничиваются какими-то нечленораздѣльными звуками вражды къ полякамъ за то, что послѣдніе... поляки.

Этотъ шумъ каннибаловъ побѣдно заглушаетъ отдѣльные голоса немногихъ мыслителей, остающихся «при особомъ мнѣніи». Грядущій историкъ роста гуманныхъ идей въ нашемъ обществѣ нарисуетъ портреты гг. Чичерина, Карѣева и Спасовича не иначе, какъ съ оливковою вѣтвью въ рукахъ. Первые два — жрецы чистой науки — и третій — честный служитель права — въ своемъ профессіональномъ міропониманіи нашли надежный отпоръ крикамъ: «распни, распни его!», которыми заканчиваетъ филиппики противъ польскаго народа большинство публицистовъ. Издавая должное миротворческой дѣятельности трехъ названныхъ писателей, слѣдуетъ съ грустью признать, что прошла она почти безслѣдно и во всякомъ случаѣ менѣе плодотворно, чѣмъ того заслуживала. Игра на низменныхъ струнахъ души, — а въ этой области такими виртуозами были ультра-націоналисты, — всегда сильнѣе дѣйствуетъ на толпу нежели призывъ къ возвышеннымъ идеаламъ справедливости. Помимо этого общаго соображенія, были и частныя причины малоуспѣшности подобной проповѣди. Чичеринъ и Карѣевъ — больше ученые, чѣмъ публицисты, высказывались о польскомъ вопросѣ преимущественно *попутно*, на страницахъ своихъ спеціальныхъ, солидныхъ и объемистыхъ трудовъ. А много ли въ Россіи охотниковъ до серьезнаго чтенія? До него едва ли доросло то большинство публики, которое довѣрчиво отравляется измышленіями гг. В. Р., Цертелева и пр. Можно ли считать проникшими въ обращеніе слѣдующія мысли Чичерина: «дѣй-

ствительный міръ Европы будетъ обезпеченъ лишь тогда, когда существующимъ народнымъ стихіямъ дозволено будетъ группироваться по своимъ естественнымъ стремленіямъ и наклонностямъ. Тогда возродятся и подавленныя нынѣ мелкія государства, которыя будутъ смягчать столкновенія крупныхъ. Тогда, можно думать, возродится и Польша, которой исчезновеніе было несчастіемъ не только для нея самой, но и для европейскаго равновѣсія»; «овладѣть Польшею было нетрудно при полномъ разложеніи государственной жизни, но преданія прежней независимости, при однородности, собственно, польскихъ элементовъ, донынѣ составляютъ неодолимое препятствіе всякой сильнѣйшей связи. Сліяніе можетъ значиться на бумагѣ; но на дѣлѣ Польша болѣе чужда Россіи, нежели даже въ первое время присоединенія, когда тамъ была, по крайней мѣрѣ, русская партія. Понынѣ эта страна представляетъ не болѣе какъ боевой пунктъ, удержаніе котораго едва ли не превышаетъ приносимыхъ выгодъ» («Курсъ государственной науки», часть III, «Политика», стр. 69, 71 и 72). Позволительно сказать, что для многихъ эти взгляды будутъ имѣть смѣлость новизны, такъ какъ они брошены мимоходомъ отдѣльными блестками, въ крупномъ изслѣдованіи, требующемъ отъ читателя подготовленности выше средняго уровня.

Правда, недавно Н. И. Карѣевъ собралъ свои публицистическія замѣтки въ отдѣльномъ выпускѣ («Polonica», СПБ., 1905), но изъ четырнадцати статей, вошедшихъ сюда, лишь три помѣчены текущимъ годомъ, одна — 1901, а остальныя написаны болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ (перепечатаны изъ «Русской Мысли» за 1881—1885 гг.). Этимъ мы нисколько не хотимъ сказать, что въ «Polonica» можно встрѣтить устарѣлый матеріалъ; нѣтъ! Но по цензурнымъ условіямъ освѣщеніе польскаго вопроса четверть вѣка тому назадъ не могло итти далѣе нѣкотораго нащупыванья лишь почвы, осторожнаго указанія на элементы, благопріятные и препятствующіе правильной постановкѣ дилеммы. То была цѣнная подготовительная работа, самоотверженная прокладка первой колеи чрезъ болота и овраги. «Чуть

поймутъ русскіе, что существованіе польскаго вопроса въ смыслѣ пригнетенія національности цѣлаго края и изъятія этого края изъ общихъ законовъ имперіи будетъ составлять одну изъ помѣхъ нашего внутренняго развитія» («Polonica», стр. 41); «причисленіе себя человѣкомъ къ той или другой національности должно быть дѣломъ внутренняго сознанія, дѣломъ вкуса или совѣсти, въ зависимости отъ происхожденія и воспитанія, а государство отнюдь не должно вмѣшиваться въ эту сферу личной жизни, какъ не должно вмѣшиваться и въ дѣла религіозной совѣсти. Угнетать одну національность въ пользу другой—значитъ то же самое, что стѣснять или гнать какое-либо вѣроисповѣданіе также въ интересахъ опредѣленной религіи» (стр. 262)—такова возвышенная, всеобобщающая «платформа» уважаемаго профессора. Не ищите у него спасительныхъ рецептовъ: онъ только приближается къ польской ранѣ, но не влагаетъ перстовъ въ нее, а безъ этого невѣрный Ѳома—русское общество—склоненъ думать, что самыя страданія только призрачны. Н. И. Карѣевъ какъ будто брезгаетъ размѣнять золото умозрѣнія на мелочныя указанія практической политики. Онъ зажигаетъ маякъ, но отказывается быть лоцманомъ, который проведетъ судно къ завѣтной цѣли. Этотъ избытокъ отвлеченности, сухая академичность взглядовъ на *современное* положеніе русско-польскаго вопроса не только не помѣшали, но даже содѣйствовали Н. И. Карѣеву такъ проникновенно освѣтить минувшія судьбы Рѣчи Посполитой, что его книги («Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ», М., 1886; «Историческій очеркъ польскаго сейма», М., 1888; «Паденіе Польши въ исторической литературѣ», СПБ., 1888, и «Польскія реформы XVIII вѣка», СПБ., 1890) навсегда останутся настольными для всякаго изслѣдователя. Безъ изученія ихъ нельзя понять теперешнихъ поляковъ, а если понять народъ—значитъ уже сблизиться съ нимъ, то можно утверждать, что никто не сдѣлалъ такъ много для сближенія двухъ націй, какъ Н. И. Карѣевъ. Творилъ онъ прочно, хотя, какъ всякій спеціалистъ, для немногихъ.

Послѣдній изъ благородной тріады, В. Д. Спасовичъ, менѣе отдалялся отъ нуждъ земли и момента, нежели его товарищи. Не какъ гость выступалъ онъ въ боевой дружинѣ публицистики, и если его труды (особенно: «Жизнь и политика маркиза Велепольскаго», СПБ., 1882, и очеркъ польской литературы въ «Исторіи славянскихъ литературъ» А. Н. Пыпина, СПБ., 1881) дали меньшую жатву, чѣмъ нужно было ожидать, то виною тому исключительно дикость почвы, а не лѣнь или неумѣлость сѣятеля. Спасовичъ родился нѣсколькими десятками лѣтъ раньше, чѣмъ слѣдовало бы. Жизнью и ученіемъ онъ показалъ, насколько это мыслимо въ нынѣшнихъ условіяхъ, что, оставаясь неподкупнымъ польскимъ патріотомъ, можно сдѣлаться однимъ изъ тѣхъ родныхъ сыновей Россіи, которыми она гордится. Но прямолинейность *крайнихъ* какъ русскаго, такъ и польскаго общества не была въ силахъ освоиться съ исключительностью этого гражданскаго явленія. То, что немедленно, по справедливомъ разрѣшеніи «домашняго спора», должно стать правиломъ, теперь рѣжетъ глаза всѣмъ, кто не проводитъ будущаго. Въ лавры Спасовича поэтому обильно вплетались терніи недовѣрія, упрековъ чуть не въ валленродизмѣ. Русскій, Кояловичъ, съ многозначительными эпиводами, печатно назвалъ Спасовича «двуликимъ Янусомъ», а полякъ, Лиске, публично оскорбилъ В. Д. на юбилеѣ Крашевскаго. При этомъ отношеніи крайнихъ къ Спасовичу мудрено ли, что его убѣдительная рѣчь не доходитъ до слуха тѣхъ, на кого именно она разсчитана и чья нетерпимость простирается до непониманія собственныхъ интересовъ?

Такому же незаслуженному заподозрѣванію, въ силу только польскаго происхожденія авторовъ, подвергались и труды послѣдователей Спасовича, — гг. Пильца («Новыя теченія въ польскомъ обществѣ», СПБ., 1898), Страшевича («Взгляды Н. А. Милютина на учебное дѣло въ Царствѣ Польскомъ», СПБ., 1897) и Багницкаго («Политическая исповѣдь современнаго поляка», СПБ., 1887, и «Къ вопросу о русско-польскихъ отношеніяхъ», СПБ., 1898). Въ пустынѣ проповѣдуютъ

искренность которыхъ не признана единогласно и имъ легче тронуть камни, чѣмъ душу читателей.

Вотъ чѣмъ—въ самыхъ общихъ, конечно, чертахъ—исчерпывается и характеризуется совокупность средствъ для ознакомленія большой русской публики съ поляками и польскимъ вопросомъ. Этотъ хаосъ противорѣчій можетъ смутить и болѣе критически-настроенное общество, чѣмъ наше. Однако хоръ человѣконенавистниковъ доминируетъ надо всѣмъ гамомъ Вальпургіевой ночи публицистики и преобладаетъ иногда до того, что не въ диссонансъ съ нимъ, правда, только моментами, поютъ бойцы иного стана: Пушкинъ, Бѣлинскій, Некрасовъ, въ свое время привѣтствовавшій Муравьева-Виленскаго «патріотическими» стихами... Когда соль земли иной разъ опрѣснивается настолько, можно ли удивляться, что, напр., привислинскіе администраторы смотрятъ на мѣстное населеніе, какъ на представителей какого-то низшаго антропологическаго типа, и въ основу отношеній къ окружающимъ кладутъ *недовѣріе и злобу*.

На Старомъ Мѣстѣ, стильномъ уголкѣ средневѣковой Варшавы, одинъ изъ сановниковъ указалъ мнѣ фонтанъ со статуей сирены, держащей въ рукѣ мечъ (гербъ города Варшавы).

— Смотрите,—сказалъ онъ,—вотъ олицетвореніе Польши. Она прельщаетъ васъ, мечтателей, какъ всякая сирена, но она и лжива и вооружена... Насъ, практиковъ, она не обманетъ.

— Не перекованъ ли онъ на цѣпи, этотъ мечъ?—сказалъ я.—А если цѣлъ, то какъ сдѣлать, чтобы сирена добровольно его бросила и бракъ ея съ медвѣдемъ, заимствуя сравненія изъ той же зоологіи, пересталъ быть уродствомъ, принялъ бы характеръ мирнаго союза?..

VI.

Сирена — для этихъ, сфинксъ — для тѣхъ, что такое въ самомъ дѣлѣ полякъ?

Не простая любознательность диктуетъ такой вопросъ: тотъ или другой отвѣтъ на него неизбѣжно влечетъ за собою рядъ

практическихъ выводовъ громадной важности. Затянуть ли домертва русско-польскій узелъ, развязать его или разрубить, — выборъ между этими пріемами въ значительной степени опредѣляется нашимъ воззрѣніемъ на поляковъ.

Если бы мы признали, а главное — доказали за ними историческую, лежащую въ основахъ національной личности, нищету духа, совершенную неспособность къ соціальному строительству, то тѣмъ самымъ подготовили бы своеобразную индульгенцію, plenam, quotidianam et perpetuam, для существующаго въ краѣ режима. Развѣ не слѣдуетъ вести на помочахъ ребенка, какъ бы тотъ ни брыкался и капризничалъ, если онъ не въ силахъ сдѣлать даже двухъ шаговъ самостоятельно? Обратно: какъ только мы убѣдились бы, что поляки — не политическіе дегенеранты, что не менѣе другихъ бодрыхъ и просвѣщенныхъ народностей они годны собственнымъ молотомъ ковать собственное счастье, то немедленно же ихъ право на культурное самоопредѣленіе, со всѣми отсюда вытекающими послѣдствіями, стало бы очевиднымъ. Мы намѣтили лишь крайніе полюсы рѣшенія задачи, а цѣлый рядъ промежуточныхъ?

Попыткѣ охарактеризовать поляка должна предшествовать оговорка.

Милый, всегда юный энтузіастъ В. В. Стасовъ, восхищаясь рѣдкою психологической проникновенностью Пушкина, говоритъ, что ни одинъ испанецъ не понималъ такъ глубоко и не рисовалъ такъ правдиво самихъ же испанцевъ, какъ великій русскій поэтъ («Донъ-Жуанъ»). Далѣе слѣдуютъ тирады—отраженіе гордыни узкаго славянофильства — на тему о всеобъемлемости души русскаго человѣка, который всякую тварь на земномъ шарѣ разумѣетъ лучше, чѣмъ сама она — себя.

—«Мы-ста, да чтобъ всего то-ись не произошли!..»

Ну-съ, и дѣйствительно «происходятъ»: нигдѣ, кажется, не довольствуются такъ охотно трафаретами при опредѣленіи различныхъ національныхъ характеровъ, какъ у насъ. Французъ— галантенъ, остроуменъ и вѣтрогонъ». «Нѣмецъ — настойчивъ, тупъ и скученъ». «Англичанинъ — самоувѣренъ, дѣлецъ и

эгоистъ». «Испанецъ — гордъ, горячъ и рыцарственъ». «Полякъ — кичливъ, вѣроломенъ и безмозглъ». Такія грубыя этикетки усвоены не одними только невѣждами.

В. В. Стасовъ, несомнѣнно, обладаетъ вкусомъ; какъ же онъ вѣритъ, что, напр., Хосе Эчегараю или Бенито Гальдосу, крупнѣйшимъ современнымъ драматургу и беллетристу Мадрида, менѣе доступны тайники испанской народной души, чѣмъ Пушкину, никогда въ Испаніи не бывавшему, не знавшему языка «края Маріи Пречистой» и изъ испанцевъ видѣвшему самое большее того посла, съ которымъ на балу бесѣдуетъ Татьяна Гремина «въ малиновомъ баретѣ»?

Но и Стасовъ и многіе-многіе его единомышленники еще до того, какъ вчитаться въ Пушкинскаго «Донъ-Жуана», уже твердо исповѣдывали шаблонный взглядъ на испанцевъ; ихъ обычная характеристика плѣняетъ публику удивительной несложностью, какъ плодомъ полнаго незнакомства наблюдателей съ чуждой жизнью. «Донъ-Жуанъ», этотъ перлъ всечеловѣческой психологіи, въ изображеніи національныхъ особенностей своихъ героевъ не подымается выше общепринятыхъ, казенныхъ ярлычковъ, какъ разъ по плечу русскихъ читателямъ, и потому его персонажи представляются Стасову и К° «испанистѣе» самихъ испанцевъ. Должно думать, что подобной категоріи друзей литературы испанцы Эчегарая или Гальдоса показались бы искусственными, фальшивыми фигурами, ибо эти авторы, понятно, усматриваютъ въ своихъ соотечественникахъ не однѣ лишь «гордость, горячность и рыцарственность».

Вотъ она главнѣйшая трудность нашего почина: мы не вѣримъ въ мѣткость обычной характеристики поляковъ, хотя и сложившейся столѣтіями, и попытаемся создать иную, пусть это навлечетъ на насъ неудовольствіе противниковъ всякой новизны. Болѣе того: именно-то историчность ходячаго представленія о полякахъ, многовѣковое его происхожденіе въ нашихъ глазахъ особенно обличаютъ его лживость. Вѣдь народъ болѣетъ и выздоравливаетъ, страждетъ и благоденствуетъ, растетъ и развивается, какъ все живое; развѣ не мѣняется

національный характеръ въ зависимости отъ многоразличныхъ фазъ его бытія? Похожъ ли римлянинъ V вѣка до Р. Хр., суровый воинъ-государственникъ, на изнѣженнаго себялюбца, гражданина нероновскихъ временъ? А вѣдь и тогда и потомъ это былъ все тотъ же римлянинъ, одной и той же чистой крови. На нашихъ глазахъ не вырабатываетъ ли среди британцевъ идея имперіализма такія національныя черты, которыхъ и слѣда вы не сыщете въ старыхъ англичанахъ, самоотверженно умиравшихъ за независимость даже чуждыхъ племенъ? Чемберлэнъ, какъ кумиръ доброй половины народа, былъ мыслимъ раньше?

Между тѣмъ у насъ не дѣлаютъ этого различія, не замѣчаютъ, что тождественными словами, съ теченіемъ времени, обозначаются совершенно разныя понятія.

Такъ и съ поляками. Подданный Болеслава Кривоустаго совсѣмъ не то, что шляхтичъ періода «золотой свободы», обыватель «конгрессувки» до 1831 года имѣетъ мало общаго съ жителемъ Привислинскаго края послѣ 1864 года. Національныя особенности мѣнялись и мѣняются слишкомъ рѣзко, чтобы ихъ позволительно было подвести подъ общій ранжиръ.

Можно намѣтить типичныя черты поляка той или другой, строго опредѣленной, эпохи, но не пробуйте возсоздать его нравственный и политическій обликъ внѣ времени и пространства; въ лучшемъ случаѣ вы невольно исказите истину, въ худшемъ — пойдете на сознательный самообманъ. А отсюда — ближайшій путь къ подтасовкѣ фактовъ и всякаго рода историческимъ подлогамъ.

Мы предлагаемъ вышвырнуть вонъ изъ памяти обветшалое, традиціонное представленіе о «ляхѣ». Пора, наконецъ, за фантомами, которые созданы мрачной подозрительностью однихъ или безмѣрной восторженностью другихъ, увидѣть живыхъ людей, *современныхъ* поляковъ со всѣми ихъ достоинствами и недостатками, въ реальной обстановкѣ. Исторію мы притянемъ къ отвѣту лишь постольку, поскольку одною ею объясняются черты народнаго характера, пронесенныя чрезъ даль вѣковъ, хотя бы онѣ и измѣнились до неузнаваемости.

На минуту — долой наше русское «я»! Мысленно разстанемся съ нимъ и поставимъ себя въ положеніе поляковъ. Безъ такого перевоплощенія мы утратимъ драгоцѣннѣйшій ключъ къ пониманію польской психики.

Итакъ, слава отжита! Растерзанъ одноглавый бѣлый орелъ и на три части раздѣлено его гнѣздо. Этнографически цѣлое, спаянное единой вѣрой (мы говоримъ лишь о *такой* Польшѣ; почему — будетъ выяснено дальше), раскололось. Послѣ двухсотлѣтней анархіи наступилъ покой, но могильный покой политическаго небытія. Вчера — властители, сегодня — творятъ чужую волю. Какъ ни были уродливы прежнія государственныя учрежденія, но они были свои, родныя! И наиболѣе ласковая мачеха — все-таки не мать. Тяжело жить подъ чужимъ, даже самымъ просвѣщеннымъ и мягкимъ владычествомъ: всегда оно останется чужимъ. Развѣ есть народъ, который самъ выдалъ бы себѣ testimonium pauperitatis, сказавъ: «Да, мы не способны къ самостоятельному существованію. Надѣнемъ же покорно нудное иго!» Мозгъ сверлитъ неотвязная мысль: «ошибки прошлаго сознаны; вотъ ручательство, что онѣ не повторятся въ грядущемъ». Лишь поддерживаемая родственною нравственной стихіей, въ средѣ своей народности, можетъ развить личность всю полноту духовныхъ силъ; безъ самобытности нѣтъ счастья, нѣтъ даже жизни... И если бы сто головъ было у человѣка, всю сотню безтрепетно долженъ онъ принести въ жертву великому дѣлу воскрешенія родины[1]). Въ войнѣ за свободу допускается все, что освящено законами каждой войны: и тайна мобилизаціи, и внезапность нападеній, и фальшивые обходы...

Таковъ приблизительно краеугольный камень міровоззрѣнія всякаго поляка, будетъ ли онъ житель Познани, Галиціи иль Царства Польскаго, аграрій иль представитель интеллигентнаго пролетаріата, капиталистъ иль соціалъ-демократъ — безразлично. Мы нарочно избѣгали упоминанія о мѣстныхъ прослойкахъ

---

[1]) Послѣднія слова Завиши, повѣшеннаго въ Варшавѣ 15 ноября 1883 г.; „Kiedy bym miał sto żyć, wszystkie bym ofiarował mojéj ojczyznie!“

общепольскаго фундамента народнаго характера. Этотъ фундаментъ остается неизмѣннымъ съ 1772 г. до нашихъ дней, только съ 1863 г. для возведенія зданія на немъ окончательно забраковано, какъ пріемъ строительства, насиліе, а избраны стремленіе къ экономической независимости и апелляція къ разуму и совѣсти русскаго *народа*.

Если вы прочувствовали всю глубину этого національнаго горя, то, чѣмъ больше вы любите собственную отчизну, тѣмъ становится понятнѣе «поведеніе» поляковъ за послѣднія сто лѣтъ. «Они никогда не могли успокоиться: вѣчно интриговали, устраивали мятежи, всегда относились къ намъ неискренне»...— вопятъ «охранители», чья узость взглядовъ молчаливо санкціонируется всей нашей окраинной политикою. А если бы роли перемѣнились, если бы *мы* стали поляками, что же? Мы благословляли бы судьбу, не возмущались бы, не пытались направить исторію по другимъ рельсамъ?

Конечно, мы дѣлали бы то же, ничуть не меньше, и наши лучшіе люди также безропотно шли бы въ камчатскія тундры, если для алтарей поклонниковъ солнца свободы нѣтъ иного мѣста, какъ въ странѣ вѣчной ночи. Польскую націю именно до тѣхъ поръ, покуда она не мирится съ теперешнимъ своимъ положеніемъ, нельзя назвать ни гнилою ни изжившеюся.

Вашъ пріятель сломалъ руку; какъ бы онъ тяжко ни вздыхалъ, какъ бы вы ему ни сочувствовали, но, если съ вами не случалось такого же несчастія, вы не будете въ состояніи точно представить себѣ всю остроту его боли. Поймете ли по-настоящему вы, спокойный обладатель жены, сидящей рядомъ, муки человѣка, который, по возвращеніи, застаетъ свой домъ пустымъ: любящей и любимой подруги нѣтъ... Какъ громомъ ушибленный, стоитъ онъ... Чужія бѣды найдутъ себѣ вѣрный откликъ лишь въ той душѣ, которая сама пережила всю гамму людскихъ страданій. Намъ трудно уразумѣть поляковъ: послѣ сверженія татарскаго ига мы всегда имѣли отечество, но припомните-ка народную пѣсню того времени, эту «горя рѣченьку бездонную»...

— Знаете что! — сказалъ мнѣ одинъ полякъ, тонкій и признанный психологъ. — Убѣдите насъ, что для свободы Польши нужно знаніе интеграловъ, и завтра весь народъ, отъ мала до велика, примется за ихъ изученіе.

Эту черту родственнаго намъ племени ни на мигъ нельзя упускать изъ вида: оно мучимо, не можетъ не быть мучимо освободительною idée-fixe, благороднѣйшею изо всѣхъ идей. Возможность понять другъ друга и добросовѣстно обсудить жгучій русско-польскій вопросъ открывается не ранѣе, какъ мы признаемъ всю естественность, непреоборимость и обоснованность польскаго освободительнаго движенія.

„Ну, ты — полякъ, и будь полякъ!
Могли бъ вѣдь жить мы и безъ дракъ;
Россія — русскимъ, ляхамъ — Польша?
Казалось бы — чего тутъ больше?
Да Царь-то думаетъ не такъ!“

говоритъ русскій капитанъ Рыковъ въ X главѣ «Пана Тадеуша», хотя, вѣрнѣе, не Царь, а сатрапы, прикрывающіеся его именемъ.

Исходные пункты воззрѣній и русскаго и поляка на ихъ взаимныя отношенія безусловно одинаковы — признаніе ненормальности этихъ отношеній; тождественны и конечныя цѣли — устраненіе такой ненормальности, радикальное уврачеваніе общаго недуга; чтобъ успокоить «господъ Искаріотовыхъ», добавимъ, что объ отдѣленіи Польши отъ Россіи никто изъ поляковъ и не думаетъ; тогда, дѣйствительно, «казалось бы», вопросъ можетъ быть разрѣшенъ успѣшнѣе квадратуры круга.

А вотъ подите же: безхитростный капитанъ Рыковъ, признающій за поляками право быть поляками, рискуетъ остаться въ одиночествѣ...

Съ этой, единственно правильной, точки зрѣнія, непосредственно устанавливаемой тѣмъ воображаемымъ «перевоплощеніемъ», о которомъ я просилъ читателей, только и можно правильно взвѣсить «старый споръ». Отрицать ее или руководиться другою, какъ это уже десятки лѣтъ дѣлаетъ наша адми-

пистрація въ Царствѣ Польскомъ, значитъ уродовать нравственную природу, не воспитывать, а развращать народный духъ.

Намъ претитъ прислужничество поляковъ и заставляютъ настораживаться ихъ двуличность и коварство. «Сервилизмъ и конспираторство — вотъ общественные пороки, которые привилъ намъ русскій режимъ», говоритъ г. Сѣрошевскій, старинный знакомый и нашей публики. Правда, подъ гнетомъ окраинной политики инородецъ долженъ стать рабомъ ея или врагомъ, часто заговорщикомъ; иного выхода при ея непримиримости нѣтъ.

Но сервилизмъ и конспираторство — второстепенныя и, вѣримъ, временныя черты польской національной личности; они исчезнутъ безъ слѣда, когда поляку, чтобы оставаться самимъ собою, не нужно будетъ ни низкопоклонничать, ни вести подкопныя работы.

Предъ нами во всей серьезности встаетъ другое недоумѣніе: красной нитью чрезъ всю исторію поляковъ проходитъ анархія. Сами они говорили: «Польша стоитъ безпорядкомъ» («Polska nierządem stoi»). Не въ основахъ ли народнаго характера лежитъ это безнарядье, роковое неумѣнье выработать спокойный закономѣрный укладъ жизни? Племени, государственность котораго не знала законовъ эволюціи, судорожно двигавшемуся всегда лишь толчками революціи, можно ли отвести отдѣльный флигель въ большомъ русскомъ хозяйствѣ? Управится ль оно безъ опекуновъ или поведетъ дѣло такъ, что и само погибнетъ и въ разоръ введетъ всѣхъ сосѣдей? Не правильна ли, пожалуй, испытанная система «ежовыхъ рукавицъ», чуждая вреднаго сентиментализма къ частямъ, когда рѣчь идетъ о благѣ общаго?

Государственники ли поляки?

VII.

«Польша, сливъ воедино, десять вѣковъ тому назадъ, многія близкія другъ къ другу по языку, происхожденію, нуждамъ и характеру поколѣнія, развивала, въ предѣлахъ извѣстныхъ со-

словій, демократическую идею славянства, подавленную въ великороссахъ чуждою властью и насиліемъ, и одна защищала европейскую цивилизацію отъ напора всякой азіатской дичи: татаръ, турокъ и москалей».

«Когда же освобожденная человѣческая мысль объявила на Западѣ войну старому порядку вещей, въ защиту котораго возсталъ могущественный абсолютизмъ Россіи, Польша, какъ передовая стража европейской цивилизаціи, вѣрная своему призванію, вступила въ борьбу и въ этой борьбѣ погибла. Абсолютизмъ окрѣпъ и усилился на ея могилѣ. Спасеніе Европы было отложено. Отсюда слѣдуетъ, что дѣло воскресенія Польши необходимо для всѣхъ, есть дѣло не одной только Польши, а цѣлаго человѣчества».

Такъ было формулировано польское «Вѣрую» въ знаменитомъ манифестѣ Демократическаго Общества (1836 г.), центральнаго кружка эмиграціи въ Парижѣ. Исторіософическая мысль поляковъ внесла съ той поры нѣкоторыя частичныя поправки въ это «Credo», но никогда не выражалась она болѣе сильно и опредѣленно. Это — положительный полюсъ національнаго самосознанія (насколько онъ правиленъ — увидимъ дальше), устанавливающій за Польшею строго опредѣленную международную миссію; подъ этимъ угломъ зрѣнія поляки представляются чистой воды государственниками, чье сердце воодушевлено широчайшей демократическою программой. На перекличкѣ націй, борцовъ даже за чужую свободу противъ угнетенія, не добрый порывъ, а твердая сознательная воля всегда заставляла Польшу отвѣчать: «я здѣсь!»

Польша, это — народъ-Мессія, искупающій грѣхи другихъ націй своею смертью, принесеніемъ себя въ жертву для конечнаго торжества христіанско-демократической идеи. Къ этому сводится ученіе Андрея Товіанскаго (1799—1878 гг.), послѣдователей котораго, «братьевъ-товянистовъ», вы и сейчасъ найдете въ Краковѣ. Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ его прозелитовъ долго былъ Мицкевичъ, читавшій даже въ сороковыхъ годахъ въ «Collège de France» спеціальный курсъ «Официальная цер-

ковь и мессіанизмъ». Сюда же близко подходитъ ученіе Круликовскаго, вѣрившаго, что лишь польскій христіанизмъ будетъ орудіемъ возрожденія человѣчества («Polska Chrystusova»).

Было бы ошибкою видѣть въ мессіанизмѣ какое-то порожденіе польской гордыни; это культурное явленіе присуще каждой націи, когда недостатокъ критицизма охотно питаетъ романтическія бредни и собственную идеализацію. Развѣ не мессіанисты наши славянофилы или, напр., Фихте у нѣмцевъ?

Не видя въ мессіанизмѣ типично-польской черты, мы упомянули о немъ не для того даже, чтобъ показать его вредныя послѣдствія—оправданіе застоя и нетерпимость, но потому, что онъ представляетъ попытку подведенія умозрительнаго фундамента подъ практическій, боевой кличъ выше цитированнаго «Манифеста».

Въ своемъ безпримѣсномъ, чистомъ видѣ мессіанизмъ исповѣдуется теперь лишь немногими поляками: какъ ни какъ горькій опытъ жестоко перемалываетъ и обращаетъ въ пыль всякія покушенія упрятать живую жизнь въ тѣсный футляръ идеологіи. Другое дѣло — то *настроеніе*, которое было создано мессіанизмомъ и не вывѣтрилось доселѣ: пусть даже поколеблены мечты о вселенской роли богоизбраннаго народа-искупителя,— тѣмъ менѣе мирится раздраженное воображеніе съ будничной схемой, которая отводитъ польской націи скромное мѣсто въ обще-исторической мастерской. У иныхъ нехватаетъ силъ сойти съ первоначальной высоты, и, закрывъ глаза на всѣ промежуточные этапы, они стремглавъ кидаются внизъ, въ бездны отрицанія за собою какихъ бы то ни было государственныхъ началъ.

Межъ двумя этими крайностями, самовозвеличиваньемъ народной гордости и самоуничиженіемъ народнаго отчаянья, лежитъ разумное среднее — трезвое міросозерцаніе большинства польскаго общества, сложившееся за какія-нибудь 30—25 послѣднихъ лѣтъ. Мы въ подробностяхъ охарактеризуемъ его дальше.

«Мы совсѣмъ не государственники, въ полную противоположность вамъ, русскимъ, — говорятъ «отчаявшіеся»: — всю-

мните нашу исторію... Два поляка, собравшись вмѣстѣ, уже всегда представляли три партіи... У насъ была республика, но съ королемъ... Руководясь только благомъ государства, мы создавали въ немъ цѣлый рядъ антигосударственныхъ союзовъ — всѣ эти безчисленныя конфедераціи... Были вольнолюбивы и находились въ рабской зависимости отъ «veto» каждаго пьянаго или подкупленнаго шляхтича... Съ увлеченіемъ разрабатывали юриспруденцію, были патентованными законниками, а кончали свои процессы вооруженными наѣздами на помѣстья противниковъ... Еще византійцы, наблюдавшіе нашихъ предковъ VI вѣка, называли насъ *спорами*, отъ греческаго слова sporaden—врозь, потому что ужъ тогда мы вѣчно ссорились, не признавали единовластія, жили вразбивку... Что дѣлать? Наслѣдственность... Мы органически не способны къ самостоятельному государственному существованію; куда ужъ намъ, прирожденнымъ анархистамъ!»

«Tu l'as voulu, George Dandin», говоритъ привислинская администрація: «каковы бъ мы ни были, но безъ нашей указки поляки погибнутъ!»

Но съ единичными «отчаявшимися» и многочисленными русскими публицистами можно ли согласиться въ томъ, будто неизмѣнными основами польскаго національнаго характера обусловливается неспособность этого народа къ государственному бытію? Если такъ, то чѣмъ вы истолкуете непрерывный ростъ Польши за первые семь вѣковъ ея исторіи: безъ чужероднаго вмѣшательства объединяются отдѣльные кланы, дикость огражданивается, отыскиваются силы для колонизаціи востока и юга, государственность успѣшно переходитъ въ наступленіе на иноплеменниковъ, процвѣтаютъ науки и вырабатывается собственная форма правленія, свободолюбіемъ превосходящая всѣ, которыя зналъ тогдашній міръ. Правда, у этой ладьи не было якоря, въ видѣ политически себя сознающаго третьяго сословія, на ней суетилось слишкомъ много капитановъ и отсутствовалъ рулевой — въ формѣ реальной исполнительной власти; потому-то и стала она въ XVII и XVIII столѣтіяхъ жертвою подвод-

ныхъ внутреннихъ камней и игрушкою иноземныхъ вѣтровъ. Но анархія упадка позволяетъ ли забыть благополучіе и цѣлостность прошлаго, которое и часу не было бы мыслимо, если бы народъ отъ рожденія былъ лишенъ инстинкта государственнаго строительства? Скажутъ: «значитъ, національный характеръ не оставался всегда одинъ и тотъ же: вначалѣ — онъ благопріятствовалъ развитію независимости, затѣмъ — нѣтъ». Но едва отвѣтятъ такъ, какъ тѣмъ самымъ отвергнутъ незыблемость народной психики, признаютъ, слѣдовательно, возможность и такого въ будущемъ ея измѣненія, которое узаконитъ самые широкіе виды самобытности. Истолкованіе всѣхъ бѣдъ поляковъ ихъ національнымъ характеромъ еще и потому ничего не объясняетъ, что никакъ нельзя, по тонкому замѣчанію Н. И. Карѣева, свести къ единому характеру такія противоположности польской исторіи, какъ гордое «не позволямъ» шляхтича и смиренное «падамъ до ногъ» крестьянина. Что жъ дѣлать? Допустить вмѣстѣ съ Погодиными, что панъ и хлопъ суть представители различныхъ племенъ и потому такъ несходна ихъ психика — нельзя, ибо наука отвергла эту гипотезу. Остается искать причины паденія поляковъ гдѣ угодно, но только не въ ихъ характерѣ.

Разъ навсегда опредѣлимъ эти роковыя силы и, если онѣ дѣйствуютъ и понынѣ, тогда безстрастно пройдемъ мимо гробницы, гдѣ, спеленатая по рукамъ и ногамъ, лежитъ покойница-Польша. Ей не воскреснуть!

Странно, но польская исторіографія до недавняго появленія т. наз. «краковской школы» объясняла паденіе Рѣчи Посполитой или слишкомъ общими причинами, или столь мелочными, что изъ-за нихъ, какъ изъ-за деревьевъ, не видно было самаго лѣса. Потому ли, что, при современныхъ условіяхъ, поляку трудно подняться до хладнокровія аналитика-хирурга (вѣдь ему приходится рѣзать по живому собственному мясу), потому ли, что обычно мы легче усматриваемъ цѣлыя бревна въ чужихъ глазахъ, чѣмъ соринки въ собственныхъ, но только русскіе и нѣмецкіе историки отвѣчаютъ на интересующій насъ вопросъ

гораздо доказательнѣе и полнѣе, чѣмъ ихъ польскіе коллеги. Можетъ ли васъ удовлетворить заявленіе изряднаго количества послѣднихъ, что Польшу сгубилъ «цѣлый рядъ ошибокъ», «продолжительное нарушеніе тѣхъ верховныхъ законовъ, которые Богъ предписалъ народамъ», «отсутствіе въ теченіе послѣднихъ двухъ вѣковъ хотя бы одного дѣйствительно великаго и разумнаго дѣянія, хотя бы одной дѣйствительно великой исторической личности», «конфедераціи», «liberum veto» и т. д.? Такія «объясненія» очень похожи на перлъ полицейскихъ протоколовъ: «пожаръ произошелъ отъ вспыхнувшаго пламени». Ну, а пламя-то откуда же? Почему поляки допустили «цѣлый рядъ ошибокъ»? Отчего не могли совершить «ни одного великаго и разумнаго дѣянія» и т. д.?

Тутъ ужъ «Мойрой» греческой трагедіи пахнетъ, неотвратимымъ предопредѣленіемъ, которое вооружаетъ Эдипа противъ отца и кидаетъ въ объятія матери.

VIII.

«Клерикально-шляхетскія тенденціи сгубили Польшу» — къ этому заключенію сводимъ мы отзывы большинства современныхъ историковъ.

...Въ радостную ночь подъ Рождество Христово народы собираются въ вѣчный Римъ, подъ своды величественнаго храма святого Петра... Какъ древле волхвы, весь христіанскій міръ преклонитъ сегодня колѣна предъ колыбелью Малютки Іисуса... Вотъ вошла польская шляхта и заняла мѣсто вблизи престола намѣстника Господа на землѣ... Мирной поступью шествуютъ тѣлохранители, несущіе золотую «седію», съ высоты которой папа шлетъ апостольское благословеніе вѣрующимъ... Но наступленіе праздника не веселитъ молящихся, потому что «сегодня — канунъ послѣдняго Рождества». Души всѣхъ полны тревогой, смутнымъ ужасомъ предъ какой-то грозой, которая должна, не можетъ не разразиться... Лица искажены трепетомъ... Что-то будетъ? Что-то будетъ? Апостолъ Іоаннъ, присутствующій на

богослуженіи подъ видомъ юнаго кардинала, вызвавъ св. Петра изъ гробницы, заявляетъ, что отнынѣ Іоанну уже препорученъ міръ; вѣрующіе должны удалиться, такъ какъ храму грозитъ разрушеніе. Гулъ и трескъ раздаются затѣмъ... Грандіозное зданіе начинаетъ шататься: близка гибель... Громадныя колонны рушатся и обращаются въ пыль... Паника охватываетъ присутствующихъ и всѣ стремглавъ кидаются вонъ... Всѣ — кромѣ шляхты: рыцарственно вѣрная святѣйшему отцу, она тѣснымъ кольцомъ окружаетъ первосвященника, чтобы спасти его или умереть вмѣстѣ. Поздно! Валятся куполъ и стѣны и погребаютъ подъ собою папу и шляхту... Изъ груды развалинъ медленно подымается апостолъ Іоаннъ, и на землѣ наступаетъ его царство — царство мира и любви!..

Въ такой чудный образъ облекъ знаменитый польскій поэтъ Красинскій («Легенда») свое мнѣніе о томъ, что благополучіе поляковъ немыслимо, пока остаются въ силѣ клерикализмъ и шляхетщина.

Въ Императорской Публичной библіотекѣ вы можете отыскать очень интересную, несмотря на весьма почтенный ея возрастъ, польскую брошюру: «Катехизисъ Рѣчи Посполитой». Попала она въ Петербургъ изъ библіотеки послѣдняго короля, и не разъ, вѣроятно, философски настроенный Станиславъ Понятовскій одобрительно качалъ головою, перевертывая эти пожелтѣвшія страницы. Между прочимъ, тутъ мы находимъ слѣдующій «символъ вѣры», въ корнѣ подрывающій всю демократическую цѣнность «Манифеста» 1836 года.

«Вѣрую и признаю шляхетскую вольность виновницею безпорядковъ, притѣсненій и призрѣнія ближнихъ, лишившую хлопа правъ человѣческихъ, а мѣщанина — правъ гражданскихъ, — вольность, отъ которой произошло самовластіе пановъ, породившее разладъ, подлость и раздѣленіе шляхты на партіи, проникнутыя духомъ мошенничества и дерзкаго насилія сильныхъ.

«Вѣрую, что король, лишенный правъ, терпитъ отъ преобладающей аристократіи упреки въ народныхъ бѣдствіяхъ, часто незаслуженно.

«Вѣрую, что войско, казна, стража, юстиція и безопасность столицы, раздѣленныя между четырьмя управленіями, служатъ причиною притѣсненій, грабительства и несправедливостей.

«Вѣрую въ подкупность государственныхъ чиновъ и сеймовыхъ депутатовъ; вѣрую въ ихъ сношенія съ иностранными министрами для общихъ своекорыстныхъ видовъ.

«Вѣрую въ воскресеніе иностраннаго преобладанія и неурядицъ; вѣрую въ прощеніе клятвопреступленій и измѣны»...

Что за ядъ сарказма! Что за сила обвиненія! Какая точность политическаго діагноза! Вы видите, какъ поэтъ и памфлетистъ разными путями приходятъ къ одинаковому заключенію.

Народная свобода всегда была кумиромъ польской шляхты; бѣда, что народомъ шляхта признавала только самоё себя.

Поэтому, добиваясь и затѣмъ добившись вольностей для себя, она стала деспотомъ для большей части народа — крестьянъ. «Мы едва различаемъ крестьянъ отъ рабочаго скота, которымъ они пашутъ наши поля (пишетъ король Станиславъ Лещинскій). Часто мы менѣе щадимъ силы крестьянъ, чѣмъ силы животныхъ. Я не могу вспомнить безъ ужаса тотъ законъ, по которому каждый шляхтичъ, убившій крестьянина, подвергается только штрафу въ 15 фр. Мы считаемъ крестьянъ существами иной породы и почти отказываемъ имъ въ правѣ дышать однимъ съ нами воздухомъ».

Республика, основывающаяся на рабствѣ, сходна съ пороховымъ складомъ, расположеннымъ на вершинѣ вулкана; ея взрывъ неминуемъ, когда лава народнаго негодованія подымается до извѣстнаго уровня, если только раньше встревоженные сосѣди, чтобъ не погибнуть самимъ, не растащатъ весь складъ...

Всякое угнетеніе ведетъ страну къ политической смерти и мститъ за своихъ жертвъ тѣмъ, что развращаетъ самихъ угнетателей, дѣлаетъ изъ нихъ банкротовъ духа. Захватившая всѣ права, возложивъ всѣ обязанности на другія сословія, шляхта искренно олицетворила въ себѣ идеи отечества и народа: *внизу* — для нея не существовало ничего, *вверху* — она, боясь утраты

свободы, не позволила создаться сильной власти, которая впослѣдствіи, хотя бы для самосохраненія, эмансипировала крестьянъ. Старая Польша страдала буквально какою-то атрофіей всякаго демократическаго чувства. Какъ горько жалуются иные дѣятели Рѣчи Посполитой XVII вѣка на стремленіе къ «проклятому равенству», тормозящее весь бѣгъ государственной колесницы, когда никакого равенства внѣ замкнутаго круга шляхты не было, и страна именно отъ этого-то и чахла. Но шляхтичи непритворно *забыли* о существованіи прочихъ классовъ. Да чего ужъ лучше: Костюшко, который издалъ не имѣвшій никакихъ практическихъ послѣдствій универсалъ объ освобожденіи «хлоповъ», тотъ самый Костюшко не допустилъ мѣщанъ и крестьянъ въ составъ Высочайшаго Совѣта 1794 года. Сподвижникъ Вашингтона, человѣкъ, проливавшій въ Новомъ Свѣтѣ кровь за чужую свободу, не могъ въ родной обстановкѣ подняться выше общешляхетскаго міросозерцанія... А вѣдь въ это время принципы великой революціи уже отлились въ кристально-ясную форму и еще не были захватаны руками цезаря Бонапарта.

Но въ томъ-то и было все горе Польши, что, живя единою жизнью съ Западною Европой, она осталась почти внѣ воздѣйствія двухъ величайшихъ культурныхъ явленій Запада: клерикализмъ, душившій Рѣчь Посполитую, каменною стѣною отгородилъ ее отъ живительныхъ лучей реформаціи[1]) и великаго освободительнаго движенія 1789 года. И мысль и личность не

---

[1]) Видный польскій эмигрантъ 30-хъ годовъ гр. В. Красинскій ярко подчеркнулъ всю высоту политическихъ благъ для Польши въ протестантствѣ: „Быть-можетъ,—говоритъ онъ въ своемъ „Историческомъ очеркѣ происхожденія, успѣховъ и упадка реформаціи въ Польшѣ“,— ни одна страна въ свѣтѣ не даетъ столь блестящихъ доказательствъ, какъ Польша, относительно того, что государство получаетъ великія благодѣянія отъ введенія въ немъ вѣроученія, основаннаго на св. писаніи, и что, наоборотъ, подавленіе его влечетъ за собою великія бѣдствія для народа, ибо Польша во время успѣховъ реформаціи пользовалась благосостояніемъ и славою и въ обоихъ отношеніяхъ стала падать, когда библейское христіанство должно было склониться передъ римско-католической реакціей.

сбросили здѣсь съ себя путъ подчиненности извнѣ поставленнымъ авторитетамъ.

Когда, порвавъ съ принужденіемъ, гордый духъ европейца поднялся къ облакамъ въ творческихъ поискахъ лучшихъ формъ вѣрованія и государственнаго быта, у поляка нехватило смѣлости разбить средневѣковыя колодки. Крылья растутъ только у смѣлыхъ, и онъ остался на землѣ несчастнымъ наслѣдникомъ закрѣпостившей его старины.

«Я намѣренно употребилъ слово «клерикализмъ». Католичество здѣсь, по-моему, играетъ лишь второстепенную роль оболочки, которою были прикрыты клерикальныя тенденціи. Въ равной, вѣроятно, степени онѣ могли, при благопріятствующихъ условіяхъ, спрятаться за православіе, магометанство или буддизмъ, вызывая тождественныя же, несомнѣнно, послѣдствія. Проходя почтительнымъ молчаніемъ догматы и даже, если угодно, самое содержаніе вѣрованій, я разумѣю подъ клерикализмомъ извѣстное міровоззрѣніе, политическій идеалъ, при которомъ государственность направляется представителями господствующей религіи. У насъ, напр., поборникомъ, къ счастью, неудачнымъ, клерикализма выступилъ Никонъ. Недавняя попытка насажденія клерикализма уже свѣтскими властями напередъ представлялась безнадежной, — такъ безповоротно было обращено Петромъ Великимъ православіе въ послушное орудіе государственности.

Вы спросите: «Почему же на Западѣ, за исключеніемъ Испаніи и отчасти Италіи, клерикализмъ вездѣ потерпѣлъ пораженіе, а въ Польшѣ онъ восторжествовалъ вмѣстѣ съ своимъ непремѣннымъ спутникомъ, — умерщвленіемъ духа свободы?» Но, во-первыхъ, взяты еще далеко не всѣ позиціи клерикализма и на Западѣ; на нашихъ глазахъ жестокая культурная борьба идетъ съ нимъ въ республиканской Франціи, а въ Бельгіи его могущество поколеблено весьма незначительно; во-вторыхъ, Польша выступила на историческую арену 5-ю вѣками позже своихъ западныхъ собратьевъ и, какъ быстро ни жила, не успѣла догнать той формы ихъ развитія, на которой мыслящая часть націи принуждена сбросить ярмо клерикализма. Въ част-

ности — именно поэтому тлетворная дѣятельность іезуитовъ имѣла большее значеніе въ Польшѣ, чѣмъ во всякой другой странѣ. Они одинаково «работали» повсюду и въ свое время повсюду же ими нагружали барки для отправки обратно «почтенныхъ братьевъ» въ Римъ; та же участь постигла бы ихъ и на берегахъ Вислы, если бы не запоздалость всего процесса, закрывавшая полякамъ глаза на настоящую роль послѣдователей Лойолы.

IX.

Итакъ, господство клерикализма и огосударствленіе религіи, эгоистично-шляхетскій строй и полная неустойчивость сословныхъ вожделѣній, аристократическая республика и мужицкое царство — таковы коренныя противоположенія, продиктованныя судьбами самихъ народовъ, межъ Польшей и Россіей. Если бы уроки исторіи проходили даромъ и современные поляки не различествовали отъ своихъ предковъ, то, конечно, трудно было бы столковаться объ общемъ дѣлѣ намъ, коллективистамъ, людямъ «громады», съ ними, чистой воды индивидуалистами.

Недальновидность и несправедливость обращаютъ русскихъ окраинныхъ дѣятелей въ Павловъ, безъ надежды, что когда-либо они станутъ Савлами. Но вѣра въ живучесть клерикально-шляхетскихъ принциповъ у нынѣшнихъ поляковъ будитъ подозрительность и лучшей части нашего общества. Ея твердое демократическое настроеніе смущается вопросомъ:

«Допустимъ, завѣтная цѣль достигнута и поляки получили возможность свободнаго опредѣленія нормъ собственной жизни. Что, если отъ этого, въ силу старыхъ клерикально-шляхетскихъ тенденцій, только проиграютъ тѣ *низы* народа, которыхъ всегда игнорировала Рѣчь Посполитая? Не поляки, а Черкасскіе, Милютины и Самарины съ присными устраивали благосостояніе привислинскаго крестьянина. Въ предѣлахъ Польши русское правительство всегда придерживалось демократической политики, хотя бы въ силу правила „divide et impera". Гдѣ же руча-

тельство, что самоуправляющаяся Польша не выброситъ всякое народолюбіе за бортъ корабля, какъ ненужный балластъ?»

Такая тревога весьма замѣтно сквозила въ рѣчахъ нѣкоторыхъ участниковъ русско-польскаго съѣзда, состоявшагося 8 и 9 апрѣля т. г. въ Москвѣ. Замѣтьте, что членами съѣзда были безусловно достойнѣйшіе представители нашего общества, которыхъ и злѣйшій врагъ не могъ бы упрекнуть въ полонофобствѣ.

Приведу двѣ-три выдержки изъ протокола съѣзда: «въ польскихъ требованіяхъ насъ могла бы остановить недостаточно демократическая программа», говоритъ одинъ ораторъ; «русское общество должно имѣть гарантіи, что въ Царствѣ Польскомъ будутъ господствовать *демократическія начала, которыя польское общество, какъ извѣстно изъ исторіи, не раздѣляетъ»*, вторилъ ему другой; «въ нашу программу мы не можемъ включить польскія требованія, внутри насъ нѣтъ единаго мнѣнія по этому вопросу. Часть считаетъ включеніе польскихъ требованій въ программу несвоевременнымъ и нецѣлесообразнымъ изъ опасенія оттолкнуть отъ себя часть оппозиціонныхъ силъ и заставить ихъ передвинуться вправо», суммируетъ впечатлѣнія третій, видный земскій дѣятель.

Въ какой мѣрѣ основательны эти страхи, диктуемые любовью къ младшему брату? Научились ли новыя поколѣнія поляковъ демократизму, забыли ль старыя клерикальныя повадки, или, какъ и для бурбоновъ, суровый голосъ исторической Немезиды прозвучалъ для нихъ напрасно? Это — ключъ къ рѣшенію всего польскаго вопроса.

Въ 1851 году графы Ржевусскій и Пршездзецкій задумали издавать газету «Варшавскій Дневникъ» («Dziennik Warzawski»); для того времени молодой органъ сразу пошелъ прямо блестяще. На второмъ мѣсяцѣ существованія въ Дневникѣ» была помѣщена пропитанная клерикальнымъ духомъ статья «Цивилизація и религія». Этого было достаточно, чтобы тиражъ газеты въ нѣсколько дней спустился до 200 экземпляровъ; дальше хуже: ее отказались получать даже даромъ всѣ библіотеки, кондитерскія и т. п. заведенія, гдѣ публика читаетъ журналы... Титулованные

издатели передали «Дневникъ» въ другія руки; черезъ годъ его окрестили «Хроникою» («Kronika»), чтобы сгладить самую память о ненавистномъ имени; увы! и это не помогло: дѣло ужъ было убито наповалъ.

Вы видите, что пѣсенка ультрамонтанства была окончательно спѣта въ Польшѣ еще полвѣка тому назадъ.

Въ Варшавѣ выходитъ въ свѣтъ теперь около 100 періодическихъ изданій; за исключеніемъ стоящаго особнякомъ «Католическаго Обозрѣнія» («Przegląd Katolicki»), спеціальнаго органа духовенства, «клерикализмъ» 3—4 изъ этой почтенной цифры выражается тѣмъ, что они подчеркиваютъ отдѣльныя, положительныя проявленія дѣятельности своихъ пастырей, не замѣчая никакихъ тѣневыхъ; всѣ же остальные газеты и журналы или замалчиваютъ вопросы, связанные съ религіей, или же, какъ это ни удивительно, достаточно сурово обличаютъ малѣйшія уклоненія ксендзовъ отъ высокаго долга священника. Проповѣди нетерпимости, фанатизма вы не услышите безусловно нигдѣ.

Клерикализмъ, препятствуя въ старой Польшѣ политической свободѣ, развитію философскаго и научнаго духа, естественно вызываетъ теперь реакцію противъ себя, но гласное осужденіе его здѣсь, повторяемъ, все-таки представляется удивительнымъ.

Дѣло въ томъ, что католичество въ Польшѣ больше, чѣмъ религія: оно да языкъ — могучій цементъ, объединяющій націю, политически не существующую, послѣдніе остатки былой независимости, живая память незабвеннаго покойника. Польская дѣйствительность вырабатываетъ теперь, какъ вездѣ, типы атеистовъ, свободомыслящихъ и индиферентныхъ, но не проявляетъ ихъ: равнодушіе или «инакомышленіе» въ дѣлахъ вѣры означаетъ разрывъ съ историческими традиціями, измѣну народному дѣлу.

Велика же должна быть ненависть къ клерикализму, когда она, откинувъ вышеприведенныя соображенія, ополчаетъ польскихъ публицистовъ на открытую борьбу съ рясою!

Но не всегда и не вездѣ печать отражаетъ подлинное настроеніе общества. Для поляковъ «Roma locuta est, causa

tinita» не представляется ли высшимъ мѣриломъ вещей? Не клерикальны ли агенты Рима, католическіе епископы и ихъ безчисленные ставленники, ксендзы? Могли ли бы они удовольствоваться ловитвою душъ или, безъ бдительнаго противодѣйствія власти, тотчасъ принялись бы за старый грѣхъ поддержки аристократіи въ ущербъ народу? Пренебрегши однимъ «боговымъ», простерли бы свои вожделѣнія и на «кесарево»?

Въ противность шаблонному предразсудку, клерикализмъ должно признать сравнительно новымъ явленіемъ польскаго быта; принято думать, что онъ сопровождалъ народъ отъ колыбели до политической могилы; легко тогда выводятъ, что онъ сдѣлался второю натурой націи. Какъ только станетъ она на собственныя ноги, тотчасъ же подниметъ голову ультрамонтанство, немедленно восторжествуетъ нетерпимость и косность. Эти страхи напрасны. Рѣчь Посполитая не имѣла новой исторіи, но слишкомъ основательно пережила средневѣковую, чтобы еще разъ возвращаться къ ней. Фанатизмъ отнюдь не вошелъ въ кровь полякамъ, какъ испанцамъ, которые укрѣпили его въ себѣ непрестанными гоненіями мавровъ и евреевъ. Инквизиція не привилась на привислинской почвѣ, — недобросовѣстно упускать это изъ вида. До половины XVI вѣка въ Польшѣ господствовала религіозная свобода, а въ это же приблизительное время Торквемада за 17 лѣтъ (1481—1498) сжегъ въ Кастиліи до 9000 человѣкъ и конфисковалъ имущество у 90.000! Польскій гуманизмъ по характеру приближался къ итальянскому; изъ университетовъ Падуанскаго и Болонскаго, — особенно послѣдняго, гдѣ на стѣнахъ актоваго зала и аудиторіи видишь множество «сарматскихъ» гербовъ, — молодые паны привозили на сѣверъ жизнерадостный индиферентизмъ возрожденія; они брали отъ Ренессанса его языческое умѣніе поэтизировать существованіе, добивались завидной гармоніи духа и тѣла, а своимъ нѣмецкимъ сосѣдямъ предоставили углубляться въ теологію. Когда изъ среды послѣднихъ раздалось огненное слово Лютера, оно нашло въ Польшѣ меньше враговъ, чѣмъ у себя на родинѣ, но и друзей меньше, нежели гдѣ бы то ни было въ центрѣ

Европы: поляки холодно встрѣтили новизну, потому что и къ старинѣ не были особенно горячо привязаны; для своего вѣка они были людьми довольно свободомыслящими, которымъ чужды какъ слѣпая приверженность преданіямъ, такъ и пылъ новообращаемыхъ. Уже въ XV вѣкѣ, по наблюденію одного изъ современниковъ (Яна Остророга) шляхта относилась къ духовенству съ ненавистью, все возраставшей и побудившей въ XVI столѣтіи польскихъ священнослужителей плакаться предъ нунціемъ папы «о постоянной и давнишней враждѣ свѣтскихъ къ клиру, которой конца не будетъ, будь даже духовенство самаго безупречнаго поведенія». Уваженіе къ сану пастырей не мѣшало пасомымъ жестоко нападать на клириковъ за всякія «шалости» въ духѣ новеллъ Боккаччіо. На піотрковскомъ сеймѣ 1555 года послы язвительно упрекаютъ духовныхъ въ томъ, что они «утѣсняютъ всѣ сословія и свободно бросаются на шляхетскую честь», обижаютъ крѣпостныхъ дѣвокъ и т. д. На немедленно послѣдовавшія возраженія священнослужителей протестантская шляхта дала удивительно характерный отвѣтъ: «что же приводятъ противъ насъ? Ничего, кромѣ оскорбленія таинствъ, отобранія костеловъ, присвоенія церковнаго имущества»... Такое «ничего, кромѣ», конечно, не могло бы раздаться въ представительномъ собраніи народа, усвоившаго будто бы себѣ клерикализмъ чуть не на зарѣ исторіи. А чего стоитъ рѣчь Рея на люблинскомъ сеймѣ 1564 года, сказанная въ оправданіе шляхтича, который вырвалъ у ксендза св. дары и растопталъ ихъ? «Кого оскорбилъ преступникъ? Бога? Значитъ только Богъ и можетъ судить его», заключилъ ораторъ. Такая точка зрѣнія, поддержанная всѣми присутствовавшими, ярко живописуетъ людей и эпоху, которыхъ можете уличать въ чемъ угодно, только не въ ультрамонтанствѣ. Въ безкоролевье 1573 г. религіозную терпимость того или другого кандидата на престолъ выставляли какъ приманку, могущую обезпечить большинство голосовъ; шансы Генриха Анжуйскаго представлялись сомнительными, потому что онъ былъ братомъ автора Варѳоломеевой ночи, Карла IV, а Иванъ Грозный имѣлъ сторонниковъ, такъ какъ

проявилъ снисхожденіе «къ людямъ вѣры Лютера Мартина, что образа разрушаютъ». Даже личная пламенная религіозность прекрасно уживалась тогда въ человѣкѣ съ требованіемъ свободы исповѣданій. Одна изъ крупнѣйшихъ фигуръ Польши, великій канцлеръ Янъ Замойскій, предпочитавшій «вовсе не родиться, чѣмъ быть не-католикомъ», готовъ былъ «скорѣе умереть, чѣмъ потерпѣть, чтобъ одинъ хоть полякъ насильно былъ вынужденъ принять католичество» (Карѣевъ, «Оч. реформ. движенія»). Польскій историкъ, Шуйскій, съ горечью удостовѣряетъ, что одно время шла тогда рѣчь объ уніи съ греческимъ исповѣданіемъ на началахъ, «благопріятныхъ для схизмы».

Можно ли послѣ всего этого говорить о «прирожденности» польскаго клерикализма, усматривать въ немъ основную черту національнаго характера, полагать, что полякъ не въ силахъ вѣрить не на клерикальный ладъ?

Эта идиллическая картина мѣняется не сразу, но существенно, какъ только кардиналъ Газій, «богъ папистовъ» по опредѣленію лютеранъ, послѣ тридентскаго собора вызываетъ въ Польшу іезуитовъ: годъ за годъ проводятся мѣры, каждая суровѣе предшествующей, и, за сто лѣтъ до перваго раздѣла Рѣчи Посполитой, на избирательномъ сеймѣ 1769 года было постановлено карать смертью отпаденіе отъ католичества. Нація, дѣйствительно, съ той поры окостенѣла въ клерикализмѣ.

Не будемъ загадывать, какая участь ожидала бы Польшу, если бъ она приняла протестантство, равно какъ въ борьбѣ его съ Римомъ не станемъ усматривать состязанія двухъ политическихъ программъ; откажемся отъ услугъ фантазіи и коварной помощи сравненій. Считаясь только съ тѣмъ, что, дѣйствительно, было и есть, укажемъ на связь побѣды католической реакціи съ гибелью духа свободнаго изслѣдованія, который, составляя ядро реформаціи, сначала разбилъ бы иго надъ душами, а потомъ подготовилъ бы къ эмансипаціи и закрѣпощенную личность.

Іезуиты направили страну по другому пути, но чѣмъ же объясняется самое торжество ихъ? Не тѣмъ ли, что ученіе Лойолы находило себѣ гулкій откликъ въ польскихъ сердцахъ?

Положительный отвѣтъ косвенно подтвердилъ бы мысль объ ультрамонтанскомъ предрасположеніи націи. Но тріумфъ, котораго легко добились здѣсь іезуиты, и неудачи, которыя, невзирая на тяжкіе труды, постигли ихъ повсюду, кромѣ Рѣчи Посполитой, мы объясняемъ иначе. Вспомните, что папизмъ (умышленно употребляю это слово, чтобы сдѣлать различіе между нимъ и католичествомъ, небезгрѣшною политикой церкви и непреложными для вѣрующаго истинами религіи) ранѣе ничѣмъ не запятналъ себя въ Польшѣ: ни ужасами инквизиціи, ни борьбой съ національной идеей, ни корыстолюбіемъ, ни страшной распущенностью нравовъ его представителей. Любое изъ прочихъ западно-европейскихъ государствъ держало въ памяти цѣлые синодики многоразличныхъ ошибокъ папъ и ихъ слугъ; одной шляхтѣ жаловаться было не на что, какъ только вопросъ объ юрисдикціи духовныхъ судовъ рѣшили по ея желанію. Мы знаемъ единственное столкновеніе въ Польшѣ между главой свѣтской власти и представителемъ духовной, но кровь Станислава Святого, пролитая Болеславомъ Смѣлымъ, только укрѣпила симпатіи народа къ церкви, возсіявшей ореоломъ мученичества за обличеніе пороковъ. Святой престолъ болѣе сросся со «старшими дщерями» католицизма, чѣмъ младшею, Польшей, значительно позднѣе шагнувшей въ исторію. Дѣятельность папъ почти безъ остатка расходовалась сначала на романо-германскій міръ, такъ что представительницѣ славянскаго не пришлось познакомиться съ изъянами ихъ, иногда слишкомъ энергичной, политики. Когда же, утративъ столько въ центрѣ и на западѣ, Римъ съ XVI вѣка обращаетъ болѣе внимательные взоры на сѣверо-востокъ и связь между папами и Польшей становится тѣснѣе, то курія, которую теперь интимно могутъ изучать поляки, сама уже стала иною; обновившись въ испытаніяхъ, она сдѣлалась дальновиднѣе и осторожнѣе. Она чаще обороняется, и, во всякомъ случаѣ, въ ея нравственныхъ форпостахъ нѣтъ уже тѣхъ брешей, которыя служили причиною для прежнихъ порицаній и отпаденій. Если Польша не была въ неоплатномъ долгу предъ папою за какія-нибудь культурныя благодѣянія, то и народная память не тре-

бовала отъ св. престола уплаты по старымъ счетамъ. У націи не образовалось раздраженія противъ куріи, вѣками накопившагося въ другихъ странахъ и ставшаго предъ іезуитами барьеромъ, котораго не могла одолѣть даже ихъ рѣдкостная ловкость; неудачники въ концѣ-концовъ вездѣ, они стяжали громадный успѣхъ на берегахъ Вислы, прочно примиривъ поляковъ съ папствомъ, такъ какъ, собственно говоря, и ссоры между обѣими сторонами никогда не было. Неопредѣленныя мечты о національной церкви были оставлены, и Польша навсегда вошла послушнымъ спутникомъ въ орбиту Рима.

Изъ этого безспорнаго положенія вытекаетъ радъ слѣдствій, ближайшимъ образомъ касающихся и насъ; послѣ раздѣловъ Рѣчи Посполитой Римъ и Петербургъ, если и не хотятъ, все-таки должны сосѣдить. Мало было показать, что клерикализмъ— не кряжъ хребта польской исторіи, а сравнительно новое наслоеніе, искусственно созданное іезуитами. Недостаточно выяснить, что оно въ данный моментъ представляется изжитымъ, перемолотымъ жерновами народнаго самосознанія.

Требуется установить, что клерикализмъ и впредь не можетъ воскреснуть, даже при условіяхъ серьезнаго проведенія принципа вѣротерпимости въ жизнь послѣ передачи распорядительства нуждами родной церкви самимъ полякамъ отъ чиновниковъ департамента духовныхъ дѣлъ. Болѣе того: мы сейчасъ увидимъ, что именно эти условія, которыя такъ пугаютъ нашихъ ультра-націоналистовъ, обѣщаютъ Россіи не меньшія выгоды, чѣмъ Царству Польскому, и служатъ вѣрнымъ ручательствомъ естественнаго самоискорененія ультрамонтанства.

Съ молокомъ матери, изъ первыхъ наставленій школьнаго учителя, подъ вліяніемъ громадной литературы, спеціальной и общей, мы пропитываемся убѣжденіемъ не только въ существованіи многовѣковой борьбы Рима съ русской государственностью, но и въ неизбѣжности такой борьбы, доколѣ существуютъ оба противника. Въ самыхъ основахъ двухъ этихъ культурныхъ стихій будто бы лежитъ нѣчто, взаимно исключающее другъ друга и разъединяющее ихъ болѣе, нежели огонь отъ воды.

Цари и папы — видимыя воплощенія антагонизирующихъ идей-силъ; успѣхъ одной равнозначащъ ущербу другой и каждая можетъ развиваться лишь по мѣрѣ соотвѣтственнаго ослабленія второй. Отсюда заключаютъ, что не должно быть дѣлаемо никакихъ шаговъ въ пользу политики папъ, если не хотятъ въ такой же степени замедлить безопасный ростъ нашего государственнаго организма. На память приводятъ эти безконечныя попытки уніи съ Москвою, упорныя посольства на дальній сѣверъ изъ Италіи Антонія Бонумбре, Поссевина, Камулея; геніальнымъ шахматнымъ ходомъ прозелитизма объявляютъ волшебную сказку Лжедимитрія; сердятся на изворотливость и настойчивость клира, повлекшія за собою наплывъ іезуитовъ въ Россію при коронованномъ гроссмейстерѣ мальтійцевъ, Павлѣ I, и окатоличеніе цѣлаго ряда наиболѣе древнихъ русскихъ фамилій. Умамъ, твердо настроеннымъ въ этомъ направленіи, открываются самыя мрачныя перспективы при мысли о предоставленіи простора миссіонерскому рвенію ксендзовъ. Если затруднительность внѣшнихъ обстоятельствъ и духъ времени вынуждаютъ дать нѣкоторую укороченную, по желанію — легко суживаемую, вѣротерпимость, то полное невмѣшательство въ *религіозно*-пропагаторскую дѣятельность католицизма многіе сочли бы измѣною государственнымъ началамъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, говоря о т. наз. Холмской Руси, мы подробно выяснимъ взаимоотношенія между принципами государственности, народности, вѣроисповѣдности и разсмотримъ, уродливыми или нѣтъ представляются, открыто возможные въ грядущемъ, католики-русскіе и православные-поляки, — сочетанія, которыя «крайнимъ» обѣихъ національностей покажутся болѣе дикими, чѣмъ, напр., пернатый носорогъ или млекопитающій орелъ. Сейчасъ мы ограничимся лишь попыткою доказать, что борьба, напряженность которой мы не отрицаемъ, между Ватиканомъ и русской государственностью была вполнѣ естественна, не могла въ свое время не вспыхнуть и что для нея, невзирая на всю эту закономѣрность въ прошломъ, нѣтъ никакого мѣста въ будущемъ. Сразу же замѣтимъ,

что этой борьбѣ будетъ положенъ конецъ отнюдь не обычнымъ исходомъ всякаго рода состязаній, т.-е. не оспоримою побѣдой одной изъ сторонъ, а тѣмъ, что обѣ идеи размежуются полюбовно, до полной невозможности найти точки соприкосновенія. Изъ линій пресѣкающихся онѣ станутъ параллельными, встрѣча которыхъ немыслима.

Нападенія воинствующаго католицизма на Россію мы назвали «естественными». Да развѣ не такъ? Исповѣданіе, которое не проникнуто глубочайшимъ убѣжденіемъ въ своемъ превосходствѣ надъ прочими, есть только мундирная обрядность; если держаться той или другой религіи, руководясь какими-либо иными мотивами,—соображеніями государственной пользы или личныхъ преимуществъ, — то истина, признаваемая за богооткровенную, подмѣнивается непрочнымъ дѣломъ рукъ человѣческихъ. Атеизмъ есть тоже одна изъ формъ вѣрованія, — чаще всего подготовленіе къ самымъ ортодоксальнымъ его видамъ, — но чужды всякаго вѣрованія древніе и современные Алкивіады, трактующіе религію, какъ полезное орудіе государственности. Римъ грѣшилъ многимъ, но въ этомъ отношеніи былъ безупреченъ: для службы земнымъ установленіямъ никогда не сводилъ онъ католицизма съ небесъ. Пусть, подъ вліяніемъ тогдашнихъ нравовъ, носители римской идеи унижались до средствъ, которыя не могутъ быть оправданы никакою цѣлью, но сама идея не шла ни на малѣйшія уступки: «Все или ничего» было ея лозунгомъ. «Non possumus» папъ здѣсь не было только красивой фразой: за нимъ стояла такая могучая вѣра въ исключительность обладанія единою истиной, что огнемъ миссіонерства буквально горѣло и горитъ все тѣло западной церкви.

Въ отличіе отъ природы любого матеріальнаго блага, каждый человѣкъ, владѣющій духовнымъ сокровищемъ, не только не скупится въ расходованіи его на ближнихъ, но самъ пытается къ своему счастью пріобщить какъ можно большее число новыхъ благодѣтельствуемыхъ. Ораторъ ищетъ слушателей, которые оцѣнили бы его даръ; поэтъ пускаетъ свои стихи въ публику, чтобъ и она пережила трепетъ его общенія съ музой;

ученый оглашаетъ свои отвлеченныя открытія, чтобы радость творческаго процесса ощутили и отставшіе товарищи; вѣрующій стремится завербовать всѣхъ въ свой толкъ, чтобы спасти ихъ души. Какъ только личность поднялась до высоты спокойнаго признанія своихъ конфессіональныхъ недостатковъ и достоинствъ — чужихъ, называйте ее созрѣвшей, философствующей, какъ вамъ угодно, — лишь не вѣрующей. Не будемъ говорить о томъ, возможно ли мыслящему человѣку жить безъ критическаго отношенія ко всему окружающему, но гдѣ есть критика, тамъ уже нѣтъ вѣры,—этого безхитростнаго отрицанія логики, гораздо болѣе сильнаго, чѣмъ всѣ велѣнія разума. Едва слабѣетъ духъ миссіонерства въ служителяхъ извѣстнаго исповѣданія, мы смѣло можемъ заявить о параличѣ здѣсь самой религіи; она обратилась ужъ въ одну изъ формъ отправленій государственнаго уклада, потеряла самодовлѣющее значеніе и нашъ діагнозъ оказывается правильнымъ. Жизнедѣятельность католической идеи не подлежитъ сомнѣнію; курія не была бы сама собою, если бы не направила своего духовнаго меча на обширное царство московитовъ.

Никакихъ спеціальныхъ задачъ, чѣмъ-либо отличающихся отъ тѣхъ, которыя преслѣдовались во всѣхъ partibus intidelium, папизмъ въ Россіи до 1772 года не имѣлъ. Имъ руководила здѣсь ревность миссіонера, какъ и повсюду. Поскольку Россія сжилась съ православіемъ и боялась страшнаго производнаго отъ католичества — клерикализма, постольку натиску папъ давался отпоръ правительствомъ царей. Послѣ раздѣла Польши бойцамъ, оставивъ выпады въ воздухѣ, пришлось вплотную подступить другъ къ другу.

Мы усматриваемъ двѣ чисто мѣстныхъ причины, которыя сдѣлали до крайности щекотливымъ положеніе клира и русскихъ властей и значительно обострили отношенія между Римомъ и Петербургомъ.

Господствующей религіей, со всѣми ея преимуществами въ полицейскомъ государствѣ, признана была не та, которую исповѣдуетъ большинство населенія края, — и приверженности

къ дѣдовскому наслѣдію немедленно пріобрѣла какой-то характеръ страстности. Любовь къ государственной особности, разсѣявшейся прахомъ, цѣликомъ перенесли на вѣру, несокрушимый остатокъ минувшаго величія; въ ней видятъ и залогъ грядущаго обновленія. На плечи скромныхъ священниковъ народное отчаяніе возложило непосильный грузъ недеждъ, которыхъ оправдать они не могли. Безмолвнымъ соглашеніемъ хотятъ въ духовенствѣ видѣть не носителей религіозной идеи, а всего болѣе — политической, которая, какъ ядро въ скорлупѣ, упряталась въ конфессіональную оболочку. Во времена безкоролевья примасъ Польши становился ея «интеррексомъ»; теперь, послѣ смерти государства, въ клирикахъ склонны были узрѣть его магистраты, никѣмъ не признаваемые, вовсе не облеченные властью, но маскирующіе болѣзненное отсутствіе національныхъ учрежденій.

Упованія, которыя возлагались, были, при всей своей наивности, такъ горячи, роль, сыграть которую предлагали, при несомнѣнной ея опасности, такъ льстила приподнятому самолюбію, что нашлись экзальтированныя головы, не справившіяся съ искушеніемъ. Отъ оппозиціоннаго настроенія — еще цѣлая пропасть до активнаго противодѣйствія; отдѣльныя лица перешагнули ее въ тѣ пароксизмы отчаянія, которые выразились вспышками 31-го и 63-го годовъ. *Исключеніемъ* были эти фанатики, несшіе крестъ, символъ мира и непротивленія злу, впереди повстанческихъ отрядцевъ, — но съ тѣхъ поръ *весь* клиръ попалъ подъ подозрѣніе. Какъ *правило*, революціонныя гнѣзда начали разыскивать у алтарей; сутана сама по себѣ свидѣтельствовала о неблагонадежности ея хозяина. Совершенно незамѣтно власти стали на точку зрѣнія обывателей и признали въ духовенствѣ претендентовъ на политическое наслѣдство Рѣчи Посполитой. Искусственно созданная двусмысленность положенія клира была равносильна развѣ только той неловкости, которую не могло не чувствовать правительство, проводя ограничительныя мѣропріятія противъ ксендзовъ и тѣмъ лишь усиливая броженіе въ странѣ, хотя успокоеніе

ея было цѣлью властей. Если политика мѣшается въ религію, то страждутъ обѣ, но первая—больше. Однако Римъ, при всемъ желаніи, не могъ уловить линіи, гдѣ кончается репрессія противъ отдѣльныхъ провинившихся его агентовъ и гдѣ начинаются стѣсненія самаго исповѣданія, ни въ чемъ, конечно, неповиннаго. Поэтому глухое раздраженіе между правящими сферами Ватикана и невской столицы все возрастало.

Была и другая причина, въ силу которой оно не могло улечься. На дѣла и людей въ Царствѣ Польскомъ курія смотрѣла глазами своихъ мѣстныхъ представителей, а отъ нихъ невозможно было бы ожидать строгаго объективизма. Всѣ неустройства на берегахъ Вислы находили себѣ печальника, обитающаго въ сѣромъ домѣ возлѣ собора св. Петра; полякамъ больше некуда было нести свои жалобы. Чѣмъ довѣрчивѣе и охотнѣе онѣ принимались, тѣмъ костелъ въ Привислиньѣ все болѣе и болѣе терялъ для папъ прежній космополитическій характеръ. Онъ пріобрѣталъ новыя собственныя черты, рѣзко отличавшія его даже отъ костела въ Познани, не только въ Германіи или Франціи, — становился *польскимъ*. То, чего не могли добиться отъ папъ шляхтичи XVI вѣка, руководимые примасомъ Уханскимъ и Андреемъ Морджевскимъ, — національзація церкви, — то въ извѣстномъ смыслѣ, спустя три столѣтія, своими руками сдѣлала русская бюрократія, ополячивъ костелъ. Такъ много и усердно отыскивалась въ немъ политика, что воспитались священнослужители, которые безъ нея не могли себѣ представить храма. Не скажемъ, чтобы Римъ постоянно вкладывалъ палки въ колеса привислинской административной машины, но, понятно, онъ и не утрамбовывалъ для нея дороги, такъ какъ его интересы нерѣдко задѣвались различными частями громоздкаго и грубаго механизма. Спеціальными буллами были осуждены возстанія, — но, несомнѣнно въ глубинѣ души автора буллъ не могли благосклонно относиться къ обстановкѣ, въ которой возникали мятежи; не даромъ одинъ изъ папъ на просьбу польскаго духовенства о дарованіи мощей отвѣтилъ: «развѣ вы забыли, что

гдѣ бы вы ни взяли горсть земли вашего отечества, вы берете мощи вашихъ мучениковъ». То располяченіе костела, на которомъ страстно настаивалъ Катковъ, не будетъ достигнуто ни полицейскимъ предписаніемъ ввести дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ, ни отмѣной безбрачія духовенства. Предоставьте костелу быть только костеломъ, откажитесь отъ мысли, исключаемой всѣмъ духомъ католичества, обратить его въ слугу государственности, и церковь тотчасъ же обратитъ свои взоры къ царству небесному, какъ только земное перестанетъ вторгаться въ ея область.

Итакъ, курія упрекаетъ правительство въ систематическомъ заподозрѣваніи клира, въ стѣсненіи его священнической дѣятельности; въ отвѣтъ Ватиканъ обвиняется петербургскими сферами въ томъ, что онъ не изгоняетъ политики изъ храма, допустилъ ополяченіе костела. Въ какой мѣрѣ основательно недовольство сторонъ, мы уже видѣли, но обѣ эти причины слѣдуетъ признать непостоянными и легко устранимыми.

Ни въ минувшихъ, ни въ современныхъ формахъ отношеній между св. престоломъ и Россіей мы не могли почерпнуть убѣжденія, будто католичество и наша государственность—идеи, по природѣ несовмѣстныя, и могутъ укрѣпляться лишь одна за счетъ другой. Что сулитъ имъ близкое грядущее, вслѣдъ за обновленіемъ Руси, расширеніемъ благопожеланій манифеста 17 октября до дарованія полной свободы миссіонерамъ инославныхъ исповѣданій, и послѣ того какъ запросы и отчеты будутъ посылаться изъ Варшавы въ Римъ черезъ Вѣну, а не черезъ Петербургъ? Не ждать ли бѣды намъ, когда папизму, по снятіи надъ нимъ «контроля» въ Польшѣ, широко распахнется дверь и въ Московію?

«Онъ займется прозелитизмомъ, начнетъ «совращать» православныхъ...», въ ужасѣ восклицаютъ «охранители». Несомнѣнно! подтвердимъ мы: католичество расписалось бы въ своей несостоятельности, если бы не занялось усиленной ловитвой душъ, какъ это подобаетъ всякому, вѣрующему въ свою богоизбранность, исповѣданію. Гоня пріятное самообольщеніе,

нужно предположить, что такая ловитва будетъ довольно успѣшной, если бы противодѣйствіе ей было поручено нынѣшнимъ чиновникамъ вѣдомства православнаго исповѣданія, и ничтожною по результатамъ, когда навстрѣчу ей, послѣ свободной реформы нашей парализованной церкви, выйдутъ великія нравственныя силы, теперь таящіяся подъ спудомъ или даже гонимыя. Во всякомъ случаѣ при такомъ духовномъ поединкѣ государство, чтущее свободу вѣры не на бумагѣ только, можетъ играть лишь роль безпристрастнаго секунданта, наблюдающаго, чтобъ противники пользовались равнокачественнымъ и неотравленнымъ оружіемъ. Въ данномъ случаѣ «секундантомъ» не будутъ допущены угрозы, обманъ, обѣщанія матеріальныхъ выгодъ, но предоставленъ неограниченный просторъ для раскрытія нравственныхъ началъ обоихъ вѣроисповѣданій. Наши «крайніе», въ такомъ состязаніи видящіе угрозу для православія, тѣмъ самымъ оскорбляютъ его, ибо какъ бы косвенно признаютъ, что, безъ внѣшнихъ мѣръ понужденія, въ самомъ себѣ оно не содержитъ элементовъ побѣды. Не колеблющійся же въ жизненности и чистотѣ своего исповѣданія ждетъ съ радостью этого испытанія, которымъ будутъ всенародно подтверждены возвышенность и мощь вѣры предковъ.

Миссіонерство Рима надо учитывать, но оно не можетъ показаться опаснымъ тому, кто понимаетъ, что скованность съ государственностью вызываетъ не силу, а слабость православія. Какъ только установится истинная вѣротерпимость и власть освободитъ религію отъ всякой служебной роли, то каковъ бы ни былъ исходъ попытки куріи, онъ не въ силахъ тогда причинить ни малѣйшаго ущерба строю, государственной идеѣ. Можно ручаться, что такая попытка, въ случаѣ неуспѣха, никогда не будетъ повторена.

Для Россіи мы не усматриваемъ вредоносности въ вѣроятно будущей тактикѣ св. престола; какъ станетъ дѣйствовать онъ въ Царствѣ Польскомъ и не сыщетъ ли здѣсь пяту Ахиллеса? При наступленіи даже самыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ католичество не можетъ тутъ укрѣпиться еще больше; въ этомъ

отношеніи оно совершило полный кругъ. На очередь выступаетъ чрезвычайно важный вопросъ: когда будутъ сняты перегородки, столь обильно теперь разставленныя повсюду, не возродится ли въ Польшѣ клерикализмъ, не вступитъ ли онъ, по примѣру прошлаго, въ союзъ съ наиболѣе вліятельнымъ классомъ противъ слабѣйшаго, т.-е. крестьянъ, не обезпечитъ ли снова торжество элементамъ застоя и духовной гнили? Разсмотримъ теперь, насколько правдоподобна такая перспектива, которая, конечно, не можетъ не пугать обновленной Россіи, потому что въ задачи послѣдней никоимъ образомъ не входитъ поворотъ колеса исторіи вспять, подавленіе демократическаго и прогрессивнаго почина.

Клерикализмъ былъ бы въ силахъ одержать побѣду въ Польшѣ лишь при наличности трехъ условій: онъ долженъ 1) быть включеннымъ въ программу римской куріи; 2) на мѣстѣ найти такихъ ея агентовъ, которыми будетъ руководить личная вѣра въ его спасительность, а не приказъ свыше, хотя бы и папы, отбываемый, какъ досадная формальность; 3) въ самомъ обществѣ встрѣтить если не симпатіи, то хоть отсутствіе старой предвзятой вражды къ нему. Въ Рѣчи Посполитой исхода XVI вѣка существовали всѣ перечисленные факторы, обезпечившіе успѣхъ ультрамонтанству. Какія видоизмѣненія претерпѣли они за два съ половиною столѣтія?

За этотъ долгій промежутокъ самъ Римъ сталъ не тѣмъ; попрежнему раскинутъ онъ на семи холмахъ, но только на одномъ изъ нихъ «апостольскаго намѣстника» называютъ еще государемъ, «papa il re». Свѣтская власть папъ кончилась и ей не возродиться, сколько бы ватиканскіе «узники» ни твердили о невозможности примириться съ существующимъ порядкомъ. Отрицать они его могутъ, но не съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ смертный отрицаетъ смерть: по грубому замѣчанію реалиста, лопухъ все-таки вырастетъ на могилѣ человѣка, протестующаго противъ жестокаго закона природы. Могила папской государственности стала колыбелью для новаго католицизма, съ тѣми же догматами, іерархіей и обрядами, но безъ клерикаль-

ныхъ тенденцій. Мы еще слишкомъ близки къ событіямъ 1870 года, чтобы во всю величину представить себѣ ихъ послѣдствія для римской церкви; новый католицизмъ дѣлаетъ первые, робкіе шаги, нѣтъ-нѣтъ да и пытается свернуть на знакомую торную дорожку, но и въ какой-нибудь 35-лѣтній періодъ накопилось множество фактовъ, подтверждающихъ нашу мысль. Трехчасовая бомбардировка Рима 20 сентября 1870 г. сдѣлала для самосознанія папства больше, нежели многовѣковая исторія. Лишеніе свѣтской власти сначала казалось первосвященникамъ химерой, потомъ — преступленіемъ, въ наши дни—неизбѣжностью; вопросъ времени, когда эту неизбѣжность сочтутъ благодѣтельною прежде всего для церкви. Она, какъ выясняется на опытѣ, — котораго не желали и боялись, точно хирургической операціи, сохраняющей жизнь больному,—можетъ даже усилиться въ нравственномъ смыслѣ, утративъ матеріальное могущество. Раздѣльность двухъ властей — церковной и свѣтской—не только осуществилась, но и была признана естественною. Въ энцикликѣ «Immortale Dei» (1885 г.) Левъ XIII пишетъ: «Богъ раздѣлилъ власть надъ человѣческимъ родомъ на двѣ части, церковную и свѣтскую; первая стоитъ во главѣ божественныхъ интересовъ, вторая — человѣческихъ. Обѣ власти въ своемъ родѣ высшія: обѣ имѣютъ опредѣленныя границы, которыхъ должны держаться». Такое размежеваніе производится и на практикѣ; пядь за пядью, иногда со скрежетомъ зубовнымъ — какъ во Франціи, но ультрамонтанство уступаетъ свои позиціи. Вспомните, что уже предшественникъ нынѣшняго папы разрѣшилъ вѣрующимъ участвовать въ выборахъ въ итальянскій парламентъ, а Пій X—принимать имъ даже на себя депутатское званіе.

Мыслимо ли было это при Піи IX? Тропинка въ Каноссу заросла навѣки, и для куріи достаточно выяснилось, что можно оставаться истинно-католическою, не будучи клерикальною.

Хотя для папъ клерикализмъ никогда не былъ самодовлѣющей цѣлью, но политика ихъ неизмѣнно окрашивалась въ его цвѣтъ до послѣдняго времени; иною ей и трудно быть въ

странахъ, гдѣ церковь не отдѣлена отъ государства. По инстинкту самосохраненія клиръ стремился вліять на направленіе всѣхъ дѣлъ и объявить свое исповѣданіе господствующимъ; какъ только въ правахъ честно уравнивались всѣ конфессіональные оттѣнки, утрачивалось и побужденіе завладѣть рулемъ гражданскаго судна.

Что могла отъ того выиграть церковь? Никакихъ преимуществъ и не мало враговъ изъ мірянъ, которые съ неудовольствіемъ смотрѣли на узурпаторскія попытки. Въ этомъ отношеніи уже день 17 апрѣля (дата перваго указа о вѣротерпимости) былъ весьма не на руку эпигонамъ клерикализма, а смертельный ударъ ихъ вожделѣніямъ, если бы таковыя проявились, былъ нанесенъ водвореніемъ истинной свободы совѣсти.

Примемъ въ расчетъ случайность, которая время отъ времени спутываетъ самыя надежныя, повидимому, предположенія. Допустимъ, что капризомъ судьбы, вѣрнѣе — ошибкою кардинальской коллегіи, на папскій престолъ попалъ человѣкъ, опоздавшій родиться на нѣсколько столѣтій, какой-нибудь фанатичный монахъ, совершенно пренебрегающій духомъ и требованіями нашего вѣка. Трудясь надъ возрожденіемъ теократіи, нашелъ ли бы онъ себѣ вѣрныхъ соратниковъ въ польскомъ духовенствѣ?

Въ этомъ позволительно усомниться. Безвозвратно сгинула пора, когда младшіе сыновья шляхтичей мѣняли саблю на четки; ряды клира пополняются теперь въ Привислиньѣ преимущественно крестьянами. Ихъ міросозерцаніе и вся дѣятельность запечатлѣны подвигомъ народничества, въ томъ идеальномъ смыслѣ этого слова, какъ понималось оно у насъ въ 70-хъ годахъ. Авторитетъ ксендза въ глазахъ простолюдина великъ, но зиждется не на угрозахъ муками ада, какъ заявляютъ публицисты въ родѣ г. В. Р. Между пастыремъ и приходомъ существуетъ живая нравственная связь учителя съ воспитываемыми, опекуна съ нуждающимися въ призрѣніи; санъ не кладетъ пропасти между человѣкомъ, который въ него возведенъ, и сословіемъ, откуда онъ вышелъ; недавній крестьянинъ, священникъ глубоко понимаетъ ужасныя въ ихъ обыденности

бѣды «малыхъ сихъ»; для дворянъ онъ часто кажется слишкомъ сѣрымъ, неинтереснымъ, съ его узкимъ горизонтомъ, замкнувшимся околицею, съ его «мужицкими» выраженіями и ухватками. Но тѣмъ родственнѣе и дороже онъ массѣ, чутко разумѣющей, что всѣ свои симпатіи онъ отдаетъ угнетеннымъ и слабымъ. Всѣ помыслы клерикализма направлены на сильныхъ, которымъ въ жертву онъ приноситъ слабыхъ; въ такомъ именно союзѣ съ шляхтою онъ душилъ «хлопа» старой Польши. Демократизація всего общества, о которой далѣе мы будемъ говорить подробно, исключаетъ возможность новаго сочетанія духовенства съ правящими классами противъ крестьянъ. Если же клиръ, измѣнивъ народничеству, рискнулъ бы на это, онъ оттолкнулъ бы отъ себя прихожанъ. Такимъ образомъ, получается своего рода circulus vitiosus: чтобы успѣшно преслѣдовать клерикальныя задачи, ксендзъ, оставивъ мужика, долженъ прилѣпиться къ аристократіи; но политическая сила, достигнутая этимъ путемъ, пойдетъ вся на смарку, такъ какъ священникъ не народникъ потеряетъ вѣсъ и значеніе для народа.

Мы не прочь думать, что, по отмѣнѣ всѣхъ нынѣшнихъ стѣсненій, дѣятельность клира направится въ сторону не ультрамонтанства, а соціалистическую.

Къ этому ведетъ многое: и высокій примѣръ Льва XIII, указавшаго въ «христіанскомъ соціализмѣ» мудрую тактику современнаго духовенства, и индивидуальныя склонности польскихъ священнослужителей, и настоятельныя требованія привислинской жизни, гдѣ рабочій вопросъ поставленъ грознѣе, чѣмъ въ Россіи.

Уже и теперь, одолѣвая серьезныя препятствія, безсмысленно разставляемыя на каждомъ шагу, выступаютъ самоотверженные піонеры въ рясѣ, старающіеся, на основахъ и по силѣ Евангелія, смягчить послѣдствія неравной борьбы труда съ капиталомъ. Варшавѣ не нужно называть лицъ, о которыхъ я сейчасъ говорю; какъ ни хлопочутъ власти ограничить такую дѣятельность узкими рамками благотворенія, соціальная ея подпочва нисколько не мѣняетъ своего характера.

Остается разсмотрѣть, какой пріемъ встрѣтили бы клерикальныя покушенія въ обществѣ. Выше мы привели уже нѣсколько примѣровъ тому, что ультрамонтанство не пользуется сочувствіемъ поляковъ. Эта антипатія — не случайна, не капризъ публики, а вызывается яснымъ представленіемъ всего вреда, который понесъ народъ прежде отъ чрезмѣрно усилившагося вліянія клира. Національная мысль уже не возвращается къ этому вопросу, рѣшивъ его безповоротно. Краковской исторической школѣ нужно было гражданское мужество, чтобы первою высказать такое убѣжденіе; теперь оно стало ходячимъ, но не теряющимъ горечи упрека.

Популярный романистъ І. Крашевскій съ большой обидою вспоминаетъ, что въ XV вѣкѣ поляки оттолкнули, изъ-за гусситства, чеховъ отъ себя, въ XVII — іезуиты испортили отношеніе къ Москвѣ. «Два раза мы падали жертвою нашей слѣпой вѣрности Риму, не считая того, что мы восприняли присущіе ему боязнь свѣта, науки и фанатизмъ, понемногу прививая послѣдній и въ нашей политикѣ» («Polska w czasie trzech rosbiorów») — такое мнѣніе повторяется всюду, цѣлыя поколѣнія уже воспитались на немъ. Въ 70-хъ годахъ Польша зачитывалась Бюхнеромъ, Дарвиномъ, Ренаномъ, Спенсеромъ, Фохтомъ; это увлеченіе, и до сихъ поръ еще не вполнѣ улегшееся, не въ силахъ пройти безслѣдно. Когда наступитъ пора, при которой равнодушіе къ католицизму не будетъ, какъ теперь, равносильно охлажденію къ національной идеѣ, то едва ли уцѣлѣетъ нынѣшняя ортодоксальность польскаго общества. Свѣжій воздухъ мгновенно обращаетъ муміи въ тлѣнъ и сохраненіе стараго, пожалуй, больше будетъ озабочивать св. престолъ, чѣмъ завоевательные планы клерикализма.

Для возрожденія чернаго призрака въ грядущемъ мы не нашли: у римской куріи — цѣли и мощи, у польскаго духовенства — охоты и средствъ, у привислинскаго общества — сочувствія и косности. Центръ тяжести народныхъ интересовъ перемѣстился; тому яркое доказательство, что ни въ программахъ различныхъ партій, ни на русско-польскомъ съѣздѣ въ

Москвѣ не было ни слова упомянуто о конфессіональныхъ нуждахъ. Первыя вырабатывались, а второй состоялся до неожиданнаго опубликованія указа 17 апрѣля; при нетерпимости, столкновенія между государственностью и религіей случались чуть не ежедневно, но о нихъ промолчали, такъ прочно господствуютъ въ умахъ идеи свѣтской политики надъ запросами церковной. Сведеніе исповѣданія до интимнаго дѣла вѣрующихъ, которое не покушается на государственность, какъ и государственность имъ совершенно не интересуется, будетъ дальнѣйшимъ этапомъ польскаго самосознанія. Помня старыя заслуги, полякъ въ грядущемъ ни за что не кинетъ камнемъ въ католичество, всегда вѣжливо снимаетъ шляпу и... пройдетъ мимо: застыть въ экстазѣ передъ Римомъ онъ не можетъ, потому что не забылъ и грѣховъ ультрамонтанства.

X.

Одно дѣло — клерикализмъ, какъ покушеніе на теократію, другое — миссіонерство, какъ ревность объ увеличеніи паствы, совсѣмъ третье — терпимость, какъ принципъ недопущенія государственнаго и частныхъ воздѣйствій не конфессіональнаго свойства, благопріятствующихъ или вредящихъ — безразлично, на какую бы то ни было изъ религій. Мы должны признать одинаково нетерпимыми какъ политику, при которой подвергаются гоненію всѣ исповѣданія, кромѣ господствующаго, такъ и ту, которая даетъ послѣдователямъ господствующаго извѣстныя преимущества. Понятія терпимости нисколько не нарушаетъ священникъ одной церкви, доказывающій представителямъ другой неправильность ихъ воззрѣній, превосходство своего ученія и приглашающій ихъ, оставивъ старую вѣру, принять новую, имъ проповѣдуемую. Однако нейтральность государства, безстрастно взирающаго на чисто-религіозную борьбу, должна быть тотчасъ же нарушена, какъ только миссіонеръ, сверхъ доводовъ къ сердцу и уму, пуститъ въ ходъ средства, дѣлающія

слушателей несвободною: насиліе, угрозы и т. д. Такіе пріемы, караемые и въ обыденныхъ житейскихъ отношеніяхъ, особенно недопустимы въ возвышенной области духа.

Неизмѣннымъ спутникомъ клерикализма прежде всегда была нетерпимость; теперь они послѣ прочнаго завоеванія личностью ея правъ могутъ уже мирно уживаться; примѣръ — та же Бельгія. Но отсутствіе клерикализма въ странѣ еще не свидѣтельствуетъ о торжествѣ тутъ терпимости; начала этой послѣдней положены въ Россіи только 17 апрѣля текущаго года, а клерикальною наша родина не была никогда. Мы не нашли задатковъ ультрамонтанства въ современной Польшѣ, хотя въ то же время духовенство ея, несомнѣнно, будетъ миссіонерствовать, едва получитъ для этого возможность; необходимо нынѣ выяснить, терпимы ли поляки. Мы уже видѣли, что они обладали этою драгоцѣнною чертою до XVI вѣка и утратили ее съ торжествомъ католической реакціи; обратимся непосредственно къ нашимъ днямъ, когда обвиненія ихъ въ нетерпимости, какъ въ одномъ изъ свойствъ національнаго характера, слышатся очень сильно.

Немедленно вслѣдъ за опубликованіемъ указа 17 апрѣля націоналистическое тріо — «Новое Время», «Московскія Вѣдомости» и «Свѣтъ» — возопило «караулъ!» по поводу положенія православія въ Западной Россіи и особенно въ Царствѣ Польскомъ: если вѣрить этимъ газетамъ, изъ 400 тысячъ прихожанъ православной варшавско-холмской епархіи около половины перешло въ католицизмъ; новообращенные осаждали власти съ просьбами о переименованіи ихъ старыхъ храмовъ въ костелы; ксендзы подняли головы и хвастались, что русскіе скоро будутъ прогнаны чуть не въ Сибирь, — «бендзе Польска до Тобольска»; непаписту нельзя показаться на улицу, его травятъ, оплевываютъ, лишаютъ заработка; для множества людей семья стала адомъ — за разновѣріемъ возникли распри: жена не соглашалась жить съ мужемъ, пока онъ не оставитъ «схизмы», отецъ смертнымъ боемъ билъ сына, если тотъ не хотѣлъ забыть «попа».

Въ какой мѣрѣ справедливы эти утвержденія? Если не говорить о примѣненіи новаго закона къ дѣйствительности, то и по духу, и по буквѣ онъ не воспрещаетъ перехода изъ православія въ католичество, такъ что ни правительство, ни тѣмъ болѣе общество не могли быть смущены самой грандіозностью массоваго прозелитизма, но его орудія — палки и давленіе голодовками — порицались тѣмъ ожесточеннѣе, что ксендзамъ, столь долго бывшимъ на наковальнѣ, особенно не приличествовала роль молота. Хорошимъ предвѣщаніемъ для судебъ будущей Польши было бы это возвращеніе къ инквизиціи, если бы, по провѣркѣ, выяснилась правдивость всего, о чемъ такъ страстно кричали вышеназванные органы!

Свѣжему человѣку, посѣтившему Холмскую Русь, несчастную землю Даніила Галицкаго, съ 1386 г. вошедшую въ составъ короны польско-литовской, кажется, будто онъ перенесся въ XVI вѣкъ; только телеграфные столбы и желѣзнодорожное полотно нарушаютъ иллюзію,— люди и понятія точно застыли въ завороженномъ снѣ три столѣтія тому назадъ, да такъ и проспали все, чѣмъ стучали, чему радовались и изъ-за чего разбивались сердца другихъ внѣ холмскаго муравейника! Горсть русскихъ геройски отстаивала тутъ свои права на народную личность, которую доселѣ отождествляютъ здѣсь съ вѣроисповѣдностью; столкновеніе національностей свелось на этой окраинѣ къ страшной религіозной борьбѣ; не одни словопренія слышались въ Забужьѣ, не турниръ шелъ тутъ, а часто кровавый, въ прямомъ смыслѣ, бой десятками лѣтъ безъ перерыва. Какія богатства ума были истрачены, до какихъ безднъ опускалось здѣсь преступленіе въ безнадежной попыткѣ ассимилировать порабощенную націю; какая гигантская воля была противопоставлена, до какихъ высотъ подымалось самоотверженіе — въ защитѣ самобытности, лучшаго, что есть у племени! Конфессіональныя отличія, какъ самая разница между двумя столкнувшимися культурами, въ глазахъ враговъ заслонили прямые цѣли: денаціонализацію, которою задавались поляки, [illegible] дѣленіе, которое отстаивали русскіе. Въ Холмщинѣ [illegible]

не было исканіемъ отвлеченной истины, а обрядность — внѣшнею и случайною оболочкою идеи, могущей такъ же законно выражаться и въ другихъ формахъ; чтеніе или опущеніе „filioque“ означало измѣну племенной исторіи или подтвержденіе солидарности съ предками, безропотно клавшими свои головы для гибели ненавистныхъ семи буквъ; шествіе крестнаго хода «посолонь» или противъ солнца означало отказъ или согласіе на принятіе чуждаго языка, на расширеніе гражданскихъ правъ, на разрывъ съ политической традиціей. Цѣлыя поколѣнія кипѣли тутъ въ котлѣ религіозныхъ страстей; собирательный умъ уходилъ въ мелочи, какъ будто недостойныя и вниманія, потому что за ними скрывался вопросъ первостепенной важности: «быть или не быть» народу самимъ собою? Общественная атмосфера, всегда напоенная электричествомъ, насквозь была пропитана узкой церковностью; душа не парила здѣсь къ небу, но убыла на копанье въ тонкостяхъ ритуала, маскировавшихъ въ дальнѣйшемъ національную смерть или побѣду. Казуистика схоластовъ не была игрою празднаго ума, потому что и абстрактностей уже не было: онѣ были личнымъ, совершенно реальнымъ дѣломъ каждаго вѣрующаго. Здѣсь до сихъ поръ видятъ и слышатъ святыхъ, цѣлыми деревнями повинуются вѣщимъ голосамъ, хватаются за ножи, если религіозныя мысли не совпадаютъ въ малѣйшихъ оттѣнкахъ.

Не объясняйте это цѣликомъ «властью тьмы»: Забужье не болѣе невѣжественно, чѣмъ все Царство Польское. Тутъ наслѣдственно создалась особая психика, иначе звучитъ камертонъ всего міропониманія и чувство развито въ ущербъ разсудку, поводыремъ которому служитъ раздраженная фантазія.

Въ Холмѣ, напр., мнѣ разсказали, и потомъ подтвердили документально, слѣдующую исторію, которая такъ и просится въ средневѣковыя хроники. Весь край — и православные, и католики — чрезвычайно чтутъ чудотворную икону Холмской Божіей Матери и не безъ основанія въ равной степени считаютъ ее своей національной святынею. Икона находится нынѣ въ православномъ, нѣкогда уніатскомъ, каѳедральномъ соборѣ го-

рода, а во многихъ костелахъ Забужья хранятся копіи съ нея. Года два назадъ случилось, что въ одно село, гдѣ стоятъ и православный храмъ, и костелъ, съ крестнымъ ходомъ принесли подлинный образъ, торжественно встрѣченный населеніемъ. Костелъ оставался запертымъ, и когда вошли въ него, то копію съ Холмской иконы, имѣвшуюся здѣсь, нашли лежащей на полу: неизвѣстно какъ она упала со стѣны и, пролетѣвъ значительную высоту, раскололась. Этого было достаточно!

— Ага, значитъ наша вѣра правая, а ваша ничего не стоитъ! — заявили православные католикамъ. — Ваша «Матка Боска» нашей Богородицѣ поклонилась...

Православная паства этого уголка на слѣдующій день увеличилась вдвое, — такъ неотразимо подѣйствовало на толпу «явное доказательство» превосходства одной религіи надъ другою.

Достаточно было, чтобы въ какой-то церкви свалилось на полъ плохо укрѣпленное паникадило, и сразу возросло число богомольцевъ въ мѣстномъ костелѣ: «знаменіемъ» указывалось, очевидно, на неправильность пути, избраннаго для спасенія.

Случаевъ, подобныхъ этимъ, и не перечесть!

Самостоятельная православная холмская епархія существуетъ съ 1235 года; въ XV вѣкѣ здѣсь была устроена и католическая епископская каѳедра. Послѣ Брестскаго собора (1596) вплоть до 1875 года въ Холмѣ единовластно возсѣдаютъ уніатскіе епископы. Унія была какъ бы мирнымъ договоромъ, подписаннымъ утомленными сторонами, изъ которыхъ одна не могла довести побѣды до полнаго уничтоженія врага, а другая опасалась сопротивляться дольше. Она не выросла естественно изъ глубинъ народнаго генія, но явилась, если можно такъ выразиться, *химически-составленною* религіей, на манеръ того, какъ алхимики пытались создать въ своихъ ретортахъ гомункула. Это была сухая математическая формула, лишенная поэзіи и аромата вѣры, т.-е. самаго смысла своего существованія; кабинетное измышленіе людей, лишенныхъ творческаго дара, [illegible] жалуй, могла еще служить «золотымъ мостикомъ» от[illegible] славія въ католичество, но, какъ политическо[illegible]

выдержала пробы: русины, ставъ уніатами, не сдѣлались оттого поляками. Жизнь оказалась и сильнѣе, и сложнѣе самыхъ остроумныхъ рецептовъ, пытавшихся реагировать на духъ, точно на кислоты, — путемъ смѣшенія въ извѣстныхъ доляхъ. Латинская щепа была не привита, а врублена въ греческій корень и не могла дать цвѣтущихъ побѣговъ. Какъ въ невзбалтываемомъ сосудѣ естественно раздѣлятся, чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени, химически несоединимыя вещества, такъ и уніаты, если бы на нихъ не нападали сразу и съ фронта, и съ фланговъ, съ теченіемъ времени обратились бы частью въ чистое православіе, частью — въ чистое католичество, въ зависимости отъ индивидуальныхъ влеченій. По закону упругости народной психики, давленіе на несчастныхъ уніатовъ со стороны Рима тотчасъ же вызывало въ нихъ симпатіи къ грекамъ и обратно— напоръ православія будилъ сочувствіе къ католичеству. Провѣрить это положеніе мы можемъ на современной Галиціи, гдѣ періодическіе переходы куріи въ наступленіе немедленно рождаютъ поворотъ къ византійскимъ традиціямъ, не наблюдаемый вовсе, какъ только унію оставляютъ въ покоѣ. Грубое изуродованіе величайшей идеи, соединенія церквей, унія напередъ была осуждена на неудачу, потому что пыталась совмѣстить несовмѣстимое, — въ дѣло совѣсти внести низменные расчеты политики. «Отторженные насиліемъ» уніаты и возсоединены были насиліемъ; ходъ закулисныхъ событій, предшествовавшихъ 11-му мая 1875 года, дню «возвращенія заблудшихъ холмскихъ чадъ», можно сказать, почти никому не извѣстенъ и съ нимъ пора уже ознакомить публику. Чѣмъ-то щедринскимъ вѣетъ отъ этой эпохи выступленія россійскаго губернатора и бывшаго жандарма въ роли апостола.

Кн. В. А. Черкасскій, директоръ комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго, настоялъ въ 1866 г. на изданіи намѣстникомъ края, гр. Бергомъ, указа, воспрещавшаго переходъ уніатовъ въ католичество; нарушившихъ же этотъ указъ было повелѣно «приписать къ мѣстнымъ греко-уніатскимъ приходамъ; считать ихъ во всѣхъ гражданскихъ и церковныхъ

актахъ греко-уніатами и признавать офиціально дѣйствительными лишь тѣ акты ихъ состоянія, которые составлены или выданы въ греко-уніатскихъ церквахъ или греко-уніатскими священниками».

Считать... развѣ это не характерно? Съ равнымъ основаніемъ можно было «отношеніемъ за такимъ-то №» приказать *считать* петербургскій климатъ итальянскимъ и желуди — апельсинами. Люди приняли католичество, чиновникъ велѣлъ записать ихъ уніатами и искренно полагалъ, что его бумажонка магически направитъ потокъ жизни по другому руслу.

Послѣ ухода Черкасскаго, которому его тактъ не позволилъ сдѣлать дальнѣйшихъ шаговъ по скользкому пути, прозелитская ревность рѣшительно обуяла власти Привислинья. 63 годъ позволялъ не особенно разбираться въ средствахъ, и тогда-то былъ усвоенъ взглядъ на Холмщину, какъ на грядущій родникъ руссификаторства, нѣчто въ родѣ протестантской провинціи Ulster въ католической Ирландіи, въ которой Англія, опираясь именно на Ulster, проводитъ многія мѣропріятія, безъ того безусловно неосуществимыя. Забыли сущую бездѣлицу: если Польша во многомъ и напоминаетъ Ирландію, то отечественныхъ администраторовъ ни въ какомъ отношеніи нельзя было уподобить британскимъ, — слугамъ и охранителямъ законности. Тотъ же принципъ на россійской почвѣ выросъ въ абсурдъ, который былъ бы анекдотомъ, если бы не сталъ позоромъ для однихъ и горемъ для другихъ.

Уже опытъ Іосифа Сѣмашки на Литвѣ (1839) прошелъ очень не гладко, хотя производился сравнительно исподволь и осторожно; тѣмъ худшее пророчила легкомысленная торопливость соборнаго протоіерея и администратора холмской епархіи Маркелла Попеля. Ни онъ, ни ближайшій его сотрудникъ, тогдашній сѣдлецкій губернаторъ, а ранѣе жандармскій офицеръ, С. С. Громека, не находили, что щучье велѣніе хорошо только въ сказкахъ. Послѣдній, основываясь на обмолвкѣ одного крестьянина, котораго слова не были правильно поняты, безъ труда убѣдилъ петербургскія власти въ томъ, что всѣ уніаты Забужья

горятъ желаніемъ возсоединиться. Эта опереточная развязность губернатора въ дѣлѣ государственной важности такъ невѣроятна, что я передаю слово одному изъ крупнѣйшихъ дѣятелей «возсоединенія», бѣльскому благочинному протоіерею, Николаю Ливчаку (журналъ «Странникъ», 1882). Библейски-безпристрастный тонъ разсказа неподражаемъ.

«Въ селѣ Устимовѣ, Влодавскаго уѣзда, мѣстный уѣздный начальникъ полковникъ Туръ убѣждалъ принять изгнаннаго имъ раньше священника. Одинъ изъ крестьянъ, предполагая вмѣстѣ съ прочими, что со времени службы по циркуляру консисторіи наступило православіе, сказалъ: «Якъ такъ, то щожъ робыты? Будемъ православными!» (Подъ православіемъ онъ понималъ послѣдній циркуляръ и обновленное церковное богослуженіе). Когда Громекѣ это было донесено, то онъ сначала не повѣрилъ и пригласилъ къ себѣ изъ этого села двухъ депутатовъ. «Я слышалъ, что желаете быть православными?» обратился къ нимъ губернаторъ. «А щожъ робыты? Колы такъ не можно, то будемъ православные...» Такимъ образомъ пошло православіе!»

Этого недоразумѣнія было совершенно достаточно для Громеки, чтобъ заиграла телеграфная проволока и въ столицу полетѣло донесеніе о невозможности противостоять дольше требованіямъ народа, жаждущаго возвращенія въ лоно старой церкви. Началось массовое «возсоединеніе», раздача крестиковъ, братскія лобызанія, посыпались новыя депеши о безмѣрной радости уніатовъ и кликахъ «ура», которыми облагодѣтельствованное населеніе повсюду встрѣчало губернатора-миссіонера.

Чѣмъ громче была шумиха этой офиціальной лжи, тѣмъ сильнѣе разрасталось недовольство приблизительно половины всѣхъ уніатовъ, не желавшей оставить прежняго исповѣданія, вѣрнѣе — оскорбленной въ своихъ «святая святыхъ» слишкомъ ефрейторскимъ образомъ дѣйствій Громеки. Кое-гдѣ протестъ даже принялъ форму открытаго «сопротивленія властямъ». Спасительность для души указаннаго начальствомъ пути была тотчасъ подтверждена хорошо извѣстными «мѣрами увѣщанія». Тѣ, кто не принялъ православія, поспѣшно перешли въ католиче-

ство, такъ какъ унія была уничтожена не только офиціально, но и фактически. Уніаты не могли образовать подпольной церкви, въ родѣ старообрядческой въ прежніе годы, потому что только и держались балансированіемъ между тяготѣніями къ греческому и латинскому началамъ; едва первое возобладало надъ частью общины, какъ надъ остаткомъ восторжествовало второе.

Вмѣсто того, чтобъ признать уже совершившійся фактъ и дозволить гласно исповѣдывать свою новую вѣру уніатамъ, принявшимъ католицизмъ, власти приказали *считать* ихъ православными, правда—«упорствующими» въ своемъ заблужденіи.

Думали, навѣсивъ ярлыкъ, передѣлать самое природу явленій.

Какъ относилось эти 30 лѣтъ, съ 11 мая 1875 года по 17 апрѣля 1905 г., православное духовенство къ упорствующимъ? Воззрѣнія лучшей его части формулированы отвѣтомъ архіепископа Макарія (впослѣдствіи митрополита московскаго) на просьбу виленскаго генералъ-губернатора энергичнѣе препятствовать окатоличенію уніатовъ: «Такъ какъ чиновники обращали уніатовъ въ православіе, то пускай они же изыскиваютъ средства и удержанія ихъ!»

Конечно, лишь единицы держались такихъ взглядовъ, имѣть которые можно было только при извѣстной нравственной высотѣ, а высказывать—при независимости служебной или матеріальной. Громадное же большинство нашихъ священниковъ не только содѣйствовало гражданскимъ властямъ въ дониманіи упорствующихъ административными «бичами и скорпіонами», но даже превосходили свѣтскихъ агентовъ на этомъ поприщѣ и часто изъ Христовыхъ воиновъ дезертировали въ ряды своеобразной вѣроисповѣдной полиціи.

Православное духовенство въ Холмщинѣ рѣзко отличается отъ клира въ коренной Россіи. Составъ его чрезвычайно разнороденъ: одна часть была приглашена изъ Галиціи, другая—изъ сѣверо- и юго-западнаго края, третья — образовалась изъ бывшихъ уніатскихъ пастырей. Прекрасно обезпеченное правительствомъ, оно могло бы, повидимому, дѣйствительно, оказать

всякія житейскія попеченія и всецѣло отдать себя паствѣ. На самомъ же дѣлѣ достатокъ ихъ и бѣдность населенія дѣлаютъ то, что бытъ священниковъ рѣзко разнится отъ условій существованія окружающей среды, нужды прихожанъ мало понятны клиру и «хлопъ» усматриваетъ въ «попѣ» того же панскаго брата, а не перваго своего печальника. Выходцы изъ Галиціи принесли съ собою въ Забужье привычку къ политической борьбѣ, которая вполнѣ понятна на ихъ родинѣ, гдѣ вѣнскія власти соединяются съ польскимъ элементомъ противъ русинскаго, но не значило ли ломиться въ открытую дверь—отстаивать права Россіи... въ Россійской же имперіи? Клиръ, происходившій родомъ изъ сѣверо- и юго-западнаго края, воспитался въ исторической враждѣ къ польскому племени, а прежніе уніатскіе, теперь православные, священники должны были проявлять особенную ревность къ новому исповѣданію, дабы ихъ не заподозрѣли въ тайной склонности къ старому, — печальная участь людей, мѣняющихъ убѣжденія.

Все сложилось такъ, что чуждые мѣстнымъ жителямъ по происхожденію, раздѣленные отъ нихъ крупнымъ имущественнымъ неравенствомъ, обуреваемые духомъ политиканства, которое не только не встрѣчало препятствій, но даже поощрялось, холмскіе священники стали служить исключительно идеѣ государственности. Вдобавокъ она понималась ими, какъ располяченіе поляковъ, а не только какъ укрѣпленіе русскаго элемента. Религія была лишь средствомъ, на ряду съ которымъ не брезговали сыскомъ и доносомъ. Галичане и «западники» не особенно довѣряли даже своимъ товарищамъ, оставившимъ унію, и нерѣдко въ храмы, гдѣ настоятельствовали послѣдніе, командировались земскіе стражники, по особому приказу благочинныхъ, «для наблюденія за чистотою православнаго богослуженія». Пикантность этого обстоятельства только усугубится, если мы замѣтимъ, что стражниками нерѣдко бывали евреи. «Боевымъ» священникомъ назывался такой, которому удалось настоять на закрытіи какого-либо костела и обращеніи его въ православную церковь, подвести ксендза подъ административную кару и т. д.

«Боевымъ» подражали и завидовали менѣе ловкіе или болѣе совѣстливые.

Дошло, наконецъ, до того, что І. В. Гурко, тотъ самый, дѣятельность котораго въ Царствѣ Польскомъ не нуждается въ характеристикѣ, долженъ былъ, по авторитетному свидѣтельству г. В. Р., «постоянно указывать на духъ православія ради смягченія дѣятельности духовенства, а это послѣднее опиралось въ своихъ возраженіяхъ на политическую программу». Глава полицейскаго управленія въ краѣ былъ вынужденъ давать служителямъ Христа слѣдующіе совѣты: «Не отбирать костелы въ пользу православнаго духовенства и тѣмъ укоренять въ мѣстномъ населеніи увѣренность, что побужденія православія чисто-матеріальныя, а сѣятелямъ смутъ давать поводъ къ утвержденію о преслѣдованіи въ краѣ католицизма, но воздвигать вездѣ, гдѣ нужно величественные православные храмы, въ которые назначать сильныхъ духомъ вѣры, безкорыстныхъ пастырей — вотъ какъ должно дѣйствовать въ по-уніатской мѣстности, чтобы достигнуть намѣченной цѣли. Иные способы безцѣльны и недостойны православія, недостойны русскаго могущественнаго владычества». Фельдмаршалъ, раскрывающій духовенству истины нравственнаго богословія! Гдѣ это мыслимо, кромѣ Холма? Но здѣсь это было и необходимо.

Кромѣ полицейскихъ мѣръ, принимались ли другія противъ упорствующихъ, если ужъ имъ почему-то не дозволяли исповѣдывать католицизмъ? Была ли устроена, наподобіе древне-русской, приходская организація, которая сплотила бы всю общину въ одну семью? Нѣтъ, вѣрующихъ соединяла внѣшняя, случайная связь сосѣдства и близости къ извѣстному храму, а не общность взаимовспоможенія, благотворительности и пр. Клиръ жаловался, что церковно-славянскій языкъ мало вразумителенъ для простолюдина; были ли установлены богослуженія [illegible] мѣстномъ нарѣчіи или даже, съ цѣлью обращенія [illegible] польскомъ языкѣ, что нашими уставами нисколько [illegible] щается? Нѣтъ, но свѣтскія власти осаждались проси[illegible] мѣнѣ польскаго языка въ костелахъ русскимъ, на что [illegible]

хотѣлъ дать согласія. Священники видѣли, что такъ называемыя духовныя упражненія (общее пѣніе и др.) въ костелахъ обаятельно дѣйствуютъ на народъ, измученный физической работой и не знающій другихъ удовольствій, кромѣ грубыхъ, плотскихъ: были ли введены соотвѣтствующія духовныя упражненія въ православныхъ церквахъ, чему каноническія правила нисколько не препятствуютъ? Нѣтъ, но ксендзъ, на чьи проповѣди стекались и упорствующіе, немедленно обвинялся въ «совращеніи», за что по ст. 187 «Уложенія», и донынѣ не отмѣненной, полагается ссылка въ Сибирь.

Впрочемъ, въ 1879 г. было учреждено «Холмское православное Свято-Троицкое братство» съ цѣлью «возстановленія подавленной въ краѣ православной вѣры и русской народности»; уже по самому уставу своему оно чуждалось полицейскихъ пріемовъ. Предъ нами лежитъ отчетъ Братства за двадцать пятый ($190^3/_4$) годъ его жизни. Посмотримъ, что сдѣлало оно за четверть вѣка.

Въ 1881 г. имъ была открыта въ Холмѣ лавка для продажи церковныхъ принадлежностей; въ 1882—учрежденъ знакъ Братства и выработаны правила его ношенія; тогда же основанъ музей и при немъ впослѣдствіи библіотека; съ 1885—Братство стало издавать календарь, въ 1890 — построило собственный домъ, а въ 1894 — образовало издательскій комитетъ; за все время было создано шесть стипендій въ учебныхъ заведеніяхъ г. Холма. О широтѣ просвѣтительнаго почина Братства до извѣстной степени можно судить по даннымъ за $190^3/_4$ годъ: на приходъ всего поступило 14.027 руб. (копейки отбрасываю); изъ нихъ и изъ остатка за предыдущее время израсходовано: на пособіе монастырямъ 600 руб.; церквамъ — 1111 руб.; на изданіе календаря—2989 руб.; на печатаніе изданій Братства—217 руб.; на покупку братскихъ знаковъ, укупорку ихъ и разсылку — 1389 руб.; на случайные и непредвидѣнные расходы—12.079 руб.; на пріобрѣтеніе Братствомъ народныхъ изданій другихъ братствъ и издательскихъ учрежденій—14 руб. 50 коп.; на новыя пріобрѣтенія для музея—ни копейки. Иначе говоря, Братство тратитъ

на случайныя цѣли (весь расходъ его въ отчетномъ году 26.333 рубля) 46% своего бюджета; на *поддержку монастырей* — $2^1/_3$%; на покупку знаковъ (вотъ ужъ куда проникла эта страсть «къ мундирамъ, выпускамъ, петличкамъ!») вшестеро больше, чѣмъ *на издательство*, которое «поглотило» менѣе $^3/_4$% всѣхъ суммъ; *на покупку* чужихъ книгъ, очевидно, для раздачи жаждущему свѣта народу, Братство израсходовало лишь $^1/_{18}$%, и положительно чудомъ экономіи и хозяйственности должно признать пріобрѣтеніе за тѣ же 14 руб. 50 коп. еще «издательскихъ учрежденій» (см. «Отчетъ», стр. 78, статья н).

Эти цифры сами по себѣ поясняютъ, насколько плодотворна дѣятельность Холмскаго Братства; Свято-Никольское, основанное въ г. Замостьѣ, «успѣваетъ» не болѣе, хотя бы потому, что годичный бюджетъ его не превышаетъ 3000 руб.

Было бы ошибкою думать, что недостатокъ денежныхъ средствъ самъ по себѣ является препятствіемъ для религіознаго и нравственнаго просвѣщенія народа. Въ томъ же Забужьѣ, бокъ о бокъ съ «боевыми» священниками, трудятся женскіе, очень бѣдные, монастыри, приносящіе несомнѣнную пользу всей округѣ. Начало имъ положила въ концѣ 80-хъ годовъ игуменья Екатерина (въ міру гр. Ефимовская), основавъ близъ г. Бѣлы, Сѣдлецкой губерніи, Лѣсненскую обитель. Отъ нея, какъ отростки отъ ствола, выдѣлились монастыри Теолинскій (Сувалкской губ.), Вировскій (Сѣдлецкой), Раддечницкій (Люблинской) и Туркавицкая община (Люблинской). Въ этихъ обителяхъ, чрезвычайно немноголюдныхъ, вмѣстѣ насчитывающихъ всего 37 инокинь, политикою не занимаются совершенно: монахини обучаютъ и лѣчатъ здѣсь дѣтей безъ различія вѣроисповѣданій, не отдѣляя козлищъ отъ овецъ. «По-уніаты» не приводились сюда силою, и потому шли сами къ «матушкамъ». Названные монастыри играли, однако, весьма скромную роль въ жизни края; чтобъ направить эту послѣднюю на тотъ истинно-христіанскій путь, котораго они сами держались, ихъ было и слишкомъ мало, и возникли они очень недавно. Упорствующимъ приходилось имѣть дѣло почти исключительно съ «батюшками».

Положеніе «по-уніатовъ» было ужасно: перейти въ православіе они отказались наотрѣзъ, родного привычнаго клира болѣе не существовало, а ксендзы не смѣли гласно признавать ихъ своими духовными чадами, подъ угрозою суровыхъ взысканій. Постоянно терпя различныя стѣсненія въ гражданскихъ правахъ, упорствующіе были лишены и невещественныхъ благъ, даруемыхъ религіей: ихъ свадьбы не вѣнчались, дѣти не крестились, покойники не отпѣвались, или всѣ требы приходилось исполнять по обрядамъ чуждаго исповѣданія. Какою драмою это было при міропониманіи, не далеко ушедшемъ, какъ мы уже видѣли, отъ XVI вѣка! Природа, выгоняемая въ дверь, стучалась въ окна, и каждая новая ограничительная мѣра усиливала въ упорствующихъ склонность къ обходу ея или нарушенію. Пренебрегали карами, неизбѣжными для обѣихъ сторонъ, и отыскивали католическихъ священниковъ, не имѣвшихъ мужества отказать нуждающимся въ утѣшеніи, которое подается всѣмъ вѣрующимъ; переходили рубежъ, такъ какъ на иноземныхъ требоисправителей не простиралось дѣйствіе привислинскихъ циркуляровъ; для тѣхъ, кому была недоступна поѣздка въ Пруссію или Австрію, доставали изъ Кракова, за подписью ксендзовъ этого города, уже готовыя брачныя свидѣтельства, только съ пробѣломъ для именъ супруговъ; самое таинство совершалось вдали отъ людскихъ взоровъ какимъ-либо мѣстнымъ пробощемъ, а гражданскимъ властямъ представлялся такой документъ съ заграничной скрѣпой. Но всѣ старанія освятить сожительство предъ алтаремъ остались, въ концѣ-концовъ, втуне. І. В. Гурко издалъ циркуляръ, объявившій т. наз. «краковскій шлюбъ» недѣйствительнымъ, лицъ, въ немъ состоящихъ,— блудниками, а ихъ дѣтей—незаконнорожденными; если мужъ и жена происходили изъ разныхъ селъ, то ихъ насильственно разлучали и этапнымъ порядкомъ водворяли на родину.

Эти ужасы творились въ Европѣ, спустя 19 вѣковъ послѣ рожденія Христа!

Мудрено ли, что послѣ 17 апрѣля, какъ только былъ положенъ первый камень зданія вѣротерпимости, «упорствующіе»

немедленно отказались отъ этой безсмысленной клички и открыто назвали себя католиками, т.-е. тѣмъ, чѣмъ пребываютъ уже 30 лѣтъ. Перехода въ католичество ни массоваго, ни отдѣльныхъ личностей въ Холмщинѣ не было въ наши дни вовсе, но двухсоттысячная масса, ни минуты не порывавшая съ костеломъ, стала ходить въ него днемъ, а не сумерками. Всѣ увидѣли истину такою, какою она была и есть, какою все равно оставалась бы, сколько бы времени ни было еще угодно администраціи тѣшить себя самообманомъ.

Всякая свобода налагаетъ и обязательства; религіозная требуетъ отъ представителей того исповѣданія, въ правахъ съ которымъ уравнены другія, особеннаго внутренняго подъема, возношенія ума и сердца на высоту непревосходимую, какъ воскъ растопляющую невѣріе, плѣняющую и равнодушныхъ. Нельзя уже надѣяться на поддержку извнѣ, на помощь гражданскихъ властей, вмѣшательство которыхъ, въ сущности, только мертвитъ тѣло церкви. Внутри себя, въ проникновенномъ раскрытіи чистоты ученія, въ безгрѣшности помысловъ и назидательности собственнаго примѣра остается искать теперь опору для дальнѣйшаго существованія, строить расчеты на побѣды и на защиту отъ нападеній.

Такъ ли поняло новую свою задачу духовенство Забужья?

Нѣтъ! оно не обрадовалось, что наконецъ-то открывается поле для мирнаго, во Христѣ, соревнованія съ дѣлателями католицизма. Едва пронеслись первые неясные слухи о предстоящемъ преобразованіи, какъ въ Петербургъ была отправлена просьба оставить все по-старому, съ указаніемъ, что иначе «русскому дѣлу» будетъ причиненъ неисправимый ущербъ. Увы! холмскіе пастыри не могли отказаться отъ мысли, что ихъ назначеніе—блюсти души своихъ прихожанъ, а не руссифицировать поляковъ. Какъ прежде, такъ и теперь «католикъ» для нихъ означало «полякъ», а «полякъ», пока остается имъ, не можетъ не быть врагомъ русской имперской идеи. Въ ихъ глазахъ религія играетъ роль подсобнаго признака, опредѣляющаго положительное или отрицательное отношеніе человѣка къ госу-

дарственности: каждый православный тѣмъ самымъ есть и русскій; русскій, перешедшій въ католичество, по тому самому дѣлается полякомъ. Знаютъ ли въ Забужьѣ о существованіи православныхъ японцевъ?

Петиція о нерушимости затхлаго уклада запоздала; повѣяло свѣжимъ воздухомъ терпимости. Вы думаете, что хоть теперь-то духовенство спохватилось, встрепенулось, кинулось устраивать внѣбогослужебныя собесѣдованія съ народомъ, «глаголомъ жечь сердца людей»? Дѣйствительно, Братства выпустили нѣсколько воззваній, написанныхъ холоднымъ канцелярскимъ языкомъ или изобилующихъ ругательствами противъ католиковъ. Въ одномъ, напр., я лично встрѣтилъ такое выраженіе: «жидъ, ляхъ и собака—вѣра однака». Глубоко вѣрю, что это выходка отдѣльнаго грубаго и невоспитаннаго человѣка, осуждаемая клиромъ въ цѣломъ его составѣ, какъ и рѣзкости листковъ какого-то католическато «Общества попеченія объ уніатахъ» я приписываю несдержанности одного фанатика, но отнюдь не корпораціи.

Одновременно наше духовенство стало рабски слѣдовать тактикѣ ксендзовъ, какъ будто не находя лучшихъ образцовъ духовной борьбы для подражанія.

Такая заимствовательность тѣмъ менѣе можетъ быть оправдываема, что къ миссіонерской дѣятельности нашъ клиръ въ образовательномъ отношеніи вообще, а холмскій — сверхъ того и въ матеріальномъ, приспособленъ лучше, нежели католическій. Утвержденіе Бѣлинскаго, будто «католическое духовенство страшно преступленіями власти, а православное—преступленіями невѣжества», устарѣло не только въ первой, но и во второй своей половинѣ. Программы нашихъ семинарій значительно шире римско-католическихъ, обнимая, кромѣ спеціально богословскихъ предметовъ, полный курсъ классической гимназіи. Для поступленія же въ разсадникъ будущихъ ксендзовъ требуется только окончаніе четырехъ первыхъ гимназическихъ классовъ, и общее образованіе юношей не идетъ дальше, если они не пріохочены къ самообразованію. Изъ 409 пастырей

холмско-варшавской епархіи прошли полный курсъ богословской академіи 49 и заграничныхъ университетовъ — 19 лицъ, иначе говоря 17% получили высшее образованіе. Холмскіе православные священники, превосходя католическихъ эрудиціей, вдобавокъ еще заботливо ограждены отъ имущественныхъ невзгодъ, слѣдовательно, цѣликомъ могутъ посвящать себя «воздѣлыванію духовнаго вертограда». Что нужно было усвоивать имъ у ксендзовъ? Вѣдь драгоцѣнныя преимущества этихъ послѣднихъ — вѣра въ свое призваніе, беззавѣтная любовь къ дѣлу — не могутъ быть переняты: съ ними нужно родиться, ихъ должно воспитать въ себѣ. Злѣйшій врагъ католическаго духовенства не упрекнетъ его въ формальномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ, какъ и преданнѣйшій другъ нашего не можетъ не скорбѣть объ его бюрократизмѣ.

До 17 апрѣля «оказательство» римскаго исповѣданія было до извѣстной степени стѣснено; воспрещались, напр., торжественные крестные ходы по улицамъ, а ксендзы и епископы были лишены права передвиженія: они не смѣли ни на часъ оставить мѣсто постояннаго своего жительства безъ письменнаго на то разрѣшенія администраціи. Строгость властей въ этомъ направленіи не знала предѣловъ и вызывала иной разъ грустно-комическія явленія. Патеръ, желавшій проникнуть къ сосѣднему помѣщику съ такимъ страшнымъ противогосударственнымъ умысломъ, какъ сыграть нѣсколько робберовъ въ винтъ, принужденъ былъ или совершать свое путешествіе на днѣ воза съ сѣномъ, или платить толику рублей стражнику «за недонесеніе». Дарованіе свободы естественно подняло духъ всѣхъ. Епископы, по снятіи оскорбительнаго надзора, тотчасъ отправились въ объѣзды по епархіямъ, не видѣвшимъ своихъ владыкъ болѣе 40 лѣтъ; повсюду имъ устраивались помпезныя встрѣчи, которыя особенно коробили холмское православное духовенство. Тутъ было проявлено много сердечной радости, много неподдѣльнаго увлеченія, порою принимавшаго чуть-чуть ребяческій характеръ. Къ чему, напр., монаху, каковымъ является каждый епископъ, почетные эскорты изъ нѣсколькихъ сотъ всадниковъ? Конныя

ристалища не вяжутся съ понятіемъ объ инокѣ, презрѣвшемъ мірскую суету. Однакоже усматривать въ этой мирной и лойяльной манифестаціи что-то похожее на инспекторскій смотръ кадровъ будущаго самостоятельнаго польскаго войска можно не съ большимъ основаніемъ, чѣмъ въ мухѣ — слона. Да и національными костюмами, въ которые были одѣты встрѣчавшіе, пора бы интересоваться съ точки зрѣнія этнографіи, а не охраннаго отдѣленія: отъ нихъ до сепаратизма не ближе, нежели отъ земли до луны.

Православное духовенство Забужья истолковало поѣздку люблинскаго католическаго епископа Ячевскаго по епархіи какъ вызовъ... Россіи и рѣшило, слѣдуя гомеопатамъ, лѣчить «подобное подобнымъ». Преосвященный холмскій Евлогій немедленно предпринялъ осмотръ подвѣдомственныхъ ему церквей, и нерѣдко оба епископа посѣщали какой-либо городъ въ одинъ и тотъ же день. Православной шляхты въ краѣ не существуетъ, а кавалеристы изъ крестьянъ, на ихъ заморенныхъ лошаденкахъ, ничего не могли бы прибавить къ пышности пріема; такимъ образомъ, грозила серьезная опасность, что въ этомъ отношеніи католицизмъ какъ бы возьметъ верхъ. Къ счастью, былъ найденъ выходъ изъ затрудненія; какъ повѣствуетъ офиціальный лѣтописецъ, излагающій всѣ подробности путешествія владыки (см. «Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ», №№ 21, 22 и 23), офицеры 10 донского полка «показали себя истинно русскими, православными воинами», провожая преосвященнаго отъ с. Горышева «эскортомъ» до Замостья, гдѣ для встрѣчи были выстроены казаки и всѣ пѣхотные полки съ ихъ начальствомъ во главѣ, и проводивъ точно такъ же въ сопровожденіи всѣхъ офицеровъ полка верхами далеко за предѣлы города.

Состязанія въ парадировкахъ! Монахъ, сопровождаемый солдатами, и этимъ тѣшащій свое жалкое самолюбіе!

На ряду съ этими «серьезными» мѣрами православіе отстаиваютъ теперь въ Холмщинѣ и другими, не менѣе дѣйствительными.

...За нѣсколько станцій до Холма въ мое купэ подсѣли два новыхъ лица, — бравый жандармскій ротмистръ и чиновникъ въ форменномъ платьѣ вѣдомства юстиціи. Оказалось — «чтецъ душъ» и судебный слѣдователь. Спѣшатъ «по дѣламъ службы». Слово за слово — и завязался общій разговоръ.

— Хоть въ отставку вонъ бѣги, — жаловался ротмистръ: — что ни день, то разслѣдованіе... Покою нѣтъ отъ жалобъ на ксендзовъ... Поголовно занялись совратительствомъ и политикою... Только то и дѣло, — ѣзди и опрашивай... Семьи по цѣлымъ недѣлямъ не вижу!..

— А мое положеніе, — сочувственно поддержалъ слѣдователь, — лучше, что ль? Треплюсь, какъ угорѣлый... Всѣ дѣла, кромѣ этихъ, производствомъ стали: и во снѣ все одну 187 статью видишь...

«Этими» оказались дѣла, возбужденныя противъ ксендзовъ и католиковъ-мірянъ, буквально загромоздившія суды губерній, гдѣ обитаютъ православные, и мѣстную консисторію. Знаменитая же статья гласитъ:

«За совращеніе изъ православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе виновный приговаривается къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь или къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія. Когда жъ будетъ доказано, что для совращенія изъ православнаго въ другое христіанское вѣроисповѣданіе были употреблены принужденіе и насиліе, то виновный подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь».

Указъ 17 апрѣля не отмѣнилъ 187-й статьи «Уложенія»; комиссія гр. А. П. Игнатьева, которой поручено сообразовать законы съ началами вѣротерпимости, до сихъ поръ толч[illegible] одномъ мѣстѣ; законодатель не опредѣлилъ растяжимаго [illegible] «совращеніе», а жизнь не ждетъ, бурлитъ и могучимъ [illegible] ломаетъ искусственныя перегородки... Иначе говоря, [illegible] такое положеніе: съ одной стороны, православные, [illegible] приказано было *считать* «упорствующихъ», могутъ по[illegible]

въ католичество безъ препятствій, съ другой же — «Уложеніе» не гладитъ по головкѣ совратителей, а ими могутъ быть признаны и таки признаются какъ ксендзъ, не отказавшій упорствующему въ исповѣди или причастіи, такъ и католикъ-сосѣдъ, ввернувшій хотя бы словечко о спасительности своего исповѣданія. Получился заколдованный кругъ: совратительство не устанавливается, и слѣдовательно отсутствуетъ поводъ для уголовнаго дѣла, лишь въ томъ случаѣ, если вы приняли другую религію, никогда ранѣе ни отъ кого о ней не слышавъ, сами совершили надъ собою обрядъ присоединенія, т.-е. таинство евхаристіи, и собственною рукою, безъ вѣдома причта, внесли себя въ церковныя книги; поскольку же это немыслимо, постольку невозможно и обращеніе въ другое исповѣданіе, безъ перспективы Сибири, по крайней мѣрѣ, для священнослужителей. Дѣйствительно: ни одинъ ксендзъ не рѣшается заносить бывшихъ упорствующихъ въ надлежащіе акты, и въ то время, какъ изрядное количество считавшихся православными приходовъ вовсе не имѣетъ теперь прихожанъ, число католиковъ въ Холмщинѣ осталось на бумагѣ безъ перемѣнъ.

Доносы, сыплющіеся градомъ, ретивое вчинаніе дѣлъ съ пріятнымъ финаломъ, въ видѣ лишенія всѣхъ правъ, для привлеченныхъ, — таковъ второй пріемъ борьбы съ католическимъ вліяніемъ.

Послушаемъ о третьемъ, чисто-отеческомъ, если можно такъ выразиться.

— Нѣтъ! Вотъ кто меня удивилъ, — продолжалъ мой вагонный спутникъ съ аксельбантами: — стражникъ N—скаго села... Вся родня его, дѣдъ, отецъ — католики, самъ онъ всегда былъ записанъ православнымъ... Бацъ! Слышу, въ костелъ пошелъ... Я къ нему: «ты что это, голубчикъ?» А онъ мнѣ, эдакъ, понимаете, безо всякаго даже сокрушенія: «да вѣдь по новому закону, ваше благородіе, никакихъ стѣсненіевъ не полагается, кто бъ въ какой вѣрѣ ни былъ...» Взорвало меня: «ты мнѣ, такой-сякой сынъ, законовъ не тычь! Я самъ тебѣ законъ... Не усидѣть тебѣ на службѣ!» Онъ и то, и се: «жена... дѣти...

помилуйте!» — «Шалишь, братъ! Если ты ужъ съ ксендзомъ снюхался, добра отъ тебя не жди...»

Я только фотографирую. Такъ понимается и проводится вѣротерпимость въ Холмщинѣ.

Нельзя не сочувствовать стремленіямъ здѣшнихъ русиновъ и впредь сохранить собственный обликъ, выстраданный многовѣковыми мученіями; невозможно не восхищаться этой живучестью національнаго духа, этой твердостью собирательной воли. Но наличность этихъ качествъ должно признать въ равной степени и у польскаго племени, гдѣ они не дѣлаются ни менѣе почтенными, ни менѣе законными. Слѣдуетъ только отказаться отъ вреднаго предразсудка, будто немыслимо полюбовное размежеваніе обоихъ элементовъ, одинъ изъ которыхъ непремѣнно якобы долженъ поразитствовать за счетъ ослабленнаго другого. Не нападать необходимо, но лишь укрѣпиться, да такъ солидно, чтобы не понадобилась и защита. Не приведутъ къ добру нынѣ примѣняемыя мѣры, какъ и другія, измышляемыя петербургскими Солонами, въ родѣ, напр., проекта образованія самостоятельной Холмской губерніи.

Онъ заслуживаетъ нѣсколькихъ словъ, какъ образчикъ глубочайшей вѣры приказнаго строя въ магическую силу ярлычка, канцелярской формулы. Исходятъ изъ такихъ соображеній: если изъ уѣздовъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній, населенныхъ русинами, образовать новую губернію, въ административномъ отношеніи присоединенную къ Юго-Западному краю, то тѣмъ самымъ въ г. Холмѣ создадутся всѣ крупныя инстанціи, — окружный судъ, казенная палата и пр.; крестьянину не придется тогда, имѣя дѣла въ этихъ учрежденіяхъ, обращаться, какъ теперь, въ польскіе города и слышать тамъ чуждую рѣчь. Въ то же время онъ не будетъ испытывать неудобствъ отъ принятаго въ Царствѣ Польскомъ грегоріанскаго календаря, благодаря которому теряется столько рабочихъ дней у православнаго населенія: въ свои праздники оно само не хочетъ трудиться, а въ чужіе ему запрещаютъ или препятствуютъ крестьяне-католики. Отъ двойного празднованія однихъ и тѣхъ

же событій, какъ извѣстно, только гоголевскій городничій извлекалъ выгоду.

«Реформаторы» совершенно упускаютъ изъ виду слѣдующее: по географическимъ условіямъ такую губернію нельзя будетъ выкроить иначе, какъ съ польскимъ населеніемъ ровно на половину; въ ней не будетъ, развѣ велѣніемъ лампы Аладина, крупныхъ русскихъ имѣній; слѣдовательно, экономическая зависимость православнаго «хлопа» отъ пана-помѣщика все равно не ослабѣетъ; наконецъ, ломка всѣхъ гражданскихъ правоотношеній (кодексъ Наполеона) нанесетъ такой несомнѣнный ущербъ жителямъ, который врядъ ли покроется гадательнымъ благомъ преобразованія.

Вотъ развѣ прикажутъ *считать* новую административную единицу чисто-русскою и православною... такъ это можно сдѣлать и сейчасъ.

Авторомъ проекта могъ быть человѣкъ или вовсе не знающій края, или, какъ увѣряло меня одно очень высокопоставленное лицо въ Варшавѣ, преслѣдующій личные интересы.

Вотъ не лишенный ехидства разсказъ сановника, офиціальное положеніе котораго безусловно не позволяетъ заподозрѣть его освѣдомленности.

— Первымъ подалъ эту мысль и детально разработалъ ее г. Д. изъ Петербурга... Мы сперва очень заинтересовались, вникали, судили и рядили... Ея непрактичность выяснялась все болѣе и болѣе, по мѣрѣ изученія обстоятельствъ дѣла... Когда собственно не о чемъ уже было и спорить, Д., хотя припертый къ стѣнѣ, все-таки не сдавался. Меня взяло любопытство. «Да почему же вы, противъ очевидности, стоите на своемъ? Зачѣмъ вамъ непремѣнно дѣлать Холмъ губернскимъ городомъ?» спросилъ я Д. — «Эхъ, ваше—ство!» въ порывѣ откровенности, съ огорченіемъ отвѣчалъ онъ: «а какъ прикажете поступить съ моей землей? Вѣдь она гроши приноситъ...» Оказалось, Д. владѣлъ въ самомъ центрѣ Холма участками, стоимость которыхъ удвадцатерилась бы при покупкѣ или арендѣ ихъ подъ присутственныя мѣста.

Подобныхъ радѣтелей не мало у несчастныхъ русиновъ.

Но что же дѣлать все-таки съ Холмомъ? Съ самаго начала только не то, что дѣлается тамъ теперь. Отъ воинствующихъ чиновниковъ въ мундирахъ и рясахъ передайте заботу о сохраненіи національной самобытности достойнѣйшимъ представителямъ общества; пошлите туда лучшихъ пастырей и управителей—цвѣтъ Россіи, просвѣтите народъ, подымите его благосостояніе, оздоровите его физически... Онъ выдержитъ напоръ любой культуры, когда самъ будетъ силенъ культурно.

Націоналистическія газеты правы, утверждая, что въ Забужьѣ живется не легко; нетерпимость свила здѣсь себѣ гнѣздо, которое не рухнуло и послѣ 17 апрѣля; но пусть онѣ честно скажутъ, *кто* грѣшитъ ею?

Замѣтили ль мы ее у поляка нашихъ дней?

XI.

Clarum regnum polonorum
Est coelum nobiliorum,
Paradisus judaeorum
Et infernus rusticorum *) —

такою кухонной латынью характеризуетъ средневѣковый шляхтичъ свою родину. Много времени спустя, когда положеніе вещей въ Западной Европѣ измѣнилось настолько, что потребовалась генеральная переоцѣнка всѣхъ политическихъ и соціальныхъ цѣнностей, тонкій и вдумчивый Жанъ-Жакъ Руссо повторяетъ ту же мысль: «Въ Польшѣ дворяне—все, мѣщане—ничего, крестьяне—менѣе, чѣмъ ничто». Два полюса культуры, сословникъ и апостолъ безсословности, забубенная помѣщичья голова и философъ — государствовѣдъ, безыменный потомокъ дикихъ сарматовъ и одинъ изъ величайшихъ представителей французскаго генія, — сходятся до тождества, рисуя анти-демо-

*) Рѣчь Посполитая для шляхты — небеса, для евреевъ — рай, для крестьянъ—адъ.

кратизмъ Рѣчи Посполитой. Отрицать его возможно не съ большею основательностью, чѣмъ какая таилась за словами Екатерины II: «Лучше судьбы нашихъ крѣпостныхъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной». Человѣческій языкъ бѣденъ, чтобъ описать бытъ польскихъ крестьянъ во всемъ его ужасѣ; не сладко жилось и нашимъ «смердамъ», но община и отсутствіе арендной системы вызволяли ихъ хоть отъ полнаго разоренія: русскому помѣщику, самому ведшему хозяйство, было убыточно голодовками обезсиливать даровыя рабочія руки. Противъ польскаго хлопа соединилось вмѣстѣ съ паномъ все: и аристократія клира, и передача государственнаго суверенитета цѣликомъ вотчинникамъ, и излюбленная форма землепользованія—«поссесія», и, иногда, разность враждовавшихъ религій. Своимъ крестьянамъ шляхтичъ представлялся грознымъ многоликимъ божествомъ; для нихъ онъ былъ королемъ, гетманомъ, судьей, жизнедавцемъ и палачомъ. Болѣе ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Станиславъ Сташицъ, одинъ изъ лучшихъ дѣятелей упадка Польши, написалъ свои «Разсужденія надъ жизнью Я. Замойскаго» («Uwagi nad zicem J. Zamoyskiego, 1795), но и донынѣ безъ содроганія нельзя читать страницъ, посвященныхъ бѣдствіямъ хлоповъ. Дантовскій «Адъ» съ его фантастическими муками блѣднѣетъ, кажется дѣтской игрушкой въ сравненіи съ этимъ океаномъ всамдѣлишныхъ человѣческихъ мукъ, созданныхъ жестокостью и себялюбіемъ человѣка же!

Эта картина—панъ, пятою попирающій лежащаго мужика—неизмѣнно представляется уму большинства, какъ только разговоръ коснется минувшихъ судебъ польскихъ крестьянъ; своей скульптурностью она заслонила всякія иныя фазы исторіи хлоповъ, которая не могла же вѣчно оставаться неизмѣнною. До нашихъ дней многіе искренне убѣждены, что привислинское дворянство и теперь до мозга костей пропитано если не ненавистью, то глубочайшимъ равнодушіемъ къ «низамъ»; рога у этой бодливой силы отняты лишь демократическимъ режимомъ правительства; малѣйшая поблажка панству, а тѣмъ болѣе—предоставленіе ему вліянія на ходъ окраинныхъ дѣлъ, и

великое дѣло Милютина съ присными пойдетъ прахомъ: шляхетская политика снова мертвымъ узломъ скрутитъ крестьянина, лично свободнаго, но экономически, конечно, зависящаго отъ работодателя-помѣщика. Намъ слѣдуетъ или опровергнуть распространенное мнѣніе объ анти-демократическомъ духѣ польскаго общества, или же, признавъ справедливость такого взгляда, записаться въ ряды публицистовъ, восклицающихъ: «fiat хлопъ, pereat шляхтичъ!» Если, при недостижимости сословной гармоніи, приходится выбирать одно изъ двухъ, и Польша не можетъ существовать иначе, какъ аристократическою, пусть не существуетъ вовсе! Ни на одинъ алтарь не принесемъ мы такой жертвы какъ народъ, хотя бы и за вычетомъ «верхнихъ десяти тысячъ»...

Состраданіе къ печальному прошлому польскихъ крестьянъ не должно препятствовать намъ видѣть, что доля ихъ ухудшалась постепенно, что угнетеніе было результатомъ сложнаго историческаго процесса, а не вытекало изъ врожденныхъ качествъ шляхетскаго характера. Во времена языческой Польши, при общинномъ владѣніи землею, хлопы были совершенно свободны; первыми рабами были военно-плѣнные; когда, въ интересахъ казны, потребовалось прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, то притязанія на людей сначала выразило духовенство, тутъ же своей патримоніальной юстиціей уничтожившее связь между королемъ и «подданными», затѣмъ—дворянство. Рѣшительный шагъ къ закрѣпощенію кметей дѣлаетъ Вислицкій статутъ (1361) Казимира Великаго, но только въ 1520 году состоялось первое общее постановленіе относительно барщины; спустя 46 лѣтъ, Сигизмундъ-Августъ рѣшительно отказался отъ всякихъ правъ короны на вмѣшательство въ отношенія между помѣщикомъ и «душами»; крестьянинъ сталъ вещью, даже за уничтоженіе которой владѣлецъ-шляхтичъ не подвергался никакой отвѣтственности до 1768 года. Лишь тогда, наканунѣ перваго раздѣла государства, по настоянію русскаго посланника кн. Репнина, была опредѣлена кара за убійство хлопа. Девятый валъ крѣпостничества покатилъ подъ гору, но было уже поздно...

Припомните, когда другія государства разстались съ темнымъ наслѣдіемъ феодализма, и согласитесь, что Рѣчь Посполитая не особенно отстала отъ нихъ: Италія возвратила свободу крестьянамъ въ 1762 г., Австрія — въ 1766, Франція— между 1779 и 1789, Данія—въ 1788, Пруссія—въ 1807, Баварія—въ 1808 и въ самой Англіи мы замѣчаемъ слѣды крѣпостного права еще до XVII столѣтія. Для насъ важно отмѣтить, что въ моментъ агоніи политическая мысль поляковъ созрѣла и рѣзко повернула къ камню, сперва пренебреженному строителями,—народу. Въ концѣ XVIII вѣка въ Варшавѣ, уже безъ воздѣйствія россійскихъ генераловъ, возникаетъ замѣтное демократическое теченіе, такъ выгодно отличающее собою тогдашнюю публицистику. Крестьянской реформы требуетъ цѣлый рядъ писателей: А. Поплавскій, Іосифъ Выбицкій, Сташицъ, Стройновскій, Трембицкій, Курпь, Морскій, Макульскій. Глава прогрессивной партіи на 4-лѣтнемъ сеймѣ (1788—1792), Гуго Коллонтай, той же темѣ посвящаетъ трудъ подъ многозначительнымъ названіемъ «Послѣднее предостереженіе Польшѣ». Естественно, не было недостатка и въ отповѣдяхъ крѣпостниковъ; они всячески противодѣйствовали новаторамъ, не менѣе сильно, чѣмъ у насъ Панинъ Милютину, и все-таки потерпѣли бы пораженіе, если бы не анатомированіе Польши заживо, прервавшее всѣ органическіе процессы.

Обновленіе въ духѣ свободы проповѣдывалось не только на бумагѣ: столпы польской аристократіи, вѣрные хранители ея преданій, на практикѣ проводятъ въ своихъ помѣстьяхъ рядъ мѣръ, идущихъ совершенно въ разрѣзъ съ прежнимъ шляхетскимъ отношеніемъ къ хлопу. Референдарій великаго княжества литовскаго Бржостовскій, А. Замойскій, Ст. Понятовскій (племянникъ короля), Хребтовичъ и Малаховскій становятся предтечами крестьянской эмансипаціи, какъ въ Россіи сороковыхъ годовъ—гр. М. С. Воронцовъ и гр. Витгенштейнъ.

Вы видите, что на зарѣ польской исторіи хлопъ былъ повитъ свободой, она приближалась къ нему и на закатѣ госу-

дарственности; добросовѣстно ли утверждать, будто рабовладѣльческіе инстинкты не покидали шляхты отъ колыбели до могилы?

Паденіе Польши не только не пріостановило роста демократическихъ началъ, но помогло ихъ кристаллизаціи и усвоенію всѣми. Катастрофа въ значительной степени была объяснена какъ слѣдствіе лишенія крестьянъ гражданскихъ правъ, исключенія сословія изъ политической жизни страны. Такъ истолковывали все происшедшее не только Вольтеръ и Мабли, изъ своего прекраснаго далека, но непосредственные очевидцы событій, во главѣ съ серьезнымъ исторіографомъ, луцкимъ епископомъ Нарушевичемъ. Всѣхъ, точно молнія, осѣнило сознаніе, что у невольниковъ нѣтъ родины; могла ли бы Голландія 40 лѣтъ бороться за независимость, если бы тамошніе мужики были такъ же чужды идеѣ отечества, какъ польскіе? Хлопы Рѣчи Посполитой не желали защищать ее въ 1794 г. противъ русскихъ, потому что республика имъ ничего не дала, кромѣ рабства, а владычество иноплеменниковъ ихъ не пугало: хуже прежняго ничего не могло быть. Великая революція объявила народъ сувереннымъ и единымъ; французъ шелъ умирать за нее и побѣждалъ. Варшавская революція была дѣломъ пановъ, и хлопъ добровольно не пошевельнулъ пальцемъ, чтобы помочь старому угнетателю. Это былъ моментъ высокаго трагизма, когда шляхта, оставшись наединѣ съ голосомъ испытующей совѣсти, самой себѣ вынесла жестокое осужденіе. Съ цицероновской силой Сташицъ говоритъ: «Кто училъ на сеймикахъ измѣнѣ, подлости, насилію? Паны. — Кто парализовалъ законодательную власть, рвалъ сеймы? Паны. — Кто судъ превращалъ въ торгъ правосудіемъ? Паны.—Кто продавалъ корону? Паны.—Кто покупалъ корону? Паны. — Кто приводилъ чужеземныя войска? Паны». Какъ за минуту, предшествующую роковой командѣ, приговоренный къ казни успѣваетъ вспомнить всю жизнь, подвести ея плюсы и минусы, такъ и польское общество въ одинъ годъ костюшковской эпопеи выстрадало политическій опытъ, къ которому другія государства приходили исподволь, вѣками: ея

ристалища не вяжутся съ понятіемъ объ инокѣ, презрѣвшемъ мірскую суету. Однакоже усматривать въ этой мирной и лойяльной манифестаціи что-то похожее на инспекторскій смотръ кадровъ будущаго самостоятельнаго польскаго войска можно не съ большимъ основаніемъ, чѣмъ въ мухѣ — слона. Да и національными костюмами, въ которые были одѣты встрѣчавшіе, пора бы интересоваться съ точки зрѣнія этнографіи, а не охраннаго отдѣленія: отъ нихъ до сепаратизма не ближе, нежели отъ земли до луны.

Православное духовенство Забужья истолковало поѣздку люблинскаго католическаго епископа Ячевскаго по епархіи какъ вызовъ... Россіи и рѣшило, слѣдуя гомеопатамъ, лѣчить «подобное подобнымъ». Преосвященный холмскій Евлогій немедленно предпринялъ осмотръ подвѣдомственныхъ ему церквей, и нерѣдко оба епископа посѣщали какой-либо городъ въ одинъ и тотъ же день. Православной шляхты въ краѣ не существуетъ, а кавалеристы изъ крестьянъ, на ихъ замореннымъ лошаденкахъ, ничего не могли бы прибавить къ пышности пріема; такимъ образомъ, грозила серьезная опасность, что въ этомъ отношеніи католицизмъ какъ бы возьметъ верхъ. Къ счастью, былъ найденъ выходъ изъ затрудненія; какъ повѣствуетъ офиціальный лѣтописецъ, излагающій всѣ подробности путешествія владыки (см. «Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ», №№ 21, 22 и 23), офицеры 10 донского полка «показали себя истинно русскими, православными воинами», провожая преосвященнаго отъ с. Горышева «эскортомъ» до Замостья, гдѣ для встрѣчи были выстроены казаки и всѣ пѣхотные полки съ ихъ начальствомъ во главѣ, и проводивъ точно такъ же въ сопровожденіи всѣхъ офицеровъ полка верхами далеко за предѣлы города.

Состязанія въ парадировкахъ! Монахъ, сопровождаемый солдатами, и этимъ тѣшащій свое жалкое самолюбіе!

На ряду съ этими «серьезными» мѣрами православіе отстаиваютъ теперь въ Холмщинѣ и другими, не менѣе дѣйствительными.

...За нѣсколько станцій до Холма въ мое купэ подсѣли два новыхъ лица, — бравый жандармскій ротмистръ и чиновникъ въ форменномъ платьѣ вѣдомства юстиціи. Оказалось — «чтецъ душъ» и судебный слѣдователь. Спѣшатъ «по дѣламъ службы». Слово за слово — и завязался общій разговоръ.

— Хоть въ отставку вонъ бѣги, — жаловался ротмистръ: — что ни день, то разслѣдованіе... Покою нѣтъ отъ жалобъ на ксендзовъ... Поголовно занялись совратительствомъ и политикою... Только то и дѣло, — ѣзди и опрашивай... Семьи по цѣлымъ недѣлямъ не вижу!..

— А мое положеніе, — сочувственно поддержалъ слѣдователь, — лучше, что ль? Треплюсь, какъ угорѣлый... Всѣ дѣла, кромѣ этихъ, производствомъ стали: и во снѣ все одну 187 статью видишь...

«Этими» оказались дѣла, возбужденныя противъ ксендзовъ и католиковъ-мірянъ, буквально загромоздившія суды губерній, гдѣ обитаютъ православные, и мѣстную консисторію. Знаменитая же статья гласитъ:

«За совращеніе изъ православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе виновный приговаривается къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь или къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія. Когда жъ будетъ доказано, что для совращенія изъ православнаго въ другое христіанское вѣроисповѣданіе были употреблены принужденіе и насиліе, то виновный подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь».

Указъ 17 апрѣля не отмѣнилъ 187-й статьи «Уложенія»; комиссія гр. А. П. Игнатьева, которой поручено сообразовать законы съ началами вѣротерпимости, до сихъ поръ толчется на одномъ мѣстѣ; законодатель не опредѣлилъ растяжимаго понятія «совращеніе», а жизнь не ждетъ, бурлитъ и могучимъ потокомъ ломаетъ искусственныя перегородки... Иначе говоря, создалось такое положеніе: съ одной стороны, православные, каковыми приказано было *считать* «упорствующихъ», могутъ переходить

въ католичество безъ препятствій, съ другой же — «Уложеніе» не гладитъ по головкѣ совратителей, а ими могутъ быть признаны и таки признаются какъ ксендзъ, не отказавшій упорствующему въ исповѣди или причастіи, такъ и католикъ-сосѣдъ, ввернувшій хотя бы словечко о спасительности своего исповѣданія. Получился заколдованный кругъ: совратительство не устанавливается, и слѣдовательно отсутствуетъ поводъ для уголовнаго дѣла, лишь въ томъ случаѣ, если вы приняли другую религію, никогда ранѣе ни отъ кого о ней не слышавъ, сами совершили надъ собою обрядъ присоединенія, т.-е. таинство евхаристіи, и собственною рукою, безъ вѣдома причта, внесли себя въ церковныя книги; поскольку же это немыслимо, постольку невозможно и обращеніе въ другое исповѣданіе, безъ перспективы Сибири, по крайней мѣрѣ, для священнослужителей. Дѣйствительно: ни одинъ ксендзъ не рѣшается заносить бывшихъ упорствующихъ въ надлежащіе акты, и въ то время, какъ изрядное количество считавшихся православными приходовъ вовсе не имѣетъ теперь прихожанъ, число католиковъ въ Холмщинѣ осталось на бумагѣ безъ перемѣнъ.

Доносы, сыплющіеся градомъ, ретивое вчинаніе дѣлъ съ пріятнымъ финаломъ, въ видѣ лишенія всѣхъ правъ, для привлеченныхъ, — таковъ второй пріемъ борьбы съ католическимъ вліяніемъ.

Послушаемъ о третьемъ, чисто-отеческомъ, если можно такъ выразиться.

— Нѣтъ! Вотъ кто меня удивилъ, — продолжалъ мой вагонный спутникъ съ аксельбантами: — стражникъ N—скаго села... Вся родня его, дѣдъ, отецъ — католики, самъ онъ всегда былъ записанъ православнымъ... Бацъ! Слышу, въ костелъ пошелъ... Я къ нему: «ты что это, голубчикъ?» А онъ мнѣ, эдакъ, понимаете, безо всякаго даже сокрушенія: «да вѣдь по новому закону, ваше благородіе, никакихъ стѣсненіевъ не полагается, кто бъ въ какой вѣрѣ ни былъ...» Взорвало меня: «ты мнѣ, такой-сякой сынъ, законовъ не тычь! Я самъ тебѣ законъ... Не усидѣть тебѣ на службѣ!» Онъ и то, и се: «жена... дѣти...

помилуйте!» — «Шалишь, братъ! Если ты ужъ съ ксендзомъ снюхался, добра отъ тебя не жди...»

Я только фотографирую. Такъ понимается и проводится вѣротерпимость въ Холмщинѣ.

Нельзя не сочувствовать стремленіямъ здѣшнихъ русиновъ и впредь сохранить собственный обликъ, выстраданный многовѣковыми мученіями; невозможно не восхищаться этой живучестью національнаго духа, этой твердостью собирательной воли. Но наличность этихъ качествъ должно признать въ равной степени и у польскаго племени, гдѣ они не дѣлаются ни менѣе почтенными, ни менѣе законными. Слѣдуетъ только отказаться отъ вреднаго предразсудка, будто немыслимо полюбовное размежеваніе обоихъ элементовъ, одинъ изъ которыхъ непремѣнно якобы долженъ поразитствовать за счетъ ослабленнаго другого. Не нападать необходимо, но лишь укрѣпиться, да такъ солидно, чтобы не понадобилась и защита. Не приведутъ къ добру нынѣ примѣняемыя мѣры, какъ и другія, измышляемыя петербургскими Солонами, въ родѣ, напр., проекта образованія самостоятельной Холмской губерніи.

Онъ заслуживаетъ нѣсколькихъ словъ, какъ образчикъ глубочайшей вѣры приказнаго строя въ магическую силу ярлычка, канцелярской формулы. Исходятъ изъ такихъ соображеній: если изъ уѣздовъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній, населенныхъ русинами, образовать новую губернію, въ административномъ отношеніи присоединенную къ Юго-Западному краю, то тѣмъ самымъ въ г. Холмѣ создадутся всѣ крупныя инстанціи, — окружный судъ, казенная палата и пр.; крестьянину не придется тогда, имѣя дѣла въ этихъ учрежденіяхъ, обращаться, какъ теперь, въ польскіе города и слышать тамъ чуждую рѣчь. Въ то же время онъ не будетъ испытывать неудобствъ отъ принятаго въ Царствѣ Польскомъ грегоріанскаго календаря, благодаря которому теряется столько рабочихъ дней у православнаго населенія: въ свои праздники оно само не хочетъ трудиться, а въ чужіе ему запрещаютъ или препятствуютъ крестьяне-католики. Отъ двойного празднованія однихъ и тѣхъ

же событій, какъ извѣстно, только гоголевскій городничій извлекалъ выгоду.

«Реформаторы» совершенно упускаютъ изъ виду слѣдующее: по географическимъ условіямъ такую губернію нельзя будетъ выпрошть иначе, какъ съ польскимъ населеніемъ ровно на половину; въ ней не будетъ, развѣ велѣніемъ лампы Аладина, крупныхъ русскихъ имѣній; слѣдовательно, экономическая зависимость православнаго «хлопа» отъ пана-помѣщика все равно не ослабѣетъ; наконецъ, ломка всѣхъ гражданскихъ правоотношеній (кодексъ Наполеона) нанесетъ такой несомнѣнный ущербъ жителямъ, который врядъ ли покроется гадательнымъ благомъ преобразованія.

Вотъ развѣ прикажутъ *считать* новую административную единицу чисто-русскою и православною... такъ это можно сдѣлать и сейчасъ.

Авторомъ проекта могъ быть человѣкъ или вовсе не знающій края, или, какъ увѣряю меня одно очень высокопоставленное лицо въ Варшавѣ, преслѣдующій личные интересы.

Вотъ не лишенный ехидства разсказъ сановника, официальное положеніе котораго безусловно не позволяетъ заподозрѣть его освѣдомленности.

— Первымъ подалъ эту мысль и детально разработалъ ее г. Д. изъ Петербурга... Мы сперва очень заинтересовались, вникали, судили и радили... Ея непрактичность выяснялась все болѣе и болѣе, по мѣрѣ изученія обстоятельствъ дѣла... Когда собственно не о чемъ уже было и спорить, Д., хотя припертый къ стѣнѣ, все-таки не сдавался. Меня взяло любопытство. «Да почему же вы, противъ очевидности, стоите на своемъ? Зачѣмъ вамъ непремѣнно дѣлать Холмъ губернскимъ городомъ?» спросилъ я Д. — «Эхъ, ваше—ство!» въ порывѣ откровенности, съ огорченіемъ отвѣчалъ онъ: «а какъ прикажете поступить съ моей землей? Вѣдь она гроши приноситъ...» Оказалось, Д. владѣлъ въ самомъ центрѣ Холма участками, стоимость которыхъ удваивтерилась бы при покупкѣ или арендѣ ихъ подъ присутственныя мѣста.

Подобныхъ радѣтелей не мало у несчастныхъ русиновъ.

Но что же дѣлать все-таки съ Холмомъ? Съ самаго начала только не то, что дѣлается тамъ теперь. Отъ воинствующихъ чиновниковъ въ мундирахъ и рясахъ передайте заботу о сохраненіи національной самобытности достойнѣйшимъ представителямъ общества; пошлите туда лучшихъ пастырей и управителей—цвѣтъ Россіи, просвѣтите народъ, подымите его благосостояніе, оздоровите его физически... Онъ выдержитъ напоръ любой культуры, когда самъ будетъ силенъ культурно.

Націоналистическія газеты правы, утверждая, что въ Забужьѣ живется не легко; нетерпимость свила здѣсь себѣ гнѣздо, которое не рухнуло и послѣ 17 апрѣля; но пусть онѣ честно скажутъ, *кто* грѣшитъ ею?

Замѣтили ль мы ее у поляка нашихъ дней?

XI.

Clarum regnum polonorum
Est coelum nobiliorum,
Paradisus judaeorum
Et infernus rusticorum *) —

такою кухонной латынью характеризуетъ средневѣковый шляхтичъ свою родину. Много времени спустя, когда положеніе вещей въ Западной Европѣ измѣнилось настолько, что потребовалась генеральная переоцѣнка всѣхъ политическихъ и соціальныхъ цѣнностей, тонкій и вдумчивый Жанъ-Жакъ Руссо повторяетъ ту же мысль: «Въ Польшѣ дворяне—все, мѣщане—ничего, крестьяне—менѣе, чѣмъ ничто». Два полюса культуры, сословникъ и апостолъ безсословности, забубенная помѣщичья голова и философъ — государствовѣдъ, безыменный потомокъ дикихъ сарматовъ и одинъ изъ величайшихъ представителей французскаго генія, — сходятся до тождества, рисуя анти-демо-

*) Рѣчь Посполитая для шляхты — небеса, для евреевъ — рай, для крестьянъ—адъ.

кратизмъ Рѣчи Посполитой. Отрицать его возможно не съ большею основательностью, чѣмъ какая таилась за словами Екатерины II: «Лучше судьбы нашихъ крѣпостныхъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной». Человѣческій языкъ бѣденъ, чтобъ описать бытъ польскихъ крестьянъ во всемъ его ужасѣ; не сладко жилось и нашимъ «смердамъ», но община и отсутствіе арендной системы вызволяли ихъ хоть отъ полнаго разоренія: русскому помѣщику, самому ведшему хозяйство, было убыточно голодовками обезсиливать даровыя рабочія руки. Противъ польскаго хлопа соединилось вмѣстѣ съ паномъ все: и аристократія клира, и передача государственнаго суверенитета цѣликомъ вотчинникамъ, и излюбленная форма землепользованія—«поссесія», и, иногда, разность враждовавшихъ религій. Своимъ крестьянамъ шляхтичъ представлялся грознымъ многоликимъ божествомъ; для нихъ онъ былъ королемъ, гетманомъ, судьей, жизнедавцемъ и палачомъ. Болѣе ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Станиславъ Сташицъ, одинъ изъ лучшихъ дѣятелей упадка Польши, написалъ свои «Разсужденія надъ жизнью Я. Замойскаго» («Uwagi nad zicem J. Zamoyskiego, 1795), но и донынѣ безъ содроганія нельзя читать страницъ, посвященныхъ бѣдствіямъ хлоповъ. Дантовскій «Адъ» съ его фантастическими муками блѣднѣетъ, кажется дѣтской игрушкой въ сравненіи съ этимъ океаномъ всамдѣлишныхъ человѣческихъ мукъ, созданныхъ жестокостью и себялюбіемъ человѣка же!

Эта картина—панъ, пятою попирающій лежащаго мужика—неизмѣнно представляется уму большинства, какъ только разговоръ коснется минувшихъ судебъ польскихъ крестьянъ; своей скульптурностью она заслонила всякія иныя фазы исторіи хлоповъ, которая не могла же вѣчно оставаться неизмѣнною. До нашихъ дней многіе искренне убѣждены, что привислинское дворянство и теперь до мозга костей пропитано если не ненавистью, то глубочайшимъ равнодушіемъ къ «низамъ»; рога у этой бодливой силы отняты лишь демократическимъ режимомъ правительства; малѣйшая поблажка панству, а тѣмъ болѣе—предоставленіе ему вліянія на ходъ окраинныхъ дѣлъ, и

великое дѣло Милютина съ присными пойдетъ прахомъ: шляхетская политика снова мертвымъ узломъ скрутитъ крестьянина, лично свободнаго, но экономически, конечно, зависящаго отъ работодателя-помѣщика. Намъ слѣдуетъ или опровергнуть распространенное мнѣніе объ анти-демократическомъ духѣ польскаго общества, или же, признавъ справедливость такого взгляда, записаться въ ряды публицистовъ, восклицающихъ: «fiat хлопъ, pereat шляхтичъ!» Если, при недостижимости сословной гармоніи, приходится выбирать одно изъ двухъ, и Польша не можетъ существовать иначе, какъ аристократическою, пусть не существуетъ вовсе! Ни на одинъ алтарь не принесемъ мы такой жертвы какъ народъ, хотя бы и за вычетомъ «верхнихъ десяти тысячъ»...

Состраданіе къ печальному прошлому польскихъ крестьянъ не должно препятствовать намъ видѣть, что доля ихъ ухудшалась постепенно, что угнетеніе было результатомъ сложнаго историческаго процесса, а не вытекало изъ врожденныхъ качествъ шляхетскаго характера. Во времена языческой Польши, при общинномъ владѣніи землею, хлопы были совершенно свободны; первыми рабами были военно-плѣнные; когда, въ интересахъ казны, потребовалось прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, то притязанія на людей сначала выразило духовенство, тутъ же своей патримоніальной юстиціей уничтожившее связь между королемъ и «подданными», затѣмъ—дворянство. Рѣшительный шагъ къ закрѣпощенію кметей дѣлаетъ Вислицкій статутъ (1361) Казимира Великаго, но только въ 1520 году состоялось первое общее постановленіе относительно барщины; спустя 46 лѣтъ, Сигизмундъ-Августъ рѣшительно отказался отъ всякихъ правъ короны на вмѣшательство въ отношенія между помѣщикомъ и «душами»; крестьянинъ сталъ вещью, даже за уничтоженіе которой владѣлецъ-шляхтичъ не подвергался никакой отвѣтственности до 1768 года. Лишь тогда, наканунѣ перваго раздѣла государства, по настоянію русскаго посланника кн. Репнина, была опредѣлена кара за убійство хлопа. Девятый валъ крѣпостничества покатилъ подъ гору, но было уже поздно...

Припомните, когда другія государства разстались съ темнымъ наслѣдіемъ феодализма, и согласитесь, что Рѣчь Посполитая не особенно отстала отъ нихъ: Италія возвратила свободу крестьянамъ въ 1762 г., Австрія — въ 1766, Франція — между 1779 и 1789, Данія—въ 1788, Пруссія—въ 1807, Баварія—въ 1808 и въ самой Англіи мы замѣчаемъ слѣды крѣпостного права еще до XVII столѣтія. Для насъ важно отмѣтить, что въ моментъ агоніи политическая мысль поляковъ созрѣла и рѣзко повернула къ камню, сперва пренебреженному строителями,—народу. Въ концѣ XVIII вѣка въ Варшавѣ, уже безъ воздѣйствія россійскихъ генераловъ, возникаетъ замѣтное демократическое теченіе, такъ выгодно отличающее собою тогдашнюю публицистику. Крестьянской реформы требуетъ цѣлый рядъ писателей: А. Поплавскій, Іосифъ Выбицкій, Сташицъ, Стройновскій, Трембицкій, Курпь, Морскій, Макульскій. Глава прогрессивной партіи на 4-лѣтнемъ сеймѣ (1788—1792), Гуго Коллонтай, той же темѣ посвящаетъ трудъ подъ многозначительнымъ названіемъ «Послѣднее предостереженіе Польшѣ». Естественно, не было недостатка и въ отповѣдяхъ крѣпостниковъ; они всячески противодѣйствовали новаторамъ, не менѣе сильно, чѣмъ у насъ Панинъ Милютину, и все-таки потерпѣли бы пораженіе, если бы не анатомированіе Польши заживо, прервавшее всѣ органическіе процессы.

Обновленіе въ духѣ свободы проповѣдывалось не только на бумагѣ: столпы польской аристократіи, вѣрные хранители ея преданій, на практикѣ проводятъ въ своихъ помѣстьяхъ рядъ мѣръ, идущихъ совершенно въ разрѣзъ съ прежнимъ шляхетскимъ отношеніемъ къ хлопу. Референдарій великаго княжества литовскаго Бржостовскій, А. Замойскій, Ст. Понятовскій (племянникъ короля), Хребтовичъ и Малаховскій становятся предтечами крестьянской эмансипаціи, какъ въ Россіи сороковыхъ годовъ — гр. М. С. Воронцовъ и гр. Виттенштейнъ.

Вы видите, что на зарѣ польской исторіи хлопъ былъ повитъ свободой, она приближалась къ нему и на закатѣ госу-

дарственности; добросовѣстно ли утверждать, будто рабовладѣльческіе инстинкты не покидали шляхты отъ колыбели до могилы?

Паденіе Польши не только не пріостановило роста демократическихъ началъ, но помогло ихъ кристаллизаціи и усвоенію всѣми. Катастрофа въ значительной степени была объяснена какъ слѣдствіе лишенія крестьянъ гражданскихъ правъ, исключенія сословія изъ политической жизни страны. Такъ истолковывали все происшедшее не только Вольтеръ и Мабли, изъ своего прекраснаго далека, но непосредственные очевидцы событій, во главѣ съ серьезнымъ исторіографомъ, луцкимъ епископомъ Нарушевичемъ. Всѣхъ, точно молнія, осѣнило сознаніе, что у невольниковъ нѣтъ родины; могла ли бы Голландія 40 лѣтъ бороться за независимость, если бы тамошніе мужики были такъ же чужды идеѣ отечества, какъ польскіе? Хлопы Рѣчи Посполитой не желали защищать ее въ 1794 г. противъ русскихъ, потому что республика имъ ничего не дала, кромѣ рабства, а владычество иноплеменниковъ ихъ не пугало: хуже прежняго ничего не могло быть. Великая революція объявила народъ суверенным и единымъ; французъ шелъ умирать за нее и побѣждалъ. Варшавская революція была дѣломъ пановъ, и хлопъ добровольно не пошевельнулъ пальцемъ, чтобы помочь старому угнетателю. Это былъ моментъ высокаго трагизма, когда шляхта, оставшись наединѣ съ голосомъ испытующей совѣсти, самой себѣ вынесла жестокое осужденіе. Съ цицероновской силой Сташицъ говоритъ: «Кто училъ на сеймикахъ измѣнѣ, подлости, насилію? Паны. — Кто парализовалъ законодательную власть, рвалъ сеймы? Паны. — Кто судъ превращалъ въ торгъ правосудіемъ? Паны.—Кто продавалъ корону? Паны.—Кто покупалъ корону? Паны. — Кто приводилъ чужеземныя войска? Паны». Какъ за минуту, предшествующую роковой командѣ, приговоренный къ казни успѣваетъ вспомнить всю жизнь, подвести ея плюсы и минусы, такъ и польское общество въ одинъ годъ костюшковской эпопеи выстрадало политическій опытъ, къ которому другія государства приходили исподволь, вѣками: ea

главный минусъ, забвеніе младшаго брата, обрисовался во всей своей непростительности.

Но изъ-за стыда и боли, изъ-за нѣмого ужаса политической летаргіи, уже мерцала неясная пока звѣзда надежды: если до сихъ поръ народомъ была только шляхта, то теперь палъ не народъ, а одно только сословіе, отождествлявшее себя съ нимъ. Хлопъ уцѣлѣлъ; въ немъ залогъ возрожденія націи; надо воспитать изъ него гражданина, потому что будущая Польша можетъ стать только *хлопскою*, не иною!

1794-ый годъ былъ поворотнымъ для польской національной мысли; Галилеянинъ, естественно, не побѣдилъ сразу; личную свободу далъ крестьянамъ Наполеонъ въ 1807 году; большинство помѣщиковъ воспользовалось ихъ безземельностью сперва только для эксплуатаціи. Какъ и теперь, вы еще можете встрѣтить у насъ людей, неудачно прячущихъ крѣпостническіе когти, такъ и на польской нивѣ сорными травами долго заглушались добрыя демократическія сѣмена, посѣянныя концомъ XVIII столѣтія. Но каждое поколѣніе рождаетъ новыхъ, все болѣе настойчивыхъ и неутомимыхъ дѣлателей; родникъ народолюбія сталъ со временемъ истокомъ для могучей рѣки его, напоившей всю Польшу.

Интересно прослѣдить, какъ постепенно демократизируются національная администрація, эмигрантскіе кружки и литература.

Власти герцогства варшавскаго (1807—1815) устраиваютъ многочисленныя школы для крестьянъ; въ «Царствѣ», которое возстановилъ Александръ I, учреждается, на началахъ взаимопомощи, сельскохозяйственное «хлопское» общество, отдѣльныя лица уничтожаютъ барщину, и ея тлетворность горячо осуждается тогдашней публицистикой (I. Żukowski, „O pańszczyźnie", 1830).

Война 1831-го года и послѣдовавшій за нею тяжелый режимъ Паскевича, не только умершаго, но и жившаго рекомъ, кладутъ конецъ практическимъ прогрессивнымъ мѣрамъ; вожди возстанія со своими единомышленниками удаляются за границу, и ихъ теоретическая мысль принимаетъ оттѣнокъ неуклонно-народнической, вплоть до дикой ненависти ко всему шляхетскому

безъ разбора. Выходцы, оплакивая на берегахъ Сены свой привислинскій Сіонъ, одно за другимъ создаютъ рядъ обществъ съ цѣлью возстановленія отчизны. Программа каждаго изъ нихъ все больше имѣетъ въ виду благо черноземныхъ силъ, отъ помощи которыхъ единственно чаютъ спасенія. Демократы становятся демагогами. Обвиняемый въ аристократическихъ стремленіяхъ «Польскій Комитетъ» Бонавентуры Немоевскаго уступаетъ мѣсто «Народному Комитету» Лелевеля, испытанная любовь котораго къ плебеямъ вскорѣ кажется недостаточною для смѣнившаго его «Демократическаго Общества»; послѣднее имѣло уже задачею возмутить крестьянъ и истребить шляхту, мечтало, по словамъ проф. Шуйскаго, «поднять семь вѣковъ самой аристократической исторіи на остреѣ мужицкой косы». Вотъ какими рѣшительными средствами хотѣли купить освобожденіе родины! На историческихъ вѣсахъ Польши чашка съ хлопомъ окончательно перетянула пана, утратившаго всякій вѣсъ въ глазахъ эмигрантовъ. Это народолюбіе выдержало потомъ серьезнѣйшую пробу — кровью. Послѣ партизанской вспышки Заливскаго въ «конгрессувкѣ» (1833) эмигранты подымаютъ красное знамя въ Галиціи (1846). Хитроумные австрійскіе бецирксгауптманы быстро потушили пожаръ чужими руками: они натравили польскихъ «хлоповъ» на помѣщиковъ, на свободу выпустили арестантовъ изъ остроговъ и опредѣлили извѣстную плату за каждую шляхетскую голову, доставленную властямъ. Эта политика каторжниковъ увѣнчалась успѣхомъ; дворяне съ женами и дѣтьми гибли сотнями, но Авель не возненавидѣлъ затѣмъ Каина; демократическій духъ польскаго общества такъ укрѣпился, что оно и тогда не отшатнулось отъ крестьянъ и справедливо излило свое негодованіе по адресу не орудія казни, а палача. Выразителемъ чувствъ, волновавшихъ всю интеллигенцію трехъ «дѣльницъ», явился А. Велепольскій въ его знаменитомъ «Письмѣ шляхтича» къ кн. Меттерниху: «Вы отняли у насъ сердце крестьянъ: съ тѣхъ поръ, какъ началась эта рѣзня, народъ польскій пересталъ существовать — берите у насъ все, жизнь и головы наши, но верните намъ любовь

нашихъ крестьянъ, а если вы обрекли насъ на избіеніе, то убивайте, только не руками нашихъ крестьянъ!» Нѣсколькими десятками лѣтъ раньше развѣ могло сердце пановъ биться такими ощущеніями? За тождественное преступленіе шляхта отомстила Гонтѣ и Желѣзняку въ 1768 году неслыханными муками; теперь ее страшитъ не звѣрская расправа крестьянъ, а возможность утратить ихъ любовь!

Романтизму выходцевъ въ политикѣ соотвѣтствовало мистическое настроеніе тогдашней поэзіи: и эмигрантамъ, и писателямъ оставалось «надѣяться противъ очевидности», *contra spem sperare*. Первые, по совѣту Мицкевича, соразмѣряли не задачи со своими силами, а силы съ задачами, и гибли на плахахъ, потому что въ вѣкъ торжества матеріи — чудесъ уже не бываетъ; вторые ушли въ царство грезъ, туманностей и предвѣщанія грядущихъ судебъ, совсѣмъ забыли о реальной жизни, такъ какъ безотрадная дѣйствительность не позволяла творческому полету отдохнуть на ней. Теперь даже трудно понять многія изъ произведеній Мицкевича, Красинскаго и Словацкаго этой эпохи, такъ необычайны они въ своей экзальтированности и темнотѣ учительства. Надо настроить свою душу на этотъ страдальческій ладъ людей, лишенныхъ и жаждущихъ отечества, отчаявшихся въ самомъ отчаяніи, молящихся и проклинающихъ, за несправедливость кидающихъ вызовъ и нездѣшнимъ силамъ (III часть «Дѣдовъ»), чтобы за риторическимъ вздохомъ услышать подавленное рыданіе, за сухой аллегоріей увидѣть смертельныя раны. Мистицизмъ—черта славянская по преимуществу; но въ то время, какъ русскій мистикъ испытуетъ Бога личнаго безсмертія, польскій — апеллируетъ къ Нему со своей исторической тяжбой: въ земныхъ инстанціяхъ онъ извѣрился. И, войдя во врата св. Петра, полякъ будетъ сначала полякомъ, потомъ только—безплотнымъ. Какую же политическую окраску принимаетъ визіонерство поэтовъ разсматриваемаго періода?

. . . . . „ведемъ свой родъ
Мы всѣ отъ праотца Адама,

Но, говорятъ, простой народъ
Произошелъ на свѣтъ отъ Хама,
Жиды—Іаѳетовы сыны,
А шляхта родилась отъ Сима—
И ей навѣки нерушимо
Всѣ преимущества даны",

сгоряча говоритъ мицкевичевскій панъ Гервазій, типичный глашатай *стараго* шляхетскаго міросозерцанія, узнавъ, что Тадеушъ, представитель молодого поколѣнія, намѣренъ дать своимъ крестьянамъ волю вмѣстѣ съ землею. Однако, новыя вѣянія такъ сильны, что сбиваютъ съ давно изученной позиціи даже Гервазія; послѣ нѣкоторыхъ колебаній онъ начинаетъ одобрять планъ Тадеуша; вѣдь

. . . „съ той поры, какъ Самъ Христосъ,
Хоть царскаго происхожденья,
Былъ по-холопски, въ мигъ рожденья,
Положенъ въ ясли, какъ пришлось, —
Должны всѣ люди становиться
Подъ общій уровень"...

Ясли Христа заполняли соціальную пропасть межъ паномъ и мужикомъ; обоимъ имъ въ братскомъ союзѣ принадлежитъ строительство жизни, когда мирное теченіе ея нарушатъ силы извнѣ. Другъ Мицкевича еще по Вильнѣ и попутчикъ его по Италіи, Одынецъ, записалъ слѣдующее замѣчаніе поэта: «бываетъ умъ простой или мужицкій—здравый смыслъ, достаточный для живущихъ въ подвалахъ; бываетъ разумъ мудрый, свыше освѣщенный, свойственный обитателямъ верхняго этажа; но въ антресолѣ пріютился школьный разумъ, зажегшій газовые рожки и заведшій фабрики, лавки и аудиторіи. Шумъ и трескотня въ антресолѣ не допускаютъ обитателямъ подваловъ слышать голоса съ верхняго этажа, развѣ наступаетъ гроза или землетрясеніе. Тогда торговцы разбѣгаются и замолкаютъ, а жители подваловъ берутся за укрѣпленіе фундаментовъ зданія, по указаніямъ людей съ верхняго этажа».

Трудно подыскать болѣе красивый и точный образъ для поэтической защиты правъ «подвала» на государственное зодчество.

Разочарованный Красинскій, которому вся западная цивилизація представлялась гніющимъ трупомъ, не вѣритъ въ спасительность ни одной изъ общественныхъ программъ. Благодѣтельное [illegible] что когда-нибудь одержитъ верхъ надъ [illegible] и очиститъ міръ, но авторъ «Небожественной Комедіи» твердо убѣжденъ, что въ борьбѣ аристократіи [illegible] будетъ [illegible]. Реформаторъ Панкратій, вождь [illegible] на жизненномъ пиру, послѣ [illegible] уничтожитъ графа Генриха, защитника прежняго [illegible] и всю его дружину, — послѣднихъ священниковъ и дворянъ. Послѣ [illegible] «униженныхъ и оскорбленныхъ» падаютъ [illegible], чтобъ больше не встать вовѣки!

Въ [illegible] Анджеи Сленжскій даетъ картину нравственно [illegible] общества на перелетѣ между 1831 и 63 годами. [illegible] переселена [illegible]. Мертвящій холодъ не мѣшаетъ [illegible] не [illegible] Польши. Единоплемен[illegible] умами спорятъ [illegible] почти равные количе[illegible] графъ [illegible], [illegible], солдатъ [illegible] и равноправія [illegible] вѣрующихъ. [illegible] выжетскимъ, [illegible] безстрастный [illegible] чтобъ ихъ [illegible] — [illegible] побѣды. [illegible] толпу въ [illegible] уже жертвы [illegible].

[illegible] программу; [illegible] чѣмъ [illegible].

[illegible] старое [illegible] нового;

какъ изъ охваченнаго пламенемъ храма священникъ первымъ дѣломъ спасаетъ св. реликвіи, такъ Мицкевичъ съ товарищами сумѣли вынести изъ катастрофы не только урокъ для потомства, но и нѣкоторыя смутныя надежды. За раскаяніемъ должно было слѣдовать возрожденіе, и этотъ трудъ былъ завѣщанъ грядущимъ литературнымъ поколѣніямъ.

Время идетъ, общественная мысль неуклонно работаетъ въ демократическомъ направленіи, и оно становится преобладающимъ къ первой половинѣ XIX столѣтія. Ѳома Потоцкій, губернаторъ Лащинскій и Ѳ. Зелинскій, народолюбцы въ истинномъ смыслѣ этого слова, проповѣдующіе необходимость выкупа помѣщичьихъ земель крестьянами еще за нѣсколько лѣтъ до грома севастопольскихъ пушекъ, разбудившихъ крѣпостническую Россію, уже не представляются рѣдкостными исключеніями изъ остального дворянства: они лишь талантливые и болѣе смѣлые глашатаи тѣхъ убѣжденій, которыя раздѣляются большинствомъ.

Мы приближаемся къ періоду, когда рѣшеніе крестьянскаго вопроса взяла на себя русская власть и выполнила свою задачу, руками милютинской дружины, болѣе удовлетворительно, чѣмъ какое бы то ни было другое дѣло. Обстоятельство это въ глазахъ нашихъ ультра-націоналистовъ особенно обличаетъ всю живучесть шляхетскаго духа: «Не поляки, а Москва устроила судьбу хлопа! Безъ нашего вмѣшательства онъ, свободный лично, несъ бы ярмо экономическаго рабства до сихъ поръ: плантаторство лежитъ въ крови пановъ» — варіаціи на эту тему еще не пріѣлись нѣкоторымъ органамъ.

Подобныя рѣчи — собственно отзвукъ болѣе общаго спора между русскими и польскими публицистами; когда цѣпи спали, стыдъ за прошлое, обуявшій обѣ народности, былъ такъ великъ, что ни одна не хотѣла считать крѣпостное право національнымъ учрежденіемъ и каждая упрекала другую въ дурномъ примѣрѣ. Обѣ стороны идеализировали патріархальность своего, русскаго или польскаго, мужицкаго быта и трогательно жаловались, что онъ обратился въ рабство со всѣми его преступленіями только подъ вліяніемъ заимствованій у сосѣда. Насъ

корили Салтычихою; мы указывали, что она была выродокъ и потому ее замѣтили, а на берегахъ Вислы насчитывалось столько Салтычихъ обоего пола, что тамъ ими никто не поражался. Противникамъ, хотя въ данномъ случаѣ оба они были неправы, все-таки дѣлала честь та брезгливость, съ которою они открещивались отъ инстинкта угнетенія, какъ черты не усвоенной, а взращенной собственными усиліями. Для умовъ нашихъ «крайнихъ» ссылка на Милютина казалась неопровержимой, которою окончательно подтверждались обвиненія въ анти-демократическомъ складѣ польскаго характера.

Такъ ли это?

Весьма естественно, что начало новому, лучшему быту привислинскихъ крестьянъ положили русскіе, а не поляки; когда эти послѣдніе сознали свой историческій грѣхъ, они не могли законодательными реформами ни искупить его, ни усугубить, даже если бъ захотѣли: вѣдь судьбами родины распоряжалась уже не Варшава, а Петербургъ. Можно ли человѣка съ завязанными назадъ руками упрекать въ ничегонедѣланіи? Сперва покажите, желалъ ли бы онъ трудиться, и какъ именно, если бы былъ свободенъ.

Не пускаясь въ область догадокъ, мы въ силахъ положительно заявить, что настроеніе помѣщиковъ всего Царства благопріятствовало демократической реформѣ, и она родилась бы легко и безъ мукъ, безъ акушерской помощи Милютина, Самарина и Черкасскаго, если бы не кровавыя событія 63 года и правительственныя репрессіи, положившія конецъ всякой самодѣятельности. За упраздненіемъ въ краѣ дворянскихъ учрежденій, обсудить аграрный вопросъ въ Привислинѣ было поручено не «губернскимъ комитетамъ», а частному Земледѣльческому Обществу, этому «моральному представительству страны», сосредоточившему въ себѣ всю владѣльческую Польшу. Ни вожаки Общества во главѣ съ предсѣдателемъ гр Андреемъ Замойскимъ, ни маркизъ А. Велепольскій не шли въ своихъ замыслахъ дальше очиншеванія крестьянъ; тѣмъ не менѣе, въ февралѣ 1861 года болѣе полуторы тысячи членовъ Общества

постановили, что «нельзя ограничиться очиншеваніемъ и что необходимо, чтобы посредствомъ соотвѣтствующей кредитной операціи, имѣющей цѣлью выкупъ чиншей, крестьяне могли быть поставлены въ возможность пріобрѣсти въ собственность свои надѣлы». Какъ видите, основа плана петербургскихъ реформаторовъ была предвосхищена поляками, которые, конечно, сумѣли бы пройти дорогу до конца, сдѣлавъ первый труднѣйшій шагъ.

Мы не хотимъ умалять значенія преобразованій Милютина; онъ потому уже сдѣлалъ больше, чѣмъ удалось бы на его мѣстѣ, въ спокойное время, самымъ энергичнымъ польскимъ дѣятелямъ, что отъ него карающею десницей было отведено всякое противодѣйствіе крупныхъ землевладѣльцевъ, которое такъ жестоко подрѣзало крылья его освободительнымъ планамъ въ коренной Россіи. Но та же самая справедливость, которая требуетъ воздать ему должную хвалу, не допускаетъ утверждать, будто, предоставленный попеченію однихъ пановъ, хлопъ остался бы обездоленнымъ. Нѣтъ, судьба крестьянина, несомнѣнно, измѣнилась бы къ лучшему и усиліями польскихъ помѣщиковъ, хотя не въ такой, вѣроятно, степени, такъ какъ они старались бы дѣйствовать безъ того ущерба для шляхетства, который въ значительной части входилъ въ расчеты Милютина.

Грустно сознаться, но лучшую оцѣнку дѣятельности крупнаго русскаго человѣка далъ извѣстный французскій публицистъ А. Леруа-Болье („Un homme d'état russe, d'aprés sa correspondence inédite", „Rev. d. D. Mondes", 1880—1881); очеркъ П. К. Щебальскаго («Русск. Вѣстникъ», 1882, кн. 10, 11 и 12) пытается нарисовать Милютина послѣдователемъ Каткова съ такимъ же основаніемъ, какъ если бъ кто назвалъ Христа ученикомъ Іуды Искаріота. У Леруа-Болье мы находимъ прямое свидѣтельство, что въ цѣли Милютина входили не только облегченія для крестьянъ, но и затрудненія для пановъ. Онъ не остановился на грани классоваго безпристрастія, обязательнаго для законодателя, покривилъ правовыми нормами для преходящей племенной вражды и тѣмъ напередъ подготовилъ недолго-

[illegible]

[illegible] Милютинъ [illegible]

[illegible] М. И. Ку[illegible]

[illegible] генералъ. [illegible]

[illegible] Вы[illegible]

[illegible]

томъ краѣ и еще болѣе въ западныхъ губерніяхъ. Сельское населеніе — наша единственная опора. Прочія сословія намъ открыто враждебны; они угнетаютъ крестьянъ и стараются возбудить ихъ противъ насъ. Я дѣлаю здѣсь все возможное, дабы доставить сельскому населенію независимость и благосостояніе... Въ этомъ важномъ дѣлѣ мы должны итти рука въ руку».

У Милютина сердце было умнѣе, чѣмъ голова, и этотъ зовъ не остался втуне. Сердцемъ «гражданинъ» чуялъ необходимость устроить бытъ польскаго селянина на прочныхъ экономическихъ основаніяхъ; головою же онъ, какъ политикъ, увѣровалъ, не безъ воздѣйствія Муравьева, въ необходимость на вѣки вѣчные посѣять зерна раздора между хлопами и панами. Недостаточнымъ казалось ему хорошею земельной реформой укоренить въ крестьянахъ привязанность къ Россіи; одновременно онъ хотѣлъ еще вырыть пропасть, которая бы отдѣлила мужика отъ барина, балуемое чадо правительства отъ докучливаго пасынка. Увѣнчайся такая система успѣхомъ, она, конечно, затормозила бы ростъ демократической идеи въ польскомъ обществѣ: довольно трудно проникнуться народолюбіемъ тому классу, который ненавидимъ народомъ. Въ свою очередь, польскіе «верхи», враждебно относящіеся къ «низамъ» и потому лишенные ихъ поддержки, теряли всякое значеніе въ глазахъ администраціи; не нужно было особенно считаться съ паномъ, можно было даже вовсе пренебречь имъ, какъ только существующій строй удовлетворялъ хлопа.

Въ *сервитутахъ* было отыскано средство, которымъ думали уничтожить магнитное тяготѣніе двухъ полюсовъ народной жизни другъ къ другу. Что такое сервитуты? Это право крестьянъ пользоваться, — въ предѣлахъ, указанныхъ ликвидаціонными табелями (уставными грамотами), — участками земли, лѣсами и водами помѣщиковъ. Лѣсъ, напр., принадлежитъ пану, но крестьяне вольны собирать въ немъ хворостъ и ягоды; полемъ владѣетъ помѣщикъ, но, снявъ урожай, онъ не въ силахъ запретить селянамъ пасти ихъ скотъ на пашняхъ; озеро со всѣхъ сторонъ окружено господскими землями, но мужикамъ дозволено

ловить въ немъ рыбу. Если бы собственникъ захотѣлъ продать такой лѣсъ, поле или сдать въ аренду подобное озеро, онъ не можетъ этого сдѣлать безъ согласія крестьянъ и вознагражденія послѣднихъ за дѣйствительныя или мнимыя утраты. Говоря грубо, сервитутное право — это такое положеніе, при которомъ кафтанъ принадлежитъ одному лицу, а руки въ его карманахъ грѣетъ другое. Институтъ этотъ возникъ изъ патріархальныхъ отношеній помѣщика къ крѣпостнымъ и былъ оставленъ въ силѣ Высочайшимъ указомъ отъ 19 февраля 1864 г.

Любопытствующихъ отсылаю къ «Своду трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по губерніямъ Царства Польскаго» (СПБ., 1905); здѣсь (стр. 127—154), за сухимъ изложеніемъ, подкрѣпленнымъ неоспоримыми документами и краснорѣчивыми цифрами, предъ глазами мимовольно встаетъ явная картина вопіющихъ безобразій, вносимыхъ въ хозяйственный бытъ, одинаково—крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, этимъ пережиткомъ давнихъ временъ. Въ данный моментъ сервитуты интересуютъ насъ совсѣмъ съ другой стороны. Можно ли было отмѣнить ихъ, увеличивъ соотвѣтственно надѣлъ крестьянамъ или уплативъ извѣстныя суммы, или, дѣйствительно, сохраненіе этого наслѣдья старины въ цѣлости требуется условіями мѣстнаго землепользованья? Слѣдующія двѣ справки послужатъ намъ вполнѣ ясными отвѣтами: 1) правительство не усматриваетъ пользы сервитутовъ тамъ, гдѣ оно выступаетъ собственникомъ; они *принудительно* уничтожены во всѣхъ казенныхъ имѣніяхъ; 2) ихъ разрѣшено разверстывать и въ частныхъ владѣніяхъ путемъ добровольной сдѣлки крестьянъ съ помѣщиками; изъ первоначальнаго числа всѣхъ сервитутовъ доселѣ еще остались неустроенными 41% пастбищныхъ и 33% лѣсныхъ. Мы видимъ, слѣдовательно, что это право, или вѣрнѣе—безправіе, поддерживается искусственно, какъ источникъ классовой розни, какъ орудіе управленія цѣлымъ съ помощью разъединенія естественныхъ частей. Кто имѣетъ вѣрное представленіе о любви пахаря къ своей полоскѣ, о ненасытности его къ новымъ пріобрѣтеніямъ, объясняемой не жадностью, а врожденнымъ чувствомъ къ «грунту», недалекимъ

отъ нашего обожанія женщины, кто знаетъ, какъ ревнива деревня ко всякому посягательству на ея земельную собственность, чѣмъ бы она ни подкрѣплялась, межою, обычаемъ или даже слухомъ, — тому понятно все гибельное значеніе сервитутовъ и для хлопа, и для пана. Первый, постоянно нарушая неприкосновенность чужого владѣнія, систематически воспитывается въ презрѣніи къ законамъ; второй, стѣсненный въ возможности разумно распорядиться помѣстьемъ, лишается духа почина и начинаетъ усматривать въ сосѣдѣ не помощника, а супостата. Каждый день подкладываетъ не мало новаго горючаго матеріала въ неугасающій костеръ соціальной вражды.

Нельзя не признать, что стрѣла была выбрана хорошо отравленная и спущена съ тетивы испытанною рукой. Почему же она не достигла намѣченной цѣли? Почему согласіе «верховъ» и «низовъ» окрѣпло въ современной Польшѣ до той степени, когда общественный организмъ становится однороднымъ и на прикосновеніе къ любой изъ его частей тождественно отвѣчаютъ остальныя?

Мы лично поклоняемся въ политикѣ лозунгу: «соединяй и самоуправляйся», т.-е. предъ высотою культурной задачи убѣди смолкнуть противорѣчащіе голоса племенъ, толковъ и классовъ, а школой самоуправленія извлеки изъ каждой народности ея цвѣтъ—тѣ силы, которыя будутъ двигать впередъ общегосударственное дѣло. Чаще, однако, и не безъ временнаго даже успѣха слѣдуютъ старинному правилу «divide et impera»; руководился имъ и Милютинъ. Въ концѣ же концовъ власть надъ разъединенными только въ такомъ случаѣ можно было бы признать упроченною, если бы у одной изъ частей, на которыя насильственно расколото цѣлое, удалось бы всю національную психику вывернуть наизнанку. Попытки перевоспитанія народностей въ направленіи, противоположномъ родной ихъ исторіи, давно осуждены, какъ безполезныя. Можно денаціонализировать особь, семью, даже общественную группу, но не стихію, уже въ своемъ многолюдствѣ черпающую страшную силу сопротивленія. Въ свое время поляки, присоединивъ къ себѣ Западную

Русь, искали опору государственности въ высшихъ классахъ, пошли, слѣдовательно, тѣмъ же путемъ, что и Милютинъ въ Варшавѣ, только съ другого конца. Казалось, труды ихъ не пропали даромъ: члены самыхъ знатныхъ и старыхъ родовъ, какъ князья Вишневецкіе и Острожскіе, когда-то оплотъ православія и русской народности, приняли католичество и стали проводить польскую идею, но народная сердцевина не утратила національныхъ чертъ, хотъ оболочки претерпѣли рѣзкія измѣненія. Тѣмъ меньше данныхъ было для успѣха нашей политики въ Привислинью, что она не могла, какъ это удалось полякамъ въ западно-русскомъ краѣ, отдѣлить «верхи» отъ «низовъ» вѣроисповѣднымъ различіемъ и усвоеніемъ новаго языка, вмѣсто родного; барщинъ же экономическаго свойства, какъ сервитуты, были всею кнутъ принудительнымъ сознаніемъ общей, въ видѣ русификаторства, опасности, грозившей обоимъ сословіямъ. Чувство принадлежности къ прежнему реформу, которое должно было обратить крестьянское сословіе въ фундаментъ нашего владычества, давно умѣрилось сознаніемъ, что привислинскія аграрныя преобразованія были лишь необходимымъ продолженіемъ общеимперскихъ, что благодѣянія, оказанныя польскому крестьянину, не больше тѣхъ, которыхъ настоятельно требовала польза всего государства. Только изрѣдка старики въ отдѣльныхъ селеніяхъ, лично помѣщенные тягсу «панщины», еще благословляютъ память преобразователей, а новое поколѣніе смотритъ на свой надѣлъ, какъ на наслѣдіе, но не даръ. Дальше—хуже: мы умѣемъ любить народъ только мальчиками и, по прекращеніи молодеческихъ предпріятій до конца, администрація уже сложила руки на новой, а укрѣплять русскія начала среди своихъ продолжала многимъ истинамъ, т. наз. земскимъ сторонникамъ.

Чудовищно, но все такъ! Мы не обратились къ другимъ средствамъ установленія кровнородной солидарности между правительствомъ и управляемыми, не другимъ средствамъ воздѣйствія на народъ вообще полиціи. Если и учитывая неизбѣжно, какъ это мы увидимъ потомъ, послѣдствія, одна за-

дается онъ цѣлями политики, а не чистой педагогики, то уже прямою нелѣпостью было довѣрить культурную миссію городовому. Но именно это было сдѣлано, послѣ того какъ милютинцы оставили Царство Польское. Нужно ли договаривать, кто остался побѣдителемъ, когда изъ-за расположенія народа стали спорить россійскіе земскіе стражники и польскіе шляхтичи-интеллигенты?

Въ концѣ 60-хъ годовъ мы впервые встрѣчаемся въ Привислинѣ съ новою общественною силой, интеллигенціей, которая довершила демократизацію «верховъ» и камня на камнѣ не оставила отъ стѣны разъединенія, задуманной Милютинымъ. Польскіе интеллигенты пошли не отъ скромнаго разночинца, какъ сперва наши, но геральдическій звѣринецъ не въ меньшей мѣрѣ вскорѣ сталъ нестерпимъ для нихъ: это была шляхта, но безъ шляхетскихъ предразсудковъ, народолюбцы — безъ маниловщины, объявившіе въ хлопѣ своего законнаго брата и въ равной долѣ сонаслѣдника прошлыхъ неравныхъ судебъ. Поля, горы и воды достались помѣщикамъ; интеллигенты родились не только послѣ, но и вслѣдствіе раздѣла всѣхъ матеріальныхъ благъ; имъ досталось будущее, работа надъ нимъ; ничто, никакой новый видъ сервитутовъ не мѣшалъ этимъ дѣятелямъ сблизиться съ крестьяниномъ, потому что они охотно отдавали всѣмъ единственное свое достояніе—знаніе.

Врачи, адвокаты, ученые, техники разныхъ родовъ, художники и литераторы — всѣ представители вольныхъ профессій вышли изъ нѣдръ шляхты, но помазались демократическимъ миромъ. Что вынесли они изъ прошлаго? Проклятіе трупному яду сословнаго эгоизма. Чего жаждали въ грядущемъ? Возрожденія націи, которую для того нужно оросить живой водою безсословности. Съ народомъ, для народа и чрезъ народъ — такою съ тѣхъ поръ становится программа польскаго общества.

Выполнить ее привислинской интеллигенціи гораздо легче, чѣмъ нашей. Отъ мужика насъ «отдѣляетъ *разносеть* культуръ, его и «барской»; польскій интеллигентъ отличается отъ хлопа

только *степенями* одной и той же культуры. У поляковъ не было своего Ивана Грознаго,—въ этомъ ихъ горе, потому что для подавленія аристократіи имъ на моментъ нуженъ былъ абсолютизмъ, но не было и Петра Великаго, пріобщившаго лишь «верхи» къ Европѣ, а «низы» оставившаго матерѣть въ московско-азіатчинѣ,—въ этомъ счастье Польши. Послѣ Петра русское общество раскололось и стало организмомъ о двухъ культурахъ, какъ бываютъ двухголовые уроды; не то, что простолюдинъ отсталъ отъ интеллигента и его образовательный багажъ меньше лишь количественно, нѣтъ, они находятся на несовпадающихъ плоскостяхъ качественно различныхъ міропониманій. Чтобъ понимать «господъ», нашему крестьянину недостаточно одного просвѣщенія, онъ долженъ всю свою душу перестроить на иной ладъ, пережить цѣлую трагедію измѣны старымъ богамъ; чтобы быть понятымъ, барину мало говорить доступнымъ языкомъ; какъ домашнему, нужно войти ему въ политическій и нравственный космосъ простолюдиновъ; тогда онъ... онѣмѣетъ, такъ враждебны двѣ эти культуры.

Поляки могутъ стоять на разныхъ ступеняхъ соціальной лѣстницы, но держатся за тѣ же перила, безъ затрудненій, когда надо, спускаются и подымаются другъ къ другу: различны только этапы и результаты мышленія, но его исходныя точки одинаковы для магната и нищаго, профессора и неуча. Поэтому работа интеллигенціи въ народѣ тотчасъ же дала пышные всходы, которыми были заглушены плевелы розни между панствомъ и хлопствомъ, взращенные политикою Милютина. Правительствомъ были, напр., приняты всѣ мѣры, чтобы помѣщики не попадали въ гминные судьи: для избранія въ эту должность установили имущественный цензъ въ 6 морговъ (3 десятины) и образовательный—окончаніе курса простого начальнаго училища. Правомъ голоса на выборахъ пользуется каждое лицо, владѣющее тремя и болѣе моргами, такъ что во всемъ Царствѣ на 650.000 крестьянскихъ голосовъ приблизительно приходится 10.000 панскихъ, т.-е. полтора лишь процента. Тѣмъ не менѣе громадное относительно число судей выбирается крестьянами

именно изъ помѣщиковъ. Не признакъ ли это солидарности и довѣрія деревни къ шляхтѣ?

Предъ выступленіемъ на арену практической дѣятельности польской интеллигенціи надо было намѣтить свои тактическіе пріемы. Три попытки, предпринятыя въ крупныхъ размѣрахъ (1794, 1831 и 1863 годы), не считая множества мелкихъ, съ болѣе чѣмъ суровой убѣдительностью показали, что массами всегда не трудно задавить меньшинство. Помощь меча для возрожденія націи была тогда рѣшительно и безповоротно отвергнута; миновала надобность, слѣдовательно, и въ какихъ бы то ни было заговорахъ. Былъ избранъ открытый, гласный путь «работы у основъ», «органическаго труда» («Praca organiczna»), и по новому руслу устремилась общественная энергія, удесятеренная тѣмъ, что она уже не расходовалась на подпольныя приготовленія.

Въ противность русской, польская интеллигенція не такъ раскидывается и болѣе практична; идеологія ея, быть-можетъ, болѣе низкаго полета, зато разъ избранныя цѣли преслѣдуются болѣе настойчиво, не такъ нервозно и порывисто, какъ нами. Отъ направленія, сознательно предпочтеннаго въ семидесятыхъ годахъ всѣмъ другимъ, поляки ни разу не уклонились до нашихъ дней.

Основы національной жизни — это нравственная и экономическая мощь народа; работать у такихъ основъ значитъ просвѣщать крестьянина и улучшать его благосостояніе; въ глазахъ патріота бывшій хлопъ становится больше, чѣмъ паномъ: *гражданиномъ*, на которомъ сосредоточены всѣ упованія лучшаго будущаго. Этотъ трудъ органически измѣнитъ теперешній печальный порядокъ вещей, такъ какъ нельзя будетъ пренебрегать волею цѣлостной, развитой и матеріально-обезпеченной націи. Ея право на самобытность сможетъ отрицать лишь тотъ, кто смѣется надъ законами исторической логики. Надо выдержать испытаніе политической зрѣлости, чтобъ отказъ въ свободѣ нельзя уже было мотивировать осторожностью, тѣмъ по-

бужденіемъ, которое не позволитъ давать огонь въ руки малолѣтнимъ.

Волны русскихъ реформъ, земской, городской, судебной, не докатывались до береговъ Вислы, но общество здѣсь не спало: какъ бы вознаграждая себя за лишеніе всѣхъ административныхъ новшествъ, оно мудро принялось за перестановку элементовъ соціальной жизни и центромъ ея тяжести сдѣлало крестьянина. Послѣдняя спица въ колесницѣ, болѣе того—пустое мѣсто въ исторіи независимой Польши, онъ становится теперь тѣмъ рычагомъ, котораго первенство признается единогласно. Ему принадлежитъ побѣда, шляхетскія тенденціи отмѣты съ проклятіями и погребены. Повѣсти и романы иногда еще рисуютъ съ любовью красочныя фигуры стародавнихъ пановъ, но заключать отсюда о живучести аристократическихъ началъ можно не съ большею вѣроятностью, какъ называть разбойникомъ того автора, который своимъ сюжетомъ выбралъ бы Ринальдо-Ринальдини и увлекся героемъ.

Обращеніе на спасительный путь органическаго труда вызываетъ рѣзкій поворотъ и въ литературѣ отъ мистическихъ бредней къ здоровому реализму. Прежняя туманность растерявшихся людей смѣняется ясностью, присущей тому, кто соразмѣрилъ силы и цѣль; до улыбки еще далеко, но смѣхъ и плачъ, нисколько не облегчавшій; надежды на чудо испарились и мѣсто ихъ занято твердой вѣрой въ себя. Тріада великихъ поэтовъ не оставила себѣ равныхъ по генію преемниковъ, но въ то время какъ Мицкевичъ, Красинскій и Словацкій лишь узаконили за демократической идеей право на существованіе, — Сырокомля, умершій въ 1862 г., отдаетъ ей предпочтеніе предъ другими и безпощадно бичуетъ панство. Горькій упрекъ кидаетъ онъ шляхтѣ въ стихотвореніи «Кусокъ хлѣба»: «слишкомъ ты рѣзво рубила и выпивала, о веселая дружина; въ панскихъ бокалахъ остался одинъ осадокъ, горькая желчь съ уксусомъ для убогой братьи. Горе тому, кто не платитъ чинша за пашню, сѣнокосъ, за воду въ прудѣ, за кровъ, за лучъ солнца, за вдыхаемый воздухъ и за росою увлаженный цвѣтокъ!» Съ 70-хъ годовъ прогрессивно-

народническое теченіе начинаетъ рѣшительно преобладать надъ прочими. Гражданскія права крестьянъ уже не нуждаются въ охранѣ, но бытописатель интересуется этимъ міромъ больше, чѣмъ другими, роднитъ съ ними читателя и нерѣдко раскрываетъ внутренній блескъ положительныхъ типовъ, складывающихся въ этой сѣрой обстановкѣ.

Марія Конопницкая, Ожешко, Пруссъ, Клеменсъ Юноша, Мацѣевскій (Северъ), Карчевскій (Ясеньчикъ), Дыгасинскій и др. — довершаютъ демократизацію польской литературы до дна.

Когда несостоятельность «верховъ» повлекла за собою банкротство государства, вспомнили о «низахъ», сдѣлали ихъ центромъ теперешняго тусклаго прозябанія и залогомъ свѣтлаго возрожденія. Привислинское общество на рѣдкость эволюціонировало влѣво отъ аристократизма, а насъ до сихъ поръ питаютъ баснями о непоколебимости шляхетскихъ трагедій. Не только за лживость, но особенно за свою зловредность должны быть опровергнуты эти утвержденія; они — не плодъ недомыслія или близорукости, они — картонный щитъ, за которымъ прячется система, оправдывающая подавленіе всякой самодѣятельности боязнью, какъ бы не восторжествовали шляхетскія вожделѣнія. Лицемѣріе, разсчитанное на простаковъ или невѣждъ!

Въ редакціи серьезной варшавской газеты я невольно обратилъ вниманіе на двѣ большихъ картины. Одна изображаетъ грозную схватку на сеймѣ. Святость мѣста (сеймъ происходилъ въ костелѣ) не была достойно почтена до крови повздорившею шляхтой... Одинъ панъ, весь изрубленный, испускаетъ уже духъ, лежа на каменномъ полу. Двое другихъ молодецкимъ ударомъ скрестили сабли, отъ которыхъ, кажется, такъ и сыплются искры. И это — законодатели!.. Это — люди, которые должны подавать примѣръ уваженія къ чужимъ правамъ, быть олицетвореніемъ терпимости, разсудительности и такта. Недостойные сыны столь опрометчиво ввѣрившейся имъ матери-родины!

— Грустное прошлое, — сказали мнѣ.

На второмъ полотнѣ мы видимъ море; нѣтъ конца этой шири, этому буйному простору. Сходятся и разбѣгаются, какъ дикіе

вѣчность всей политической стороны своей реформы, хотя соціальная осталась нерушимою.

Вызванный изъ-за границы, Милютинъ былъ принятъ Александромъ II 31 августа 1863 г. въ аудіенціи, длившейся два часа. Французскій авторъ сообщаетъ о ней слѣдующее: «Польша,— сказалъ государь, — есть для Россіи скорѣе источникъ затрудненій, чѣмъ элементъ силы. Многіе охотно предоставили бы поляковъ самимъ себѣ, снабдили бы ихъ широкою автономіей и даже полною независимостью, если бы только можно было надѣяться, что маленькое польское государство въ состояніи существовать самобытно и что оно будетъ достаточно благоразумно, дабы не домогаться старинныхъ границъ и обнимаемыхъ этими границами областей, которыя въ глазахъ русскихъ принадлежатъ русской, а не польской національности». Императоръ уже не вѣритъ въ благоразуміе польскихъ руководящихъ классовъ. Такъ какъ «Россіи нечего ожидать отъ дворянства въ Польшѣ, то царь рѣшилъ обратиться къ польскому простонародью, къ крестьянамъ, вообще оставшимся глухими къ призывамъ мятежниковъ. По его мнѣнію, русскому правительству слѣдовало утвердить свою опорную точку на массѣ сельскаго населенія, а кто же, — заключаетъ Леруа-Болье, — могъ быть въ настоящемъ случаѣ полезнѣе бывшаго товарища Ланскаго, врага дворянства и друга du moujik?»

Съ такимъ напутствіемъ отправился Милютинъ въ Варшаву, сдѣлавъ остановку въ Вильнѣ для бесѣды съ М. Н. Муравьевымъ. Ранѣе принципіальные враги, когда осуществлялась крестьянская реформа въ Россіи, оба администратора теперь, на польско-литовской почвѣ, совершенно одинаково рисуютъ себѣ правительственную политику относительно хлопа. Виленскій диктаторъ первымъ предлагаетъ союзъ «кузнецу-гражданину», какъ звалъ Некрасовъ Милютина. «Я слышу, — обращается Муравьевъ въ письмѣ къ будущему реформатору,—что ваше превосходительство заняты въ эту минуту спеціально вопросомъ объ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ. Это предметъ чрезвычайной важности съ точки зрѣнія утвержденія нашего господства въ

томъ краѣ и еще болѣе въ западныхъ губерніяхъ. Сельское населеніе — наша единственная опора. Прочія сословія намъ открыто враждебны; они угнетаютъ крестьянъ и стараются возбудить ихъ противъ насъ. Я дѣлаю здѣсь все возможное, дабы доставить сельскому населенію независимость и благосостояніе... Въ этомъ важномъ дѣлѣ мы должны итти рука въ руку».

У Милютина сердце было умнѣе, чѣмъ голова, и этотъ зовъ не остался втуне. Сердцемъ «гражданинъ» чуялъ необходимость устроить бытъ польскаго селянина на прочныхъ экономическихъ основаніяхъ; головою же онъ, какъ политикъ, увѣровалъ, не безъ воздѣйствія Муравьева, въ необходимость на вѣки вѣчные посѣять зерна раздора между хлопами и панами. Недостаточнымъ казалось ему хорошею земельной реформой укоренить въ крестьянахъ привязанность къ Россіи; одновременно онъ хотѣлъ еще вырыть пропасть, которая бы отдѣлила мужика отъ барина, балуемое чадо правительства отъ докучливаго пасынка. Увѣнчайся такая система успѣхомъ, она, конечно, затормозила бы ростъ демократической идеи въ польскомъ обществѣ: довольно трудно проникнуться народолюбіемъ тому классу, который ненавидимъ народомъ. Въ свою очередь, польскіе «верхи», враждебно относящіеся къ «низамъ» и потому лишенные ихъ поддержки, теряли всякое значеніе въ глазахъ администраціи; не нужно было особенно считаться съ паномъ, можно было даже вовсе пренебречь имъ, какъ только существующій строй удовлетворялъ хлопа.

Въ *сервитутахъ* было отыскано средство, которымъ думали уничтожить магнитное тяготѣніе двухъ полюсовъ народной жизни другъ къ другу. Что такое сервитуты? Это право крестьянъ пользоваться, — въ предѣлахъ, указанныхъ ликвидаціонными табелями (уставными грамотами), — участками земли, лѣсами и водами помѣщиковъ. Лѣсъ, напр., принадлежитъ пану, но крестьяне вольны собирать въ немъ хворостъ и ягоды; полемъ владѣетъ помѣщикъ, но, снявъ урожай, онъ не въ силахъ запретить селянамъ пасти ихъ скотъ на пашняхъ; озеро со всѣхъ сторонъ окружено господскими землями, но мужикамъ дозволено

ловить въ немъ рыбу. Если бы собственникъ захотѣлъ продать такой лѣсъ, поле или сдать въ аренду подобное озеро, онъ не можетъ этого сдѣлать безъ согласія крестьянъ и вознагражденія послѣднихъ за дѣйствительныя или мнимыя утраты. Говоря грубо, сервитутное право — это такое положеніе, при которомъ кафтанъ принадлежитъ одному лицу, а руки въ его карманахъ грѣетъ другое. Институтъ этотъ возникъ изъ патріархальныхъ отношеній помѣщика къ крѣпостнымъ и былъ оставленъ въ силѣ Высочайшимъ указомъ отъ 19 февраля 1864 г.

Любопытствующихъ отсылаю къ «Своду трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по губерніямъ Царства Польскаго» (СПБ., 1905); здѣсь (стр. 127—154), за сухимъ изложеніемъ, подкрѣпленнымъ неоспоримыми документами и краснорѣчивыми цифрами, предъ глазами мимовольно встаетъ явная картина вопіющихъ безобразій, вносимыхъ въ хозяйственный бытъ, одинаково—крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, этимъ пережиткомъ давнихъ временъ. Въ данный моментъ сервитуты интересуютъ насъ совсѣмъ съ другой стороны. Можно ли было отмѣнить ихъ, увеличивъ соотвѣтственно надѣлъ крестьянамъ или уплативъ извѣстныя суммы, или, дѣйствительно, сохраненіе этого наслѣдья старины въ цѣлости требуется условіями мѣстнаго землепользованья? Слѣдующія двѣ справки послужатъ намъ вполнѣ ясными отвѣтами: 1) правительство не усматриваетъ пользы сервитутовъ тамъ, гдѣ оно выступаетъ собственникомъ; они *принудительно* уничтожены во всѣхъ казенныхъ имѣніяхъ; 2) ихъ разрѣшено разверстывать и въ частныхъ владѣніяхъ путемъ добровольной сдѣлки крестьянъ съ помѣщиками; изъ первоначальнаго числа всѣхъ сервитутовъ доселѣ еще остались неустроенными 41% пастбищныхъ и 33% лѣсныхъ. Мы видимъ, слѣдовательно, что это право, или вѣрнѣе—безправіе, поддерживается искусственно, какъ источникъ классовой розни, какъ орудіе управленія цѣлымъ съ помощью разъединенія естественныхъ частей. Кто имѣетъ вѣрное представленіе о любви пахаря къ своей полоскѣ, о ненасытности его къ новымъ пріобрѣтеніямъ, объясняемой не жадностью, а врожденнымъ чувствомъ къ «грунту», недалекимъ

отъ нашего обожанія женщины, кто знаетъ, какъ ревнива деревня ко всякому посягательству на ея земельную собственность, чѣмъ бы она ни подкрѣплялась, межою, обычаемъ или даже слухомъ, — тому понятно все гибельное значеніе сервитутовъ и для хлопа, и для пана. Первый, постоянно нарушая неприкосновенность чужого владѣнія, систематически воспитывается въ презрѣніи къ законамъ; второй, стѣсненный въ возможности разумно распорядиться помѣстьемъ, лишается духа почина и начинаетъ усматривать въ сосѣдѣ не помощника, а супостата. Каждый день подкладываетъ не мало новаго горючаго матеріала въ неугасающій костеръ соціальной вражды.

Нельзя не признать, что стрѣла была выбрана хорошо отравленная и спущена съ тетивы испытанною рукой. Почему же она не достигла намѣченной цѣли? Почему согласіе «верховъ» и «низовъ» окрѣпло въ современной Польшѣ до той степени, когда общественный организмъ становится однороднымъ и на прикосновеніе къ любой изъ его частей тождественно отвѣчаютъ остальныя?

Мы лично поклоняемся въ политикѣ лозунгу: «соединяй и самоуправляйся», т.-е. предъ высотою культурной задачи убѣди смолкнуть противорѣчащіе голоса племенъ, толковъ и классовъ, а школой самоуправленія извлеки изъ каждой народности ея цвѣтъ—тѣ силы, которыя будутъ двигать впередъ общегосударственное дѣло. Чаще, однако, и не безъ временнаго даже успѣха слѣдуютъ старинному правилу «divide et impera»; руководился имъ и Милютинъ. Въ концѣ же концовъ власть надъ разъединенными только въ такомъ случаѣ можно было бы признать упроченною, если бы у одной изъ частей, на которыя насильственно расколото цѣлое, удалось бы всю національную психику вывернуть наизнанку. Попытки перевоспитанія народностей въ направленіи, противоположномъ родной ихъ исторіи, давно осуждены, какъ безполезныя. Можно денаціонализировать особь, семью, даже общественную группу, но не стихію, уже въ своемъ многолюдствѣ черпающую страшную силу сопротивленія. Въ свое время поляки, присоединивъ къ себѣ Западную

Русь, искали опору государственности въ высшихъ классахъ, пошли, слѣдовательно, тѣмъ же путемъ, что и Милютинъ въ Варшавѣ, только съ другого конца. Казалось, труды ихъ не пропали даромъ: члены самыхъ знатныхъ и старыхъ родовъ, какъ князья Вишневецкіе и Острожскіе, когда-то оплотъ православія и русской народности, приняли католичество и стали проводить польскую идею, но народная сердцевина не утратила національныхъ чертъ, хоть оболочка претерпѣла рѣзкія измѣненія. Тѣмъ меньше данныхъ было для успѣха нашей политики въ Привислиньѣ, что она не могла, какъ это удалось полякамъ въ западно-русскомъ краѣ, отдѣлить «верхи» отъ «низовъ» вѣроисповѣднымъ различіемъ и усвоеніемъ новаго языка, вмѣсто родного; барьеръ же экономическаго свойства, какъ сервитуты, былъ легко взятъ пришпореннымъ сознаніемъ общей, въ видѣ руссификаторства, опасности, грозившей обоимъ сословіямъ. Чувство признательности за дарованную реформу, которое должно было обратить крестьянское сословіе въ фундаментъ нашего владычества, давно умѣрилось сознаніемъ, что привислинскія аграрныя преобразованія были лишь необходимымъ продолженіемъ обще-имперскихъ, что благодѣянія, оказанныя польскому крестьянину, не больше тѣхъ, которыхъ настоятельно требовала польза всего государства. Только глубокіе старики въ отдѣльныхъ селеніяхъ, лично извѣдавшіе тяготу «панщизны», еще благословляютъ память преобразователей, а новое поколѣніе смотритъ на свой надѣлъ, какъ на наслѣдіе, но не даръ. Дальше—хуже: мы умѣемъ любить народъ только вспышками и, не довершивъ милютинскихъ предначертаній до конца, администрація уже сложила руки на покой, а укрѣплять русскія начала среди селянъ предоставила низшимъ агентамъ, т. наз. земскимъ стражникамъ.

Чудовищно, но это такъ! Мы не обратились къ другимъ средствамъ установленія нравственной солидарности между правительствомъ и управляемыми, но орудіемъ *духовнаго* воздѣйствія на народъ избрали полицію. Если и учителя неизбѣжно, какъ это мы увидимъ потомъ, постигаетъ провалъ, едва за-

дается онъ цѣлями политики, а не чистой педагогики, то уже прямою нелѣпостью было довѣрить культурную миссію городовому. Но именно это было сдѣлано, послѣ того какъ милютинцы оставили Царство Польское. Нужно ли договаривать, кто остался побѣдителемъ, когда изъ-за расположенія народа стали спорить россійскіе земскіе стражники и польскіе шляхтичи-интеллигенты?

Въ концѣ 60-хъ годовъ мы впервые встрѣчаемся въ Привислиньѣ съ новою общественною силой, интеллигенціей, которая довершила демократизацію «верховъ» и камня на камнѣ не оставила отъ стѣны разъединенія, задуманной Милютинымъ. Польскіе интеллигенты пошли не отъ скромнаго разночинца, какъ сперва наши, но геральдическій звѣринецъ не въ меньшей мѣрѣ вскорѣ сталъ нестерпимъ для нихъ: это была шляхта, но безъ шляхетскихъ предразсудковъ, народолюбцы — безъ маниловщины, объявившіе въ хлопѣ своего законнаго брата и въ равной долѣ сонаслѣдника прошлыхъ неравныхъ судебъ. Поля, горы и воды достались помѣщикамъ; интеллигенты родились не только послѣ, но и вслѣдствіе раздѣла всѣхъ матеріальныхъ благъ; имъ досталось будущее, работа надъ нимъ; ничто, никакой новый видъ сервитутовъ не мѣшалъ этимъ дѣятелямъ сблизиться съ крестьяниномъ, потому что они охотно отдавали всѣмъ единственное свое достояніе—знаніе.

Врачи, адвокаты, ученые, техники разныхъ родовъ, художники и литераторы — всѣ представители вольныхъ профессій вышли изъ нѣдръ шляхты, но помазались демократическимъ миромъ. Что вынесли они изъ прошлаго? Проклятіе трупному яду сословнаго эгоизма. Чего жаждали въ градущемъ? Возрожденія націи, которую для того нужно оросить живой водою безсословности. Съ народомъ, для народа и чрезъ народъ — такою съ тѣхъ поръ становится программа польскаго общества.

Выполнить ее привислинской интеллигенціи гораздо легче, чѣмъ нашей. Отъ мужика насъ отдѣляетъ *разность* культуръ, его и «барской»; польскій интеллигентъ отличается отъ хлопа

только *степенями* одной и той же культуры. У поляковъ не было своего Ивана Грознаго,—въ этомъ ихъ горе, потому что для подавленія аристократіи имъ на моментъ нуженъ былъ абсолютизмъ, но не было и Петра Великаго, пріобщившаго лишь «верхи» къ Европѣ, а «низы» оставившаго матерѣть въ московско-азіатчинѣ,—въ этомъ счастье Польши. Послѣ Петра русское общество раскололось и стало организмомъ о двухъ культурахъ, какъ бываютъ двухголовые уроды; не то, что простолюдинъ отсталъ отъ интеллигента и его образовательный багажъ меньше лишь количественно, нѣтъ, они находятся на несовпадающихъ плоскостяхъ качественно различныхъ міропониманій. Чтобъ понимать «господъ», нашему крестьянину недостаточно одного просвѣщенія, онъ долженъ всю свою душу перестроить на иной ладъ, пережить цѣлую трагедію измѣны старымъ богамъ; чтобы быть понятымъ, барину мало говорить доступнымъ языкомъ; какъ домашнему, нужно войти ему въ политическій и нравственный космосъ простолюдиновъ; тогда онъ... онѣмѣетъ, такъ враждебны двѣ эти культуры.

Поляки могутъ стоять на разныхъ ступеняхъ соціальной лѣстницы, но держатся за тѣ же перила, безъ затрудненій, когда надо, спускаются и подымаются другъ къ другу: различны только этапы и результаты мышленія, но его исходныя точки одинаковы для магната и нищаго, профессора и неуча. Поэтому работа интеллигенціи въ народѣ тотчасъ же дала пышные всходы, которыми были заглушены плевелы розни между панствомъ и хлопствомъ, взращенные политикою Милютина. Правительствомъ были, напр., приняты всѣ мѣры, чтобы помѣщики не попадали въ гминные судьи; для избранія въ эту должность установили имущественный цензъ въ 6 морговъ (3 десятины) и образовательный—окончаніе курса простого начальнаго училища. Правомъ голоса на выборахъ пользуется каждое лицо, владѣющее тремя и болѣе моргами, такъ что во всемъ Царствѣ на 650.000 крестьянскихъ голосовъ приблизительно приходится 10.000 панскихъ, т.-е. полтора лишь процента. Тѣмъ не менѣе громадное относительно число судей выбирается крестьянами

именно изъ помѣщиковъ. Не признакъ ли это солидарности и довѣрія деревни къ шляхтѣ?

Предъ выступленіемъ на арену практической дѣятельности польской интеллигенціи надо было намѣтить свои тактическіе пріемы. Три попытки, предпринятыя въ крупныхъ размѣрахъ (1794, 1831 и 1863 годы), не считая множества мелкихъ, съ болѣе чѣмъ суровой убѣдительностью показали, что массами всегда не трудно задавить меньшинство. Помощь меча для возрожденія націи была тогда рѣшительно и безповоротно отвергнута; миновала надобность, слѣдовательно, и въ какихъ бы то ни было заговорахъ. Былъ избранъ открытый, гласный путь «работы у основъ», «органическаго труда» («Praca organiczna»), и по новому руслу устремилась общественная энергія, удесятеренная тѣмъ, что она уже не расходовалась на подпольныя приготовленія.

Въ противность русской, польская интеллигенція не такъ раскидывается и болѣе практична; идеологія ея, быть-можетъ, болѣе низкаго полета, зато разъ избранныя цѣли преслѣдуются болѣе настойчиво, не такъ нервозно и порывисто, какъ нами. Отъ направленія, сознательно предпочтеннаго въ семидесятыхъ годахъ всѣмъ другимъ, поляки ни разу не уклонились до нашихъ дней.

Основы національной жизни — это нравственная и экономическая мощь народа; работать у такихъ основъ значитъ просвѣщать крестьянина и улучшать его благосостояніе; въ глазахъ патріота бывшій хлопъ становится больше, чѣмъ паномъ: *гражданиномъ*, на которомъ сосредоточены всѣ упованія лучшаго будущаго. Этотъ трудъ органически измѣнитъ теперешній печальный порядокъ вещей, такъ какъ нельзя будетъ пренебрегать волею цѣлостной, развитой и матеріально-обезпеченной націи. Ея право на самобытность сможетъ отрицать лишь тотъ, кто смѣется надъ законами исторической логики. Надо выдержать испытаніе политической зрѣлости, чтобъ отказъ въ свободѣ нельзя уже было мотивировать осторожностью, тѣмъ со-

бужденіемъ, которое не позволяетъ давать огонь въ руки малолѣтнимъ.

Волны русскихъ реформъ, земской, городской, судебной, не докатывались до береговъ Вислы, но общество здѣсь не спало: какъ бы вознаграждая себя за лишеніе всѣхъ административныхъ повшествъ, оно мудро принялось за перестановку элементовъ соціальной жизни и центромъ ея тяжести сдѣлало крестьянина. Послѣдняя спица въ колесницѣ, болѣе того—пустое мѣсто въ исторіи независимой Польши, онъ становится теперь тѣмъ рычагомъ, котораго первенство признается единогласно. Ему принадлежитъ побѣда, шляхетскія тенденціи отпѣты съ проклятіями и погребены. Повѣсти и романы иногда еще рисуютъ съ любовью красочныя фигуры стародавнихъ пановъ, но заключать отсюда о живучести аристократическихъ началъ можно не съ большею вѣроятностью, какъ называть разбойникомъ того автора, который своимъ сюжетомъ выбралъ бы Ринальдо-Ринальдини и увлекся героемъ.

Обращеніе на спасительный путь органическаго труда вызываетъ рѣзкій поворотъ и въ литературѣ отъ мистическихъ бредней къ здоровому реализму. Прежняя туманность растерявшихся людей смѣняется ясностью, присущей тому, кто соразмѣрилъ силы и цѣль; до улыбки еще далеко, но смолкъ и плачъ, нисколько не облегчавшій; надежды на чудо испарились и мѣсто ихъ занято твердой вѣрой въ себя. Тріада великихъ поэтовъ не оставила себѣ равныхъ по генію преемниковъ, но въ то время какъ Мицкевичъ, Красинскій и Словацкій лишь узаконили за демократической идеей право на существованіе, — Сырокомля, умершій въ 1862 г., отдаетъ ей предпочтеніе предъ другими и безпощадно бичуетъ панство. Горькій упрекъ кидаетъ онъ шляхтѣ въ стихотвореніи «Кусокъ хлѣба»: «слишкомъ ты рѣзво рубила и выпивала, о веселая дружина; въ панскихъ бокалахъ остался одинъ осадокъ, горькая желчь съ уксусомъ для убогой братьи. Горе тому, кто не платитъ чинша за пашню, сѣнокосъ, за воду въ прудѣ, за кровъ, за лучъ солнца, за вдыхаемый воздухъ и за росою увлаженный цвѣтокъ!» Съ 70-хъ годовъ прогрессивно-

народническое теченіе начинаетъ рѣшительно преобладать надъ прочими. Гражданскія права крестьянъ уже не нуждаются въ охранѣ, но бытописатель интересуется этимъ міромъ больше, чѣмъ другими, роднитъ съ ними читателя и нерѣдко раскрываетъ внутренній блескъ положительныхъ типовъ, складывающихся въ этой сѣрой обстановкѣ.

Марія Конопницкая, Ожешко, Пруссъ, Клеменсъ Юноша, Мацѣевскій (Северъ), Карчевскій (Ясеньчикъ), Дыгасинскій и др. — довершаютъ демократизацію польской литературы до дна.

Когда несостоятельность «верховъ» повлекла за собою банкротство государства, вспомнили о «низахъ», сдѣлали ихъ центромъ теперешняго тусклаго прозябанія и залогомъ свѣтлаго возрожденія. Привислинское общество на рѣдкость эволюціонировало влѣво отъ аристократизма, а насъ до сихъ поръ питаютъ баснями о непоколебимости шляхетскихъ трагедій. Не только за лживость, но особенно за свою зловредность должны быть опровергнуты эти утвержденія; они — не плодъ недомыслія или близорукости, они — картонный щитъ, за которымъ прячется система, оправдывающая подавленіе всякой самодѣятельности боязнью, какъ бы не восторжествовали шляхетскія вожделѣнія. Лицемѣріе, разсчитанное на простаковъ или невѣждъ!

Въ редакціи серьезной варшавской газеты я невольно обратилъ вниманіе на двѣ большихъ картины. Одна изображаетъ грозную схватку на сеймѣ. Святость мѣста (сеймъ происходилъ въ костелѣ) не была достойно почтена до крови повздорившею шляхтой... Одинъ панъ, весь изрубленный, испускаетъ уже духъ, лежа на каменномъ полу. Двое другихъ молодецкимъ ударомъ скрестили сабли, отъ которыхъ, кажется, такъ и сыплются искры. И это — законодатели!.. Это — люди, которые должны подавать примѣръ уваженія къ чужимъ правамъ, быть олицетвореніемъ терпимости, разсудительности и такта. Недостойные сыны столь опрометчиво ввѣрившейся имъ матери-родины!

— Грустное прошлое, — сказали мнѣ.

На второмъ полотнѣ мы видимъ море; нѣтъ конца этой шири, этому буйному простору. Сходятся и разбѣгаются, какъ дикіе

звѣри, бросаются другъ на дружку громадныя волны и каждую минуту грозятъ опрокинуть дощаникъ, на которомъ послѣ кораблекрушенія спаслось нѣсколько несчастныхъ... Вотъ лежатъ они, обезсиленные, измученные борьбой со стихіями: старый панъ, ксендзъ... На самодѣльномъ рулѣ сидитъ молодой крестьянинъ; смѣло сѣчетъ бездны, а глазами пытливо ищетъ встрѣчный парусъ или берегъ; потухающіе взоры спутниковъ не отрываются отъ «хлопа», ихъ послѣдней надежды.

— Наше настоящее, — послышалось излишнее объясненіе.

При такомъ рулевомъ можно пророчить и хорошее будущее!

XII.

— Пусть такъ! — могутъ сказать читатели. «Согласимся съ этой характеристикой, признаемъ, что современные поляки — патріоты и религіозны, но безъ ультрамонтанства и нетерпимости, что они настроены демократично и ихъ неискренность — не національная черта, а временное орудіе самосохраненія... Пусть въ этомъ отношеніи они вполнѣ правоспособны на національно-культурное строительство. Но вѣдь обычная непріязнь къ нимъ объясняется не только нашимъ невѣдѣніемъ ихъ, но всего болѣе тѣмъ, что съ тѣхъ поръ, какъ наши судьбы соединились, поляки постоянно были причиною внѣшнихъ и внутреннихъ затрудненій для имперіи, всегда глухо враждовали съ русской государственностью. Если только вы проповѣдуете не сепаратизмъ, а предполагаете въ дальнѣйшемъ историческое сотрудничество, то мыслимо ли оно при такомъ противоположеніи интересовъ? Почему можно думать, что польскій антагонизмъ нашей идеѣ разсѣется, перейдетъ въ союзъ съ нею, а не станетъ еще болѣе дѣйственнымъ, едва ослабѣютъ путы, сдерживающія теперь безпокойное племя?»

На вопросъ сперва отвѣчу вопросомъ: какъ знакомились поляки съ этой «идей», подъ которою, конечно, нельзя подразумѣвать ничего иного, кромѣ заботы о всестороннемъ процвѣтаніи

имперіи, о надѣленіи каждаго изъ ея гражданъ наибольшею суммою духовныхъ и матеріальныхъ благъ? Естественно, чисто опытнымъ путемъ: наша политика въ Привислиньѣ была тою школой, въ которой поляки изучали практическое осуществленіе задачъ русской государственности. Тутъ они видѣли, и насколько достаточны блага, всякому предоставляемыя, и какими средствами они пріобрѣтаются.

Намъ нужно, слѣдовательно, разсмотрѣть пріемы русскаго управленія Польшею, чтобы понять, насколько основательны или незаслуженны чувства, питаемыя къ Россіи туземцами.

Съ самаго же начала должно отмѣтить, что наша политика въ Привислиньѣ стала послѣдовательною лишь послѣднія 40 лѣтъ, а ранѣе подвергалась различнымъ шатаніямъ, своего рода приливамъ и отливамъ только безъ періодичности этихъ послѣднихъ. Неопредѣленность, если не отсутствіе, государственнаго взгляда на русско-польскія отношенія влекла къ тому, что съ новыми лицами мѣнялась и система; поневолѣ она была эфемерной и держала мѣстныхъ жителей въ трепетномъ ожиданіи чего-то новаго. Императоръ Александръ I въ нѣкоторомъ отношеніи воскресилъ Польшу, присвоивъ ея имя одной изъ «дѣльницъ», далъ либеральную по тому времени конституцію и хотѣлъ, чтобы даже русско-литовскія области были подвластны Варшавѣ. Николай I обнародовалъ немедленно послѣ возстанія 31 года «Органическій статутъ», обезпечивавшій за поляками весьма широкое самоуправленіе, но не привелъ его въ исполненіе, а въ 1835 году сказалъ польской депутаціи: «если вы будете упорствовать въ своихъ мечтаніяхъ о національной обособленности, о независимости Польши и тому подобныхъ фантазіяхъ, вы навлечете на себя величайшее несчастіе. Я устроилъ здѣсь цитадель. Говорю вамъ, что при малѣйшемъ волненіи я прикажу стрѣлять въ городъ, обращу Варшаву въ развалины и, конечно, не отстрою ея». Александръ II, начавъ съ заявленія (1856) представителямъ привислинской столицы: «Прочь фантазіи, господа! Все, что сдѣлалъ мой отецъ, хорошо сдѣлано. Правленіе мое будетъ дальнѣйшимъ продолженіемъ его

царствованія», уже черезъ 6 лѣтъ предоставилъ Царству полную автономію. 63-й годъ кладетъ конецъ этимъ колебаніямъ, и съ намѣстничества гр. Берга вплоть до нашихъ дней «курсъ» остается однимъ и тѣмъ же; за этотъ періодъ дольше всего во главѣ управленія краемъ стоялъ І. В. Гурко (1883—1894); въ памятное его одиннадцатилѣтіе привислинская политика отливается въ наиболѣе законченную и цѣлостную форму; раньше и послѣ приходили и удалялись новые люди, но они вносили лишь оттѣнки въ пріемы выполненія все той же программы, столь ярко раскрытой Гурко.

Прежде чѣмъ коснуться ея содержанія, взглянемъ, при какихъ условіяхъ и кѣмъ она проводится.

Царство Польское управляется на очень своеобразныхъ началахъ; многіе законы, доселѣ не отмѣненные, утратили тутъ, по молчаливому соглашенію мѣстной власти съ Петербургомъ, всякую силу, а ихъ мѣсто заступили нигдѣ не распубликованные циркуляры, разъясненія, даже «устныя указанія» привислинскихъ сановниковъ. Кромѣ явнаго, всѣмъ слышнаго голоса законодателя, существуютъ елевзинскія тайны, въ которыя посвящены лишь чиновники. Обыватель никогда съ увѣренностью не можетъ назвать законнымъ опредѣленіе любого присутственнаго мѣста, подкрѣпленное ссылками на всѣ надлежащія статьи,— а вдругъ оно противорѣчитъ какому-нибудь неоглашенному предписанію? Въ свою очередь, опасно не подчиниться и самому нелѣпому требованію малѣйшаго винтика правительственной машины, — пожалуй, оно основывается на «указаніи», котораго обязательность не отмѣняется его секретностью. Наконецъ, одно и то же дѣло въ порядкѣ административномъ можетъ быть разрѣшено такъ или иначе, и всегда совершенно правильно, въ зависимости отъ того, какимъ изъ прежнихъ, другъ другу часто противорѣчащихъ, распоряженій, невѣдомыхъ публикѣ, захотятъ руководиться.

Законъ обросъ въ Привислиньѣ толстою корой бюрократическихъ толкованій и почти зачахъ; власть же, заслонившая его отъ населенія, нравственно совсѣмъ не сплочена. Она дѣй-

ствуетъ вразбродъ, и генералъ-губернаторъ не въ силахъ внести необходимую согласованность въ работу всѣхъ зубцовъ и шестерень. По духу инструкціи 1853 г. (П. Собр. Зак. № 27293) и закона 14 августа 1881 г., генералъ-губернаторъ является именно такимъ объединителемъ административныхъ силъ и стремленій, центральнымъ министерскимъ установленіемъ, для удобства управленія дѣйствующимъ на мѣстѣ. Между тѣмъ, при той вакханаліи централизаціи, которой мы и теперь еще не чужды, министерства узрѣли въ краевыхъ начальникахъ посягательство на собственныя полномочія; отсюда родилась своеобразная борьба между сановниками Петербурга и окраинъ, и Сатурнъ иногда пожиралъ своихъ же дѣтей. Въ общемъ подобное положеніе чаще приносило пользу, чѣмъ вредъ, потому что хоть до извѣстной степени умѣряло самоупоеніе властью для самой власти, къ которому такъ склонны «ташкентцы»; съ другой же стороны, столица, не зная мѣстныхъ особенностей, хлопотала все подогнать подъ одинъ шаблонъ, иногда совершенно не примѣнимый при данныхъ обстоятельствахъ. Столкновеніе центробѣжнаго и центростремительнаго началъ по большей части оставляло окраину на старой точкѣ прозябанія и ужъ во всякомъ случаѣ морально не усиливало туземныхъ авторитетовъ. Такимъ образомъ, относительно Привислинья существовали какъ бы двѣ системы, варшавская и петербургская, совпадавшія, конечно, въ цѣляхъ, но нерѣдко разнствовавшія въ средствахъ, и съ тѣмъ, «что *тамъ* скажутъ?» приходилось считаться всякому. Въ потребный моментъ упаковывались чемоданы, Ольгердовичи и Гедиминовичи ѣхали *туда*, и вѣтеръ изъ «замка» внезапно начиналъ дуть совсѣмъ въ иную сторону.

Но планы «замка» (такъ называется бывшій королевскій дворецъ, въ которомъ живутъ теперешніе генералъ-губернаторы) спутывалъ не только петербургскій возгласъ «quos ego!..»: «междувѣдомственное треніе», какъ вѣжливо называется у насъ дикій антагонизмъ среди министерствъ одного и того же государства, на привислинской почвѣ вызывало не только скрипъ, но порчу и даже остановку механизма, и начальнику края часто

оставалось лишь въ безсиліи хвататься за голову. Сплошь и рядомъ возгоралась въ Царствѣ Польскомъ жестокая чернильная война между главами разныхъ вѣдомствъ, изъ которыхъ каждое рѣшало общую неблагодарную задачу разными способами. Вредъ не ограничивался однимъ истребленіемъ канцелярскихъ матеріаловъ: начинались подкопы, наушничество, росла клевета, грязнилось не только частное имя, но цѣлое учрежденіе, и—что хуже всего — непоправимо страдали интересы обывателей, которымъ, въ концѣ-концовъ, не было никакого дѣла до распрей самолюбиваго чиновничества. Вмѣсто необходимой солидарности царило взаимное недовѣріе, переходившее всякія границы. «Черный кабинетъ» былъ заваленъ работою, и одно время высокопреосвященный Флавіанъ отправлялъ свои письма, избѣгая услугъ варшавскаго почтамта, съ вокзала чрезъ особо уполномоченное лицо.

Такимъ образомъ, кромѣ основного раздвоенія наверху, система уже и въ самомъ краѣ имѣла множество несовпадавшихъ, иногда соперничавшихъ теченій. Время и вниманіе генералъ-губернатора расходовались на отпоръ по разнымъ направленіямъ, дрязгамъ и частностямъ отводилось неподобающее мѣсто, и глазъ, утружденный мелочами, не могъ охватить, общей картины края, прослѣдить біеніе его политическаго пульса. Стрѣляли по воробьямъ изъ пушекъ и вовсе не умѣли извлекать пользу изъ общественнаго настроенія, когда оно складывалось благопріятно для насъ. Какъ много, напр., старыхъ грѣховъ можно было ликвидировать въ августѣ 1897 года, послѣ посѣщенія Государемъ Варшавы. Оказанный Императорской Четѣ пріемъ былъ такъ искренне-восторженъ, такъ широко раскрылось народное сердце, что въ него могло запасть и дать потомъ зрѣлый плодъ не доброе одно слово и намѣреніе. Этотъ драгоцѣнный моментъ не только былъ упущенъ тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ, кн. Имеретинскимъ, но весьма вскорѣ послѣ того начальникъ края приказалъ чиновникамъ объясняться съ просителями безусловно лишь на польскомъ языкѣ. Это распоряженіе сыграло роль ледяного душа для многихъ головъ, охладивъ въ нихъ

порывъ и желаніе, послѣ взаимныхъ уступокъ, пойти навстрѣчу нѣкоторымъ видамъ администраціи.

Никакого обаянія не имѣетъ та власть, которая зиждется только на матеріальной силѣ, а не на признаніи населеніемъ моральнаго превосходства ея программы предъ всѣми прочими. Междувѣдомственный разбродъ въ Привислиньѣ подаетъ полякамъ поводъ къ самымъ печальнымъ заключеніямъ о дряблости и непродуманности русской государственной идеи вообще; личное сближеніе съ ея служителями, мѣстными чиновниками, не гонитъ прочь такія догадки.

Льготы и преимущества, предоставляемыя служащимъ въ Царствѣ Польскомъ уроженцамъ коренной Россіи, вызвали сюда не самыхъ талантливыхъ и образованныхъ, какъ предполагалось, а только болѣе изворотливыхъ и менѣе совѣстливыхъ. Сойдя съ университетской скамьи, наша молодежь порываетъ съ идеалами не сразу, и первой ея категоріи больше приходится по душѣ дѣло на родинѣ. Отборъ остается дома, а на чужбину спѣшатъ карьеристы или неудачники. Ихъ предпочли мѣстнымъ дѣятелямъ, обладающимъ, сверхъ одинаковаго ценза, еще знаніемъ края, только въ силу русскаго происхожденія пришельцевъ; во всемъ остальномъ они не превосходятъ польскаго контингента, изъ котораго могла бы рекрутироваться бюрократія, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (знакомство съ языкомъ, бытомъ, правовыми особенностями) даже уступаютъ ему. Эту племенную разность, доставившую кусокъ хлѣба, остается только всемѣрно развивать и подчеркивать. Всякая небоевая политика чужда чиновникамъ Привислинья; его умиротвореніе сдѣлало бы ихъ тутъ лишними, и только общее броженіе и недовольство оправдываетъ какъ присутствіе ихъ здѣсь, такъ и эти повышенные оклады. Поэтому и телеграфисты и акцизные въ Царствѣ Польскомъ прежде всего «русскіе піонеры», главнымъ образомъ «дѣлаютъ политику», а потомъ уже выстукиваютъ на морзовскомъ аппаратѣ или мѣряютъ водку траллесомъ. Здѣшнему чиновнику совершенно невѣдома окружающая обстановка, да онъ и не хочетъ ея знать: вѣдь если бъ между нимъ и ею не

лежала пропасть, если бъ онъ выросъ въ ней, ему никогда бы и не попасть сюда! Онъ даже бравируетъ своимъ непониманіемъ туземнаго языка, — еще бы! это лучшій аттестатъ чистокровности, а если, мимо воли, изъ обихода изучитъ польскую рѣчь, то скрываетъ это обстоятельство: чего добраго — рѣшатъ, что ополячился, и уберутъ...

Встрѣчаются, разумѣется, исключенія. Не для всѣхъ, конечно, кресты и денежныя надбавки составляютъ смыслъ жизни. Но дѣятелямъ съ мало-мальски гражданской закваской приходится здѣсь изнывать въ одиночествѣ: русскіе чураются ихъ, какъ не желающихъ выть съ волками по-волчьи, а поляки сторонятся «данайцевъ, даже дары приносящихъ». Побьется-побьется такой несчастный «въ полѣ не воинъ», да и кинетъ окраину, чтобъ не нести моральной отвѣтственности за соучастіе въ томъ, что тутъ творится. Остающихся проза привислинской жизни быстро и окончательно дѣлитъ на два лагеря: злобствующихъ и равнодушныхъ. Да и какъ быть иными? Болѣе вдумчивыхъ и чуткихъ томятъ и отсутствіе нравственной поддержки, въ которой имъ отказываетъ общественная стихія, и сознаніе своей чуждости краю, и пониманіе неосуществимости главнѣйшей, извнѣ поставленной цѣли. Мужества уйти нехватаетъ. Въ душѣ нарастаетъ злоба на себя, на ближайшую среду, на весь міръ. Человѣкъ старается убить внутренній, протестующій въ немъ голосъ. Онъ не вѣритъ въ систему, иногда презираетъ ее, но выполняетъ тѣмъ съ большей прямолинейностью, чѣмъ безпощаднѣе хотѣлъ бы казнить самого себя. Такой руссификаторъ-циникъ очень опасенъ: онъ не прочь довести «идею» до абсурда, настолько онъ не уважаетъ ни ее, ни себя. Натуры болѣе мягкія и благодушныя, неспособныя удариться ни въ какую крайность, смотрятъ на службу, какъ на докучливую лямку, тянуть которую заставляетъ нужда. Они не горячи, не холодны и отбываютъ свои обязанности, какъ поденщикъ, съ величайшимъ равнодушіемъ къ результатамъ собственнаго труда, который — главное — долженъ быть хорошо оплаченъ. Они признаютъ не долгъ предъ государствомъ, но непріятную повинность предъ

непосредственнымъ начальникомъ; доволенъ онъ — и все очень хорошо, а мнѣніе людей, непосредственно заинтересованныхъ, только не власть имущихъ, въ высокой степени безразлично.

Берутъ ли въ Привислиньѣ взятки? Болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Г. В. Р. для сужденія о столь деликатной матеріи располагалъ офиціальными данными; на стр. 344 своихъ «Очерковъ» авторъ, указывая на необычайную медленность производства всѣхъ частныхъ дѣлъ въ Царствѣ, говоритъ: «происходитъ это отчасти вслѣдствіе непомѣрнаго количества работы, которою чины вообще завалены, отчасти же въ надеждѣ получить отъ лицъ, заинтересованныхъ въ ближайшемъ ходѣ дѣлъ, легкую мзду для ускоренія ихъ». Видите, какъ все оно невинно и прилично: «легкую мзду», почти шутку, стоящую развѣ снисходительной улыбки, разрѣшаютъ себѣ наши чиновники, а все-таки встрѣчаются невѣжи, обвиняющіе — и весьма убѣдительно, добавимъ — этихъ шалуновъ въ вымогательствѣ.

«Третье сословіе» бюрократіи, если можно такъ выразиться, т.-е. мелкая приказная братія на окладахъ отъ 150 до 600 рублей въ годъ, тоже въ значительной части состоитъ изъ «піонеровъ»: это — отбросы всѣхъ русскихъ канцелярій, въ большинствѣ заслуженные кандидаты въ арестантскія роты; дифирамбистъ всего, что прикрывается кокардою, даже г. В. Р. относится къ нимъ довольно сурово: «недобросовѣстность въ исполненіи служебныхъ обязанностей, пьянство, мелкое взяточничество—всѣмъ этимъ обладаютъ они въ изобиліи, что не мѣшаетъ, однако, имъ предъявлять требованія на особое покровительство со стороны своего начальства на томъ-де основаніи, что они русскіе» (стр. 355). Полуофиціозный авторъ устанавливаетъ (стр. 337) также существованіе въ Привислиньѣ цѣлой категоріи землевладѣльцевъ «изъ бывшихъ чиновниковъ въ краѣ, которые успѣли за свою службу, путями болѣе или менѣе сомнительными, сколотить себѣ нѣкоторый капиталъ; сдѣлались они собственниками имѣній зачастую путемъ предварительнаго пріема ихъ въ залогъ по вторымъ и третьимъ закладнымъ». Этою драгоцѣнной справкой г. В. Р. пополняетъ свою характеристику

исполнителей той самой системы, которой слагаетъ восторженную хвалу; краски его воздушны и легки, имъ могли бы позавидовать и возвышенная гоголевская дама, говорившая «я обошлась платкомъ» вмѣсто «я высморкалась», но общая картина получается довольно опредѣленная. Вотъ онъ, идеалъ «піонера»: «легкая мзда, еще легкая»... и еще... и еще.. Когда набралось этой самой «мзды» достаточно, начинается раздача денегъ подъ залоги... а тамъ купилъ землю, сѣлъ на нее, да и сталъ руссифицировать не такъ, какъ прежде, протирая канцелярскіе стулья, а лендлордомъ, чортъ возьми!

Землевладѣніе — надежнѣйшій козырь въ игрѣ за экономическое и политическое преобладаніе; не даромъ пруссаки образовали особый фондъ для развитія германскаго землевладѣнія въ Познани. Какъ же представлено русское на привислинской окраинѣ? Правительство дважды пыталось насадить его, но частныя лица, за исключеніемъ помянутыхъ «мздоимцевъ», въ этомъ направленіи не сдѣлали и шага. Просто не было, въ противоположность Познани, надобности забираться куда-то на самую границу государства, когда и въ центрѣ его масса сиротствующихъ хозяйствъ плачетъ о болѣе высокой культурѣ.

Послѣ войны 1831 года изъ земель, конфискованныхъ у предполагаемыхъ враговъ Россіи, было роздано около 400 тысячъ десятинъ, какъ маіораты, 128 сановнымъ лицамъ. Чтобы прикрѣпить новыхъ помѣщиковъ къ краю, было запрещено сдавать эти имѣнія въ аренду. Дѣды современныхъ «піонеровъ» быстро отыскали лазейку и до единаго передали свои маіораты полякамъ арендаторамъ, окрестивъ послѣднихъ только «поручительными управляющими», т.-е. такими, которые ручаются извлечь для собственника точно опредѣленный доходъ ежегодно, безконтрольно эксплуатируя всѣ статьи и ведя хозяйство за собственный счетъ. Засѣсть же въ медвѣжьихъ углахъ и тѣмъ положить конецъ своимъ успѣхамъ на бюрократическомъ поприщѣ ни первые владѣльцы, ни ихъ наслѣдники не пожелали. Обманувшись въ этихъ расчетахъ, правительство уже не раздаривало земель, отобранныхъ у римско-католическаго духовен-

ства въ 1864 году, но, по совѣту Милютина, разбило ихъ на небольшіе участки и пустило въ продажу на самыхъ льготныхъ условіяхъ. Планъ создать мелкое землевладѣніе потерпѣлъ такую же неудачу. Торги прошли блестяще, даже съ надбавками, но незначительность самыхъ владѣній не позволила чиновникамъ-помѣщикамъ оставить службу, въ которой они продолжали видѣть главный источникъ пропитанія; безденежность новыхъ собственниковъ, не допускавшая дѣлать своевременно платежи по разсрочкѣ, повлекла бы къ краху, если бы не спасительныя предложенія отдать недвижимость въ аренду, сдѣланныя опять-таки мѣстными уроженцами. Попытка искусственно создать новое соціальное явленіе, въ которомъ жизнь не нуждалась, вторично лопнула, точно мыльный пузырь.

Чиновничество, не чуждое «легко-мздоимческихъ» наклонностей, землевладѣльцы, не живущіе въ краѣ или не занимающіеся хозяйствомъ, и войска, расквартированныя здѣсь въ очень большомъ количествѣ, — таковы русскіе клинья въ этнографически цѣлостномъ тѣлѣ Польши.

Изъ двухъ элементовъ, имѣющихся налицо, потому что третій — помѣщичій — числится только на бумагѣ, военный чуждъ «піонерства», занимается прямымъ своимъ дѣломъ и, въ общемъ, очень рѣдко сбивается на тотъ вызывающій тонъ побѣдителей въ покоренной странѣ, который установленъ прусскими лейтенантами въ Познани. Правительству пока не удавалось заразить политиканствомъ арміи. Въ натянутости отношеній между мѣстнымъ и пришлымъ элементами наше офицерство неповинно, но не въ силахъ и разрядить эту грозовую атмосферу, хотя бы потому уже, что двери въ польскіе салоны для него заперты наглухо. Полковыя собранія и особенно уборныя казеннаго опереточнаго театра «Новости» и кафешантановъ — единственныя мѣста, гдѣ гг. офицеры могутъ коротать свой досугъ. Политика не ссоритъ Марса съ Венерой.

Нужно ли говорить, *какимъ* авторитетомъ пользуются «піонеры» въ глазахъ туземцевъ? Внѣ зависимости отъ того, симпатична или нѣтъ миссія нашихъ чиновниковъ въ краѣ, они

личной своею небезупречностью подаютъ поводъ къ постоянному недовольству. Впрочемъ, мнѣ пришлось бесѣдовать съ поляками, которые искренне побаивались, что Государственная Дума, чего добраго, положитъ конецъ самовластію привислинской бюрократіи.

— Какъ? Вы отстаиваете казнокрадовъ и опричниковъ?— спросилъ я.

— А еще бы нѣтъ? Теперь, придись круто, я похлопочу, съѣзжу, куда надо, «поблагодарю», кого слѣдуетъ, и смотришь— все будетъ по-хорошему... А тогда? Чиновника можно купить, ну, а съ народными представителями подобнаго разговора не поведешь...

Такова единственная точка зрѣнія, съ которой можно еще защищать окраинную бюрократію.

Если наша политика въ Царствѣ Польскомъ не была объединена и часть энергіи выдѣляла на междувѣдомственныя распри, если исполнителями выступали здѣсь не люди, воодушевленные высотою задачъ, а наемники, притомъ не всѣ безусловно честные, то уже напередъ позволительно было усомниться въ ея успѣхѣ, безотносительно даже къ тому, пригоденъ ли вообще задуманный планъ или онъ фантастиченъ, встрѣтитъ ли его поддержка или противодѣйствіе населенія. Когда же выяснятся природная неосуществимость избранной цѣли и глубочайшее къ ней отвращеніе народной стихіи, то останется только сожалѣть о безплодно потраченныхъ усиліяхъ, а не доискиваться причинъ краха: ихъ слишкомъ много и онѣ слишкомъ понятны.

Привислинская политика съ 64-го года вся исчерпывалась стремленіемъ *обрусить поляковъ*, вытравить въ нихъ народность, заставить Вислу течь вспять. Съ такой задачей могъ бы справиться развѣ какой-нибудь Тамерланъ, оскопивъ всѣхъ мужчинъ, а женщинъ отдавъ въ шатры своихъ ордъ, но и по его времени это средство было слишкомъ героическимъ. Намъ она была не подъ силу. Чрезвычайно характерно, что власти

сами сознавали всю немыслимость денаціонализаціи и даже открещивались отъ неосторожныхъ дѣятелей, которые, въ родѣ попечителя варшавскаго учебнаго округа А. Л. Апухтина (1883—1897), откровенно писали ее на своемъ знамени. Онѣ прикрывались заботами объ «успокоеніи края и пріобщеніи его къ государственной жизни Россіи», раздражая населеніе на каждомъ шагу и создавъ для него строй жизни, во всемъ различествовавшій отъ обще-русскаго уклада. Даже внѣшнія производныя отъ народности, какъ костюмъ, вызывали припадки *руссоманіи*, и въ Царствѣ Польскомъ до сихъ поръ въ административномъ, правда, порядкѣ карается «ношеніе неуказаннаго (т.-е. національнаго) одѣянія».

Однако объ истинныхъ намѣреніяхъ администраціи будемъ судить не по словамъ, а по дѣламъ ея. Гдѣ доказательства, что «успокоеніе» было ширмою, а руссификація — цѣлью привислинскихъ властей?

Языкъ есть душа и жизнь народности; государство можетъ быть разноплеменнымъ, разновѣрнымъ, разноязыкимъ, и все-таки процвѣтать; народность можетъ образовать государство и пережить его, но, утративъ языкъ, она умираетъ. Рѣчь — это не только способъ выраженія мыслей, это еще и способъ мыслить на извѣстный ладъ, это—неизгладимая печать на манерѣ воспріятія всего окужающаго, это—тавро на міропониманіи, не изглаживающееся и у самыхъ отвлеченныхъ мыслителей и выдающее ихъ народность. Говорить, сверхъ родного, можно на многихъ языкахъ, но реагировать на жизнь нельзя иначе, какъ подъ тѣмъ именно угломъ, который опредѣленъ этимъ роднымъ. Исповѣданіе есть интимное дѣло личности, языкъ — общественный ея долгъ. Поэтому всякое посягательство на языкъ есть посягательство на народность, для которой религія составляетъ случайность, государственность — многое, языкъ — все.

Какъ же относились привислинскіе политики къ польской рѣчи? До самаго послѣдняго времени она безъ церемоніи вытѣснялась отовсюду, гдѣ только было возможно, но интереснѣе всего, что законъ совсѣмъ не уполномочивалъ администрацію

на это. Въ «Очеркѣ законодательства Царства Польскаго» (СПБ., 1902) Н. Рейнке рисуетъ безподобную картину роста произвола, дѣйствовавшаго бѣлымъ днемъ и безпрепятственно. До 63-го года офиціальнымъ языкомъ Царства былъ польскій; послѣ рѣшили распространить «знаніе русскаго языка, какъ языка государственнаго, не вытѣсняющаго языка мѣстнаго, но долженствующаго получить равное съ послѣднимъ право гражданства». Законодатель не шелъ дальше уравненія на окраинѣ русскаго языка въ правахъ съ польскимъ; что же дѣлаютъ «исполнители — лихіе супостаты?» Они фактически вводятъ русскую рѣчь въ различныя учрежденія, а затѣмъ уже, ссылаясь на дѣйствительность, добиваются ея узаконенія надлежащимъ порядкомъ; польскій языкъ былъ изгнанъ изъ губернскихъ и уѣздныхъ управленій въ 1868 г., изъ установленій вѣдомства финансовъ — въ 1869, юстиціи — въ 1875. Аналогичныя распоряженія по другимъ частямъ управленія никогда не были опубликованы. Даже самый терминъ «польскій языкъ» исчезаетъ изъ офиціальныхъ актовъ и замѣняется выраженіями: «мѣстное нарѣчіе», «туземный языкъ». Въ угоду политикѣ не пощадили и святого дѣла правосудія, которое не можетъ не страдать, если слѣдователи и судьи не понимаютъ другъ друга и должны объясняться чрезъ толмачей. Когда русскій языкъ всецѣло захватилъ офиціальныя сферы, на немъ приказали вести внутреннее дѣлопроизводство и счетоводство частныхъ обществъ, кредитныхъ, благотворительныхъ, спортивныхъ и т. д. Для польскаго, кажется, оставалась лишь супружеская опочивальня, потому что въ устахъ дѣтей, школьниковъ, онъ преслѣдовался прямо жестоко.

Мы подошли къ одному изъ самыхъ больныхъ вопросовъ общественной жизни Царства. Дозволительно ли вносить въ школу элементъ политики, т.-е. развращать и учащихъ и учащихся? Полезно ли это? Во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 22 мая 1864 года Милютинъ говоритъ: «Мы никогда не успѣемъ посредствомъ обученія привязать къ себѣ поляковъ, слить ихъ съ Россіей, перемѣнить направленіе ихъ мыслей и политическихъ

стремленій. Опытъ доказалъ это. Тридцать лѣтъ мы въ Польшѣ учили цѣлыя поколѣнія по-русски, знакомили ихъ съ силою и славою нашего отечества, съ историческими недугами Польши, сдѣлавшими невозможнымъ ея независимое существованіе. Однако ученіе наше не передѣлало ни одного изъ нихъ, ибо характеръ и образъ мыслей слагаются подъ вліяніемъ религіи, семьи и общества, а не подъ однимъ дѣйствіемъ внѣшняго знанія, пріобрѣтаемаго уроками и являющагося на экзаменахъ. А мы только располагаемъ уроками и экзаменами; и чѣмъ болѣе будетъ ощутительна посторонняя цѣль въ преподаваніи, нами установленномъ, тѣмъ болѣе будетъ оно внушать недовѣрія, тѣмъ менѣе способно будетъ дѣйствовать на умы... Опытъ показалъ, что за превосходнѣйшимъ знаніемъ русскаго языка и даже полнымъ наружнымъ обрусеніемъ весьма часто скрывается непримиримая вражда къ Россіи. Надобно повторить: никакое внѣшнее знаніе, искусственно прививаемое, не сблизитъ съ Россіею поляковъ высшихъ сословій. Что же касается до спеціальнаго вопроса о русскомъ языкѣ, то безполезно было бы водворять его въ польскихъ училищахъ, собственно съ цѣлью развить въ нихъ русскій духъ. *Достаточно, если поляки будутъ учиться русскому языку, какъ одному изъ необходимыхъ для нихъ предметовъ общаго образованія*... Отказавшись отъ непримѣнимой на практикѣ мысли, что казенное ученіе можетъ быть сдѣлано въ Польшѣ проводникомъ политическихъ убѣжденій, правительству остается всемѣрно заботиться о преуспѣяніи университета и другихъ училищъ края, и должно надѣяться, что такое безкорыстное содѣйствіе развитію науки въ Польшѣ будетъ въ то же время выгоднѣйшею системою въ политическихъ интересахъ Россіи».

Мысли эти были одобрены императоромъ Александромъ II и подтверждены въ рескриптѣ на имя намѣстника отъ 30 августа 1864 года, между прочимъ гласившемъ: «Не дозволяя ни себѣ, ни кому бы то ни было превращать разсадники науки въ орудія для политическихъ цѣлей, учебныя начальства должны имѣть въ виду лишь безкорыстное служеніе просвѣщенію».

Кажется, достаточно ясно, торжественно и болѣе чѣмъ авторитетно должны были прозвучать слова государя въ ушахъ тѣхъ, кому вручены были бразды правленія въ Царствѣ?

Высочайшая воля, которой покорными слугами постоянно выдаютъ себя привислинскіе администраторы, не была исполнена въ данномъ случаѣ, какъ ухитрялись обходить ее «піонеры» и въ дальнѣйшемъ, лишь только признавали ту или другую мѣру, исходившую даже отъ монарха, не вполнѣ «патріотичною». Ниже мы приведемъ примѣръ тому. Кто повѣритъ, что Варшава стала высшимъ ареопагомъ, который удостовѣрялъ «цивизмъ» даже императорскихъ указовъ, или фактически не допускалъ ихъ примѣненія? Отъ служебной роли бюрократія положительно перешла къ самообожествленію.

Милютинъ, возставая противъ обрусенія Польши, боялся полонизаціи инородцевъ, жившихъ въ Привислиньѣ, и потому, кромѣ чисто польскихъ учебныхъ заведеній, настаивалъ на созданіи ряда другихъ—для русскихъ, литовцевъ, нѣмцевъ и евреевъ. Справедливое требованіе равноправности всѣхъ племенъ въ школьномъ дѣлѣ никогда не было удовлетворено. Въ 1866 году были основаны мужскія классическія и реальныя гимназіи для поляковъ съ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ, кромѣ географіи и исторіи Россіи, на польскомъ языкѣ; вскорѣ Милютинъ сходитъ со сцены и тѣмъ самымъ, въ глазахъ «піонеровъ», его система сразу обнаруживаетъ свою негодность: уже въ 1871—1872 гг. польскій языкъ вовсе изгоняется изъ среднихъ учебныхъ заведеній, на которыя распространяется обще-имперскій гимназическій уставъ. Постановленіе объ этомъ было опубликовано только 18 лѣтъ спустя, когда уже дѣти первыхъ гимназистовъ стали ходить въ классы,—такъ любятъ все устраивать въ Польшѣ подъ сурдинку! Какъ верхъ торжества принципа, русскій языкъ былъ объявленъ обязательнымъ въ училищахъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ. Дальше итти было некуда: неодушевленные предметы, какъ извѣстно всякому, даже не служившему въ варшавскомъ учебномъ округѣ, всегда мол-

чать, и только дерзкія птицы продолжали щебетать на томъ же своемъ нарѣчіи, что и въ вѣкъ Пястовъ.

Попечителю этого округа Апухтину, заклеймившему своимъ именемъ цѣлый періодъ педагогической жизни Привислинья, обязаны мы глухою враждой всей интеллигентной Польши къ лучшему, что у насъ есть, — русскому языку и литературѣ. Очень много поляковъ прекрасно говорятъ по-французски, нѣмецки и англійски; вы отыщете среди нихъ лицъ, которыя чувствуютъ себя, какъ дома, и въ модныхъ скандинавскихъ литературахъ. Но громадное количество, сверхъ жалкихъ гимназическихъ отрывковъ, не читали нашихъ великихъ мастеровъ слова, и безусловно вамъ не встрѣтится ни одинъ полякъ, *охотно* бесѣдующій по-русски.

Тонко развитому художественному критику Варшавы я попенялъ на его малое знакомство съ русскими авторами.

— Вы любите Пушкина? — спросилъ онъ.

— ?

— Ну такъ представьте себѣ теперь, что каждое утро къ вамъ сталъ бы являться околоточный: пришелъ, прочелъ страничку изъ Пушкина, ударилъ бы палкою по головѣ и удалился. Какъ вы полагаете,—надолго бы хватило вашей любви къ поэту? Или вы безъ ненависти скоро не могли бы слышать его имени, съ которымъ въ вашемъ умѣ неразрывно соединялось бы представленіе о дерущемся околоточномъ? А вѣдь насъ пріохочивали къ русской литературѣ именно палкой!..

Какой сумбуръ царитъ въ понятіяхъ, если Ушинскій и Апухтинъ одинаково называются педагогами, но на перваго бюрократія всегда косилась, а второму ввѣрила образованіе десятимилліоннаго народа, буквари одного еще на-дняхъ гдѣ-то не допустила въ обращеніе, а систему другого сохранила доселѣ!

Школьная инквизиція, установленная Апухтинымъ, мѣтила дальше, чѣмъ обрусеніе польскаго юношества. Можно стать русскимъ и безъ злобы относиться къ инородцамъ. Такая перспектива пугала Апухтина: руссифицируемыя дѣти должны были

еще возненавидѣть все польское, чтобы возвратъ къ своей народности сталъ немыслимъ. Польская рѣчь, какъ предметъ курса, была признана необязательною, ей отвели въ гимназіяхъ меньше времени, чѣмъ урокамъ танцевъ, и преподавали ее, равно какъ законъ Божій для католиковъ, на русскомъ языкѣ. Въ стѣнахъ учебныхъ заведеній дѣтямъ было запрещено говорить другъ съ другомъ по-польски; они могли болтать по-французски, нѣмецки, еврейски, но должны были забыть родное слово. За радостное восклицаніе, за междометіе испуга, естественно вырывавшіяся только на собственномъ языкѣ, мальчиковъ строго наказывали, сажали въ карцеръ, сбавляли баллъ въ поведеніи, изгоняли изъ гимназіи съ такъ называемымъ «волчьимъ билетомъ», т.-е. безъ права поступить въ другое учебное заведеніе.

Шпіонство поощрялось, и примѣръ въ немъ подавалъ низшій педагогическій персоналъ: русскихъ гимназистовъ ставили въ образецъ, когда они доносили на своихъ польскихъ товарищей, употребляющихъ родную рѣчь; за каждымъ угломъ караулили помощники классныхъ наставниковъ, какъ тѣнь Банко, внезапно вырастали среди расшалившихся мальчугановъ, едва слышалось единое польское слово, и съ злорадствомъ тащили «преступниковъ» къ директору. Офиціальнымъ разслѣдованіемъ удостовѣренъ случай, когда директоръ крикнулъ одному «уличенному»: «ты своимъ языкомъ оскверняешь наше заведеніе!» Немезида не знала жалости, и вышвырнутые изъ гимназій подростки, съ проклятіемъ всему русскому въ душѣ, увеличивали ряды враговъ жестокаго режима. Не было элементарной справедливости,—посредственные успѣхи дѣтей «піонеровъ» оцѣнивались лучше, нежели блестящіе отвѣты ребенка-поляка: у первыхъ было преимущество рожденія, второй былъ тяжко виновенъ въ принадлежности къ націи своихъ родителей. Дѣти, еще дома не разъ слышавшія порицаніе русскимъ порядкамъ, въ непосредственное соприкосновеніе съ ними впервые приходили въ школѣ; здѣсь оказывалось, что старшіе были совершенно правы, и отвращеніе къ учителямъ росло въ злобу къ цѣлому народу.

Кто знаетъ, какія драмы переживались этими маленькими сердцами, такъ рано узнавшими всю муть жизни: фаворитизмъ, насиліе, племенной раздоръ... Крушеніе идеаловъ мучительно всегда, но въ золотую пору малолѣтства оно и гибельно: двигатель бытія, альтруистическій порывъ, уступаетъ мѣсто холодной замкнутости эгоиста, въ какія-нибудь 18—20 лѣтъ приходитъ собачья старость и расчетъ на выгоду безъ труда порабощаетъ себѣ совѣсть. Не потому ли средній студентъ-полякъ болѣе уравновѣшенъ и «траченъ молью» практицизма, чѣмъ русскій, этотъ самоотверженный резонаторъ общественной совѣсти? Его крѣпкую натуру только надломали новые компрачикосы, Д. А. Толстой и Деляновъ, а польскаго «коллегу» они вдобавокъ изуродовали и развратили, потому что на помощь имъ тутъ пришла сила, которой не было въ центральной Россіи,—обрусительный фанатизмъ.

Каковы были плоды апухтинской системы?

Видный варшавскій фельетонистъ полусерьезно сказалъ мнѣ:

— Я не богатый человѣкъ; но если бы сегодня открыли подписку на сооруженіе памятника Апухтину, я, не задумываясь, жертвую сто рублей, только чтобы на подножьѣ статуи большими буквами было написано: «Возстановителю Польши...»

Этому сарказму нельзя отказать въ глубинѣ. Дѣйствительно, никто такъ сильно не будилъ въ молодежи на каждомъ шагу сознанія, что она именно польская, а не другая, никто не вызывалъ въ ней такого тупого страха передо всѣмъ русскимъ и столь глубокой скорби о былой независимости, какъ Апухтинъ, истый маньякъ обрусенія. Чѣмъ ожесточеннѣе и несправедливѣе преслѣдовалось въ польскихъ воспитанникахъ все національное, тѣмъ замѣтнѣе утрачивали они критическое отношеніе къ родной старинѣ, обожествляя ее уже въ цѣломъ, умышленно закрывая глаза на вездѣ неизбѣжныя ошибки. Мы равнодушнѣе къ благу, которое обезопашено отъ покушеній, и цѣнность его удваивается, когда къ сокровищу протянулась чужая жадная рука. Судорожность, съ которою польское юношество хваталось

за каждую національную мелочь, равнялась развѣ только ярости нападеній апухтинцевъ на основу всякой народности — языкъ. Подогрѣвая національное самосознаніе, переводя смутное къ намъ недовѣріе «крайнихъ» на почву фактовъ, пугавшихъ и того, кто былъ настроенъ примирительно, Апухтинъ въ извѣстной степени, несомнѣнно, воскрешалъ Польшу.

Какъ настоящій опричникъ «піонерства», онъ обратилъ руссификацію въ какой-то спортъ, забаву въ самой себѣ и, травя поляковъ, смѣялся и улюлюкалъ надъ прямымъ закономъ. Надо замѣтить, что между Апухтинымъ и Гурко не то, что пробѣжала, а можно сказать даже поселилась черная кошка. Руссоманія попечителя оставляла въ тѣни всю «преданность безъ лести» и твердость политики генералъ-губернатора. Привислинская сцена была слишкомъ узка для совмѣстной игры двухъ такихъ крупныхъ исполнителей. Будущему фельдмаршалу хотѣлось, чтобы у всѣхъ обрусителей была одна шея, а на головѣ, вѣнчавшей ее, красовалась одна кокарда — Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Стремясь къ такой монополіи, онъ вмѣшивался, какъ мы видѣли, въ распоряженія православнаго холмскаго духовенства, а теперь вступилъ въ бумажный бой съ Апухтинымъ. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1890 годъ Гурко заявилъ: «въ правительственной школѣ обходятся съ польскимъ ребенкомъ не только не любовно, но прямо враждебно; въ ней ему ставятъ въ вину его польское происхожденіе, оскорбляютъ его національное чувство, къ его религіи относятся пренебрежительно. Возвращаясь домой, дитя передаетъ родителямъ, уже и безъ того не отличающимся любовью къ русскому народу, объ обидахъ, испытанныхъ въ школѣ, о томъ фаворитизмѣ, которымъ пользуются въ ней русскія дѣти, а это неоспоримый фактъ, такъ какъ отъ польскаго ребенка требуется начальствомъ лучшее знаніе русскаго языка и его грамматическихъ правилъ, нежели отъ русскаго. Такое безсердечное отношеніе къ ребенку, понятно, приводитъ къ результатамъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, которыхъ ожидало отъ дѣятельности этихъ школъ правительство; оно не развиваетъ въ ребенкѣ любви къ Россіи,

а, наоборотъ, заставляетъ его возненавидѣть съ юныхъ лѣтъ все русское, доставившее въ лучшую пору его жизни столько напрасныхъ оскорбленій и горькихъ слезъ». За этимъ вполнѣ точнымъ діагнозомъ послѣдовало 16 марта 1892 года Высочайше утвержденное постановленіе комитета министровъ, позволившее сельскимъ обществамъ ходатайствовать о назначеніи ксендзовъ въ гминныя и сельскія училища на должности законоучителей.

Въ самое сердце былъ уязвленъ этимъ распоряженіемъ Апухтинъ, счевшій новую мѣру недостаточно патріотичною. Какъ это ни дико, но въ народныхъ училищахъ, по распоряженію «боевого» попечителя округа, законъ Божій преподавали свѣтскіе учителя, безразлично какого бъ исповѣданія они ни были, такъ что зачастую въ правилахъ католической вѣры наставлялъ католиковъ православный или лютеранинъ. Не трудно себѣ представить, какъ это нравилось религіозно-настроеннымъ родителямъ; ихъ справедливому возмущенію внялъ Гурко и возбудилъ соотвѣтствующее ходатайство въ Петербургѣ. Въ возгорѣвшейся междувѣдомственной войнѣ побѣда, повидимому, уже была одержана генералъ-губернаторомъ, исхлопотавшимъ постановленіе отъ 16 марта. Апухтину оставалось на выборъ или подчиниться, или удалиться, потому что нельзя же было нарушить ясно выраженную Высочайшую волю. Однако онъ ухитрился и сохранить за собою постъ, и не сдѣлаться ослушникомъ верховной власти, и, что было всего заманчивѣе, ни въ чемъ не измѣнить старый порядокъ. Какимъ образомъ? Или, вѣрнѣе, какими чарами, потому обычныя людскія средства какъ будто были безсильны распутать этотъ клубокъ? Очень просто: Апухтинъ, конечно, не посмѣлъ схоронить подъ сукномъ столь важный документъ, но, посылая копію съ него чинамъ округа «для свѣдѣнія и исполненія», попечитель «циркулярно» добавилъ и свое разъясненіе къ новому закону. Никакою, кажется, магическою силой не обладаетъ циркуляръ; а вотъ, подите же, наповалъ убилъ постановленіе Комитета Министровъ, обративъ его въ пустой звукъ. Ксендзы могли теперь брать на себя уроки закона Божія, но школы, въ которыхъ они будутъ

преподавать, должны были, по *разъясненію* Апухтина, посѣщать губернаторъ, чиновники по крестьянскимъ дѣламъ и земскіе стражники: каждое изъ этихъ лицъ обязывалось, «путемъ простого опроса дѣтей», удостовѣряться «въ правильномъ ходѣ преподаванія».

Въ переводѣ съ бюрократическаго языка на русскій это означало, что на воспитанниковъ возлагалась обязанность слѣдить за политическою благонадежностью своихъ духовныхъ отцовъ и о погрѣшавшихъ доносить не губернатору и чиновникамъ, которымъ некогда посѣщать сельскія школы, а стражникамъ. Послѣдніе вербуются за ничтожное вознагражденіе (7—12 рублей въ мѣсяцъ) изъ нижнихъ чиновъ, отбывшихъ обязательные сроки, и такимъ образомъ фактически контроль надъ преподаваніемъ истинъ Богооткровенія переходилъ въ руки безграмотныхъ солдатъ. На подобное униженіе могли согласиться лишь очень немногіе, и, въ общемъ, начальное привислинское училище и теперь обходится безъ ксендза, католическому закону поучаютъ иновѣрцы, а родителямъ остается радоваться, что эта задача не возложена... ну, хотя бы на тѣхъ же стражниковъ. При Апухтинѣ можно было дождаться и этого. Нельзя не подивиться слѣпой настойчивости «системы»: вѣдь она все равно не разобщаетъ ксендза отъ дѣтей, которыя въ 14-лѣтнемъ возрастѣ подготовляются «катехизаціи» у патера же въ костелѣ. Боязнь пропагаторства? Но съ гораздо большимъ удобствомъ и безопасностью оно можетъ вестись и на исповѣди: не запечатать же всѣ конфессіоналы потому только, что подозрительность властей не знаетъ удержа. Во всякомъ случаѣ изгнаніе религіозно-нравственнаго элемента изъ привислинской школы вызвало новыя соціальныя явленія, которыхъ Царство Польское не знало прежде: ножевщину варшавскихъ «лобусовъ» и сутенерство, какъ профессію. «Альфонсъ», заявляютъ вамъ въ Варшавѣ на вопросы, чѣмъ занимается тотъ или другой молодой человѣкъ; говорится это такимъ тономъ спокойной вѣры въ естественность подобнаго «ремесла», какъ будто вамъ отвѣчаютъ: «часовщикъ», или: «портной».

Вспоминая апухтинцевъ, невольно хочется исказить извѣстное двустишіе Жуковскаго... Поистинѣ

Не говори съ тоскою: *были,*
А съ благодарностію: *нѣтъ...*

И эта тоска не пройдетъ еще долго! Дивиться ли намъ крестовому походу польскихъ дѣтей противъ школы, опустѣвшей уже съ января 1905 года? Не вѣрьте, что юношество подучено агитаторами. Какая мать не заплачетъ, видя сына, заломившаго фуражку набекрень и гранящаго тротуары вмѣсто занятій въ классѣ? Какой отецъ не посовѣтуетъ дѣтямъ предоставить политическую борьбу взрослымъ, а самимъ во что бы то ни стало продолжать ученіе? Но родители безсильны совладать съ этимъ протестомъ неиспорченныхъ натуръ, еще не помятыхъ жизнью настолько, чтобы утратить способность возмущаться. Да и самый бойкотъ направленъ не противъ владычества «москалей» (ребята, сокрушающія имперію!) и даже не противъ нашего языка, какъ утверждаютъ привислинскіе педагоги. Нѣтъ! Русскій языкъ во всѣхъ сферахъ государственной, технической и коммерческой жизни такъ необходимъ полякамъ, что если бы, подъ угрозой наказанія, даже закономъ было запрещено изучать его, это стали бы дѣлать украдкой, по ночамъ. Негодуютъ на вивисекторскій духъ школы, которая служитъ не просвѣщенію, а политикѣ,—на употребленіе языка не съ образовательной цѣлью, а какъ орудія угнетенія и деморализаціи. Въ Мадридѣ ополчились въ свое время противъ инквизиціи, но не требниковъ, по которымъ молились члены св. Германдады. Русская рѣчь сама по себѣ тутъ ни при чемъ; замѣните ее хоть санскритомъ, но если при помощи послѣдняго вы попрежнему будете нападать на «святая святыхъ» національной души, броженіе все равно не уляжется.

Это упорное преслѣдованіе польскаго языка—основы народности—не является ли прямымъ покушеніемъ на нее? Какихъ еще нужно доказательствъ, что тайная цѣль привислинской политики—денаціонализація поляковъ? Обрусеніе, вопреки справедливости, вопреки государственной пользѣ и даже возмож-

ности — такова задача «системы», а глубокое недовѣріе къ полякамъ и подавленіе всякой общественной самодѣятельности — ея спутники.

Представьте себѣ такое утопическое государство, всѣ граждане котораго считаются преступниками, допустимъ — конокрадами, пока они не докажутъ противнаго; клеймо конокрада можетъ снять съ себя тогда только тотъ, къ кому было предъявлено точно формулированное обвиненіе и кто неоспоримо выяснилъ свою невинность; такъ какъ похищенія лошадей совершаются не каждый день, то очистить себя судебнымъ процессомъ придется не многимъ, а остальнымъ придется всю жизнь щеголять почетнымъ титуломъ и нести кару, за конокрадство опредѣленную. Вы скажете: «что за нелѣпость! преступное дѣяніе — это уклоненіе отъ нормальнаго хода жизни, преступникъ — это исключеніе изъ правила, по которому честными признаются именно всѣ люди, кромѣ тѣхъ единицъ, безчестность которыхъ изобличена; поэтому всѣ пользуются полнотою гражданскихъ правъ, кромѣ отдѣльныхъ виновныхъ. Такъ ведется, да иначе и быть не можетъ, во всемъ мірѣ».

Да, во всемъ,—отвѣчу я вамъ,—кромѣ Царства Польскаго. Здѣсь лишены довѣрія и правъ, съ нимъ связанныхъ, именно всѣ, а не тѣ только, кто его нарушилъ. Угодно примѣровъ? Въ 63 году нѣкоторые чиновники-поляки не устояли въ тяжелой борьбѣ долга съ любовью къ родинѣ. Отвѣтственность понесли не одни они, но и ихъ товарищи, не замѣшанные ни въ чемъ, и даже послѣдующія поколѣнія. Гласный законъ (потому что для Варшавы существуютъ и негласные), понятно, не могъ одобрить принципа расплаты дѣтей за вины отцовъ, но были изданы циркуляры, инструкціи, правила, разъясненія и т. д., воспрещающіе принимать поляковъ на службу въ Царствѣ Польскомъ и Западномъ краѣ. Эти ограниченія создались не сразу, не тотчасъ же послѣ возстанія, а, какъ это ни странно, спустя порядочно времени послѣ революціонной вспышки и проводились тѣмъ неуклоннѣе, чѣмъ большій промежутокъ отдѣлялъ ихъ отъ нея. Въ 1876 г., при введеніи судебной ре-

формы, половина должностей по вѣдомству юстиціи была предоставлена въ Царствѣ Польскомъ русскимъ и другая — полякамъ; но на открывавшіяся «польскія вакансіи» вскорѣ стали назначать только русскихъ, а теперь полякамъ не даютъ даже мѣстъ курьеровъ и сторожей въ судѣ. Два повстанческихъ вождя получили образованіе въ петербургской академіи генеральнаго штаба; съ тѣхъ поръ пріемъ всѣхъ офицеровъ-поляковъ или женатыхъ на полькахъ въ высшія военно-учебныя заведенія ограниченъ процентнымъ отношеніемъ,—а вѣдь въ турецкую и японскую войны поляки сражались не менѣе самоотверженно, чѣмъ русскіе, и гибли не въ опредѣленномъ процентѣ, а какъ приходилось. Иные лѣсничіе помогали укрываться бандамъ 63 года въ лѣсахъ; въ краѣ существуютъ лишь двѣ низшія школы лѣсного хозяйства, и теперь сюда принимаются дѣти только православнаго исповѣданія. Оставаясь послѣдовательными, нужно было бы воспретить и употребленіе свѣчей, потому что, если вѣрить поговоркѣ, Москва однажды сгорѣла отъ свѣчи. Развѣ это не геркулесовы столбы недовѣрія, тѣмъ болѣе обиднаго, что нація не подала къ нему ни малѣйшаго повода въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ.

Если каждый отдѣльный полякъ вызывалъ подозрѣніе, то общественная организація, или нѣчто на нее похожее, будила еще и страхъ. Никакіе союзы, ни съ какою цѣлью, не допускались и въ человѣкѣ, «животномъ общественномъ», по опредѣленію Аристотеля, нещадно вытравливался инстинктъ соціабельности.

Такая политика, безотносительно недопустимая на извѣстной ступени культурнаго развитія, особенно была неумѣстна въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ ея отрицательныя стороны чувствовались еще болѣзненнѣе, нежели въ коренной Россіи. Надо точно выяснить себѣ роль, какую общество играло въ исторіи обѣихъ народностей. Рѣчь Посполитая была обществомъ—изъ себя, по доброй волѣ, выдѣлившимъ государство, и всегда страдала потому, что культъ общественности вытѣснялъ государственность; Москва была государствомъ, которымъ, для удобства насосовъ

фиска, принудительно было создано общество. «Все и даже государство для общества!» было девизомъ Польши, «все и тѣмъ болѣе общество для государства!» вѣрила Москва. Понятіе общества расширялось отъ «можновладства» (магнатеріи) до шляхетства, отъ шляхетства, въ наши дни, до всей массы народа, но магнитомъ, къ которому вѣчно устремлялась компасная стрѣлка польскаго корабля, было общество. Съ этой чертой національнаго характера не считались вовсе, и польскій патріотизмъ уподабливался безпрерывному нагнетенію паровъ въ котелъ безъ утилизаціи ихъ и даже безъ предохранительнаго клапана.

Но чѣмъ отличается польскій патріотизмъ отъ всякаго другого? Патріотизмъ можетъ быть чисто физіологическаго происхожденія, зло обозванный любовью коровы къ стойлу, племенной исключительности (кощунственныя именованія своихъ странъ и народа святыми), государственнаго расчета (имперіализмъ) и, наконецъ, существуетъ еще дѣйственный *патріотизмъ долга*, побуждающаго особь на работу для цѣлаго. Онъ неудержимо вытекаетъ изъ инстинкта соціабельности и высшее себѣ удовлетвореніе находитъ въ наиболѣе плодотворномъ расходованіи силъ. Онъ не боится браться за труды съ космополитическими цѣлями, но въ космополитизмъ не переходитъ и не можетъ перейти, потому что въ родной обстановкѣ, естественно, онъ прилагается успѣшнѣе. Поляки, сражавшіеся на Санъ-Доминго или въ рядахъ гарибальдійцевъ, не переставали быть убѣжденными польскими патріотами. Если племенная исключительность говоритъ: «Россія для русскихъ», «Испанія для испанцевъ» и т. д., то патріотизмъ долга руководится лозунгомъ: «русскіе для Россіи», «поляки для Польши». Такая формула гнушается эгоизма, налагаетъ пріятное обязательство общественнаго строительства и ничѣмъ не угрожаетъ ничьему суверенитету. Пока жива народность, въ каждой изъ трехъ «дѣльницъ» поляки будутъ работать только для Польши, но всякій наступательный шагъ гражданственности, сдѣланный ими, косвенно есть успѣхъ суверенного государства, — Россіи, Австріи или

Германіи. Широчайшій просторъ общественной самодѣятельности является тѣмъ большею необходимостью патріотизма — долга поляковъ, что послѣдній обходится безъ собственной государственности, воевалъ съ нею и прежде, въ пору независимости, и, необращенный внутрь, неизбѣжно и съ опасностью для другихъ устремляется наружу. Отвергнувъ формулу: «поляки для Польши», и запретивъ людямъ работать на себя, можно ли надѣяться, что они захотятъ это дѣлать для чужого?

Этотъ избытокъ общественной энергіи, отъ которой устраняли всѣ точки приложенія, былъ такъ великъ, такъ мучительно искалъ и не находилъ себѣ выхода, что прибѣгалъ даже къ самообману. У насъ принято подсмѣиваться надъ страстью поляковъ ко всякимъ титуламъ и почетнымъ кличкамъ: какой-нибудь панъ-«презусъ» или панъ-«радца» Земскаго Кредитнаго Общества гордятся этими званіями точно нивѣсть чѣмъ, а на самомъ дѣлѣ такая ли ужъ слава быть предсѣдателемъ или членомъ провинціальнаго отдѣленія ипотечнаго земельнаго банка? Но суть тутъ вовсе не въ чванствѣ или любви къ мишурѣ: когда нѣтъ хлѣба, ѣдятъ лебеду; если самодѣятельности заказаны всѣ пути, то цѣпляются за ея фикцію, гордятся выборнымъ служеніемъ родичамъ и въ банкѣ за неимѣніемъ другого поприща. А Кредитное Общество — единственное пока въ обширномъ краѣ учрежденіе, гдѣ позволяется полякамъ трудиться для Польши, да и то предсѣдателемъ его правительство всегда назначаетъ русскаго.

Ни городского и земскаго самоуправленія, ни ученыхъ и техническихъ обществъ, ни профессіональныхъ союзовъ, ни корпоративнаго взаимовспоможенія и призрѣнія,—ничего, что для осуществленія требуетъ силы болѣе двухъ рукъ, не допускается въ Царствѣ Польскомъ. Чувствуй, мысли и работай — въ одиночку, какъ будто на необитаемомъ островѣ! Само собой разумѣется, что неписанный законъ соціабельности сильнѣе полицейскихъ предписаній, и дезорганизованными остаются только вполнѣ легальные, мирные элементы, разрозненность которыхъ не позволяетъ имъ, когда это нужно, морально бороться съ тѣсно сплоченными «подпольными».

Но, такъ рѣшительно отказавшись отъ сотрудничества общества, этого незамѣнимаго и наиболѣе освѣдомленнаго товарища въ зодчествѣ на мѣстахъ, справились ли «піонеры» съ прямою своей обязанностью? Какія духовныя и матеріальныя блага дали они Привислинью? Къ чему привела политика обрусенія, недовѣрія и запрета общественной самодѣятельности?

XIII.

Со смѣлостью подпиравшаго небо Атласа, но безъ его мощи, бюрократія взвалила на себя всю полноту попеченія о полякѣ отъ его рожденія до смерти; только начальный и конечный акты бытія совершались безъ «разрѣшенія начальства». Въ мои задачи не входитъ, однако, разсмотрѣніе всѣхъ сторонъ дѣятельности «піонеровъ»; ограничусь только наиболѣе существенными, но вовсе не самыми рельефными; для характеристики системы можно было подобрать и болѣе яркій матеріалъ, чѣмъ предлагаемый мною; въ этомъ, однако, нѣтъ надобности — по причинамъ, которыя будутъ изложены ниже. Я не пользовался другими цифрами, кромѣ офиціальныхъ, хотя бы частная статистика, существующая по нѣкоторымъ спорнымъ вопросамъ, и казалась мнѣ заслуживающею бо̀льшаго довѣрія. Соглашаюсь думать, что варшавскій статистическій комитетъ подъ руководствомъ проф. Г. Симоненко не насиловалъ истины для политики, въ чемъ иногда обвиняютъ его польскіе изслѣдователи; выводы, сдѣланные противъ «системы» на основаніи данныхъ, которыя признаны и опубликованы самою «системой», будутъ тѣмъ неотразимѣе.

Научными завоеваніями пользуется не только та народность, представителями которой они сдѣланы, но и всѣ прочія, отъ Нордкапа до мыса Доброй Надежды, и въ этомъ отношеніи наука интернаціональна; подвигается же она впередъ только тамъ, гдѣ національнымъ творческимъ силамъ не поставлены никакія преграды, гдѣ духу пытливости обезпечена свобода изслѣдованія

и самоопредѣленія. Науки въ такомъ смыслѣ, какъ плодовъ *національнаго* генія, въ Царствѣ Польскомъ съ 1864 года не существуетъ вовсе. Народъ, изъ нѣдръ котораго вышелъ Коперникъ, не переставалъ и не перестаетъ выдѣлять изъ себя неутомимыхъ искателей истины, но имъ нѣтъ мѣста въ отчизнѣ, и они бѣгутъ обогащать другія страны. Польская женщина, г-жа Кюри-Складовская, которой, совмѣстно съ ея мужемъ, принадлежитъ честь открытія радія, работаетъ въ лабораторіи Парижа, а не Варшавы. Каѳедры высшихъ учебныхъ заведеній Привислинья доступны для всѣхъ, кромѣ поляковъ; изъ 59 профессорскихъ должностей въ Варшавскомъ университетѣ только двѣ замѣщены поляками; одинъ изъ нихъ назначенъ въ 1872 г., другой — въ 1880. Въ преподавательскомъ составѣ ново-александрійскаго института сельскаго хозяйства нѣтъ ни одного поляка, т.-е. ни одного лица, знакомаго съ условіями мѣстнаго хозяйства. При бѣдности Россіи научными силами пустующія варшавскія каѳедры отдаютъ дебютантамъ, людямъ, не пріобрѣвшимъ требуемаго ценза и даже ничѣмъ себя не заявившимъ, но только русскаго происхожденія, а солидные туземные дѣятели должны эмигрировать въ Краковъ и Львовъ. Такой ненормальностью тяготятся даже русскіе профессора, читающіе въ Варшавѣ, изъ тѣхъ, конечно, въ комъ 20-е число не усыпило еще всякое гражданское чувство. Вотъ причина, почему мало-мальски свѣжій, талантливый человѣкъ, попавшій въ Царство Польское, торопится вонъ отсюда, едва оглядѣвшись. Не всякимъ самолюбіемъ можетъ быть переварена мысль, что здѣсь мѣсто не новымъ дарованіямъ, а инвалидной командѣ и недоноскамъ науки, которые отводятъ отъ себя непосильную конкуренцію лишь тѣмъ... что ихъ родители были русскіе.

Не только для профессіональныхъ воздѣлывателей науки, но и для простыхъ любителей просвѣщенія Варшава представляетъ крайне неблагопріятную почву: въ краѣ съ 10 милліонами жителей нѣтъ ни одной публичной библіотеки! Попробуйте при такихъ условіяхъ серьезно разработать хоть одинъ общественный вопросъ! Но куда же дѣвались всѣ книжныя сокровища

королей и магнатовъ? Вѣдь меценатство было въ крови польскихъ вельможъ. Маленькая справка разъяснитъ вамъ все: знаменитая библіотека бр. Залускихъ, отобранная Суворовымъ въ 1794 г., послужила ядромъ петербургской публичной (отмѣтимъ, что, при перевозкѣ ея изъ Варшавы въ приневскую столицу, по пути было украдено и погибло для науки 50 тысячъ томовъ); книгохранилище Станислава-Августа передано русскими властями въ Кіевскій университетъ, а частью — въ астраханскую семинарію; безцѣнное собраніе Радзивилловъ въ Несвижѣ распредѣлено между двумя петербургскими академіями — наукъ и духовною — и Московскимъ университетомъ; пулавское книгохранилище Чарторижскихъ раздѣлили петербургскія библіотеки — публичная и главнаго штаба, наслѣдниками рѣдкостей полоцкаго іезуитскаго коллегіума стали центральный статистическій комитетъ въ Петербургѣ и витебская гимназія; подобное же, только въ меньшихъ размѣрахъ, обогащеніе русскихъ библіотекъ польскими книгами произошло и послѣ «усмиреній» 1831 и 63 годовъ. Такимъ образомъ, желая заняться родной исторіей, полякъ долженъ отправиться изъ Варшавы, скажемъ, въ Астрахань, гдѣ онъ найдетъ больше пособій, нежели дома. Минуя вопросъ о доброй волѣ, можно смѣло сказать, что Польша прямо облагодѣтельствовала насъ книгами, а какъ усердно мы ихъ читаемъ, видно хотя бы изъ того, что радзивилловскіе увражи доселѣ не вынуты изъ ящиковъ, въ которые они были запакованы 133 года тому назадъ!

Въ Варшавѣ нѣтъ музеевъ, кромѣ одного частнаго; соплеменники Матейки и Семирадскаго не владѣютъ ни одною общественною галлереей картинъ; лихіе кавалеристы-«піонеры» направляютъ лирическую сцену народа, подарившаго человѣчество Шопеномъ.

До 17 октября 1905 г. періодическую печать Царства Польскаго съ такимъ же правомъ можно было называть выразительницею общественныхъ нуждъ, какъ нѣмого — Демосѳеномъ. Въ ея распоряженіи не было другихъ пріемовъ протеста или одобренія, кромѣ молчанія. Варшавскій публицистъ-молчальникъ

долженъ былъ отрѣзать семь разъ, чтобы сказать одинъ, и то чаще всего не публикѣ, а на ушко цензору, потому что во всемъ краѣ ни одно изданіе не было освобождено отъ предварительной цензуры. Благонамѣреннѣйшіе органы Петербурга и Москвы, сравнительно съ приниженнымъ тономъ Варшавы, говорили языкомъ буйствующаго Марата. Кромѣ слишкомъ богатаго арсенала обычныхъ «мѣръ оздоровленія», привислинскую прессу весьма крупными штрафами карала, случалось, мѣстная власть, руководясь спеціальными, нигдѣ не опубликованными, циркулярами. Здѣшній цензурный комитетъ творилъ лишь чужую волю, выполнялъ часть общей программы и, хоть на полшага, всегда старался быть впереди «твердаго курса». Въ пору Гурко отъ щукъ пострадало множество подцензурныхъ пескарей, самое безмолвіе которыхъ по тому или другому вопросу вмѣнялось имъ въ преступленіе. Дѣятельность комитета, не стѣсняющагося ничѣмъ, принимала тогда подчасъ скорбно-анекдотическій характеръ.

Было запрещено, напр., писать о Сѣверо-Западномъ краѣ, на который будто бы поляки взираютъ съ прежними вожделѣніями; поэтому нельзя было упоминать объ отъѣздахъ гр. Потоцкаго изъ Варшавы въ его имѣніе, Антонины, такъ какъ послѣднее находится въ одной изъ «запрещенныхъ» губерній. Газета, давая отчетъ о художественной выставкѣ въ Краковѣ, назвала въ числѣ прочихъ извѣстную картину Матейки «3 мая». Какъ? Еще не забыли о конституціи 1791 года? Начнутъ гадать да судить, почему она не возродила государства? Оплакивать паденіе независимости? О-о-о! Цензору, одобрившему рецензію, было сдѣлано строжайшее внушеніе, а газеты долгое время должны были воздерживаться отъ слова «май», замѣняя его неопредѣленными выраженіями: «весною», «въ лучшую пору весны». Случился въ Привислиньѣ неурожай картофеля, — не только было приказано молчать объ этомъ бѣдствіи, но самое названіе полезнаго злака на продолжительный срокъ исчезло съ газетныхъ столбцовъ, чтобы читатель забылъ даже о существованіи картофеля. Въ помѣщеніи корреспонденцій изъ Познани и Галиціи усматривали призывъ къ сепаратизму. Не нужно

пояснять, что никакія репрессіи относительно легальныхъ изданій не мѣшали наводненію Царства произведеніями тайныхъ станковъ и закордонной печати. Населеніе зачитывалось краковскими и познанскими органами, относившимися къ намъ довольно сурово, а если бы варшавская пресса захотѣла возстановить истинное значеніе того или другого отдѣльнаго факта и тѣмъ самымъ внести успокоеніе въ общество, то она не могла бы этого сдѣлать, потому что о темахъ, которыя не сходили съ языка всѣхъ, ей не дозволено было и упоминать. Вмѣсто серьезной умственной пищи газетамъ приходилось, глотая слезы, угощать публику чуть не паясничествомъ, дешевымъ остроловіемъ, возбужденіемъ вниманія къ мелочамъ. Какъ часто печальную думу или подавляемую тревогу маскируютъ насвистываніемъ легкомысленнаго «тру-ля-ля». «Курьерки» и обратились въ такихъ свистуновъ, не подымавшихъ публику до себя, а опускавшихся до ея вкусовъ; если общественное вниманіе гонятъ отъ событій, то оно останавливается на городскихъ происшествіяхъ съ уголовнымъ или порнографическимъ букетомъ. Любознательность, какъ и природа, не терпитъ пустоты. Направленіе «тру-ля-ля» не преслѣдовалось; оно выполняло роль оркестровъ, въ старину игравшихъ на площадяхъ при вспышкахъ холерной эпидеміи «для бодрости». Забывали только, что нежелательныя для администраціи явленія не прекращались въ силу приказа не обсуждать ихъ и что развращеніе народа печатнымъ словомъ есть именно тотъ грѣхъ, которому предпочтительнѣе, по слову Евангелія, навязать себѣ на шею жерновъ и кинуться въ воду.

При такихъ порядкахъ вопросъ о примиреніи народностей, очевидно, не могъ найти себѣ мѣста на страницахъ періодической печати, не оттого, что сама она была настроена непремѣнно шовинистически, но потому, что для его обсужденія требовалась нѣкоторая свобода, допустимъ — хоть возможность формулировать тѣ положенія противника, которыя опровергаешь. Относительной широтой взглядовъ столичной цензуры въ сравненіи съ варшавскою и объясняется то странное на первый

взглядъ обстоятельство, что журналъ гг. Спасовича и Пильца— «Край», преисполненный примирительныхъ стремленій, издается не въ центрѣ Привислинья, а въ Петербургѣ, гдѣ польская колонія вовсе не такъ велика. Впрочемъ, варшавскій комитетъ не допускалъ переводовъ на польскій языкъ даже рѣдкихъ статей русскихъ газетъ, написанныхъ въ духѣ сближенія; такую тенденцію съ неопровержимыми данными выяснилъ въ 1896 году г. Наблюдатель («Петербургскія Вѣдомости»), лицо, занимающее въ Варшавѣ весьма видный постъ. Приходится думать, что, поступая такъ, комитетъ выполнялъ лишь общую программу привислинскихъ Ришелье, въ планы которыхъ не можетъ входить примиреніе, дѣлающее самихъ «піонеровъ» лишними людьми. Въ концѣ октября 1905 г. варшавская печать была освобождена отъ предварительной цензуры, но... буквально на нѣсколько часовъ. Немедленно было введено военное положеніе — и цѣлый рядъ газетъ и журналовъ былъ закрытъ властью генералъ-губернатора Скалона.

Мы ознакомились уже съ характеромъ и пріемами школьной обрусительной политики, начатой въ 1870 году попечителемъ округа Витте, блестяще продолженной Апухтинымъ и не оставленной до нашихъ дней; чтобы судить объ ея результатахъ, обратимся къ «Статистическимъ свѣдѣніямъ по начальному образованію въ Россійской имперіи за 1896 годъ», которыя были опубликованы нашимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія къ вѣнской выставкѣ (СПБ., 1898). Въ Царствѣ Польскомъ съ населеніемъ въ 9.455.943 человѣкъ (по даннымъ переписи 1897 года) было всего 3.051 правильно организованная начальная школа, именно — 3.026 министерскихъ съ 206.973 учащимися и 25—вѣдомства Св. Синода съ 875 учащимися; иначе говоря, одна школа въ Привислиньѣ приходится приблизительно на 3.166 человѣкъ, а въ земскихъ губерніяхъ (34 съ населеніемъ въ 66.569.012)—на 2.275. Недостатокъ въ школахъ съ каждымъ годомъ въ Царствѣ растетъ: одно училище приходилось въ 1882 году на 1.925 человѣкъ, въ 1892—на 2.150, въ 1896—на 3.166! Процентное отношеніе учащихся къ насе-

ленію въ 1896 г. выражается въ Царствѣ Польскомъ цифрою 2,1, въ земскихъ губерніяхъ—2,3, а въ Прибалтійскомъ краѣ—5,7. Содержаніе всѣхъ училищъ въ Привислинѣ обходится въ годъ 444.804 рубля, при чемъ 84,4% этой суммы поступаетъ отъ сельскихъ обществъ; средній расходъ на училище составляетъ 192,3 руб., а на одного учащагося—3,8. Въ земскихъ губерніяхъ стоимость содержанія училища равна 353,8 р., а одинъ учащійся стоитъ 6,4, при чемъ 55,2% всѣхъ источниковъ содержанія школъ даетъ земство, котораго нѣтъ въ Привислинѣ. На народное образованіе въ Царствѣ правительство тратитъ 7 копеекъ на душу населенія, а на сельскохозяйственное—менѣе одной копейки (на весь край одна низшая сельскохозяйственная школа въ Собѣшинѣ). Другими словами, относительное число училищъ въ Царствѣ Польскомъ съ каждымъ годомъ уменьшается, а сельскія общества платятъ за нихъ въ три слишкомъ раза болѣе, нежели въ центральной Россіи. Ограниченность платежеспособности польскихъ крестьянъ сама по себѣ уже тормозитъ ростъ школьнаго дѣла, финансовое бремя котораго возложено правительствомъ, не введшимъ здѣсь земства, цѣликомъ на плечи одного сословія; всесословная гмина почти не открываетъ школъ. Изъ общаго числа училищъ казною содержится: въ земской Россіи—1.585, т.-е. $7^1/_2$%, а въ Привислинѣ—98, т.-е. $3^1/_4$%. Краткосрочные педагогическіе курсы для учителей читались въ Россіи въ 26 городахъ; въ Царствѣ Польскомъ они не дозволены вовсе. Съ особеннымъ вниманіемъ нужно остановиться на процентномъ отношеніи воспитанниковъ, оканчивающихъ курсъ, къ общему числу учащихся: въ Прибалтійскомъ краѣ оно равно—18,6, въ земскихъ губерніяхъ—9,9 и въ Привислинѣ—только 3,5! Можетъ ли и быть иначе при преподаваніи на чужомъ языкѣ и если самый курсъ, по климатическимъ и хозяйственнымъ условіямъ края, длится всего лишь 50—100 дней въ году? Чтобъ эти сухіе три съ половиною процента оживились, сдѣлаемъ слѣдующій расчетъ: центральный статистическій комитетъ опредѣляетъ естественную прибыль населенія въ десяти польскихъ губерніяхъ въ 1,71 на

каждые сто человѣкъ; другими словами, въ краѣ ежегодно родится 162.450 дѣтей, а оканчиваетъ начальную школу 7.245, т.-е. безграмотность растетъ въ странѣ въ какихъ-то троглодитскихъ размѣрахъ, ибо только троглодиты, жившіе въ пещерахъ, находили, что гдѣ темнѣе, тамъ лучше: *на каждые 22 человѣка естественнаго прироста прибываетъ лишь одинъ, окончившій школу.* Число учащихся въ Царствѣ Польскомъ за десятилѣтіе послѣ надѣленія крестьянъ землею увеличилось на 134%; едва лишь задались руссификаціей, — замѣчается не только застой, но и движеніе назадъ.

Этотъ регрессъ подтвердятъ намъ и данныя другого министерства,—военнаго. Вотъ табличка, составленная на основаніи изслѣдованій центральнаго статистическаго комитета «Всеобщая воинская повинность въ имперіи за первое десятилѣтіе» (СПБ., 1886) и «Сборникъ свѣдѣній по Россіи 1896 года» (СПБ., 1897).

РАЙОНЫ.	Процентное отношеніе новобранцевъ, получившихъ законченное образованіе, къ общему числу новобранцевъ по призывамъ.		
	1876 г.	1886 г.	1896 г.
Прибалтійскій край	2,8	4,4	6,2
34 земскія губерніи	1,3	6,3	12,4
4 неземскія губерніи (Арх., Астр., Оренб. и Обл. Войска Донского)	0,8	2,8	5,5
Кавказъ	0,6	1,9	5,4
Степной край	2,9	8,8	3,3
Сибирь	1,2	2,1	5,4
Юго-западный край	0,7	2,5	5,4
Сѣверо-западный край ...	1,5	4,4	5,7
Царство Польское	*1,0*	*0,5*	*0,6*
Среднее по имперіи	1,3	4,9	9,3

Даже на такихъ глухихъ окраинахъ, какъ Степной край и Сибирь, число лицъ, имѣющихъ по образованію право на сокращенные сроки службы, увеличилось за двадцатилѣтіе 1876—1896 гг.; *въ одной Польшѣ оно понизилось на 0,4%!* Если сопоставить эти цифры—9,3% и 0,4%, то можно сказать, что народное просвѣщеніе поставлено въ Привислиньѣ ровно въ $15^1/_2$ *разъ хуже*, чѣмъ во всей имперіи съ ея оцѣпеняющимъ умъ океаномъ безграмотности—съ 99 милліонами гражданъ, не умѣющихъ читать и писать.

И эта власть тьмы воцарилась въ странѣ, политическое обновленіе которой Милютинъ ставилъ въ зависимость только отъ образованности крестьянъ. Онъ убѣжденно заявляетъ во всеподданнѣйшей запискѣ, которую мы уже цитовали: «крестьяне Царства Польскаго, получивъ нынѣ свободу, самоуправленіе и матеріальное улучшеніе быта, устремятся къ просвѣщенію... Въ Польшѣ этотъ первый шагъ крестьянства къ просвѣщенію будетъ имѣть огромную политическую важность; отъ него можетъ зависѣть все будущее направленіе польской націи. До сихъ поръ грамотность составляла рѣзкую грань, раздѣлявшую крестьянство, съ его консервативнымъ характеромъ, отъ людей, примыкающихъ къ шляхетскому элементу и воодушевленныхъ преданіями и стремленіями польской политической исключительности... Русское правительство не можетъ принять на себя задачу препятствовать народу въ его стремленіи къ ученію. Этимъ мы дали бы оружіе противъ себя и не только не достигли бы цѣли, но поощряли бы въ деревняхъ распространеніе тайнаго и прямо враждебнаго намъ обученія». Милютинъ, проглядѣвшій процессъ демократизаціи шляхтичей, хотѣлъ на смѣну имъ выдвинуть *культурный* классъ крестьянъ, получившій просвѣщеніе отъ Россіи; такая нравственная связь обязывала бы всѣ новыя поколѣнія признательностью къ государству, со свѣжею всякій разъ силою, гораздо больше, чѣмъ земельный надѣлъ, благодарность за который постепенно отживала вмѣстѣ съ первыми даропріемниками. «Піонеры» свято сберегли худшее, что было у Милютина,—его ошибки (сервитуты), и извратили

самую душу реформы. Слова же о тайномъ обученіи оказались пророческими...

Легальнаго внѣшкольнаго просвѣщенія народа въ Царствѣ Польскомъ не существуетъ. Терпѣть ли его здѣсь, когда такъ выразительно косятся на него и въ мирномъ центрѣ? Варшавскій Особый Комитетъ попечительства о народной трезвости вынужденъ былъ изобрѣтать какіе-то суррогаты народныхъ чтеній, хотя часть его дѣятелей одушевлена истинной любовью къ темному меньшему брату. Изъ отчета комитета видно, что въ чайныхъ, народномъ театрѣ и на гуляньяхъ въ Александровскомъ паркѣ было устроено въ 1903 году всего вмѣстѣ 15 чтеній. Положеніе лекторовъ еще щекотливѣе, чѣмъ сказочнаго рыцаря на перепутьѣ: «по этой дорогѣ пойдешь—самому живу не быти; по той—коня потеряешь»... Чтенія по русской исторіи могутъ быть приняты за браваду надъ поляками, по польской—за вызовъ русскимъ, остается знакомить слушателей съ предметами, никакого касательства къ политикѣ не имѣющими, напр., природой Италіи, астрономіей и т. д. («Отчетъ», стр. 19), приходится неоднократно повторять одну и ту же лекцію, отказаться отъ какого бы то ни было систематическаго плана и храбро показывать въ пустомъ залѣ волшебный фонарь съ зарубежными пейзажами, не интересными простому люду.

Если поляку отказываютъ въ томъ, чѣмъ, по евангельскому выраженію, кромѣ хлѣба, еще долженъ насыщаться человѣкъ,— въ духовной пищѣ, то имѣетъ ли онъ достаточно зерна въ прямомъ смыслѣ слова? Даже всевластная привислинская бюрократія пока не умѣетъ распоряжаться силами космическаго и стихійнаго характера и потому за слѣдствія этихъ послѣднихъ, хорошія или дурныя, она не можетъ разсчитывать ни на хвалу, ни на порицаніе. Но экономическая политика дѣлается на землѣ, и мы въ правѣ спросить, насколько она обезпечиваетъ «хлѣбъ» мѣстному жителю, благопріятствуетъ или вредитъ благосостоянію края.

Голоса свѣдущихъ здѣшнихъ людей собраны въ объемистомъ «Сводѣ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по губерніямъ Цар-

Польскаго», составленномъ Л. Б. Скаржинскимъ. Какова доходность земель въ Привислиньѣ? І. А. Езіоранскій, докладчикъ петроковскаго комитета, основываясь на неопровержимыхъ цифрахъ, доказываетъ, что, «по среднимъ урожаямъ и цѣнамъ, на каждую десятину посѣва *дефицитъ* на ржи составляетъ 12 руб. 94 коп., на пшеницѣ — 8 руб. 77 к., чистый же доходъ на овсѣ 3 р. 7 к. и на ячменѣ 47 к. Обнаруженный по этимъ выводамъ ничтожный доходъ съ овса и ячменя не въ состояніи покрыть и части громаднаго дефицита на ржи и пшеницѣ». Съ такимъ печальнымъ положеніемъ, понятно, считаются, — думаете вы; въ какой же мѣрѣ облегчена жителямъ Царства налоговая тяжесть? На одну душу приходится въ Привислиньѣ 14 руб. 26 коп. казенныхъ сборовъ, а въ центральныхъ губерніяхъ черноземной полосы — 6 р. 32 к. (безъ выкупныхъ платежей). О высотѣ обложенія и несоотвѣтствіи между нимъ и доходностью вы можете судить по слѣдующей табличкѣ:

РАЙОНЫ.	Подати на одну десятину вообще:		
	Казенныя подати. Ко-	Зем. и гминные сборы. пей-	Вмѣстѣ. ки.
Губер. Царства Польскаго	*72*	*30,0*	*102,0*
Средній черноземный	12	23,9	35,9
Сѣверный черноземный ..	13	22,1	35,1
Юго-западный	15	11,3	26,3
Промышленный	3	14,4	17,4
Южный степной	4	13,1	17,1
Сѣверо-западный.....	2	13,5	15,5
Прибалтійскій.....	7	7,7	14,7
Восточный.....	4	10,2	14,2
Западный	5	17,8	12,8
Приволжскій.....	1	10,9	11,9
Сѣверный	0,06	2,7	2,76

Если мы примемъ во вниманіе, что, по вычисленіямъ управляющаго кѣлецкою казенной палатой, средній, нищенскій, надѣлъ на наличную крестьянскую душу опускается до 0,53 десятины при плотности населенія до 100 жителей на 1 квадрат-

ную версту, то излишнимъ будетъ распространяться о недостаточности для края хлѣба собственнаго производства. Не поправляютъ ли до извѣстной степени дѣло желѣзнодорожные дифференціальные тарифы, допускающіе дешевый ввозъ хлѣба съ юга и востока Россіи?

Докладчики единогласно заявляютъ вамъ: «чрезвычайный наплывъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ на мѣстные рынки *является причиной окончательнаго разоренія* громаднаго большинства жителей привислинскаго края, вслѣдствіе пониженія до минимума цѣнъ на главные продукты производства этихъ мѣстностей». Хлѣбъ изъ имперіи вытѣсняетъ мѣстный, который, хотя имѣетъ домашніе рынки сбыта, съ убыткомъ долженъ продаваться за границу. Удешевленіе тарифа на дальнія разстоянія было установлено въ 1889 г. одновременно съ вздорожаніемъ короткихъ перевозокъ, и мѣстные хлѣбные грузы потому обходятся сравнительно очень дорого. Въ результатѣ, когда одна мѣстность въ Царствѣ Польскомъ нуждается въ хлѣбѣ, праздно лежащемъ въ другой, то она все-таки не можетъ воспользоваться туземнымъ продуктомъ, а покупаетъ привозный, такъ какъ конкуренція съ этимъ послѣднимъ положительно невозможна вслѣдствіе нашей тарифной политики. Такимъ образомъ, чрезвычайно высоко облагая привислинское сельское хозяйство, мы одновременно снимаемъ съ него вторую шкуру, потому что искусственно понижаемъ цѣнность здѣшнихъ хлѣбныхъ цѣнъ— увы! — безъ повышенія ихъ на мѣстахъ производства, въ заволжскихъ губерніяхъ. Саратовскій, скажемъ, купецъ ничего не выигрываетъ на низкихъ тарифахъ; но косвенно они влекутъ за собою дешевую уступку привислинскихъ рабочихъ рукъ Германіи и ежегодную эмиграцію въ далекую Америку; по даннымъ 1897 г., въ Соединенныхъ Штатахъ живетъ до 2 милліоновъ поляковъ, въ одномъ Чикаго — болѣе 100.000. Достаточно многолюдна и «Бразильская Полонія».

Организовали ли «піонеры» хотя врачебную помощь тому же сельскому населенію? Ея вовсе нѣтъ въ краѣ, если не считать уѣздныхъ врачей, по горло занятыхъ судебно-медицинскими

королей и магнатовъ? Вѣдь меценатство было въ крови польскихъ вельможъ. Маленькая справка разъяснитъ вамъ все: знаменитая библіотека бр. Залускихъ, отобранная Суворовымъ въ 1794 г., послужила ядромъ петербургской публичной (отмѣтимъ, что, при перевозкѣ ея изъ Варшавы въ приневскую столицу, по пути было украдено и погибло для науки 50 тысячъ томовъ); книгохранилище Станислава-Августа передано русскими властями въ Кіевскій университетъ, а частью — въ астраханскую семинарію; безцѣнное собраніе Радзивилловъ въ Несвижѣ распредѣлено между двумя петербургскими академіями — наукъ и духовною — и Московскимъ университетомъ; пулавское книгохранилище Чарторижскихъ раздѣлили петербургскія библіотеки— публичная и главнаго штаба, наслѣдниками рѣдкостей полоцкаго іезуитскаго коллегіума стали центральный статистическій комитетъ въ Петербургѣ и витебская гимназія; подобное же, только въ меньшихъ размѣрахъ, обогащеніе русскихъ библіотекъ польскими книгами произошло и послѣ «усмиреній» 1831 и 63 годовъ. Такимъ образомъ, желая заняться родной исторіей, полякъ долженъ отправиться изъ Варшавы, скажемъ, въ Астрахань, гдѣ онъ найдетъ больше пособій, нежели дома. Минуя вопросъ о доброй волѣ, можно смѣло сказать, что Польша прямо облагодѣтельствовала насъ книгами, а какъ усердно мы ихъ читаемъ, видно хотя бы изъ того, что радзивилловскіе увражи доселѣ не вынуты изъ ящиковъ, въ которые они были запакованы 133 года тому назадъ!

Въ Варшавѣ нѣтъ музеевъ, кромѣ одного частнаго; соплеменники Матейки и Семирадскаго не владѣютъ ни одною общественною галлереей картинъ; лихіе кавалеристы-«піонеры» направляютъ лирическую сцену народа, подарившаго человѣчество Шопеномъ.

До 17 октября 1905 г. періодическую печать Царства Польскаго съ такимъ же правомъ можно было называть выразительницею общественныхъ нуждъ, какъ нѣмого — Демосѳеномъ. Въ ея распоряженіи не было другихъ пріемовъ протеста или одобренія, кромѣ молчанія. Варшавскій публицистъ-молчальникъ,

долженъ былъ отрѣзать семь разъ, чтобы сказать одинъ, и то чаще всего не публикѣ, а на ушко цензору, потому что во всемъ краѣ ни одно изданіе не было освобождено отъ предварительной цензуры. Благонамѣреннѣйшіе органы Петербурга и Москвы, сравнительно съ приниженнымъ тономъ Варшавы, говорили языкомъ буйствующаго Марата. Кромѣ слишкомъ богатаго арсенала обычныхъ «мѣръ оздоровленія», привислинскую прессу весьма крупными штрафами карала, случалось, мѣстная власть, руководясь спеціальными, нигдѣ не опубликованными, циркулярами. Здѣшній цензурный комитетъ творилъ лишь чужую волю, выполнялъ часть общей программы и, хоть на полшага, всегда старался быть впереди «твердаго курса». Въ пору Гурко отъ щукъ пострадало множество подцензурныхъ пескарей, самое безмолвіе которыхъ по тому или другому вопросу вмѣнялось имъ въ преступленіе. Дѣятельность комитета, не стѣсняющагося ничѣмъ, принимала тогда подчасъ скорбно-анекдотическій характеръ.

Было запрещено, напр., писать о Сѣверо-Западномъ краѣ, на который будто бы поляки взираютъ съ прежними вожделѣніями; поэтому нельзя было упоминать объ отъѣздахъ гр. Потоцкаго изъ Варшавы въ его имѣніе, Антонины, такъ какъ послѣднее находится въ одной изъ «запрещенныхъ» губерній. Газета, давая отчетъ о художественной выставкѣ въ Краковѣ, назвала въ числѣ прочихъ извѣстную картину Матейки «3 мая». Какъ? Еще не забыли о конституціи 1791 года? Начнутъ гадать да судить, почему она не возродила государства? Оплакивать паденіе независимости? О-о-о! Цензору, одобрившему рецензію, было сдѣлано строжайшее внушеніе, а газеты долгое время должны были воздерживаться отъ слова «май», замѣняя его неопредѣленными выраженіями: «весною», «въ лучшую пору весны». Случился въ Привислиньѣ неурожай картофеля, — не только было приказано молчать объ этомъ бѣдствіи, но самое названіе полезнаго злака на продолжительный срокъ исчезло съ газетныхъ столбцовъ, чтобы читатель забылъ даже о существованіи картофеля. Въ помѣщеніи корреспонденцій изъ Познани и Галиціи усматривали призывъ къ сепаратизму. Не нужно

пояснять, что никакія репрессіи относительно легальныхъ изданій не мѣшали наводненію Царства произведеніями тайныхъ станковъ и закордонной печати. Населеніе зачитывалось краковскими и познанскими органами, относившимися къ намъ довольно сурово, а если бы варшавская пресса захотѣла возстановить истинное значеніе того или другого отдѣльнаго факта и тѣмъ самымъ внести успокоеніе въ общество, то она не могла бы этого сдѣлать, потому что о темахъ, которыя не сходили съ языка всѣхъ, ей не дозволено было и упоминать. Вмѣсто серьезной умственной пищи газетамъ приходилось, глотая слезы, угощать публику чуть не паясничествомъ, дешевымъ остроловіемъ, возбужденіемъ вниманія къ мелочамъ. Какъ часто печальную думу или подавляемую тревогу маскируютъ насвистываніемъ легкомысленнаго «тру-ля-ля». «Курьерки» и обратились въ такихъ свистуновъ, не подымавшихъ публику до себя, а опускавшихся до ея вкусовъ; если общественное вниманіе гонятъ отъ событій, то оно останавливается на городскихъ происшествіяхъ съ уголовнымъ или порнографическимъ букетомъ. Любознательность, какъ и природа, не терпитъ пустоты. Направленіе «тру-ля-ля» не преслѣдовалось; оно выполняло роль оркестровъ, въ старину игравшихъ на площадяхъ при вспышкахъ холерной эпидеміи «для бодрости». Забывали только, что нежелательныя для администраціи явленія не прекращались въ силу приказа не обсуждать ихъ и что развращеніе народа печатнымъ словомъ есть именно тотъ грѣхъ, которому предпочтительнѣе, по слову Евангелія, навязать себѣ на шею жерновъ и кинуться въ воду.

При такихъ порядкахъ вопросъ о примиреніи народностей, очевидно, не могъ найти себѣ мѣста на страницахъ періодической печати, не оттого, что сама она была настроена непремѣнно шовинистически, но потому, что для его обсужденія требовалась нѣкоторая свобода, допустимъ — хоть возможность формулировать тѣ положенія противника, которыя опровергаешь. Относительной широтой взглядовъ столичной цензуры въ сравненіи съ варшавскою и объясняется то странное на первый

взглядъ обстоятельство, что журналъ гг. Спасовича и Пильца— «Край», преисполненный примирительныхъ стремленій, издается не въ центрѣ Привислинья, а въ Петербургѣ, гдѣ польская колонія вовсе не такъ велика. Впрочемъ, варшавскій комитетъ не допускалъ переводовъ на польскій языкъ даже рѣдкихъ статей русскихъ газетъ, написанныхъ въ духѣ сближенія; такую тенденцію съ неопровержимыми данными выяснилъ въ 1896 году г. Наблюдатель («Петербургскія Вѣдомости»), лицо, занимающее въ Варшавѣ весьма видный постъ. Приходится думать, что, поступая такъ, комитетъ выполнялъ лишь общую программу привислинскихъ Ришелье, въ планы которыхъ не можетъ входить примиреніе, дѣлающее самихъ «піонеровъ» лишними людьми. Въ концѣ октября 1905 г. варшавская печать была освобождена отъ предварительной цензуры, но... буквально на нѣсколько часовъ. Немедленно было введено военное положеніе — и цѣлый рядъ газетъ и журналовъ былъ закрытъ властью генералъ-губернатора Скалона.

Мы ознакомились уже съ характеромъ и пріемами школьной обрусительной политики, начатой въ 1870 году попечителемъ округа Витте, блестяще продолженной Апухтинымъ и не оставленной до нашихъ дней; чтобы судить объ ея результатахъ, обратимся къ «Статистическимъ свѣдѣніямъ по начальному образованію въ Россійской имперіи за 1896 годъ», которыя были опубликованы нашимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія къ вѣнской выставкѣ (СПБ., 1898). Въ Царствѣ Польскомъ съ населеніемъ въ 9.455.943 человѣкъ (по даннымъ переписи 1897 года) было всего 3.051 правильно организованная начальная школа, именно — 3.026 министерскихъ съ 206.973 учащимися и 25 — вѣдомства Св. Синода съ 875 учащимися; иначе говоря, одна школа въ Привислиньѣ приходится приблизительно на 3.166 человѣкъ, а въ земскихъ губерніяхъ (34 съ населеніемъ въ 66.569.012)—на 2.275. Недостатокъ въ школахъ съ каждымъ годомъ въ Царствѣ растетъ: одно училище приходилось въ 1882 году на 1.925 человѣкъ, въ 1892—на 2.150, въ 1896—на 3.166! Процентное отношеніе учащихся къ насе-

ленію въ 1896 г. выражается въ Царствѣ Польскомъ цифрою 2,1, въ земскихъ губерніяхъ—2,3, а въ Прибалтійскомъ краѣ—5,7. Содержаніе всѣхъ училищъ въ Привислиньѣ обходится въ годъ 444.804 рубля, при чемъ 84,4% этой суммы поступаетъ отъ сельскихъ обществъ; средній расходъ на училище составляетъ 192,3 руб., а на одного учащагося—3,8. Въ земскихъ губерніяхъ стоимость содержанія училища равна 353,8 р., а одинъ учащійся стоитъ 6,4, при чемъ 55,2% всѣхъ источниковъ содержанія школъ даетъ земство, котораго нѣтъ въ Привислиньѣ. На народное образованіе въ Царствѣ правительство тратитъ 7 копеекъ на душу населенія, а на сельскохозяйственное—менѣе одной копейки (на весь край одна низшая сельскохозяйственная школа въ Собѣшинѣ). Другими словами, относительное число училищъ въ Царствѣ Польскомъ съ каждымъ годомъ уменьшается, а сельскія общества платятъ за нихъ въ три слишкомъ раза болѣе, нежели въ центральной Россіи. Ограниченность платежеспособности польскихъ крестьянъ сама по себѣ уже тормозитъ ростъ школьнаго дѣла, финансовое бремя котораго возложено правительствомъ, не введшимъ здѣсь земства, цѣликомъ на плечи одного сословія; всесословная гмина почти не открываетъ школъ. Изъ общаго числа училищъ казною содержится: въ земской Россіи—1.585, т.-е. $7^1/_2$%, а въ Привислиньѣ—98, т.-е. $3^1/_4$%. Краткосрочные педагогическіе курсы для учителей читались въ Россіи въ 26 городахъ; въ Царствѣ Польскомъ они не дозволены вовсе. Съ особеннымъ вниманіемъ нужно остановиться на процентномъ отношеніи воспитанниковъ, оканчивающихъ курсъ, къ общему числу учащихся: въ Прибалтійскомъ краѣ оно равно—18,6, въ земскихъ губерніяхъ—9,9 и въ Привислиньѣ—только 3,5! Можетъ ли и быть иначе при преподаваніи на чужомъ языкѣ и если самый курсъ, по климатическимъ и хозяйственнымъ условіямъ края, длится всего лишь 50—100 дней въ году? Чтобъ эти сухіе три съ половиною процента оживились, сдѣлаемъ слѣдующій расчетъ: центральный статистическій комитетъ опредѣляетъ естественную прибыль населенія въ десяти польскихъ губерніяхъ въ 1,71 на

каждые сто человѣкъ; другими словами, въ краѣ ежегодно родится 162.450 дѣтей, а оканчиваетъ начальную школу 7.245, т.-е. безграмотность растетъ въ странѣ въ какихъ-то троглодитскихъ размѣрахъ, ибо только троглодиты, жившіе въ пещерахъ, находили, что гдѣ темнѣе, тамъ лучше: *на каждые 22 человѣка естественнаго прироста прибываетъ лишь одинъ, окончившій школу.* Число учащихся въ Царствѣ Польскомъ за десятилѣтіе послѣ надѣленія крестьянъ землею увеличилось на 134%; едва лишь задались руссификаціей, — замѣчается не только застой, но и движеніе назадъ.

Этотъ регрессъ подтвердятъ намъ и данныя другого министерства,—военнаго. Вотъ табличка, составленная на основаніи изслѣдованій центральнаго статистическаго комитета «Всеобщая воинская повинность въ имперіи за первое десятилѣтіе» (СПБ., 1886) и «Сборникъ свѣдѣній по Россіи 1896 года» (СПБ., 1897).

РАЙОНЫ.	Процентное отношеніе новобранцевъ, получившихъ законченное образованіе, къ общему числу новобранцевъ по призывамъ.		
	1876 г.	1886 г.	1896 г.
Прибалтійскій край	2,8	4,4	6,2
34 земскія губерніи	1,3	6,3	12,4
4 неземскія губерніи (Арх., Астр., Оренб. и Обл. Войска Донского)	0,8	2,8	5,5
Кавказъ	0,6	1,9	5,4
Степной край	2,9	8,8	3,3
Сибирь	1,2	2,1	5,4
Юго-западный край	0,7	2,5	5,4
Сѣверо-западный край ...	1,5	4,4	5,7
Царство Польское	*1,0*	*0,5*	*0,6*
Среднее по имперіи	1,3	4,0	[illegible]

Даже на такихъ глухихъ окраинахъ, какъ Степной край и Сибирь, число лицъ, имѣющихъ по образованію право на сокращенные сроки службы, увеличилось за двадцатилѣтіе 1876—1896 гг.; *въ одной Польшѣ оно понизилось на 0,4%!* Если сопоставить эти цифры—9,3% и 0,4%, то можно сказать, что народное просвѣщеніе поставлено въ Привислиньѣ ровно въ $15^1/_2$ *разъ хуже*, чѣмъ во всей имперіи съ ея оцѣпеняющимъ умъ океаномъ безграмотности—съ 99 милліонами гражданъ, не умѣющихъ читать и писать.

И эта власть тьмы воцарилась въ странѣ, политическое обновленіе которой Милютинъ ставилъ въ зависимость только отъ образованности крестьянъ. Онъ убѣжденно заявляетъ во всеподданнѣйшей запискѣ, которую мы уже цитовали: «крестьяне Царства Польскаго, получивъ нынѣ свободу, самоуправленіе и матеріальное улучшеніе быта, устремятся къ просвѣщенію... Въ Польшѣ этотъ первый шагъ крестьянства къ просвѣщенію будетъ имѣть огромную политическую важность; отъ него можетъ зависѣть все будущее направленіе польской націи. До сихъ поръ грамотность составляла рѣзкую грань, раздѣлявшую крестьянство, съ его консервативнымъ характеромъ, отъ людей, примыкающихъ къ шляхетскому элементу и воодушевленныхъ преданіями и стремленіями польской политической исключительности... Русское правительство не можетъ принять на себя задачу препятствовать народу въ его стремленіи къ ученію. Этимъ мы дали бы оружіе противъ себя и не только не достигли бы цѣли, но поощряли бы въ деревняхъ распространеніе тайнаго и прямо враждебнаго намъ обученія». Милютинъ, проглядѣвшій процессъ демократизаціи шляхтичей, хотѣлъ на смѣну имъ выдвинуть *культурный* классъ крестьянъ, получившій просвѣщеніе отъ Россіи; такая нравственная связь обязывала бы всѣ новыя поколѣнія признательностью къ государству, со свѣжею всякій разъ силою, гораздо больше, чѣмъ земельный надѣлъ, благодарность за который постепенно отживала вмѣстѣ съ первыми даропріемниками. «Піонеры» свято сберегли худшее, что было у Милютина,—его ошибки (сервитуты), и извратили

самую душу реформы. Слова же о тайномъ обученіи оказались пророческими...

Легальнаго внѣшкольнаго просвѣщенія народа въ Царствѣ Польскомъ не существуетъ. Терпѣть ли его здѣсь, когда такъ выразительно косятся на него и въ мирномъ центрѣ? Варшавскій Особый Комитетъ попечительства о народной трезвости вынужденъ былъ изобрѣтать какіе-то суррогаты народныхъ чтеній, хотя часть его дѣятелей одушевлена истинной любовью къ темному меньшему брату. Изъ отчета комитета видно, что въ чайныхъ, народномъ театрѣ и на гуляньяхъ въ Александровскомъ паркѣ было устроено въ 1903 году всего вмѣстѣ 15 чтеній. Положеніе лекторовъ еще щекотливѣе, чѣмъ сказочнаго рыцаря на перепутьѣ: «по этой дорогѣ пойдешь—самому живу не быти; по той—коня потеряешь»... Чтенія по русской исторіи могутъ быть приняты за браваду надъ поляками, по польской—за вызовъ русскимъ, остается знакомить слушателей съ предметами, никакого касательства къ политикѣ не имѣющими, напр., природой Италіи, астрономіей и т. д. («Отчетъ», стр. 19), приходится неоднократно повторять одну и ту же лекцію, отказаться отъ какого бы то ни было систематическаго плана и храбро показывать въ пустомъ залѣ волшебный фонарь съ зарубежными пейзажами, не интересными простому люду.

Если поляку отказываютъ въ томъ, чѣмъ, по евангельскому выраженію, кромѣ хлѣба, еще долженъ насыщаться человѣкъ,— въ духовной пищѣ, то имѣетъ ли онъ достаточно зерна въ прямомъ смыслѣ слова? Даже всевластная привислинская бюрократія пока не умѣетъ распоряжаться силами космическаго и стихійнаго характера и потому за слѣдствія этихъ послѣднихъ, хорошія или дурныя, она не можетъ разсчитывать ни на хвалу, ни на порицаніе. Но экономическая политика дѣлается на землѣ, и мы въ правѣ спросить, насколько она обезпечиваетъ «хлѣбъ» мѣстному жителю, благопріятствуетъ или вредитъ благосостоянію края.

Голоса свѣдущихъ здѣшнихъ людей собраны въ объемистомъ «Сводѣ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по губерніямъ Цар-

Польскаго», составленномъ Л. Б. Скаржинскимъ. Какова доходность земель въ Привислиньѣ? І. А. Езіоранскій, докладчикъ петроковскаго комитета, основываясь на неопровержимыхъ цифрахъ, доказываетъ, что, «по среднимъ урожаямъ и цѣнамъ, на каждую десятину посѣва *дефицитъ* на ржи составляетъ 12 руб. 94 коп., на пшеницѣ — 8 руб. 77 к., чистый же доходъ на овсѣ 3 р. 7 к. и на ячменѣ 47 к. Обнаруженный по этимъ выводамъ ничтожный доходъ съ овса и ячменя не въ состояніи покрыть и части громаднаго дефицита на ржи и пшеницѣ». Съ такимъ печальнымъ положеніемъ, понятно, считаются, — думаете вы; въ какой же мѣрѣ облегчена жителямъ Царства налоговая тяжесть? На одну душу приходится въ Привислиньѣ 14 руб. 26 коп. казенныхъ сборовъ, а въ центральныхъ губерніяхъ черноземной полосы — 6 р. 32 к. (безъ выкупныхъ платежей). О высотѣ обложенія и несоотвѣтствіи между нимъ и доходностью вы можете судить по слѣдующей табличкѣ:

РАЙОНЫ.	Подати на одну десятину вообще:		
	Казенныя подати. Ко-	Зем. и гминные сборы. пей-	Вмѣстѣ. ки.
Губер. Царства Польскаго	*72*	*30,0*	*102,0*
Средній черноземный	12	23,9	35,9
Сѣверный черноземный ..	13	22,1	35,1
Юго-западный	15	11,3	26,3
Промышленный	3	14,4	17,4
Южный степной	4	13,1	17,1
Сѣверо-западный.....	2	13,5	15,5
Прибалтійскій.....	7	7,7	14,7
Восточный.....	4	10,2	14,2
Западный	5	17,8	12,8
Приволжскій.....	1	10,9	11,9
Сѣверный	0,06	2,7	2,76

Если мы примемъ во вниманіе, что, по вычисленіямъ управляющаго кѣлецкою казенной палатой, средній, нищенскій, надѣлъ на наличную крестьянскую душу опускается до 0,53 десятины при плотности населенія до 100 жителей на 1 квадрат-

ную версту, то излишнимъ будетъ распространяться о недостаточности для края хлѣба собственнаго производства. Не поправляютъ ли до извѣстной степени дѣло желѣзнодорожные дифференціальные тарифы, допускающіе дешевый ввозъ хлѣба съ юга и востока Россіи?

Докладчики единогласно заявляютъ вамъ: «чрезвычайный наплывъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ на мѣстные рынки *является причиной окончательнаго разоренія* громаднаго большинства жителей привислинскаго края, вслѣдствіе пониженія до минимума цѣнъ на главные продукты производства этихъ мѣстностей». Хлѣбъ изъ имперіи вытѣсняетъ мѣстный, который, хотя имѣетъ домашніе рынки сбыта, съ убыткомъ долженъ продаваться за границу. Удешевленіе тарифа на дальнія разстоянія было установлено въ 1889 г. одновременно съ вздорожаніемъ короткихъ перевозокъ, и мѣстные хлѣбные грузы потому обходятся сравнительно очень дорого. Въ результатѣ, когда одна мѣстность въ Царствѣ Польскомъ нуждается въ хлѣбѣ, праздно лежащемъ въ другой, то она все-таки не можетъ воспользоваться туземнымъ продуктомъ, а покупаетъ привозный, такъ какъ конкуренція съ этимъ послѣднимъ положительно невозможна вслѣдствіе нашей тарифной политики. Такимъ образомъ, чрезвычайно высоко облагая привислинское сельское хозяйство, мы одновременно снимаемъ съ него вторую шкуру, потому что искусственно понижаемъ цѣнность здѣшнихъ хлѣбныхъ цѣнъ— увы! — безъ повышенія ихъ на мѣстахъ производства, въ заволжскихъ губерніяхъ. Саратовскій, скажемъ, купецъ ничего не выигрываетъ на низкихъ тарифахъ; но косвенно они влекутъ за собою дешевую уступку привислинскихъ рабочихъ рукъ Германіи и ежегодную эмиграцію въ далекую Америку; по даннымъ 1897 г., въ Соединенныхъ Штатахъ живетъ до 2 милліоновъ поляковъ, въ одномъ Чикаго — болѣе 100.000. Достаточно многолюдна и «Бразильская Полонія».

Организовали ли «піонеры» хотя врачебную помощь тому же сельскому населенію? Ея вовсе нѣтъ въ краѣ, если не считать уѣздныхъ врачей, по горло занятыхъ судебно-медицинскими

вскрытіями разныхъ «мертвыхъ тѣлъ». Польскій крестьянинъ можетъ лѣчиться лишь въ томъ случаѣ, если живетъ недалеко отъ города и имѣетъ достаточныя средства для уплаты вольнопрактикующему врачу и на покупку медикаментовъ. Въ Россіи на 100.000 сельскаго населенія приходится врачей:

Число врачей.	Число губерній.	Земскихъ.	Незем-скихъ.	Кавказск.	Прибал-тійскихъ.	Область Войска Донского.	Сибир-скихъ.	Царства Польскаго.
0,2	1	—	—	—	—	—	1	—
0,3	2	—	1	1	—	—	—	—
0,5	3	—	—	—	—	—	1	—
0,8	3	—	1	2	—	—	—	—
0,9	2	1	—	1	—	—	—	—
1,0	7	2	1	2	—	—	2	—
2,0	15	13	—	—	—	—	1	1
3,0	14	9	1	—	—	1	—	3
4,0	14	3	5	—	—	—	—	6
5,0	6	3	2	—	1	—	—	—
6,0	1	—	1	—	—	—	—	—
7,0	3	2	—	—	1	—	—	—
9,0	2	1	—	—	1	—	—	—
Итого	71	34	12	6	3	1	5	10

Такъ какъ во всей имперіи на 100.000 жителей приходится 8,4 врачей, то, слѣдовательно, въ отношеніи медицинской помощи селянамъ привислинскія губерніи отстали отъ имперіи болѣе, чѣмъ вдвое. Сравнивать же въ этомъ смыслѣ нашу родину съ культурными странами Европы просто обидно: въ Германіи насчитывается 30,9 врачей на 100.000 населенія, во Франціи — 31,1 и въ Ирландіи — 53,8!

На необъятномъ протяженіи отъ Атлантическаго океана до Тихаго, отъ Финистерре до Владивостока, гдѣ только осѣлъ аріецъ, не существуетъ городскихъ общинъ, не пользующихся самоуправленіемъ въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ. Единственное исключеніе составляетъ... Царство Польское. Указомъ 10 декабря 1866 года и дополнительными правилами отъ

29 февраля 1868 года, бюрократія, отстранивъ общественный элементъ, взяла цѣликомъ на себя завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ Привислинья. Городами съ этихъ поръ правятъ магистраты съ президентами или бургомистрами во главѣ; всѣ служащіе назначаются правительствомъ, выборныхъ органовъ нѣтъ ни одного.

Приказный строй господствуетъ тутъ единовластно, и излюбленнымъ пріемомъ нашей реакціонной печати, разсчитаннымъ на незнакомство общества съ польскимъ бытомъ, было сравненіе «блестящаго благоустройства» привислинскихъ городовъ съ нашими муниципальными грѣхами. Торжествующе дѣлался отсюда выводъ о предпочтительности единолично-отвѣтственной власти предъ выборнымъ началомъ. Пользуясь данными составленной А. Сулиговскимъ «Записки о системѣ городского управленія въ губерніяхъ Царства Польскаго» (СПБ., 1905), ознакомимся теперь поближе съ результатами бюрократическаго хозяйничанья; попутно выяснится и справедливость нападокъ на русскіе муниципалитеты, которымъ указываютъ на магистраты, какъ на образецъ, достойный подражанія. Мы увидимъ, что если въ Привислиньѣ и удавалось кое-что сдѣлать, то не съ помощью «системы», а скорѣе вопреки и въ обходъ ея.

Надо замѣтить, что, изгнавъ общественный элементъ, петербургскіе централизаторы не ощутили особеннаго довѣрія и къ чиновникамъ на мѣстѣ; полномочія этихъ послѣднихъ сужены до предѣловъ анекдотическихъ, и буквально каждая мелочь идетъ на разсмотрѣніе приневскихъ канцелярій, часто не имѣющихъ даже плана тѣхъ самыхъ городовъ, судьбы которыхъ онѣ рѣшаютъ. Достаточно сказать, что городскія смѣты составляются въ уѣздномъ управленіи, которое не въ правѣ разрѣшить магистрату расходъ хозяйственнымъ образомъ свыше 30 рублей! Варшавскій магистратъ могъ расходовать безъ дозволенія высшей власти и торговъ до 150 рублей, но и это право отнято у него закономъ 27 января 1903 года. Какъ только торги превышаютъ 10.000 рублей, то ихъ утверждаетъ даже не начальникъ края, а Сенатъ или министръ внутреннихъ дѣлъ. Разумѣется, город-

скія дѣла, чуть поважнѣе, тянутся безо всякаго успѣха десятками лѣтъ. Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія задумали устроить въ Варшавѣ набережную и бульвары, но къ *подготовительнымъ* работамъ приступили только недавно; захотѣли создать плантаціи въ окружности города на мѣстѣ старыхъ валовъ, — пока писали и отписывались, исчезли и самые валы, а плантацій нѣтъ до сихъ поръ. Тридцать лѣтъ тому назадъ подняли вопросъ объ устройствѣ въ Варшавѣ боенъ, купили подходящій земельный участокъ, реализовали заемъ, а боенъ... нѣтъ и до нашихъ дней: военное вѣдомство не одобрило выбранной городомъ мѣстности, а для замѣны ея другою магистратъ лишенъ всякой инициативы. Въ Лодзи, второмъ по многолюдству городѣ края и крупномъ центрѣ промышленности, фабриканты еще въ 1895 году составили проектъ устройства канализаціи для спуска отработанныхъ водъ, — источника настоящей заразы; дорого стоящее сооруженіе богатые обыватели согласились сдѣлать, для пользы общественной, за собственный счетъ и уже представили необходимые чертежи властямъ на утвержденіе. Оставалось, повидимому, лишь радоваться и, благословившись, начать стройку. Но проектъ застрялъ въ какой-то изъ служебныхъ инстанцій, а Лодзь и понынѣ отравляется зловоніемъ.

Городскихъ доходовъ въ Царствѣ Польскомъ поступаетъ значительно менѣе, нежели въ имперіи.

ГОРОДА.	Населеніе въ 1897 г.	Доходы за 1897 г. въ рубляхъ.	На одного человѣка.	
			Руб.	Коп.
Петербургъ	1.267.023	12.803.644	10	15
Москва	1.035.664	14.663.363	14	23
Города имперіи, за искл. обѣихъ столицъ (безъ Цар. Польск. и Финлянд.)	12.245.507	53.366.363	4	36
Варшава	638.208	6.591.852	10	33
Города Царства Польскаго безъ Варшавы	1.417.684	2.660.009	1	87

Такимъ образомъ, доходность польскихъ городовъ безъ Варшавы въ $2^1/_2$ раза менѣе, нежели русскихъ безъ столицъ.

Сравнимъ ихъ расходы:

ГОРОДА.	Населеніе въ 1897 г.	Расходы за 1897 г. въ рубляхъ.	На одного человѣка.	
			Руб.	Коп.
Петербургъ	1.267.023	12.636.586	9	97
Москва	1.035.664	13.470.624	13	01
Города имперіи, за искл. обѣихъ столицъ (безъ Цар. Польск. и Финлянд.)	12.245.507	52.716.504	4	30
Варшава	638.208	6.158.335	9	75
Города Царства Польскаго безъ Варшавы	1.417.684	2.183.109	1	54

Значитъ, въ городахъ Привислинья расходуется на человѣка втрое меньше, нежели въ центральной Россіи, которая сама по себѣ тратитъ на муниципальныя нужды несоразмѣрно мало сравнительно съ Западною Европой.

Грустнымъ слѣдствіемъ такого положенія вещей является незначительность ассигнованій въ Царствѣ Польскомъ на общеполезныя (просвѣтительныя и благотворительныя) учрежденія, такъ какъ поддержаніе примитивныхъ городскихъ удобствъ поглощаетъ почти всѣ средства:

На культурныя цѣли употребляютъ:	Процентовъ своего бюджета.	На одного чел. въ годъ:	
		Руб.	Коп.
Петербургъ	26 7	2	68
Москва	18,9	2	70
Города имперіи, за исключеніемъ обѣихъ столицъ (безъ Царства Польскаго и Финляндіи)	14,3	—	63
Варшава	4,6	—	48
Города Царства Польскаго безъ Варшавы	4,8	—	9

На цѣли образованія и благотворительности русскіе города расходуютъ ровно всемеро больше, чѣмъ польскіе, изъ которыхъ отдѣльные, какъ, напримѣръ, замѣтный фабричный пунктъ Згержъ тратитъ по этимъ статьямъ лишь *двѣ* копейки на душу, т.-е. въ $19^1/_2$ разъ менѣе Иваново-Вознесенска (39 коп.) и 42 раза — Брянска (84 коп.).

Варшава отпускаетъ на медицинскую помощь населенію 15 коп. въ годъ на человѣка, въ 8 разъ менѣе Москвы, а Лодзь—всего $^1/_{16}$ копейки: въ этомъ Манчестерѣ Царства Польскаго, съ трехсоттысячнымъ рабочимъ населеніемъ, нѣтъ ни одной городской больницы...

Въ результатѣ—въ начальныхъ городскихъ школахъ число учащихся замѣтно уменьшается: въ городахъ Плоцкой губерніи, напримѣръ, оно за десятилѣтіе 1885—1895 гг. упало на 14,6%, а Калишской—на 19%, несмотря на ростъ народонаселенія, а заболѣваемость и смертность стоятъ значительно выше, чѣмъ въ имперіи.

Нигдѣ не гибнетъ дѣтей такъ много, какъ въ Россіи, но Царство Польское въ еще большей степени является «фабрикою ангеловъ», вслѣдствіе отсутствія земской и недостаточности городской медицины. Вотъ интересныя данныя варшавскаго статистическаго комитета:

Болѣзни.	Заболѣваемость.		Смертность.	
	Въ Царствѣ Польскомъ.	Въ остальной имперіи.	Въ Царствѣ Польскомъ.	Въ остальной имперіи.
Скарлатина...	13,1	7,6	2,46	1,67
Оспа.....	25,8	13,5	5,69	9,17
Корь.....	18,6	10,7	1,79	1,08
Коклюшъ.....	13,5	8,0	0,95	0,39
Крупъ.....	5,4	1,9	2,01	0,64

Коса смерти гуляетъ по Привислинью вдвое, а то и втрое успѣшнѣе, нежели въ центральной Россіи.

Въ одномъ только отношеніи польскіе города перещеголяли русскіе: у привислинскихъ, за исключеніемъ Варшавы, не только нѣтъ долговъ, какъ у нашихъ, но они даже обладаютъ свободною, втуне лежащею наличностью въ размѣрѣ 2.660.467 рублей. Можетъ ли быть названа разумною такая экономія и въ правѣ ли гордиться ею «піонеры?» Конечно, нѣтъ, потому что она явилась не послѣ удовлетворенія всѣхъ нуждъ, а какъ результатъ неудовлетворенія ихъ. Это—экономія цыгана, который уменьшалъ дачи своему коню, покуда тотъ не палъ. Ни одинъ муниципалитетъ въ Европѣ не свободенъ отъ долговъ, которые не представляютъ ничего опаснаго или непріятнаго при разумномъ самоуправленіи. Лодзь, раскошеливающаяся $^1/_{16}$ копейки на больницы и «съэкономившая» въ томъ же 1897 году 180 тысячъ рублей, служитъ яркимъ примѣромъ апатіи, даже мертвенности, неизбѣжно охватывающихъ хозяйство, когда за него берутся чуждые населенію люди. Къ чему же ведетъ отсутствіе общественнаго контроля надъ денежными операціями,—пояснять не нужно...

По преступности населенія, ея росту или уменьшенію, мы въ правѣ судить о большей или меньшей удовлетворительности туземныхъ — воспитанія, образованія, экономическаго строя и прогресса законодательства. Какъ характеризуютъ нашъ привислинскій режимъ данныя публикуемыхъ Министерствомъ Юстиціи «Сводовъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ»? (послѣдній изъ «сводовъ», вышедшій нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, приводитъ цифры за 1901 годъ). Оказывается, что въ 1901 году было:

Всего осуждено.	Изъ нихъ русскихъ.	Поляковъ.
Мужчинъ 47.137	30.557	7.135
Женщинъ.... 7.652	4.626	1.798

Если вспомнить, что, какъ показываетъ перепись 1897 года, русское населеніе количественно почти въ восемь разъ превышаетъ польское, и, слѣдовательно, такое же соотношеніе мы должны были бы встрѣтить также въ области уголовной статистики, то выходитъ, что преступность у поляковъ развита вдвое, чѣмъ среди русскихъ. Послѣ трудовъ Листа и Ферри наивно было бы усматривать въ этомъ обиліи криминальныхъ дѣяній слѣдствіе нравственной испорченности націи, а не неудовлетворительности условій, въ которыхъ она живетъ. Ни въ одной изъ областей Европейской Россіи соціальный недугъ не свирѣпствуетъ такъ сильно, какъ въ Привислинѣ,—на 100.000 населенія возникло уголовныхъ дѣлъ:

Округи судебной палаты.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.
Варшавскій.....	276	280	292	313
Петербургскій	262	266	266	298
Московскій	157	165	176	190

За пятилѣтіе 1890—94 гг. (см. «Итоги русской уголовной статистики», прилож. къ Журн. Мин. Юстиціи, СПБ., 1899) на 100.000 населенія осуждены:

Окружные суды.	Число человѣкъ.
Ломжинскій.....	156,5
Кѣлецкій	146,3
Сѣдлецкій	129,1
Варшавскій.....	97,8
Рижскій.....	77,3
Петербургскій	59,3
Московскій	51,7
Тульскій.....	33,2
Ѣлецкій	23,3
Среднее по всей Россіи	**49,3**

Слѣдовательно, по отдѣльнымъ губерніямъ преступность въ Царствѣ Польскомъ превышаетъ русскую въ 6 съ лишнимъ разъ.

Съ грустью должно признать, что процентъ преступности въ Царствѣ Польскомъ возрастаетъ въ ужасающихъ размѣрахъ. На это косвенно указываетъ слѣдующая справка, въ которой, безъ боязни ошибиться, слово «католикъ» можно замѣнить словомъ «полякъ», такъ какъ католиковъ-неполяковъ въ Россіи очень мало. Изъ 100 осужденныхъ было:

По пятилѣтіямъ.	Православныхъ.	Католиковъ.
1874—1878.....	89,5	0,6
1879—1883.....	88,0	1,0
1884—1888.....	78,0	6,1
1889—1893.....	76,8	6,7

Слѣдовательно, за 20 лѣтъ преступность православныхъ уменьшилась на 13,7%, а католиковъ (или, что почти то же, поляковъ) увеличилась въ $10^1/_2$ разъ, т.-е. *на 1.050%!*

Весьма поучительна статистика отдѣльныхъ родовъ преступленій (за 1901 г.):

Осуждены.	За возстаніе и сопротивленіе властямъ.		За нарушеніе уставовъ казенныхъ управленій.		За самоуправство.	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Общее число	1.736	410	1.326	530	393	37
Русскіе.....	813	127	169	51	206	13
Поляки.....	517	217	711	356	153	19

Мы видимъ, что поляки, принимая ихъ численное отношеніе къ русскимъ какъ одинъ къ восьми, сопротивляются властямъ и самоуправничаютъ приблизительно всемеро чаще, чѣмъ

русскіе, а нарушаютъ уставы казенныхъ управленій: мужчины— *въ 35 разъ*, а женщины—*въ 40!* Столкновенія съ формализмомъ бюрократіи — спеціально польскій грѣхъ, показывающій, какъ драконовски преслѣдуетъ она въ Привислиньѣ малѣйшее уклоненіе отъ канцелярскихъ нормъ.

Несомнѣнно, печальнымъ положеніемъ школьнаго дѣла объясняется высокая преступность дѣтей, выраженная въ варшавскомъ судебномъ округѣ рѣзче, чѣмъ во всей имперіи:

Округи судебной палаты.	Число осужденныхъ въ возрастѣ отъ 10 до 16 лѣтъ (въ процентахъ).			
	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.
Варшавскій.....	3,7	3,8	4,3	4,5
Петербургскій	2,1	3,4	3,8	3,8
Московскій	2,1	2,2	2,5	2,5

Въ Царствѣ Польскомъ дѣтская преступность въ полтора раза превосходитъ норму, установившуюся для всей имперіи (4,5:3,0) и продолжаетъ расти, въ противоположность столичнымъ округамъ, гдѣ въ 1901 г. она не обнаружила тенденціи къ повышенію.

Очень характерно, что нигдѣ нѣтъ такъ мало рецидивистовъ, какъ именно въ Привислиньѣ, и, значитъ, мы чаще имѣемъ здѣсь дѣло съ уклоненіемъ воли отъ добра, чѣмъ съ ея упорствомъ во злѣ: на 100 осужденныхъ общими и мировыми судами было рецидивистовъ:

Округи судебной палаты.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.
Варшавскій.....	13,9	11,9	12,5	15,9
Петербургскій	22,3	21,8	23,0	24,4
Московскій	22,6	22,4	21,3	21,3

Въ то же время нигдѣ уголовная репрессія такъ не сурова, нигдѣ такъ легко не принимаются строгія мѣры противъ укло-

ненія отъ суда и нигдѣ слѣдственная часть такъ не склонна вѣрить въ свою непогрѣшимость. Вотъ интересныя цифры за пятилѣтіе 1889—1893:

Округи судебной палаты.	Изъ 100 подсудимыхъ было оправдано:	Изъ 100 обвиняемыхъ было заключено подъ стражу:	Изъ 100 слѣдствій возвращено:
8 внутреннихъ округовъ...	31,4	—	—
Варшавскій (корон. судъ)'.	28	32,8	6,9
Петербургскій	—	27,9	12,9
Московскій	—	28,8	8,9

Стала избитою параллель между Польшею и Ирландіей, при чемъ механически повторяютъ, что первая страна при ея благосостояніи нуждается лишь въ политическихъ реформахъ, а вторая, имѣя 103 представителя въ великобританскомъ парламентѣ, — только въ аграрныхъ. Изъ приведенныхъ цифръ хорошо выясняется, насколько относительно экономическое благополучіе Привислинья. Нѣтъ спора, за послѣднія 40 лѣтъ окраина сдѣлала не одинъ шагъ впередъ по пути промышленнаго развитія, невзирая даже на приказный строй, который со слѣпою злобой относится ко всякому почину. Нельзя не порадоваться этому росту индустріи, но не нужно его преувеличивать и близко принимать къ сердцу старыя жалобы фабрикантовъ центральнаго района на лодзинскихъ. Народъ всего болѣе заинтересованъ въ полученіи дешевыхъ и доброкачественныхъ издѣлій, а не въ томъ, чтобы носители фамилій на «овъ» или «инъ» обогащались преимущественно предъ «скими» и «ичами»: и въ томъ и въ другомъ случаѣ трудовая копейка уходитъ вѣдь не за границу. Все-таки, по подсчету гг. Дружинина и Точицкаго («Царство Польское на русскомъ рынкѣ»), мы ввозимъ въ Привислинье на 52 милліона пудовъ болѣе, нежели оттуда доставляютъ намъ. Перевѣсъ же вывоза изъ Царства Польскаго

надъ ввозомъ въ него изъ имперіи наблюдается лишь по нѣкоторымъ отдѣльнымъ статьямъ; главнымъ образомъ экспортируется изъ Польши въ Россію тканей на 3,7, необработанныхъ матеріаловъ на 4,3 и металлическихъ издѣлій на 7,0 милліоновъ пудовъ болѣе, чѣмъ тѣхъ же грузовъ импортируется на окраину изъ центра. Старый споръ между русскими и польскими экономистами о томъ, какая изъ двухъ странъ получаетъ больше выгодъ отъ товарообмѣна съ другою, очень напоминаетъ бесѣду Петра Великаго съ посланникомъ Рѣчи Посполитой на пиру у Лефорта. «Я было потолстѣлъ, — сказалъ царь, — въ Вѣнѣ отъ пищи, но нищая Польша сняла опять весь жиръ». Посланникъ заступился за родину: «Удивляюсь, отчего это такъ случилось съ вашимъ величествомъ, — сказалъ онъ, — я родился и воспитанъ въ Польшѣ, однако, отжирѣлъ». — «Ты отжирѣлъ не въ Польшѣ, а здѣсь, въ Москвѣ», отвѣчалъ Петръ. Такъ и теперь, хотя слышатся упреки, что поляки «жирѣютъ» только отъ Москвы, но, конечно, и мы не тощаемъ отъ Польши.

Поинтересуемся ли мы жизнью гмины, правовымъ и экономическимъ положеніемъ сельскаго хозяйства или иною изъ формъ народнаго быта, — всюду, точно на грани одного и того же штыка, натыкаемся мы на руссификацію, недовѣріе и подавленіе общественной самодѣятельности; неизбѣжны и безотрадные плоды ихъ — замѣтное недовольство нашею государственностью и регрессъ страны. Не буду, однако, выкладками больше утомлять читателя: всѣ онѣ приводятъ къ одному и тому же печальному заключенію о заслуженности антипатіи поляковъ къ намъ. Согласенъ даже, что нѣкоторыя частичныя преобразованія и выборъ лучшихъ исполнителей смягчили бы остроту кризиса, и мрачныя краски общей картины просвѣтлѣли бы. Но, по моему убѣжденію, такія измѣненія деталей, давъ передышку измученнымъ грудямъ, еще не уничтожили бы недовольства, и оно не стало бы менѣе справедливымъ. Корень его лежитъ гораздо глубже, чѣмъ даже въ длящихся десятилѣтіями стѣсненіяхъ. Палліативами не поможешь, такъ какъ облегченіе, даваемое ими, тѣмъ незначительнѣе, чѣмъ чаще къ нимъ при-

бѣгаютъ; подъ конецъ они перестаютъ дѣйствовать вовсе, и необходимость радикальнаго лѣченія изъ настоятельной становится грозною. Для русско-польскаго недуга рѣшительнымъ методомъ исцѣленія была бы выработка государственной программы, обоснованной на нравственной солидарности племенъ, въ равной степени обѣщающей пользу имъ обоимъ и принятой обоими настолько искренне, что соревнованіе могло бы затѣмъ итти лишь въ болѣе добросовѣстномъ ея выполненіи, а всѣ старые счеты были бы ликвидированы. Пока такая программа не будетъ установлена, санкціонирована разумомъ и сердцемъ и избрана въ руководство волѣ русской и польской, до тѣхъ поръ сознаніе одного народа не перестанетъ мучиться сознаніемъ допущенной исторической ошибки, а раздраженіе другого — находить себѣ пищу въ ея послѣдствіяхъ.

Постановленіе Комитета Министровъ отъ 6 іюня 1905 года по времени было послѣднею полумѣрою къ улаженію «стараго спора». Оно до извѣстной степени возвращаетъ права польскому языку въ частныхъ училищахъ, но вовсе не кладетъ конца обрусительной системѣ, не проникнуто насквозь недовѣріемъ, но и не чуждо его, не отказываетъ обществу въ правѣ на самодѣятельность, но далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какіе опредѣляются указаніями самой жизни. Новый законъ не возвращаетъ Царство Польское даже къ фазису управленія до 1870 года, непосредственно слѣдовавшему за возстаніемъ, разумѣется, вовсе не особенно либеральному, только не ознаменованному расцвѣтомъ «піонерства»; кое въ чемъ даже обнаруживается знакомая тенденція, видимо, противорѣчащая духу всего «постановленія».

Такъ, отдѣломъ V въ гминномъ дѣлопроизводствѣ «можетъ быть допускаемо употребленіе и того языка, на которомъ говоритъ мѣстное населеніе», книги же и документы, подлежащіе ревизіи должностныхъ лицъ, а также сношенія съ чиновниками должны вестись непремѣнно на русскомъ языкѣ. Но этотъ послѣдній, фактически уже давно властвуя въ гминѣ, не имѣлъ ранѣе къ тому законныхъ основаній, и только теперь они пре-

доставлены ему Комитетомъ Министровъ. Въ силу отдѣла X дѣлопроизводство Земскаго Кредитнаго Общества будетъ совершаться, сверхъ польскаго, и на русскомъ языкѣ, чего пока еще не было. Можно ли послѣ этого находить страннымъ, что новая полумѣра не успокоила поляковъ? Нѣтъ основаній говорить о чрезмѣрности ихъ аппетитовъ, какъ это дѣлаютъ наши ультра-націоналисты, ссылающіеся, что послѣднія уступки были бы приняты нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ величайшимъ восторгомъ; если же онѣ теперь ничего, кромѣ протеста, не вызываютъ, то это свидѣтельствуетъ не о недостаточности ихъ, а о горячечномъ состояніи всей націи. Не отрицаю, что для гурковскаго періода теперешній голосъ Комитета Министровъ прозвучалъ бы отраднѣе славословія ангеловъ; но въ настоящій серьезный моментъ исключена всякая возможность умиротворенія страны путемъ чисто-бюрократической реформы въ старомъ духѣ, только болѣе широкой. Выгодна ли для насъ политика страуса, который, закрывъ глаза на надвигающуюся бурю, вѣритъ, что поэтому она пройдетъ мимо? Какой намъ расчетъ продолжать болѣть Польшею? Старинный методъ врачеванія посредствомъ фонтанелей, которые отвлекаютъ наружу бродящіе въ организмѣ соки, оставленъ; нынѣ не только уже не растравляютъ искусственно ранъ, но не ограничиваются и залѣчиваніемъ ихъ, а стремятся удалить первопричину образованія язвъ. Къ чему эта безполезная убыль государственнаго духа цѣликомъ на окраину, когда его вниманія всепоглощающе требуетъ къ себѣ обновленіе центра?

До коренного измѣненія привислинскаго режима мало помогутъ и тѣ 34 выборныхъ людей отъ Царства Польскаго, которые будутъ засѣдать въ Государственной Думѣ; конечно, народъ получитъ возможность гласнаго выраженія своихъ скорбей, а утверждаютъ, что всякая боль переносится легче, когда кричишь, чѣмъ въ молчаніи. Но достаточно ли этого? Само по себѣ, *безъ реформы въ Царствѣ Польскомъ*, участіе поляковъ въ Думѣ принесетъ ли пользу имъ и намъ? На русско-польскомъ съѣздѣ въ Москвѣ было высказано мнѣніе, что въ такомъ слу-

чаѣ поляки сыграютъ примѣрно ту же тормозящую роль въ нашемъ представительномъ собраніи, какъ ирландская партія въ англійской палатѣ общинъ. Я же полагаю,—и такая перспектива страшнѣе обструкціонизма, — что, до возвращенія имъ права національнаго самоопредѣленія, они явятся кадрами реакціонно-прислужническихъ элементовъ въ Думѣ. Польская партія въ германскомъ рейхстагѣ и «коло» въ австрійскомъ рейхсратѣ тѣсно дружатъ съ юнкерами и аграріями; аналогичную картину пришлось бы наблюдать и въ Россіи. Полякамъ во всѣхъ «дѣльницахъ» нельзя пока не заискивать передъ правительствомъ съ его свободобоязнью, а иногда и прямо регрессивными склонностями, такъ какъ въ распоряженіи властей всегда имѣется слишкомъ много орудій денаціонализаціи, чтобы польскій хоръ старательно не пѣлъ въ тонѣ, который ему преподанъ свыше. Угодничество же не остается безъ наградъ, и противодѣйствіе либеральному духу, оказываемое хотя бы и скрѣпя сердце, окупается нѣкоторыми уступками національнымъ стремленіямъ. Еще въ 1885 году, когда и рѣчи не могло быть поднято ни о какой Государственной Думѣ, Н. И. Карѣевъ назвалъ противорѣчіемъ исторіи поляковъ, ставящимъ ее въ заколдованный кругъ, такую дилемму: «либо прогрессировать, денаціонализируясь, либо охранять національность съ помощью культурнаго и соціальнаго застоя». Приходится выбирать второе, такъ какъ первое равнялось бы самоубійству народности.

Но къ чему сервилизмъ «кола» въ Австріи, гдѣ Галиціи дано автономическое устройство? На первый взглядъ похоже, будто онъ не навязанъ полякамъ положеніемъ вещей, а свободно положенъ ими въ фундаментъ программы. Однако, это вовсе не такъ: въ Галиціи національная борьба не стихла, только идетъ она больше между полякомъ и русиномъ, а не между славяниномъ и нѣмцемъ; каждая изъ противныхъ сторонъ нуждается тутъ въ союзникѣ, и поляки за помощь вѣнскаго правительства охотно платятъ ему поддержкою въ рейхсратѣ.

Окраскою заново или штукатурною подмазкою не поправишь русско-польскихъ отношеній,—ихъ надо перестроить на новыхъ

основаніяхъ. Бѣда не въ слабости власти, какъ полагаютъ «охранители», а въ отсутствіи у нея плана, согласующаго интересы государственности и народности. Не оттого поляки стали несговорчивы, что распустились «вожжи», но потому, что самая «система вожжей» осуждена опытомъ, ничего, кромѣ вреда, не дала и не приноситъ. Гласное обнаруженіе ея негодности могло произойти, конечно, и раньше, однако — благодареніе Богу, что оно не случилось настолько поздно, когда мы уже пережили бы самихъ себя, и оставалось бы думать не о поворотѣ на новую дорогу, а о безболѣзненномъ, но постыдномъ концѣ.

XIV.

Исторія, какъ и жизнь, не стоитъ на мѣстѣ; безцѣльно поэтому гадать, что произошло бы, если бы не была сдѣлана та или другая историческая или жизненная ошибка: точь въ точь въ такое положеніе мы никогда уже не вернемся; необходимо только выяснить себѣ весь вредъ ея, чтобы больше не повторять подобной же и возможно полнѣе загладить послѣдствія первоначальной. Искреннею дружбою дышитъ письмо Екатерины II къ королю Станиславу Понятовскому: «я хочу умиренія Польши, удержанія націи при ея правахъ и спокойствія короля на престолѣ, и я хочу всего этого безо всякаго личнаго интереса и не руководясь интересомъ какой бы то ни было религіи. Я не мѣняюсь по обстоятельствамъ, не хватаюсь за благопріятныя событія, чтобъ поднять мои требованія. У меня нѣтъ никакихъ претензій; мои первыя слова суть священныя обязательства. Въ заботы свои объ умиреніи, котораго никто не можетъ желать болѣе меня, я внесу такое же усердіе и безкорыстіе, и я покраснѣла бы отъ стыда, если бъ эти стремленія мои имѣли надобность въ иностранной помощи». Ровно черезъ два года послѣ этого торжественнаго обѣщанія послѣдовалъ первый раздѣлъ Польши между нами и «иностранцами». Праздной игрою ума были бы указанія заднимъ числомъ на то, какъ нужно было

бы поступить тогда Россіи, чтобы не допустить къ этому шагу ни Пруссію, отъ которой шла его инициатива, ни Австрію, откромсавшую себѣ кусокъ Рѣчи Посполитой раньше другихъ державъ. Чисто академическую цѣну имѣетъ обсужденіе вопросовъ, въ родѣ слѣдующихъ: почему наше правительство, если Польша, дѣйствительно, была «больнымъ человѣкомъ», какъ Турція нашихъ дней, не взяло ее подъ свою единоличную опеку «впредь до поправки»? Отчего именно изъ Рѣчи Посполитой выкроили намъ вознагражденіе за побѣду надъ турками, такъ какъ нежеланіе Маріи-Терезіи видѣть Молдавію и Валахію подъ нашимъ владычествомъ заставило австрійскій дворъ искать намъ другую компенсацію? Зачѣмъ мы поднялись, двадцать лѣтъ спустя, на конституцію 3 мая, несшую возрожденіе измученной Польшѣ? Надо считаться съ фактами, которые не станутъ иными оттого, что мы ихъ одобряемъ или хулимъ. Достаточно, если мы выяснимъ ихъ пользу и вредъ для русскаго народа.

О первой распространяться не приходится: возвращеніе намъ по раздѣламъ 1772 и 1793 гг. Бѣлоруссіи, Подоліи и Волыни (теперешнихъ губерній Могилевской, Минской, Витебской, Гродненской, Виленской, Ковенской, Подольской и Волынской) отвѣчало естественному тяготѣнію разрозненныхъ старинныхъ русскихъ земель къ единому центру. Онѣ «волили» бы, какъ вѣкомъ раньше Малороссія, подъ сѣверъ еще охотнѣе, если бы не нѣкоторые специфическіе пріемы московскаго собиранія, усвоенные отъ татаръ и Византіи, а въ петербургскій періодъ— еще отъ нѣмцевъ. Опасность денаціонализаціи, грозившая русскимъ въ польско-литовскомъ государствѣ, заставляла ихъ спасаться при помощи Великороссіи, закрывъ глаза на многое. Политика Польши въ русскихъ областяхъ, ей принадлежавшихъ, была тою же, что теперь наша въ Привислиньѣ, конечно, безъ нынѣшнихъ смягченій, обусловленныхъ духомъ вѣка. Отчасти она была даже успѣшнѣе; культура Рѣчи Посполитой была развитѣе литовско-русской, и представители высшаго и средняго мѣстныхъ сословій со временемъ ополячились, а наши обрусительныя потуги кончились пуфомъ. Въ цѣломъ, однако, народъ

отбилъ всѣ ассимиляціонныя атаки, и въ названныхъ губерніяхъ (съ присоединеніемъ къ нимъ еще Кіевской) поляки составляютъ меньшинство. Г. Эдуардъ Чинскій, сдѣлавъ подсчетъ («Zarys liczebnosci i rozsiedlenia ludnosci polskiej»), удостовѣряетъ, что изъ 92 уѣздовъ сѣверо и юго-западнаго края только въ двухъ, примыкающихъ къ нынѣшнему Царству (Бѣлостокскомъ и Сокольскомъ), преобладаютъ поляки; въ остальныхъ они не достигаютъ и 10% населенія и лишь въ Виленскомъ колеблются между 20 и 25%. Вступая снова въ эти земли, Екатерина могла не только опереться на силу, но и объявить себя продолжательницею дѣла князя Товтивила полоцкаго, еще въ XIII столѣтіи руководившаго русскою партіей въ Литвѣ, Гедимина, при которомъ $^2/_3$ территоріи Литвы были заняты русскими, Свидригайла, уже послѣ ягеллоновской уніи боровшагося за русскій элементъ противъ польскаго, царей Ивана III, Грознаго и Тишайшаго. Мощь меча, который и самъ по себѣ, пока онъ не будетъ перекованъ на орало, правителямъ представляется всеубѣждающимъ доводомъ, императрица подкрѣпляла въ данномъ случаѣ ссылкою на общія прошлыя судьбы края, на племенное родство его обитателей съ великороссами. Литовцы, еще въ 1569 году окончательно смѣнившіе свою государственность на польскую, отводились отъ спора, но тѣмъ, конечно, не должны были лишаться права на культурную автономность; въ ней Литва, когда еще была независима отъ Польши, нисколько не отказывала русскимъ, даже болѣе того— интересы послѣднихъ часто до самопожертвованія отстаивали прирожденные литовскіе князья (Войшелкъ, сынъ Миндовга). Очень велики были матеріальныя выгоды для Россіи отъ мирнаго къ ней присоединенія западнаго края, и они еще удваивались историческою обоснованностью самаго акта. Патримоніальный легитимизмъ отыскалъ тутъ себѣ лучшаго союзника въ волѣ народнаго большинства, которое вѣроисповѣднымъ различіемъ и соціальнымъ угнетеніемъ давно уже отторгалось отъ Польши. Такое сочетаніе обезпечивало прочность новыхъ владѣній надежнѣе всякихъ писанныхъ договоровъ. Край, можно сказать,

немедленно вросъ бы въ Россію, если бы не наша несчастная склонность казарменно нивеллировать малѣйшія особенности вѣтвей родного племени подъ казенный великорусскій образецъ и если бъ не страсть усматривать политическій сепаратизмъ тамъ, гдѣ имѣется только законное желаніе сохранить оригинальное культурное обличье.

Общественное мнѣніе вѣрно оцѣнило всю важность этого государственнаго успѣха, признавъ, что наше право на западныя провинціи и ихъ — на насъ вытекаетъ изъ естественнаго стремленія каждой народности добиться условій, наиболѣе благопріятствующихъ развитію своего *я*. Но не то же ли самое право единственно руководитъ и современными поляками, побудивъ ихъ искренне оставить притязанія на «Польшу отъ моря до моря» и ограничить жажду самодѣятельности предѣлами этнографически-цѣлостнаго ядра? Только по логикѣ негра «если я украду чужую жену — это хорошо; если кто похититъ мою жену — это плохо». Разумъ и справедливость требуютъ признать, что у насъ нѣтъ ни однимъ *нравственнымъ* мотивомъ больше для желанія организовать западную Русь съ собою, чѣмъ у поляковъ — организоваться самимъ.

Націонализму особенно нравится «логика негра»; отвѣшивать другимъ тою же мѣркой, что и себѣ, народы выучиваются не безъ труда. Поляки долго грѣшили тою же исключительностью, что и мы. Они рыли яму противорѣчій и первыми упали туда, когда, говоря Россіи: «мы — племя съ развитымъ самосознаніемъ, — предоставь же намъ самимъ устраивать свой бытъ, сними докучливую опеку!», добавляли: «мы будемъ опекать и устраивать бытъ еще другого племени, — русскаго въ западномъ краѣ, потому что въ былое время имѣли надъ нимъ власть не меньшую, чѣмъ сейчасъ ты — надъ нами». Права поляковъ на свободу самоопредѣленія настолько неоспоримы, что даже наши «патріоты», кромѣ развѣ совершенно буйныхъ, не могутъ противопоставить имъ другого возраженія сверхъ клятвъ, будто поляки, получивъ извѣстную свободу для себя, немедленно попытаются наложить иго рабства на западно-русскія области.

Однимъ выстрѣломъ «крайнимъ» хотѣлось бы убить двухъ зайцевъ: возбудить въ русскомъ обществѣ угрызенія совѣсти, рождающіяся у брата, который готовится предать брата, и вызвать чувство негодованія на ту преднамѣренность, съ какою мечтаютъ поляки творить ближнему зло, чья горечь имъ самимъ достаточно вѣдома.

Съ какого огорода позаимствуютъ новое пугало наши «охранители» теперь, когда поляки, практически пройдя курсъ активнаго и пассивнаго національнаго угнетенія, поняли не только права, но и обязанности каждой народности по отношенію къ другимъ? Ни одинъ серьезный дѣятель, говоря о Польшѣ, не разумѣетъ ее въ границахъ 1772 года; такое суженіе стараго понятія есть плодъ перевоспитанія націи, той же политической ея возмужалости, которая убила ультрамонтанство и родила демократизмъ. Это — не маска, не подходъ на цыпочкахъ человѣка, боящагося шагать громко и властно. Гдѣ доказательства? Перечтите программы, написанныя лишь для посвященныхъ, прислушайтесь къ толкамъ свободной закордонной печати, ознакомьтесь съ интимными изліяніями представителей привислинскаго общества, и вы убѣдитесь, что никто не считаетъ насъ узурпаторами западнаго края, а желанія живущихъ тамъ поляковъ не идутъ дальше отмѣны для нихъ всякихъ административныхъ и законодательныхъ ограниченій. Польскіе историки, не фальсифицируя науки, откровенно заявляютъ о преобладаніи русскихъ въ литовскомъ государствѣ и наносности колонизаторскаго польскаго элемента. Не считающійся съ планами нашего министерства народнаго просвѣщенія профессоръ краковскаго университета г. М. Бобржинскій пишетъ: «небольшая горсть литовцевъ, завоевавши Русь, разстроенную въ политическомъ отношеніи, но обширную по пространству, болѣе населенную, болѣе цвѣтущую и сравнительно цивилизованную, могла навязать ей свое правленіе, но не была въ состояніи лишить ее народности, распространить въ ней свою языческую вѣру, свои обычаи и языкъ. Напротивъ того, русская цивилизація побѣждала литовцевъ; Ольгердовичи, имѣя на Руси владѣнія и

княжества, приняли христіанство и обрусились; языкъ и вліяніе русскіе стали господствовать даже на великокняжескомъ дворѣ Ягеллы» («Очеркъ исторіи Польши», т. I, стр. 210). Не менѣе опредѣленно и весьма строго осуждается и прежнее стремленіе польскихъ силъ на русскій востокъ вмѣсто того, чтобы сосредоточиться въ этнографическихъ предѣлахъ Польши, «укрѣпиться на болѣе тѣсномъ пространствѣ, объединиться и пробудить болѣе глубокую и кипучую жизнь» (стр. 312). Какія ужъ тутъ притязанія на чужое, когда люди громогласно заявляютъ: «не наше — это, и никогда, по праву, нашимъ не было», а въ глубинѣ души даже упрекаютъ себя, что въ старину позарились на него! Препятствій къ размежеванію нѣтъ уже больше.

Такимъ образомъ, западныя области были пріобрѣтеніемъ не одного правительства, но и русскаго народа: здѣсь одерживала верхъ не только сила штыка или его визитной карточки — дипломатической ноты, но и право. У медали, однако, была обратная сторона, которой наши политики не хотѣли или не могли разсмотрѣть.

Мы возвращали себѣ дѣдовское достояніе не путемъ договора съ Польшею, хотя бы и послѣ войны, и не въ видѣ вознагражденія за оказанныя республикѣ заслуги, но съ помощью раздѣла, т.-е. одновременно предоставили часть чисто-славянскихъ земель двумъ германскимъ державамъ, усиливая за общій счетъ племени враждебную ему стихію и даже ослабляя себя, по присоединеніи Герцогства Варшавскаго, необходимостью считаться съ противодѣйствіемъ намъ не только извнѣ, но и внутри. Не могли же мы ожидать, что поляки, девять вѣковъ имѣвшіе собственную государственность, освоятся съ чужою чуть не въ одинъ день, не чувствуя боли сами и не причиняя затрудненій Россіи. Для подобныхъ операцій наркозъ еще не изобрѣтенъ.

Реальная почва, съ которой я прошу не сходить читателей, не позволяетъ мнѣ заняться разборомъ отвлеченно-политическихъ задачъ: «а можетъ-быть, намъ слѣдовало погодить съ западной Русью, или, взявъ ее, не допускать къ поживѣ Австрію и

Пруссію, или еще — создать изъ слабой Польши государство-буферъ, которое бы отдѣляло насъ отъ нѣмецкихъ владѣній? Такихъ «или» напрашивается, сколько угодно. Все можетъ быть, но ничего этого не было, и мы укажемъ лишь на вредоносность для насъ происшедшаго, а не на полезность того, что не произошло.

Не ждите отъ меня звонкихъ фразъ на избитую и фальшивую тему о коренной противоположности духовныхъ началъ славянскаго и германскаго міровъ: и «начала»-то эти весьма туманны, и, когда они только духовны, къ чему же матеріальныя средства состязанія, а если такъ рѣшительно исключаютъ другъ друга, то какъ же нѣмцы издавна попали въ наши признанные наставники?

Эта борьба идетъ изъ-за самыхъ грубыхъ жизненныхъ интересовъ, необходимыхъ для обѣихъ сторонъ не менѣе, чѣмъ воздухъ для легкихъ. Исторія двигается на востокъ, такъ какъ западъ населенъ до переполненія: новыя поколѣнія вынуждены садиться за обѣдъ, едва хватающій для старыхъ, и чтобы занять стулъ, надо сперва его выдернуть изъ-подъ кого-либо. Нѣмцы капризно перетасованы со славянами въ центральной Европѣ, и оба племени протягиваютъ руку къ одному и тому же куску хлѣба. На востокѣ лежатъ неистощенныя земли, спятъ громадные капиталы въ видѣ нетронутыхъ еще человѣкомъ природныхъ богатствъ, простираются необъятные рынки, гдѣ конкурентъ вялъ и малокультуренъ. „Drang nach Osten“ объясняется не жадностью нѣмцевъ, какъ и стойкость славянъ — не ложными только страхами: инстинктъ самосохраненія побуждаетъ одну расу къ натиску, другую—къ отпору. Отъ прочности государственности, отъ опредѣленности національнаго самосознанія, отъ степени просвѣщенности, отъ наличности или отсутствія всего того, что цементируетъ людей въ обширные союзы, зависитъ побѣда или пораженіе соперника. Въ этой войнѣ расъ, пока безкровной, но напряженной и жестокой, безгосударственныя народности являются только партизанами, вся закаленность которыхъ позволяетъ имъ отбивать послѣдовательныя атаки съ

большимъ трудомъ. Въ настоящее время существуетъ лишь три славянскихъ государства, — одно очень большое и два очень маленькихъ, ставшихъ самостоятельными только недавно. Поэтому утрату вѣкъ тому назадъ независимости Польшею, крупнѣйшею послѣ Россіи славянскою страной, можно уподобить только разоруженію значительной боевой части на глазахъ противника; онъ выигралъ то, что въ жизнеспособности потеряло все славянство. Дѣйствительно, Пруссія, вскормленная сосцами Польши до значенія королевства, на ея развалинахъ стала со временемъ имперіей.

Германство объединено во враждѣ къ славянамъ; единственно въ ней сходились такіе антиподы порубежной общественности, какъ Бисмаркъ и Момзенъ. Крѣпкій нѣмецкій кулакъ и хрупкій славянскій черепъ—силы, вступившія въ состязаніе, характеризовались такими символами, которые ясно рисуютъ и самые пріемы борьбы. Съ чисто нѣмецкимъ педантизмомъ велся сизифовъ трудъ германизаціи въ Познани и Силезіи. Примѣнялась, конечно, въ общемъ та же система, что въ Привислиньѣ, ухудшенная прусскою сухостью; у насъ нѣтъ-нѣтъ, да и прорывалось прирожденное благодушіе; тевтонъ гнулъ линію напрямикъ съ бездушностью извѣстнымъ образомъ заведеннаго автомата. Германизаторъ умѣетъ и убѣжденія свои распредѣлять по полочкамъ, какъ прикажетъ начальство: для соотечественниковъ онъ былъ поклонникомъ вольнолюбиваго Шиллера, для поляка становился капраломъ съ палкой. Но онъ чувствовалъ себя не мстителемъ, тѣмъ болѣе не угнетателемъ, а только гражданиномъ, честно выполняющимъ племенной долгъ. За капральствомъ стояло тутъ сочувствіе не однихъ реакціонныхъ элементовъ, а всего общества: на помощь полонодробительной системѣ шла и частная инициатива («гакатизмъ»), чего у насъ даже быть не могло. Янычары германизаціи забрали въ свои руки все и гнали славянское начало отовсюду: изъ костела, школы, землевладѣнія, торговли... Не оттого съ остервенѣніемъ преслѣдовались силезцы и познанцы, что они поляки, но потому, что они славяне.

Этого не поняли русскіе охранительные органы, горько жаловавшіеся на нашу рыхлость и совѣтовавшіе обществу перенимать не нѣмецкую науку, а жестокость нѣмецкой расправы съ поляками. Сколько бы мы ни удивлялись высотѣ ученія Сенеки, ничто не заставитъ насъ считать добродѣтелью взяточничество, которымъ грѣшилъ этотъ философъ. Мы будемъ чтить университеты Германіи, но не ея казармы, — полетъ, но не паденіе ея мысли. Полонофагство пруссаковъ нельзя оправдать ничѣмъ, но оно объясняется тою племенною распрей между германцами и славянами, корень которой лежитъ въ области экономическихъ отношеній, а стволъ и листва приняли національную окраску. Здѣсь идетъ борьба расъ за грядущее, и онѣмеченіе каждаго поляка есть прямой уронъ Россіи въ той мѣрѣ, въ какой она была и остается славянскою. Можно ли послѣ этого тактику нѣмцевъ въ Познани ставить въ образецъ намъ? Нельзя даже сравнивать задачи наши и ихъ, такъ онѣ противоположны. Вотъ когда бы въ Познани жили братья пруссаковъ—какіе-нибудь баварцы, тогда бы можно было проводить параллель между нею и Привислиньемъ, и если бы Берлинъ не мѣнялъ характера управленія несчастною провинціей, намъ оставалось бы все-таки не подражать германцамъ, а злорадствовать, что они, начавъ родственныя дрязги, сами ослабляютъ другъ друга. Есть степень культуры, по достиженіи которой народность уже не можетъ быть уничтожена, и германизаторы въ общемъ, несмотря на всѣ ихъ усилія, терпятъ неудачу: отпадаютъ иногда отъ милліоннаго тѣла отдѣльныя песчинки, зато насиліемъ пробуждается славянское самосознаніе тамъ, гдѣ оно спало, повидимому, очень глубоко, въ западной, напр., и восточной Пруссіи. Расовая упругость даетъ себя знать. Однако, силы противниковъ такъ неравны, многообразныя послѣдствія гнета такъ ужасны, что поляки должны были искать себѣ помощь. Исторія полабскихъ славянъ, засосанныхъ въ средніе вѣка германскимъ спрутомъ, хотя и не могла повториться, но не утратила своей поучительности. Отъ кого же слѣдовало ожидать подмоги?

Конечно, не отъ того, кто самъ въ ней нуждался и не менѣе изнывалъ подъ натискомъ такихъ же нѣмцевъ, мадьяръ или турокъ. Поддержку могла оказать лишь одна держава, сама заинтересованная въ мощи славянства и пріостановкѣ наступательнаго движенія германскаго міра. Это была Россія, допустившая раздѣлъ славянскаго достоянія между двумя германскими государствами...

Поляки отлично знаютъ, что съ предложеніемъ раздѣла выступилъ въ 1769 г. Фридрихъ II, а не Екатерина, что первыми заняли чужую территорію войска Маріи-Терезіи, а не наши, но отвѣтственность за происшедшее возлагаютъ, главнымъ образомъ, на Россію. Это — не сознательное искаженіе исторіи, а правильное пониманіе ея духа: факты могли сложиться такъ или иначе, но ихъ смыслъ оставался одинъ, и онъ не допускалъ усиленія недруга за счетъ родного, который не становится чужимъ и послѣ ссоры. Вдвойнѣ болитъ рана, нанесенная близкою рукой, но едва прошло первое потрясеніе удара, какъ отдѣльные голоса съ просьбою о помощи начинаютъ обращаться именно къ Россіи.

Въ своемъ знаменитомъ разсужденіи „O rownowadze politycznei w Europie“ Сташицъ (1755—1826) говоритъ: «соединенію и единству народовъ славянскихъ главныя и серьезныя препоны были со стороны нѣмцевъ. Это сопротивленіе скрывалось въ глубинахъ духа крестоносцевъ, и въ наше время со стороны нѣмецкой воздвигаются всевозможныя препятствія на сушѣ и на морѣ. Великій русскій народъ!.. Мы тысячу лѣтъ заслоняли Европу отъ нападеній (татаръ), нашей грудью оберегали неблагодарныхъ нѣмцевъ, спасая ихъ отъ всѣхъ опасностей, грозившихъ имъ съ сѣвера и востока. Все это не могло внушить имъ признательности къ намъ. Вы, русскіе, видѣли, съ какою жадностью бросались они на кинутые имъ куски тѣла нашего. Когда-нибудь, можетъ-быть, и вамъ придется испытать ихъ неблагодарность. Они будутъ завидовать вашей силѣ и вашей славѣ и, забывъ о своемъ спасеніи, коимъ они *вамъ обязаны*, какъ забыли о данной имъ нами помощи

подъ Вратиславлемъ и Вѣною, пойдутъ и противъ васъ. Ищите себѣ союзовъ естественныхъ, союзовъ кровныхъ, союзовъ однороднаго поколѣнія тамъ, гдѣ ихъ поставила издревле сама природа для васъ и для насъ. Пора начаться у славянъ тому, что издревле происходитъ въ нѣмецкомъ племени. Это великое, предназначенное Провидѣніемъ дѣло должно начаться съ соединенія съ Россіею народа польскаго, старшаго изъ братьевъ русскихъ. Идите путемъ сплоченія!»

Отклики на тему общеславянскаго единенія вы найдете и у поэта Викентія Поля (1807—1870), представителя своеобразнаго польскаго славянофильства, съ присущими и нашему исключительностью и обскурантизмомъ, какъ послѣдствіями слѣпого возвеличенія всего собственнаго надъ чужимъ. Кружокъ ксендза Игнатія Головинскаго, впослѣдствіи митрополита могилевскаго, издавалъ послѣ 1831 года «Петербургскій Еженедѣльникъ», проповѣдывавшій примиреніе во имя солидарности славянъ. Въ 1846 году кровавая галиційская баня заставила Александра Велепольскаго высказаться въ письмѣ къ Меттерниху о взаимности выгодъ русско-польскаго сближенія: «вмѣсто того, чтобъ истощаться вымаливаніемъ себѣ положенія на западѣ, мы можемъ, войдя въ себя, создать себѣ будущность въ противоположномъ концѣ и проложить себѣ дорогу сквозь нѣдра колоссальной державы. Становясь болѣе и болѣе неспособными совладѣть со своею судьбою, какъ политическое цѣлое, какъ государство, мы можемъ обрѣсти новую, какъ люди того же племени... Въ сознаніи славянскаго единства должны погаснуть ненависти наши... Вслѣдствіе нашего содѣйствія силы имперіи (русской) получили бы громадное приращеніе. Она бы внутренно окрѣпла, освободившись отъ лихорадки, причиняемой ей нашими сопротивленіями. Она обогатилась бы всѣми умственными и нравственными способностями нашего племени, которыхъ вліяніе тотчасъ бы обнаружилось. Кто знаетъ: можетъ-быть, внутреннія страданія русскаго народа облегчились бы вслѣдствіе этой примѣси польскаго элемента и наше общее славянство вышло бы лучше и богаче, чѣмъ каждая изъ отдѣльныхъ привходящихъ народностей.

Наконецъ, черезъ насъ имперія пріобрѣла бы вліяніе во всѣхъ странахъ, обитаемыхъ нашими братьями, и неудержимо было бы ея обаяніе по отношенію къ славянскимъ населеніямъ юга и запада». Такой «непримиримый», какъ Карлъ Микашевскій, бывшій членъ «народоваго жонда», въ 1872 г. заявляетъ („La Pologne et la Russie dans la Slavie". Genève), что будущность Польши въ силахъ удовлетворительно устроить, съ пользою для себя же, только русскіе, и даже пытается организовать «Общество друзей соглашенія Польши съ Россіей и федераціи славянскихъ народовъ». Въ томъ же году и Крашевскій выступаетъ со своимъ «Обращеніемъ къ людямъ доброй вѣры и доброй воли», высказывая упованіе, что одна Россія, рано или поздно, развяжетъ польскій узелъ. Въ самомъ Краковѣ слышатся утвержденія, что привислинскіе поляки должны образовать партію примиренія, а австрійскіе — не противодѣйствовать ей (брошюры: «Австрійская политика «Часа», 1879, графа Мошинскаго, и «Правдою, а не ложью», 1881, ксендза Домагальскаго). Графъ Янъ Замойскій („Russie-Pologne", Paris, 1886) идетъ дальше и говоритъ уже не о возможности, но о спасительной неизбѣжности русско-польскаго соглашенія. Разработкѣ этой идеи всецѣло съ 1882 г. посвящаетъ себя талантливый Э. И. Пильцъ (псевдонимъ Петръ Варта) въ издаваемомъ имъ, при ближайшемъ участіи В. Д. Спасовича, журналѣ «Край».

Какова программа этихъ двухъ серьезнѣйшихъ публицистовъ, выражающихъ воззрѣнія цѣлой партіи «угодовцевъ» (отъ слова ugoda—миръ)? Съ польской стороны—это лойяльность, искреннее стремленіе къ объединенію съ государствомъ и добросовѣстное выполненіе обязанностей, налагаемыхъ государственностью; съ русской—признаніе національной и культурной самобытности и вытекающія отсюда послѣдствія: сравненіе поляковъ въ правахъ со всѣми прочими гражданами, введеніе въ Царствѣ—тѣхъ учрежденій, которыми пользуются губерніи имперій. Вы сами видите, какъ ясно, трезво и неколебимо обоснована эта «платформа». Для своего суроваго времени она представляла минимумъ того, что можно было желать, и

максимумъ того, на полученіе чего можно было разсчитывать. Вокругъ себя она сплотила скорѣе консервативные, чѣмъ умѣренные элементы страны; ни центръ, ни все, тяготѣвшее въ лѣвой, ея не приняло. Ея несостоятельность, замѣтная не сразу, но все болѣе и болѣе раскрывавшаяся съ годами, вытекала изъ того, что она не имѣла положительнаго содержанія: она справедливо отрицала какія бы то ни было стѣсненія для польской самодѣятельности, но, если бы тѣ были отмѣнены, немедленно должна была распасться самая партія, которую ничто болѣе уже не соединяло бы. Угодовцы походили на архитектора, который, выяснивъ всю непригодность полуразрушеннаго дома, говорилъ: «эту руину надо убрать; потомъ мы соорудимъ великолѣпное зданіе, — довѣрьте же мнѣ стройку», но не хотѣлъ показать своихъ чертежей. Хозяина невольно брала оторопь, и онъ предпочиталъ выжидать, чѣмъ кончить съ несообщительнымъ зодчимъ. По своей тактикѣ они были «постепеновцами» и осторожными лоцманами между рифами государственности и мелями народнаго недовольства, одинаково грозными для польской ладьи. Этотъ методъ, разсчитанный чуть не на сотни лѣтъ, какъ будто былъ построенъ на софизмѣ, что быстроногому Ахиллу никогда не удастся опередить медлительную черепаху; будь принята жизнью эта система, русская государственность — Ахиллъ — такъ далеко обогнала бы польскую націю, что онѣ уже перестали бы слышать и понимать другъ друга. Отъ угодовства пахло компромиссомъ, но не практика, а кабинетнаго человѣка политики. Его цѣнность для поляковъ заключалась въ дисциплинирующемъ вліяніи на умы, часть которыхъ послѣ общаго разброда оказалось возможнымъ собрать подъ единое знамя, а для насъ — въ возможности перевести національно-политическую дилемму на строго-лойяльную почву. Угодовцы должны были отступить на послѣдній планъ, объявить «како вѣруютъ» и даже вовсе растаять подъ первыми лучами солнца гражданской свободы, какъ только проходила — или, казалось, что проходила — надобность въ ратованіи за возвращеніе элементарныхъ правъ. Послѣ примиренія примирители будутъ лишними.

Такъ оно и случилось: событія нашихъ дней отняли у угодовства значеніе какъ разъ въ той мѣрѣ, въ какой они приблизили поляковъ къ извѣстной свободѣ. Властителями же думъ молодого поколѣнія, которое нигдѣ не терпитъ душка оппортунизма, угодовцы не были и въ пору своего блеска.

Повидимому, ни одна доктрина не могла такъ полно отвѣчать видамъ привислинскихъ администраторовъ, какъ эта, если только они дѣйствительно хотѣли «огосударствленія», но не обрусенія. Тутъ ли не представлялся удобный случай, ни на вершокъ не сходя со старыхъ позицій, безо всякихъ потерь одержать славную побѣду надъ людьми, просившими то, что они могли требовать, и на такихъ условіяхъ, которыя лишь укрѣпляли власть? Какъ это ни поразительно, но «піонеры» относились къ угодовству не только безо всякаго сочувствія, но болѣе сурово, чѣмъ даже къ представителямъ «лѣвой». Чѣмъ объяснить это? Знатоки варшавской жизни, чуткимъ ухомъ уловляющіе здѣсь «и дальней лозы прозябанье, и гадъ морскихъ подводный ходъ», увѣряютъ, что «піонеры» предпочитаютъ-де имѣть дѣло съ дѣятелями крайняго образа мыслей, нежели съ умѣренными: расправа съ первыми можетъ быть въ любой моментъ произведена безо всякой церемоніи, а присутствіе ихъ въ краѣ служитъ гарантіей безнаказанности всякаго административнаго произвола. Между тѣмъ, восторжествуй программа угодовцовъ, «піонерство» не только было бы связано законностью по рукамъ и по ногамъ, но даже потеряло бы право на существованіе. Нельзя не признать остроумія за такою мотивировкою гоненія поднятаго въ Привислинье на проповѣдь угодовства въ печати, ибо ни за что другое къ партіи невозможно было придраться. Желательнѣе было бы вѣрить, что подозрительность, которою положительно болѣютъ громовержцы Варшавы, помѣшала имъ разглядѣть истинную сущность новаго явленія: они находили заговоръ тамъ, гдѣ была лишь искренность, и сочли адскимъ коварствомъ простоту, даже до бѣдности, всего плана.

Газета «Chwila» («Минута»), которую въ 1885 г. началъ въ цѣляхъ русско-польскаго сближенія издавать въ Варшавѣ

г. Валерій Пржиборовскій, просуществовала лишь нѣсколько мѣсяцевъ: поляки считали, что она субсидируется правительствомъ, а варшавская цензура душила ее съ какимъ-то остервенѣніемъ.

Вы видите, что нельзя говорить объ отсутствіи почина у отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ группъ польскаго общества направить умы согражданъ на путь рѣшенія «стараго спора» въ духѣ и на почвѣ славянскаго единства. Несомнѣнно, однако, что для столѣтняго періода совмѣстной исторической жизни было сдѣлано слишкомъ мало шаговъ въ этомъ направленіи, къ которому широкія массы въ концѣ-концовъ остались вовсе холодны. Была, значитъ, какая-то причина, парализовавшая голосъ племенного родства и мутившая сознаніе обоюдныхъ выгодъ отъ установленія солидарности между двумя крупнѣйшими вѣтвями славянства. Русское пониманіе славянской идеи отталкивало отъ нея поляковъ, какъ и доселѣ оно претитъ даже единовѣрнымъ малороссамъ, какъ продолжаетъ пугать чеховъ, хорватовъ и остальныхъ западныхъ и южныхъ родичей.

Можно любить славянство и не терпѣть московское славянофильство; но офиціальная Россія ухитрилась, будучи равнодушною къ славянству, избрать себѣ для руководства всѣ отрицательныя стороны позднѣйшаго славянофильства. Константинъ Аксаковъ не находилъ, напримѣръ, прочными тѣ культурныя пріобрѣтенія, которыя сдѣланы подъ напоромъ принужденія, а не усвоены свободно. Какъ ни богатъ, красивъ и могучъ русскій языкъ, но ни въ коемъ случаѣ не нужно навязывать его славянамъ, пока они *по доброй волѣ* не захотятъ употреблять его и пока онъ самъ не заслужитъ права стать однимъ изъ великихъ международныхъ языковъ, какъ латинскій — встарь, французскій — сегодня и англійскій — завтра. Между тѣмъ, русская рѣчь и православіе, принятыя хотя бы механическимъ, чисто внѣшнимъ образомъ, составляли въ глазахъ правящихъ классовъ сущность славянства. Народность не-православная, безъ тяготѣнія къ тому, чтобы стать двуязычною, избравъ родной языкъ лишь для кухни и улицы, а русскій—для высшихъ

сферъ духовной дѣятельности, утрачивала право на признаніе ея истинно славянскою, вызывала укоры и сожалѣніе, когда была неподвластна намъ, накликала на свою голову различныя стѣсненія, если была частью Россійской имперіи. Урокъ, который былъ данъ Мазепою, не поняли, и доселѣ малороссы лишены возможности слышать слово Божіе или издавать журналы на родномъ языкѣ.

Трудно рѣшить, какою цѣлью задавался русскій панславизмъ, если вообще у него была сознательная цѣль: вѣдь православіе и великорусскій языкъ не довлѣли сами себѣ и, даже допустивъ несбыточное,—усвоеніе ихъ всѣмъ славянствомъ, надо же было намѣтить и политическую его роль. Какъ кажется, объ этомъ не думали вовсе; опасною мечтою о созданіи всемірной славянской монархіи, благодареніе Создателю, не увлекались, при случаѣ помогали южнымъ собратьямъ, но дѣлали это безъ плана, точно по наитію. Преобладало равнодушіе къ обще-племенному дѣлу, прерываемое неожиданными вспышками экзальтаціи и любви не къ опредѣленной живой народности, а къ какому-то идеальному, геометрическому типу славянина. Иногда, цѣною крови и денегъ, мы покупали не привязанность къ себѣ, а чуть не злобу: Стамбуловъ не чувствовалъ себя одинокимъ въ Болгаріи. Храмина расоваго единенія строилась тяпъ-ляпъ, въ расчетѣ на одни московскія или по-московски выстроганныя бревна. 35 милліоновъ славянъ исповѣдуютъ католицизмъ, каждая вѣтвь болѣе жизни любитъ свою индивидуальность—нарѣчіе, литературу, обычаи, а мы «папизмъ» считали предательствомъ и завѣряли, что если можно всѣмъ обойтись русскимъ языкомъ, то не къ чему знать родной. Даже дѣйствительность не могла поколебать нашей предвзятости: «тянетъ къ Риму — какой ужъ онъ славянинъ?» обычно говорили мы, а епископъ римской церкви Штроссмайеръ былъ отцомъ хорватовъ, просвѣтилъ ихъ и закалилъ для борьбы съ мадьяризаціей.

Помните у Некрасова?

Я однажды смѣялся до коликъ,
Слыша, какъ князь NN говорилъ:

— „Я, душа моя, славянофилъ“.
— А религія ваша?—„Католикъ“.

Смѣшонъ, конечно, здѣсь не миѳическій князь, а поэтъ, которому славянофильство католика кажется абсурдомъ; но и понынѣ многіе вѣрятъ у насъ въ какую-то предвѣчную враждебность интересовъ славянства и папства.

Единственное иго, которое мы знали, какъ страдательная сторона,—татарское,—было угнетеніемъ не національности, не вполнѣ даже государственности, но по преимуществу экономическимъ: монголы не посягали на религію и народность, оставили намъ князей, но суму вытряхивали усерднѣйшимъ образомъ. Какъ наслѣдственный богачъ не придаетъ значенія деньгамъ, такъ и у насъ исторически сложилось непониманіе всей той цѣнности, которую сознающая себя индивидуальность представляетъ для народа, обладающаго ею. Представьте себѣ общину, всѣ члены которой ничѣмъ не разнились бы другъ отъ друга: одинаково думали бы и чувствовали, имѣли бы одинаковые ростъ, лицо, одѣвались бы въ одинаковое платье. Это были бы одушевленныя куклы, а не люди, вся прелесть существованія которыхъ состоитъ въ богатствѣ и разнообразіи несовпадающихъ оттѣнковъ. Это была бы смерть заживо, потому что общественное тѣсто всходитъ только на дрожжахъ стремленія личности къ полнѣйшему раскрытію ей одной принадлежащихъ обязанностей. Русскій панславизмъ съ его московскимъ рубанкомъ смутно обѣщалъ славянамъ что-то въ родѣ аракчеевскихъ поселеній или іезуитской республики въ Парагваѣ: молись на одинъ и тотъ же ладъ, говори на одномъ и томъ же языкѣ, чуть и жену не цѣлуй въ указанный часъ. Но хирѣть въ розни, когда кругомъ объединяются всѣ, было нельзя и, въ противовѣсъ московской нивеллироманіи, былъ выдвинутъ вопросъ объ австрійскомъ панславизмѣ.

Изъ племенъ, населяющихъ имперію Франца-Іосифа, славянское многочисленнѣе всѣхъ; уже 50 лѣтъ тому назадъ Палацкій подалъ мысль образовать изъ Австріи средоточіе всѣхъ *западныхъ и южныхъ* славянъ съ тѣмъ, чтобы этотъ объединен-

ный элементъ возвысился до государственнаго значенія. Правильно, однако, было замѣчено, что Австрія безъ измѣны себѣ не можетъ стать славянскою. Тогда стали подумывать о *габсбургскомъ* панславизмѣ, т.-е. о федераціи славянскихъ земель подъ скипетромъ старѣйшей династіи Европы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойный Штроссмайеръ на аудіенціи въ Гофбургѣ развилъ этотъ проектъ, но услышалъ суровый отвѣтъ: «я предпочту быть часовымъ у палатки нѣмецкаго князя, чѣмъ стать императоромъ однихъ славянъ». Значитъ ли это, что габсбургскій панславизмъ не имѣетъ будущности и, слѣдовательно, не грозенъ для насъ? Перспектива моральнаго одиночества, въ которомъ осталась бы Россія, если эта мечта облечется въ плоть, не можетъ не устрашать. Кто рѣшится отрицать подобную возможность? Принудительные браки такъ непрочны, что Венгрія не сегодня—завтра вернетъ обручальное кольцо своей половинѣ; пангерманисты Вѣны давно ужъ поглядываютъ на Берлинъ, откуда имъ шлютъ самые кокетливые взоры. Францъ-Іосифъ отказался, но можно ли ручаться, что и его преемникамъ доля вассаловъ Гогенцоллерновъ покажется предпочтительнѣе руководства славянскою федераціей? Развѣ галиційская автономія 1868 года не есть первая вѣха по этому пути, поставленная, быть-можетъ, даже противъ воли тѣхъ, кто ее водружалъ? Развѣ не будетъ второю—коронованіе короною св. Вацлава, чего уже недолго осталось ждать чехамъ? Нѣтъ, габсбургскій панславизмъ не утопія, а опасность, не бредъ людей, въ своемъ алканіи единства доходящихъ до галлюцинацій, а послѣднее, быть-можетъ, предостереженіе, которое исторія славянъ дѣлаетъ Россіи. Отпоръ ему нужно дать загодя, пока не поздно, и ни съ чего другого не можемъ мы начать разумнѣе и удобнѣе, какъ съ рѣшенія польскаго вопроса въ духѣ общеплеменныхъ интересовъ. Вѣдь наша ссора съ поляками заставила насторожиться все славянство: каждая вѣтвь его, устремляя взоръ къ берегамъ Вислы, шепчетъ: „hodie tibi, cras mihi“; каждая, спасаясь отъ онѣмеченія, хочетъ оставаться славянскою, но не желаетъ *дѣлаться русскою*. Ихъ подозрительность въ этомъ отношеніи на-

чается нашими нападками на католицизмъ, для нихъ не менѣе родной, чѣмъ для Сѣвера православіе, и навязываніемъ имъ языка, безусловно и близкаго и очень благозвучнаго, а все-таки чужого. Если явится потребность въ единомъ славянскомъ языкѣ, то имъ станетъ лишь тотъ, на которомъ будутъ говорить культурнѣйшіе представители расы; вотъ куда слѣдуетъ, очевидно, обратить вниманіе: каждой вѣтви—на самое себя. „Excelsior!“ должна изобразить на своемъ знамени нація, претендующая на международное представительство другихъ. Довѣрія и уваженія не узурпируютъ,—ихъ заслуживаютъ.

Говорятъ, будто Марксъ на старости выучился русскому языку, чтобъ прочесть Чернышевскаго въ подлинникѣ. Вотъ вѣрнѣйшій способъ пропаганды родной рѣчи: пишите *то* и *такъ*, чтобъ избѣгали услугъ переводчика, въ лучшемъ случаѣ показывающаго изнанку ковра, любовались бы его узоромъ съ лица, создавайте такія школы и выращивайте такихъ ученыхъ, чтобы къ вамъ ѣздили за мудростью не съ меньшимъ рвеніемъ, чѣмъ кочуютъ теперь по Боннамъ и Гейдельбергамъ, и вашъ языкъ самъ займетъ подобающее ему мѣсто въ мірѣ.

Если русскій панславизмъ изберетъ иную дорогу, его задачу возьметъ на себя габсбургскій: разноплеменность династіи и народа не препятствуетъ не только сближенію между ними, но и популярности монарховъ. Отказавшись отъ московскаго букета славянской идеи, мы должны затѣмъ раскрыть ея содержаніе. Только кротъ работаетъ въ потемкахъ, но у него и нѣтъ сотрудниковъ. Нельзя же, чтобъ недруги распускали про насъ слухи, будто мы мечтаемъ чуть не объ устройствѣ какихъ-то Пражской или Лужицкой губерній. Не экспорта исправниковъ ждетъ отъ насъ славянство. Въ равной степени наша гегемонія, если бы свободное братское избраніе почтило насъ ею,—гегемонія достойнѣйшаго, а не сильнѣйшаго,—не должна преслѣдовать никакихъ плановъ наступленія на германскій міръ. Достаточно сообща обороняться противъ него. Намъ нуженъ союзъ славянскаго взаимнаго страхованія отъ общихъ враговъ. По набату мы кидаемъ свои жилища, чтобъ защищать другъ

друга, но эта обязанность ни одному изъ членовъ союза не даетъ права хозяйничать въ домѣ другого. *Жить врозь, а умирать вмѣстѣ*— таковъ девизъ славянства, который позволитъ не умереть ему вовсе. Это значитъ, что солидарность племенъ требуетъ отъ нихъ самопожертвованія въ моментъ бѣды, но за всякимъ сохраняетъ полную свободу культурнаго и политическаго самоопредѣленія. Только при этихъ условіяхъ каждая народность сумѣетъ привнести въ общій историческій вкладъ расы крупицу своего золота. Пора бросить эти горделивыя побасенки о богоизбранности славянскаго племени предъ прочими, а изъ него—еще спеціально русской вѣтви. Чванство нестерпимо вообще, а бездоказательное — вдвое.

Только поэту, рабу и баловнику фантазіи, было позволительно думать, что племенной вопросъ рѣшится или сліяніемъ славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ или изсякновеніемъ послѣдняго. Политикъ усматриваетъ грубую ошибку въ самой постановкѣ дилеммы. Нѣтъ русскаго моря, а есть лишь славянское, куда съ ручьями и ручейками, бѣгущими по разнымъ русламъ, впадаетъ и большая русская рѣка. Каждый изъ этихъ потоковъ, великихъ и малыхъ, долженъ довольствоваться русломъ, которое самъ проторилъ, и не зариться на чужія воды. Сомнѣніе не въ томъ, какая изъ рѣкъ-народностей поглотитъ другую,—ихъ всѣхъ поглотитъ море-славянство. Горе той рѣкѣ, что возомнитъ себя моремъ, повернетъ исконное теченіе, измѣнивъ природѣ, и направитъ волны по враждебнымъ сыпучимъ пескамъ въ обходъ моря; оно-то не высохнетъ, а лишь убавится до озера, пожалуй—до пруда; но—увы!—и рѣка, не впадающая въ море, уменьшится до ручейка: если прежде она колыхала корабли, теперь ее закуютъ въ плотины и мальчики будутъ спускать по ней щепки... Понесутъ ущербъ и море, и всѣ ручьи, и гордая рѣка...

Дайте же польскому ручью течь по собственному руслу въ великое славянское море!

XV.

Чего хотятъ поляки? Что должна и можетъ имъ дать Россія?

Мечтаютъ ли они объ отложеніи отъ русскаго государства и затѣмъ образованіи собственнаго? Ни минуты! Сепаратизма нѣтъ въ Привислиньѣ; горячую голову, которая только заикнулась бы объ этомъ, высмѣяли бы, какъ школьника. Отдѣленіе Польши отъ Россіи было бы невыгодно для обѣихъ сторонъ и для поляковъ болѣе, чѣмъ для насъ. Сравнимъ, что потеряли бы мы и они.

Мы утратили бы территорію въ 110 тысячъ квадратныхъ верстъ съ населеніемъ до 10 милл., важную въ стратегическомъ отношеніи площадь съ рядомъ крѣпостей, стоившихъ не одну сотню милл. рублей; наши казенные доходы уменьшились бы приблизительно на 40 милл., получающихся отъ превышенія сборовъ съ Царства Польскаго надъ суммами, которыя уходятъ на управленіе имъ и военныя надобности здѣсь; несомнѣнно, пострадали бы русскія сельское хозяйство и промышленность, такъ какъ изъ имперіи ввозится въ Привислинье болѣе 105 милл. пудовъ разныхъ продуктовъ и товаровъ.

Нельзя отрицать всю серьезность ущерба, который понесла бы имперія вслѣдствіе отдѣленія отъ нея Царства Польскаго; тѣмъ не менѣе Россія и тогда, съ населеніемъ въ 120 милліоновъ и площадью въ 19.603.439 кв. верстъ, продолжала бы оставаться великою державой, какъ была раньше. Утративъ часть людей, земель, рынковъ и много денегъ, нравственно она только бы усилилась, какъ поправляется общее состояніе больного, у котораго вырѣзанъ ракъ. Энергія, расходуемая теперь на Привислинье, пошла бы на внутреннія губерніи, и такъ какъ здѣсь ей не зачѣмъ было бы уродовать себя обрусительными стремленіями, то самый характеръ примѣненія ея сталъ бы цѣлесообразнѣе и производительнѣе. Если на борзомъ *конѣ и съ доброю* сворой никакъ нельзя было взять «польскаго

зайца», то, послѣ того, какъ онъ скрылся бы съ нашего поля, мы отдохнули бы ужъ потому, что прекратили бы утомительную погоню. Моральная выгода до извѣстной степени возмѣщала бы нашъ матеріальный уронъ и ужъ во всякомъ случаѣ намъ не грозила бы гибель ни какъ націи, ни какъ государству.

Для Польши же отпаденіе отъ Россіи было бы равносильно если не смертному приговору, то ссылкѣ въ Германію на поселеніе. Не въ томъ была бы бѣда поляковъ, что маленькимъ государствамъ вообще круто живется среди могущественныхъ сосѣдей: самое соперничество этихъ послѣднихъ при нѣкоторой ловкости всегда можно обратить себѣ на пользу и очень долго существовать именно потому, что на твое существованіе одновременно зарятся нѣсколько великановъ, изъ которыхъ каждый хочетъ поглотить тебя цѣликомъ безъ дѣлежки съ другими. Но Германія, выпираемая изнутри на востокъ своими перенаселенностью и индустріальнымъ перепроизводствомъ, стихійно двинулась бы противъ независимой Польши, хотя бы для того, чтобы не потерять свою Познань. Не нужно вѣдь говорить, что освобожденный одноглавый орелъ и самъ отважно кинулся бы ко всѣмъ своимъ птенцамъ и они неудержимо тянулись бы къ нему. Въ своемъ натискѣ nach Osten нѣмцы до тѣхъ поръ не сомнутъ поляковъ, пока за ихъ спиною стоитъ, какъ резервъ, мощь одной изъ первоклассныхъ державъ, въ данный моментъ— Россіи.

Допустимъ, что, уйдя отъ насъ и спасаясь отъ пруссаковъ, поляки бросятся въ объятія Вѣны, которая на Галиціи показала примѣръ уваженія къ чужой народности. Но, значитъ, Польша снова перестанетъ быть независимою, хотя бы ея положеніе стало лучшимъ сравнительно съ теперешнимъ, вовсе не лишеннымъ, при одномъ условіи, возможности прогрессировать въ положительную сторону. Замѣтимъ, что перспектива соединенія съ Австріей сулитъ полякамъ расширеніе лишь чисто-политическихъ правъ и представляется довольно безотрадною для экономической сферы. Отъ полусвободной подъ габсбургскою гегемоніей Польши мы огородились бы стѣною запретительныхъ пошлинъ, тѣ

нашли бы себѣ сбытъ фабриканты лодзинскаго района? Ужъ не въ Галиціи ли, разоренность которой, прямо пропорціональная широтѣ ея автономическаго устройства, является сознательнымъ плодомъ нѣмецкой-таки въ концѣ-концовъ политики центральнаго правительства? Или въ чисто-австрійскихъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, областяхъ, съ ихъ высоко развитою индустріей, которая сама молитъ о новыхъ рынкахъ? Могутъ сказать, что протекціонизмъ въ Россіи не вѣченъ; разумѣется, но фритредерскую Россію завалятъ издѣлія не Польши, а странъ, ростомъ своей промышленности неизмѣримо превзошедшихъ поляковъ и насъ. Однако, это соображеніе еще не позволяетъ сдѣлать обратнаго вывода, будто при свободѣ торговли Привислинье утратитъ тѣ преимущества, которыя созданы отсутствіемъ таможенной черты между нимъ и коренными русскими губерніями: при побѣдѣ фритредерства Польша, принужденная теперь въ изрядныхъ количествахъ покупать наши издѣлія (см. W. Żukovski, „Bilans handiowy guberniy Królestwa Polskiego", Warszawa, 1901 и 1902), используетъ его выгоды не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ мы; сверхъ того, само географическое положеніе обезпечиваетъ за Царствомъ посредническую роль между Западомъ и имперіей, тѣмъ болѣе, что охранительныя пошлины не будутъ же отмѣнены нами безъ соотвѣтствующихъ льготъ со стороны граничащихъ государствъ. Непосредственная близость Польши къ послѣднимъ позволитъ ей исчерпать эти льготы особенно энергично и многообразно.

Такова политическая проза, которая не можетъ не охладить мечтаній самыхъ восторженныхъ романтиковъ сепаратизма. Но ихъ нѣтъ теперь въ Царствѣ. Мы имѣемъ передъ собою трезво настроенныхъ людей, которые не хотятъ за мигъ независимости заплатить нищенствомъ подъ верховенствомъ Австріи или ношеніемъ цѣпей, предусмотрѣнно заготовленныхъ Пруссіей, и попрежнему остаться несвободными, смѣнивъ господъ, но не ставъ господами. Имѣйте въ виду, что я исхожу изъ совершенно недопустимаго предположенія, будто Россія сама согласится *возвратить Польшѣ* независимость; но свободы не дадутъ, ее

только берутъ, и мысль взять ее съ собою, безъ иностраннаго вмѣшательства, своею несбыточностью сама по себѣ вытравляетъ всѣ сепаратическія зерна. Возможно ли такое вмѣшательство, приготовленія къ которому какъ будто дѣлались въ 63 году? Но дальше этого «какъ будто» дѣло не пошло и никогда не пойдетъ; съ вѣкомъ латъ и шишаковъ умерло не только рыцарство, но и рыцарственность; политику теперь дѣлаетъ купецъ и воюютъ изъ-за рынковъ, а не для торжества справедливости на землѣ. Платонически сочувствуя гуманности, дипломаты отдаютъ на службу ей перья, а пушки и пулеметы сберегаютъ для менѣе возвышенныхъ, но болѣе полезныхъ предпріятій. Если бы образовалась какая-нибудь польская конфедерація, новый Дюмурье пришелъ бы къ ней съ предложеньемъ не головы, а подряда. Международное право оправдываетъ всякое безправіе и налагаетъ не больше обязательствъ, чѣмъ приписка въ концѣ письма объ «искренней готовности служить». Наполеонъ Маленькій, большой мастеръ обѣщать, когда это было ему выгодно, выбилъ послѣднюю опору изъ-подъ давнихъ польскихъ надеждъ на заступничество Европы. Поляки признали свое одиночество даже между романцами и поняли, что судьбу ихъ, какъ части славянства, могутъ измѣнить лишь славянскія руки. Настолько сепаратистическая идея чужда польскому народу въ цѣломъ, что, какъ это ни парадоксально, можно было бы ожидать взрыва недовольства въ обществѣ, *если бы мы, по* сказочному капризу, вдругъ оставили Привислинье, *увели оттуда* свои войска, закрыли границу и сказали полякамъ: «довольно!.. Живите сами, а мы только мучимъ другъ друга!»

Итакъ, [illegible] вопроса объ осуществимости [illegible] разрубило бы, но не разрешило. [illegible] осложнило бы затѣмъ австрій[illegible] не вернуло бы Польшѣ и не[illegible] обязательство, чѣмъ право, и [illegible] не реальностью, когда [illegible] въ родѣ Санъ-Мариноа [illegible] бы больше [illegible]

бликъ и неизмѣримо меньше облегающей ее Германіи, которая съ выносливостью страусова желудка глотаетъ всякіе славянскіе камни. Нельзя Германію сравнивать съ пережившей себя Турціей, изъ трупа которой растутъ и будутъ расти маленькія балканскія государства, повитыя нами, а пестуемыя Австріей. Если независимость не обѣщаетъ выгодъ ни полякамъ по ея призрачности, которую немедленно замѣнитъ нѣмецкое угнетеніе, ни русскимъ, не желающимъ путемъ собственныхъ потерь усиливать германскій элементъ, то обѣ націи должны отказаться отъ сепаратизма, какъ причиняющаго вредъ славянской идеѣ. Интересы рода важнѣе, чѣмъ видовъ, и всякое рѣшеніе «стараго спора» будетъ неправильнымъ, если оно, даже удовлетворяя одну изъ сторонъ, станетъ вредить славянству въ общемъ. Не претендуя на независимость, поляки не могутъ, однако, примириться съ тѣмъ, что имѣютъ теперь; въ равной степени нынѣшнее ихъ положеніе, кромѣ зла, ничего не приноситъ и намъ. Если одна крайность нежелательна, а другая — нестерпима, остается выбрать среднее, которое установитъ въ славянствѣ искомую гармонію между Польшей и Россіей, возродивъ первую законною самобытностью и сохранивъ силы второй, такъ какъ ихъ не надо будетъ терять тогда на «удержаніе въ покорности» десяти будирующихъ милліоновъ. Выслушаемъ голосъ польскаго общественнаго мнѣнія, поскольку оно отразилось въ программахъ политическихъ партій, и посмотримъ, внушаетъ ли надежду предлагаемый способъ исцѣленія взаимнаго недуга.

О польскихъ «партіяхъ» писалось въ послѣдніе дни очень много; всѣми изслѣдователями было, однако, упущено изъ вида, что это слово имѣетъ въ Привислиньѣ вовсе не такое значеніе, какъ въ странахъ, гдѣ человѣкъ не есть исключительно податная единица, и даже болѣе узкое, чѣмъ у насъ, гдѣ стѣсненіямъ полагался извѣстный предѣлъ, ну, хотя принадлежностью бюрократіи и управляемыхъ къ одной и той же народности. Намъ указывалось, что можно и чего нельзя говорить, но не предписывалось, напр., забыть родной языкъ для чужого. Если наши уста были только на узденкѣ, то польскіе запирались прямо на

замокъ, и можно себѣ представить, какъ заразительно смѣялся бы любой иностранецъ, узнавъ, что программы польскихъ «партій» печатались... въ петербургскихъ ґазетахъ: для Варшавы онѣ были контрабандою. Если мы были приглашены въ приготовительный классъ самоуправленія, ведя хозяйство земствъ и городовъ, то поляковъ не допустили дальше его азбуки въ гминѣ. При запретѣ всякой общественной дѣятельности политическія воззрѣнія легальныхъ поляковъ могутъ найти себѣ приложеніе въ жизни не больше, чѣмъ воздыханія влюбленнаго кастрата. Такимъ образомъ, польскія партіи не являются активными политическими силами и не означаютъ группъ, организованныхъ въ трудѣ для согражданъ. Имъ не ввѣренъ никакой трудъ, онѣ устранены отъ строительства самыхъ несложныхъ формъ быта. Это формулы безъ реальной подкладки, выражающія настроеніе общества, а не интересы опредѣленныхъ классовъ. Партіи не могли попробовать себя на оселкѣ практической дѣятельности, хотя бы такомъ скромномъ, какъ мѣстное хозяйство, и потому ихъ программы, на ряду съ широтою уже до безформенности, страдаютъ необычайною колеблемостью. Границы ихъ очень расплывчаты и оттѣнки часто сливаются. Нечего поэтому удивляться, что человѣка, принадлежащаго къ такой-то партіи, вы черезъ нѣсколько дней видите въ рядахъ другой: это не ренегатство и даже не гражданская незрѣлость, это — неминуемое слѣдствіе полной оторванности отъ дѣловой почвы и паренія въ мірѣ абстрактностей, гдѣ существуетъ цѣпь логическихъ звеньевъ между понятіями, реальныя воплощенія которыхъ исключаютъ другъ друга. Собственно, эти партіи могутъ быть названы политическими съ такимъ же правомъ, какъ войною — маневръ съ обозначеннымъ противникомъ; строить на нихъ однихъ догадки о соотношеніи польскихъ политическихъ силъ при будущемъ строѣ можно не съ большимъ основаніемъ, чѣмъ восхищаться игрою музыканта, упражняющагося на такъ наз. «глухой», т.-е. не издающей звуковъ, скрипкѣ. Конечно, группировка партій и ихъ лозунги существенно измѣнятся, едва онѣ станутъ гласными и отъ словъ будутъ въ состояніи перейти къ дѣлу;

— „Я, душа моя, славянофилъ“.
— А религія ваша?—„Католикъ“.

Смѣшонъ, конечно, здѣсь не миѳическій князь, а поэтъ, которому славянофильство католика кажется абсурдомъ; но и понынѣ многіе вѣрятъ у насъ въ какую-то предвѣчную враждебность интересовъ славянства и папства.

Единственное иго, которое мы знали, какъ страдательная сторона,—татарское,—было угнетеніемъ не національности, не вполнѣ даже государственности, но по преимуществу экономическимъ: монголы не посягали на религію и народность, оставили намъ князей, но суму вытряхивали усерднѣйшимъ образомъ. Какъ наслѣдственный богачъ не придаетъ значенія деньгамъ, такъ и у насъ исторически сложилось непониманіе всей той цѣнности, которую сознающая себя индивидуальность представляетъ для народа, обладающаго ею. Представьте себѣ общину, всѣ члены которой ничѣмъ не разнились бы другъ отъ друга: одинаково думали бы и чувствовали, имѣли бы одинаковые ростъ, лицо, одѣвались бы въ одинаковое платье. Это были бы одушевленныя куклы, а не люди, вся прелесть существованія которыхъ состоитъ въ богатствѣ и разнообразіи несовпадающихъ оттѣнковъ. Это была бы смерть заживо, потому что общественное тѣсто всходитъ только на дрожжахъ стремленія личности къ полнѣйшему раскрытію ей одной принадлежащихъ обязанностей. Русскій панславизмъ съ его московскимъ рубанкомъ смутно обѣщалъ славянамъ что-то въ родѣ аракчеевскихъ поселеній или іезуитской республики въ Парагваѣ: молись на одинъ и тотъ же ладъ, говори на одномъ и томъ же языкѣ, чуть и жену не цѣлуй въ указанный часъ. Но хирѣть въ розни, когда кругомъ объединяются всѣ, было нельзя и, въ противовѣсъ московской нивеллироманіи, былъ выдвинутъ вопросъ объ австрійскомъ панславизмѣ.

Изъ племенъ, населяющихъ имперію Франца-Іосифа, славянское многочисленнѣе всѣхъ; уже 50 лѣтъ тому назадъ Палацкій подалъ мысль образовать изъ Австріи средоточіе всѣхъ западныхъ и южныхъ славянъ съ тѣмъ, чтобы этотъ объединен-

ный элементъ возвысился до государственнаго значенія. Правильно, однако, было замѣчено, что Австрія безъ измѣны себѣ не можетъ стать славянскою. Тогда стали подумывать о *габсбургскомъ* панславизмѣ, т.-е. о федераціи славянскихъ земель подъ скипетромъ старѣйшей династіи Европы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойный Штроссмайеръ на аудіенціи въ Гофбургѣ развилъ этотъ проектъ, но услышалъ суровый отвѣтъ: «я предпочту быть часовымъ у палатки нѣмецкаго князя, чѣмъ стать императоромъ однихъ славянъ». Значитъ ли это, что габсбургскій панславизмъ не имѣетъ будущности и, слѣдовательно, не грозенъ для насъ? Перспектива моральнаго одиночества, въ которомъ осталась бы Россія, если эта мечта облечется въ плоть, не можетъ не устрашать. Кто рѣшится отрицать подобную возможность? Принудительные браки такъ непрочны, что Венгрія не сегодня—завтра вернетъ обручальное кольцо своей половинѣ; пангерманисты Вѣны давно ужъ поглядываютъ на Берлинъ, откуда имъ шлютъ самые кокетливые взоры. Францъ-Іосифъ отказался, но можно ли ручаться, что и его преемникамъ доля вассаловъ Гогенцоллерновъ покажется предпочтительнѣе руководства славянскою федераціей? Развѣ галиційская автономія 1868 года не есть первая вѣха по этому пути, поставленная, быть-можетъ, даже противъ воли тѣхъ, кто ее водружалъ? Развѣ не будетъ второю—коронованіе короною св. Вацлава, чего уже недолго осталось ждать чехамъ? Нѣтъ, габсбургскій панславизмъ не утопія, а опасность, не бредъ людей, въ своемъ алканіи единства доходящихъ до галлюцинацій, а послѣднее, быть-можетъ, предостереженіе, которое исторія славянъ дѣлаетъ Россіи. Отпоръ ему нужно дать загодя, пока не поздно, и ни съ чего другого не можемъ мы начать разумнѣе и удобнѣе, какъ съ рѣшенія польскаго вопроса въ духѣ общеплеменныхъ интересовъ. Вѣдь наша ссора съ поляками заставила насторожиться все славянство: каждая вѣтвь его, устремляя взоръ къ берегамъ Вислы, шепчетъ: „hodie tibi, cras mihi“; каждая, спасаясь отъ онѣмеченія, хочетъ оставаться славянскою, но не желаетъ дѣлаться русскою. Ихъ подозрительность въ этомъ отношеніи пи-

чается нашими нападками на католицизмъ, для нихъ не менѣе родной, чѣмъ для Сѣвера православіе, и навязываніемъ имъ языка, безусловно и близкаго и очень благозвучнаго, а все-таки чужого. Если явится потребность въ единомъ славянскомъ языкѣ, то имъ станетъ лишь тотъ, на которомъ будутъ говорить культурнѣйшіе представители расы; вотъ куда слѣдуетъ, очевидно, обратить вниманіе: каждой вѣтви—на самое себя. „Excelsior!" должна изобразить на своемъ знамени нація, претендующая на международное представительство другихъ. Довѣрія и уваженія не узурпируютъ,—ихъ заслуживаютъ.

Говорятъ, будто Марксъ на старости выучился русскому языку, чтобъ прочесть Чернышевскаго въ подлинникѣ. Вотъ вѣрнѣйшій способъ пропаганды родной рѣчи: пишите *то* и *такъ*, чтобъ избѣгали услугъ переводчика, въ лучшемъ случаѣ показывающаго изнанку ковра, любовались бы его узоромъ съ лица, создавайте такія школы и выращивайте такихъ ученыхъ, чтобы къ вамъ ѣздили за мудростью не съ меньшимъ рвеніемъ, чѣмъ кочуютъ теперь по Боннамъ и Гейдельбергамъ, и вашъ языкъ самъ займетъ подобающее ему мѣсто въ мірѣ.

Если русскій панславизмъ изберетъ иную дорогу, его задачу возьметъ на себя габсбургскій: разноплеменность династіи и народа не препятствуетъ не только сближенію между ними, но и популярности монарховъ. Отказавшись отъ московскаго букета славянской идеи, мы должны затѣмъ раскрыть ея содержаніе. Только кротъ работаетъ въ потемкахъ, но у него и нѣтъ сотрудниковъ. Нельзя же, чтобъ недруги распускали про насъ слухи, будто мы мечтаемъ чуть не объ устройствѣ какихъ-то Пражской или Лужицкой губерній. Не экспорта исправниковъ ждетъ отъ насъ славянство. Въ равной степени наша гегемонія, если бы свободное братское избраніе почтило насъ ею,—гегемонія достойнѣйшаго, а не сильнѣйшаго,—не должна преслѣдовать никакихъ плановъ наступленія на германскій міръ. Достаточно сообща обороняться противъ него. Намъ нуженъ союзъ славянскаго взаимнаго страхованія отъ общихъ враговъ. По набату мы кидаемъ свои жилища, чтобъ защищать другъ

друга, но эта обязанность ни одному изъ членовъ союза не даетъ права хозяйничать въ домѣ другого. *Жить врозь, а умирать вмѣстѣ*— таковъ девизъ славянства, который позволитъ не умереть ему вовсе. Это значитъ, что солидарность племенъ требуетъ отъ нихъ самопожертвованія въ моментъ бѣды, но за всякимъ сохраняетъ полную свободу культурнаго и политическаго самоопредѣленія. Только при этихъ условіяхъ каждая народность сумѣетъ привнести въ общій историческій вкладъ расы крупицу своего золота. Пора бросить эти горделивыя побасенки о богоизбранности славянскаго племени предъ прочими, а изъ него—еще спеціально русской вѣтви. Чванство нестерпимо вообще, а бездоказательное — вдвое.

Только поэту, рабу и баловнику фантазіи, было позволительно думать, что племенной вопросъ рѣшится или сліяніемъ славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ или изсякновеніемъ послѣдняго. Политикъ усматриваетъ грубую ошибку въ самой постановкѣ дилеммы. Нѣтъ русскаго моря, а есть лишь славянское, куда съ ручьями и ручейками, бѣгущими по разнымъ русламъ, впадаетъ и большая русская рѣка. Каждый изъ этихъ потоковъ, великихъ и малыхъ, долженъ довольствоваться русломъ, которое самъ проторилъ, и не зариться на чужія воды. Сомнѣніе не въ томъ, какая изъ рѣкъ-народностей поглотитъ другую,—ихъ всѣхъ поглотитъ море-славянство. Горе той рѣкѣ, что возомнитъ себя моремъ, повернетъ исконное теченіе, измѣнивъ природѣ, и направитъ волны по враждебнымъ сыпучимъ пескамъ въ обходъ моря; оно-то не высохнетъ, а лишь убавится до озера, пожалуй—до пруда; но—увы!—и рѣка, не впадающая въ море, уменьшится до ручейка: если прежде она колыхала корабли, теперь ее закуютъ въ плотины и мальчики будутъ спускать по ней щепки... Понесутъ ущербъ и море, и всѣ ручьи, и гордая рѣка...

Дайте же польскому ручью течь по собственному руслу въ великое славянское море!

XV.

Чего хотятъ поляки? Что должна и можетъ имъ дать Россія?

Мечтаютъ ли они объ отложеніи отъ русскаго государства и затѣмъ образованіи собственнаго? Ни минуты! Сепаратизма нѣтъ въ Привислиньѣ; горячую голову, которая только заикнулась бы объ этомъ, высмѣяли бы, какъ школьника. Отдѣленіе Польши отъ Россіи было бы невыгодно для обѣихъ сторонъ и для поляковъ болѣе, чѣмъ для насъ. Сравнимъ, что потеряли бы мы и они.

Мы утратили бы территорію въ 110 тысячъ квадратныхъ верстъ съ населеніемъ до 10 милл., важную въ стратегическомъ отношеніи площадь съ рядомъ крѣпостей, стоившихъ не одну сотню милл. рублей; наши казенные доходы уменьшились бы приблизительно на 40 милл., получающихся отъ превышенія сборовъ съ Царства Польскаго надъ суммами, которыя уходятъ на управленіе имъ и военныя надобности здѣсь; несомнѣнно, пострадали бы русскія сельское хозяйство и промышленность, такъ какъ изъ имперіи ввозится въ Привислинье болѣе 105 милл. пудовъ разныхъ продуктовъ и товаровъ.

Нельзя отрицать всю серьезность ущерба, который понесла бы имперія вслѣдствіе отдѣленія отъ нея Царства Польскаго; тѣмъ не менѣе Россія и тогда, съ населеніемъ въ 120 милліоновъ и площадью въ 19.603.439 кв. верстъ, продолжала бы оставаться великою державой, какъ была раньше. Утративъ часть людей, земель, рынковъ и много денегъ, нравственно она только бы усилилась, какъ поправляется общее состояніе больного, у котораго вырѣзанъ ракъ. Энергія, расходуемая теперь на Привислинье, пошла бы на внутреннія губерніи, и такъ какъ здѣсь ей не зачѣмъ было бы уродовать себя обрусительными стремленіями, то самый характеръ примѣненія ея сталъ бы цѣлесообразнѣе и производительнѣе. Если на борзомъ конѣ и съ доброю сворой никакъ нельзя было взять «польскаго

зайца», то, послѣ того, какъ онъ скрылся бы съ нашего поля, мы отдохнули бы ужъ потому, что прекратили бы утомительную погоню. Моральная выгода до извѣстной степени возмѣщала бы нашъ матеріальный уронъ и ужъ во всякомъ случаѣ намъ не грозила бы гибель ни какъ націи, ни какъ государству.

Для Польши же отпаденіе отъ Россіи было бы равносильно если не смертному приговору, то ссылкѣ въ Германію на поселеніе. Не въ томъ была бы бѣда поляковъ, что маленькимъ государствамъ вообще круто живется среди могущественныхъ сосѣдей: самое соперничество этихъ послѣднихъ при нѣкоторой ловкости всегда можно обратить себѣ на пользу и очень долго существовать именно потому, что на твое существованіе одновременно зарятся нѣсколько великановъ, изъ которыхъ каждый хочетъ поглотить тебя цѣликомъ безъ дѣлежки съ другими. Но Германія, выпираемая изнутри на востокъ своими перенаселенностью и индустріальнымъ перепроизводствомъ, стихійно двинулась бы противъ независимой Польши, хотя бы для того, чтобы не потерять свою Познань. Не нужно вѣдь говорить, что освобожденный одноглавый орелъ и самъ отважно кинулся бы ко всѣмъ своимъ птенцамъ и они неудержимо тянулись бы къ нему. Въ своемъ натискѣ nach Osten нѣмцы до тѣхъ поръ не сомнутъ поляковъ, пока за ихъ спиною стоитъ, какъ резервъ, мощь одной изъ первоклассныхъ державъ, въ данный моментъ— Россіи.

Допустимъ, что, уйдя отъ насъ и спасаясь отъ пруссаковъ, поляки бросятся въ объятія Вѣны, которая на Галиціи показала примѣръ уваженія къ чужой народности. Но, значитъ, Польша снова перестанетъ быть независимою, хотя бы ея положеніе стало лучшимъ сравнительно съ теперешнимъ, вовсе не лишеннымъ, при одномъ условіи, возможности прогрессировать въ положительную сторону. Замѣтимъ, что перспектива соединенія съ Австріей сулитъ полякамъ расширеніе лишь чисто-политическихъ правъ и представляется довольно безотрадною для экономической сферы. Отъ полусвободной подъ габсбургскою гегемоніей Польши мы огородились бы стѣною запретительныхъ пошлинъ: гдѣ

нашли бы себѣ сбытъ фабриканты лодзинскаго района? Ужъ не въ Галиціи ли, разоренность которой, прямо пропорціональная широтѣ ея автономическаго устройства, является сознательнымъ плодомъ нѣмецкой-таки въ концѣ-концовъ политики центральнаго правительства? Или въ чисто-австрійскихъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, областяхъ, съ ихъ высоко развитою индустріей, которая сама молитъ о новыхъ рынкахъ? Могутъ сказать, что протекціонизмъ въ Россіи не вѣченъ; разумѣется, но фритредерскую Россію завалятъ издѣлія не Польши, а странъ, ростомъ своей промышленности неизмѣримо превзошедшихъ поляковъ и насъ. Однако, это соображеніе еще не позволяетъ сдѣлать обратнаго вывода, будто при свободѣ торговли Привислинье утратитъ тѣ преимущества, которыя созданы отсутствіемъ таможенной черты между нимъ и коренными русскими губерніями: при побѣдѣ фритредерства Польша, принужденная теперь въ изрядныхъ количествахъ покупать наши издѣлія (см. W. Żukovski, „Bilans handiowy guberniy Królestwa Polskiego", Warszawa, 1901 и 1902), используетъ его выгоды не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ мы; сверхъ того, само географическое положеніе обезпечиваетъ за Царствомъ посредническую роль между Западомъ и имперіей, тѣмъ болѣе, что охранительныя пошлины не будутъ же отмѣнены нами безъ соотвѣтствующихъ льготъ со стороны граничащихъ государствъ. Непосредственная близость Польши къ послѣднимъ позволитъ ей исчерпать эти льготы особенно энергично и многообразно.

Такова политическая проза, которая не можетъ не охладить мечтаній самыхъ восторженныхъ романтиковъ сепаратизма. Но ихъ нѣтъ теперь въ Царствѣ. Мы имѣемъ передъ собою трезво настроенныхъ людей, которые не хотятъ за мигъ независимости заплатить нищенствомъ подъ верховенствомъ Австріи или ношеніемъ цѣпей, предусмотрѣнно заготовленныхъ Пруссіей, и попрежнему остаться несвободными, смѣнивъ господъ, но не ставъ господами. Имѣйте въ виду, что я исхожу изъ совершенно недопустимаго предположенія, будто Россія сама согласится возвратить Польшѣ независимость; но свободы не даютъ, ее

только берутъ, и мысль взять ее съ собою, безъ иностраннаго вмѣшательства, своею несбыточностью сама по себѣ вытравляетъ всѣ сепаратическія зерна. Возможно ли такое вмѣшательство, приготовленія къ которому какъ будто дѣлались въ 63 году? Но дальше этого «какъ будто» дѣло не пошло и никогда не пойдетъ; съ вѣкомъ латъ и шишаковъ умерло не только рыцарство, но и рыцарственность; политику теперь дѣлаетъ купецъ и воюютъ изъ-за рынковъ, а не для торжества справедливости на землѣ. Платонически сочувствуя гуманности, дипломаты отдаютъ на службу ей перья, а пушки и пулеметы сберегаютъ для менѣе возвышенныхъ, но болѣе полезныхъ предпріятій. Если бы образовалась какая-нибудь польская конфедерація, новый Дюмурье пришелъ бы къ ней съ предложеньемъ не головы, а подряда. Международное право оправдываетъ всякое безправіе и налагаетъ не больше обязательствъ, чѣмъ приписка въ концѣ письма объ «искренней готовности служить». Наполеонъ Маленькій, большой мастеръ обѣщать, когда это было ему выгодно, выбилъ послѣднюю опору изъ-подъ давнихъ польскихъ надеждъ на заступничество Европы. Поляки признали свое одиночество даже между романцами и поняли, что судьбу ихъ, какъ части славянства, могутъ измѣнить лишь славянскія руки. Настолько сепаратистическая идея чужда польскому народу въ цѣломъ, что, какъ это ни парадоксально, можно было бы ожидать взрыва недовольства въ обществѣ, если бы мы, по сказочному капризу, вдругъ оставили Привислинье, увели оттуда свои войска, закрыли границу и сказали полякамъ: «довольно!.. Живите сами, а то мы только мучимъ другъ друга!»

Итакъ, внѣ зависимости вопроса объ осуществимости отдѣленія Польши отъ Россіи, оно разрубило бы, но не развязало русско-польскія отношенія и осложнило бы затѣмъ австрійско- или германско-польскія. Оно не вернуло бы Польшѣ и независимости, которая — больше обязательство, чѣмъ право, и только тогда бываетъ терминомъ, а не реальностью, когда служитъ игрушкою государственности, въ родѣ Санъ-Марино или Андорры. Независимая Польша была бы больше этихъ респу-

бликъ и неизмѣримо меньше облегающей ее Германіи, которая съ выносливостью страусова желудка глотаетъ всякіе славянскіе камни. Нельзя Германію сравнивать съ пережившей себя Турціей, изъ трупа которой растутъ и будутъ расти маленькія балканскія государства, повитыя нами, а пестуемыя Австріей. Если независимость не обѣщаетъ выгодъ ни полякамъ по ея призрачности, которую немедленно замѣнитъ нѣмецкое угнетеніе, ни русскимъ, не желающимъ путемъ собственныхъ потерь усиливать германскій элементъ, то обѣ націи должны отказаться отъ сепаратизма, какъ причиняющаго вредъ славянской идеѣ. Интересы рода важнѣе, чѣмъ видовъ, и всякое рѣшеніе «стараго спора» будетъ неправильнымъ, если оно, даже удовлетворяя одну изъ сторонъ, станетъ вредить славянству въ общемъ. Не претендуя на независимость, поляки не могутъ, однако, примириться съ тѣмъ, что имѣютъ теперь; въ равной степени нынѣшнее ихъ положеніе, кромѣ зла, ничего не приноситъ и намъ. Если одна крайность нежелательна, а другая — нестерпима, остается выбрать среднее, которое установитъ въ славянствѣ искомую гармонію между Польшей и Россіей, возродивъ первую законною самобытностью и сохранивъ силы второй, такъ какъ ихъ не надо будетъ терять тогда на «удержаніе въ покорности» десяти будирующихъ милліоновъ. Выслушаемъ голосъ польскаго общественнаго мнѣнія, поскольку оно отразилось въ программахъ политическихъ партій, и посмотримъ, внушаетъ ли надежду предлагаемый способъ исцѣленія взаимнаго недуга.

О польскихъ «партіяхъ» писалось въ послѣдніе дни очень много; всѣми изслѣдователями было, однако, упущено изъ вида, что это слово имѣетъ въ Привислинѣ вовсе не такое значеніе, какъ въ странахъ, гдѣ человѣкъ не есть исключительно податная единица, и даже болѣе узкое, чѣмъ у насъ, гдѣ стѣсненіямъ полагался извѣстный предѣлъ, ну, хотя принадлежностью бюрократіи и управляемыхъ къ одной и той же народности. Намъ указывалось, что можно и чего нельзя говорить, но не предписывалось, напр., забыть родной языкъ для чужого. Если наши уста были только на уздечкѣ, то польскіе запирались прямо на

замокъ, и можно себѣ представить, какъ заразительно смѣялся бы любой иностранецъ, узнавъ, что программы польскихъ «партій» печатались... въ петербургскихъ газетахъ: для Варшавы онѣ были контрабандою. Если мы были приглашены въ приготовительный классъ самоуправленія, ведя хозяйство земствъ и городовъ, то поляковъ не допустили дальше его азбуки въ гминѣ. При запретѣ всякой общественной дѣятельности политическія воззрѣнія легальныхъ поляковъ могутъ найти себѣ приложеніе въ жизни не больше, чѣмъ воздыханія влюбленнаго кастрата. Такимъ образомъ, польскія партіи не являются активными политическими силами и не означаютъ группъ, организованныхъ въ трудѣ для согражданъ. Имъ не ввѣренъ никакой трудъ, онѣ устранены отъ строительства самыхъ несложныхъ формъ быта. Это формулы безъ реальной подкладки, выражающія настроеніе общества, а не интересы опредѣленныхъ классовъ. Партіи не могли попробовать себя на оселкѣ практической дѣятельности, хотя бы такомъ скромномъ, какъ мѣстное хозяйство, и потому ихъ программы, на ряду съ широтою уже до безформенности, страдаютъ необычайною колеблемостью. Границы ихъ очень расплывчаты и оттѣнки часто сливаются. Нечего поэтому удивляться, что человѣка, принадлежащаго къ такой-то партіи, вы черезъ нѣсколько дней видите въ рядахъ другой: это не ренегатство и даже не гражданская незрѣлость, это — неминуемое слѣдствіе полной оторванности отъ дѣловой почвы и паренія въ мірѣ абстрактностей, гдѣ существуетъ цѣпь логическихъ звеньевъ между понятіями, реальныя воплощенія которыхъ исключаютъ другъ друга. Собственно, эти партіи могутъ быть названы политическими съ такимъ же правомъ, какъ войною — маневръ съ обозначеннымъ противникомъ; строить на нихъ однихъ догадки о соотношеніи польскихъ политическихъ силъ при будущемъ строѣ можно не съ большимъ основаніемъ, чѣмъ восхищаться игрою музыканта, упражняющагося на такъ наз. «глухой», т.-е. не издающей звуковъ, скрипкѣ. Конечно, группировка партій и ихъ лозунги существенно измѣнятся, едва онѣ станутъ гласными и отъ словъ будутъ въ состояніи перейти къ дѣлу;

такъ, на порогѣ его уже должны были разсѣяться угодовцы, нынѣ объединившіеся въ «партію реальной политики». Программы тогда получатъ необходимую ясность и пластичность и у многихъ старыхъ понятій явится новое содержаніе. Неизбѣженъ также процессъ поглощенія частностей новыми соединеніями и дробленія старыхъ. Жизнь — самый лучшій вербовщикъ, и лагери, на которые она раздѣлитъ поляковъ, уже не будутъ воображаемыми. Относительная цѣнность программъ не мѣшаетъ имъ имѣть большое симптоматическое, если можно такъ выразиться, значеніе: это — первыя слова отъ сердца, оброненныя націей послѣ 40-лѣтняго молчанія, это — выводы изъ «органической работы», которую съ честью несли и несутъ на себѣ поколѣнія, это — щитъ и мечъ выстраданнаго возрожденія. Многое будетъ говориться партіями впослѣдствіи и красивѣе, и сильнѣе; никогда не будетъ сказано что-либо искреннѣе и проще. Между людьми разныхъ становъ уже завязалась борьба, но чѣмъ сходнѣе ихъ взгляды на отдѣльные предметы, при рѣзкой противоположности всего міропониманія, тѣмъ съ большимъ довѣріемъ можемъ мы признать такія дружно раздѣляемыя пожеланія — не партійными голосами, а всего общества. Пунктъ, спеціально насъ интересующій — русско-польскія отношенія, всѣми партіями понимается тождественно; разногласія начинаются послѣ.

Послѣ 17 октября 1905 года, когда, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ, россійскій подданный сталъ гражданиномъ, угодовцамъ, ратовавшимъ лишь за подобіе правъ на гражданственность для поляковъ, приходилось или исчезнуть вовсе или выработать новую программу, въ отличіе отъ старой — уже исключительно созидательную, положительную. Она была формулирована и опубликована въ послѣднихъ же числахъ октября, и сама партія приняла новое названіе, подчеркнувъ въ немъ практицизмъ своихъ задачъ и тактики. Для ознакомленія съ «партіей реальной политики» достаточно слѣдующихъ выдержекъ изъ ея воззванія къ соотечественникамъ:

Принципы и задачи «реалистовъ».

Россія возрождается, преобразовываясь въ современномъ духѣ, и можетъ сдѣлаться могущественнымъ государствомъ, опирающимся уже не на силу и насиліе, не на господство и своеволіе централизованной бюрократіи, но на принципы права и свободы: права,— равнаго для всѣхъ гражданъ, и свободы — для всѣхъ входящихъ въ составъ государства народовъ.

Въ этомъ новомъ періодѣ ея исторіи, въ виду тѣхъ реформъ, которыя происходятъ на нашихъ глазахъ, и тѣхъ, которыя мы можемъ предвидѣть въ будущемъ, мы въ правѣ питать увѣренность, что въ могущественномъ славянскомъ государствѣ, какимъ явится Россія, преобразованная на правовыхъ основаніяхъ, мы найдемъ опору, а также условія для развитія и польской народности, т.-е. для того, что составляетъ цѣль нашихъ политическихъ усилій.

Мы прежде всего считаемъ нужнымъ какъ самимъ себѣ, такъ и русскому общественному мнѣнію выяснить наше отношеніе къ единству государства.

Мы должны поэтому категорически заявить, что, домогаясь для нашего края учрежденій, отвѣчающихъ нашимъ историческимъ, народнымъ и культурнымъ особенностямъ, мы въ то же время стоимъ на почвѣ государственнаго единства и желаемъ получить также полныя гражданскія права въ области общегосударственныхъ интересовъ.

А этого общегосударственнаго во всей его полнотѣ равноправія мы домогаемся для того, чтобы совмѣстно съ представителями русскаго и другихъ народовъ стать участниками укрѣпленія на пути свободы и прогресса того государства, въ которомъ мы надѣемся обрѣсти свою высшую цѣль — благо и расцвѣтъ польской народности.

Политическія задачи.

Исходя изъ этихъ основаній, мы полагаемъ, что съ момента установленія общегосударственнаго представительства нашимъ правомъ и обязанностью будетъ ревностная и умѣлая работа въ общегосударственномъ представительномъ учрежденіи и всѣми легальными путями съ цѣлью добиться тѣхъ реформъ, которыя являются необходимымъ условіемъ общаго блага и правильнаго развитія какъ всего государства, такъ равно и отдѣльныхъ, входящихъ въ составъ его народовъ.

Въ области общегосударственныхъ интересовъ

мы будемъ стремиться:

1) къ полному и всестороннему примѣненію во всей системѣ государственнаго управленія началъ законности, равно обязывающей какъ гражданъ, такъ и представителей власти, къ уваженію пріобрѣтеній культуры и права собственности;

2) къ признанію во всемъ государствѣ полнаго равенства личныхъ (гражданскихъ и политическихъ) правъ всѣхъ гражданъ безъ различія происхожденія, состоянія, народности или вѣроисповѣданія, съ обезпеченіемъ правъ народнаго и культурнаго меньшинства;

3) къ признанію и послѣдовательному проведенію въ жизнь началъ: неприкосновенности личности и жилища, свободы совѣсти и исповѣданія, свободы обученія, свободы слова и печати, свободы собраній и союзовъ и, наконецъ, свободы передвиженія внутри государства и выѣзда за границу;

4) къ преобразованію общегосударственнаго народнаго представительства въ смыслѣ расширенія его компетенціи, обезпеченія неприкосновенности народныхъ представителей, а также къ измѣненію избирательнаго закона въ направленіи предоставленія избирательныхъ правъ болѣе широкимъ слоямъ интеллигенціи и представительству рабочихъ массъ;

5) къ совершенному отдѣленію административной власти отъ судебной, проведенію избирательнаго начала въ низшихъ судебныхъ мѣстахъ, полной компетенціи суда присяжныхъ, на ряду съ упраздненіемъ какихъ бы то ни было наказаній, ограниченій и осужденій въ порядкѣ административномъ;

6) къ расширенію земскаго и городского мѣстнаго самоуправленія.

Относительно Царства Польскаго

мы будемъ продолжать стоять на той точкѣ зрѣнія, что всѣ историческія, этнографическія и культурныя особенности Царства Польскаго должны быть признаны и удовлетворены въ возможно-полномъ объемѣ. Въ виду этого при общности учрежденій общегосударственныхъ мы будемъ стремиться:

a) къ пріобрѣтенію для Царства Польскаго такихъ автономныхъ учрежденій и органовъ самоуправленія, которые, въ предѣлахъ государственнаго единства, осуществляли бы право народа на самоопредѣленіе въ своихъ мѣстныхъ нуждахъ и интересахъ;

b) къ признанію правъ польскаго языка, какъ областного, въ управленіи, судахъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ;

c) къ публичному обученію на народномъ языкѣ и въ народномъ *духѣ, и наконецъ;*

d) къ сохраненію и развитію народной культуры въ цѣломъ рядѣ учрежденій и во всѣхъ сферахъ общественной жизни.

Уже въ самыхъ названіяхъ двухъ другихъ надпольныхъ партій — національно-демократической и прогрессивно-демократической — чрезвычайно характерно и это подчеркиваніе народническихъ тенденцій, подтверждающее нашъ выводъ о глубокой демократизаціи всего общества, и безсознательное противопоставленіе націонализма прогрессу. Національны онѣ обѣ, но первая нѣсколько и націоналистична, не безъ преемственной, быть-можетъ, связи съ существовавшей нѣкогда шовинистской «всепольской» партіей. Многолюднѣе и сравнительно лучше организованы прогрессивные демократы. Съ ихъ воззрѣніями ознакомилъ русскую публику талантливый г. Сѣрошевскій («Наши Дни», 1905, № 27); позволю себѣ сдѣлать то же, пользуясь другими неопубликованными матеріалами, любезно врученными мнѣ въ Варшавѣ.

Съ самаго начала прогрессивные демократы заявляютъ, что подъ Польшею они разумѣютъ площадь лишь теперешнихъ 10 привислинскихъ губерній; такимъ образомъ, съ корнемъ вырывается мучительно нывшій зубъ, который мы имѣли противъ поляковъ,—ихъ прежнія притязанія на границы 1772 года. Эта разумная и дальновидная оговорка прекрасно мотивирована слѣдующими двумя соображеніями: 1) «хотя, — говорятъ прогрессисты,—территоріальныя границы Царства Польскаго обнимаютъ меньшее пространство въ Россійскомъ государствѣ, нежели населенность польскаго народа, мы ограничиваемъ наши пожеланія этими предѣлами, потому что они составляютъ географическую базу юридико-политической организаціи, которую вѣнскій конгрессъ выкроилъ изъ раздѣленнаго польскаго государства и которую русскіе получили съ обязательствомъ сохраненія ея самобытности»; 2) «къ исключенію изъ нашей программы правъ Литвы и (западной) Руси, съ которыми насъ соединила историческая судьба, побуждаетъ насъ еще и то обстоятельство, что въ этихъ краяхъ обнаружились самобытныя литовскія и русскія *теченія, которымъ* мы охотно предлагаемъ союзъ съ нами, но

отнюдь не можемъ навязывать своей опеки». Полякамъ въ этихъ областяхъ достаточно дать ту же полноту правъ, что и прочимъ гражданамъ. Ставъ на незыблемую почву уваженія къ чужимъ народностямъ, чего хотятъ прогрессисты для своей? Отдѣльной юридико-политической организаціи для Царства Польскаго, приспособленной къ условіямъ времени и нуждамъ общества. Царство должно получить самоуправленіе, основанное на собственномъ основномъ законѣ, который будетъ установленъ сеймомъ, избраннымъ путемъ всеобщей, тайной, равной и прямой подачи голосовъ. «Такого самоуправленія не можетъ замѣнить допущеніе представителей Царства Польскаго въ Государственной Думѣ». Въ послѣдней фразѣ ясно слышится опасеніе, — раздѣляемое многими поляками, не знающими русскаго общества, — торжества въ Думѣ шовинистскихъ, ультра-націоналистическихъ элементовъ. Само по себѣ представительство вѣдь не обезпечиваетъ правъ инородческихъ меньшинствъ; въ Познани Германія держится системы «законнаго насилія» по всѣмъ правиламъ конституціоннаго убійства, не допускающаго самозащиты и не возбуждающаго негодованія. Естественно, поляки хотятъ новаго режима въ Привислиньѣ, а не санкціонированія Думою стараго. Однако, если и рѣшительно отвергнуть послѣднее предположеніе, требованіе широкаго самоуправленія остается въ полной силѣ, потому что народъ созрѣлъ для него, а иной строй достаточно выяснилъ свою непригодность.

Какъ видите, пожеланія прогрессивныхъ демократовъ, такъ же какъ и «реалистовъ», сводятся къ автономическому устройству Царства Польскаго, т.-е. той формѣ быта, которую около 40 лѣтъ еще тому назадъ дало вѣнское правительство Галиціи, тѣмъ самымъ обезпечивъ себѣ непоколебимую лойяльность подданныхъ польскаго происхожденія. Какъ же представляютъ себѣ эту автономію прогрессисты? Вотъ одинъ изъ проектовъ, наиболѣе популярный, не исключающій варіантовъ, впрочемъ, незначительныхъ.

I. Предѣлы автономіи.

1) Царство Польское, составляя часть государства Россійскаго, имѣетъ свое особое мѣстное управленіе съ особымъ народнымъ представительствомъ.

2) Корона Царства Польскаго наслѣдственна въ лицѣ Императора Всероссійскаго въ порядкѣ, установленномъ для престолонаслѣдія Императорско-Россійскаго.

3) Царь, на время своего отсутствія, назначаетъ намѣстника Своего, который обязанъ имѣть мѣстопребываніе въ Царствѣ.

4) Намѣстникомъ можетъ быть только полякъ.

5) Дѣла внѣшней политики будутъ общія для имперіи и для Царства и будутъ находиться въ вѣдѣніи правительства имперіи Россійской.

6) Вѣдѣнію центральнаго правительства подлежатъ также: всякаго рода трактаты и конвенціи, установленіе пошлинъ, акцизъ, монетное дѣло, дѣла почтовыя и телеграфныя, наконецъ вопросы строительства желѣзныхъ дорогъ и иныхъ путей сообщенія, сухопутныхъ и водныхъ, поскольку они имѣютъ стратегическое значеніе.

7) Войска въ имперіи и въ Царствѣ составляютъ одно цѣлое и подлежатъ вѣдѣнію имперіи. Однако, граждане Царства Польскаго призываются на военную службу только въ полки, расположенные въ предѣлахъ Царства.

8) Между имперіею и Царствомъ никакой таможенной границы не будетъ. Всѣ товары будутъ переходить изъ Царства въ имперію и обратно безпошлинно.

9) Казна Царства будетъ существовать независимо отъ казны имперіи. Всѣ налоги, какъ прямые, такъ и косвенные, взимаемые въ предѣлахъ Царства, принадлежатъ исключительно этой казнѣ. Лишь таможенныя пошлины на заграничные товары, перевозимые транзитомъ въ имперію, будутъ въ цѣлости возвращаемы казнѣ имперіи.

10) Казна Царства будетъ участвовать въ расходахъ на цѣли обще-государственныя. Сумма, каковая для этой цѣли должна быть вносима въ казну имперіи, опредѣляется процентнымъ отношеніемъ населенія Царства къ населенію имперіи, согласно статистической переписи народонаселенія, совершаемой черезъ каждыя десять лѣтъ.

11) Правительственныя желѣзныя дороги, почтово-телеграфныя учрежденія и казенные телефоны, существующіе въ предѣлахъ Царства Польскаго, будутъ управляться администраціей Царства на счетъ казны Царства. Собственность той же казны составляютъ всѣ имѣнія, лѣса, городскія недвижимости и вообще все то, что теперь составляетъ собственность правительства.

II. Общія гарантіи.

12) Всѣ вѣроисповѣданія будутъ пользоваться одинаковою опекою закона.

Никто не можетъ быть принуждаемъ къ принятію какого-либо вѣроисповѣданія. Разница вѣроисповѣданія, либо безвѣріе не будутъ составлять никакого препятствія для занятія какихъ-либо должностей. Свобода перемѣны одного вѣроисповѣданія на другое, свобода воспитанія дѣтей въ какой угодно религіи, либо безъ опредѣленной религіи гарантируются безъ какихъ-либо ограниченій.

13) Свобода личности, неприкосновенность собственности, жилища, свобода всякаго рода собраній, сходокъ, союзовъ и обществъ, свобода рабочихъ забастовокъ, наконецъ свобода перемѣны мѣстожительства гарантируются безо всякихъ ограниченій.

14) Свобода слова и печати будетъ полная и неограниченная, за исключеніемъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ уголовномъ уложеніи.

15) Лишеніе личной свободы можетъ имѣть мѣсто лишь на основаніи рѣшенія соотвѣтственнаго судебнаго учрежденія.

16) Все дѣлопроизводство административное и судебное безъ исключеній будетъ совершаться на польскомъ языкѣ.

Въ уѣздахъ съ населеніемъ литовскимъ и русскимъ мѣстный языкъ будетъ занимать положеніе, равноправное съ польскимъ.

17) Всѣ офиціальныя должности могутъ быть занимаемы только гражданами Царства безъ различія вѣроисповѣданія и происхожденія.

18) Царство будетъ имѣть народное представительство: сеймъ, коему ввѣряется законодательство Царства.

19) Судебная власть будетъ вполнѣ независима отъ администраціи. Судьи будутъ неприкосновенны и безъ судебнаго приговора не могутъ быть смѣщаемы.

20) Администрація будетъ контролироваться высшимъ административнымъ судомъ, составленнымъ изъ пожизненныхъ членовъ. Этотъ судъ будетъ рѣшать въ послѣдней инстанціи жалобы на всѣ чины Царства.

21) Вводится обязательное и безплатное начальное образованіе на родномъ языкѣ.

Среднее и высшее образованіе будетъ вестись на польскомъ языкѣ. Кромѣ того, будутъ открываемы публичныя учебныя заведенія съ преподаваніемъ на иныхъ языкахъ для національныхъ меньшинствъ. Частное образованіе не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ.

22) Будетъ изданъ кодексъ защиты труда, вмѣщающій въ себѣ рабочее законодательство, страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ,

а равно краевое эмеритальное страхованіе для лицъ, живущихъ собственнымъ трудомъ.

23) Будетъ установлена свободная отъ экзекуціи минимальная собственность и между прочимъ недвижимая домашняя усадьба.

III. Намѣстникъ.

24) Въ отсутствіе Монарха намѣстнику принадлежитъ высшая административная власть въ краѣ.

IV. Народное представительство.

25) Сеймъ будетъ состоять изъ пословъ, избираемыхъ всеобщимъ, тайнымъ, равнымъ и прямымъ голосованіемъ, въ отношеніи одного посла на 25.000 жителей. Активное избирательное право принадлежитъ каждому совершеннолѣтнему жителю Царства, безъ различія пола, пользующемуся всѣми гражданскими правами (постоянному жителю). Пассивное избирательное право принадлежитъ каждому постоянному жителю Царства безъ различія пола, имѣющему, по крайней мѣрѣ, 25 лѣтъ отъ роду и пользующемуся активнымъ избирательнымъ правомъ. Лишены будутъ пассивнаго избирательнаго права военные, административные и полицейскіе чиновники, кромѣ директоровъ правительственныхъ комиссій. Обезпечено будетъ представительство національнымъ меньшинствамъ путемъ установленія особыхъ національныхъ избирательныхъ курій въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ. Сеймъ обновляется полностью черезъ каждые четыре года.

26) Сеймъ совершаетъ законодательную работу, устанавливаетъ законы, налоги, утверждаетъ ежегодно бюджетъ, имѣетъ надъ нимъ контроль и т. д., устанавливаетъ законы либо по иниціативѣ административнаго совѣта, либо по собственной. Законъ, установленный сеймомъ, утверждаетъ Монархъ.

27) Сеймъ Царства избираетъ изъ своего состава делегатовъ въ обще-государственное представительство имперіи. Число этихъ представителей будетъ соотвѣтствовать численности населенія Царства, согласно общему избирательному праву для всего государства.

28) Изъ компетенціи сейма Царства исключаются нижеслѣдующія дѣла, входящія въ компетенцію законодательной власти имперіи:

а) внѣшняя политика;

б) военныя дѣла;

в) политическіе и торговые трактаты;

г) таможенное, акцизное и монетное дѣло;

д) дѣла почтовыя, телеграфныя и телефонныя, за исключеніемъ мѣстныхъ тарифовъ и платъ;

е) желѣзнодорожные тарифы въ прямомъ сообщеніи;

ж) окончательное рѣшеніе въ вопросахъ строительства желѣзныхъ дорогъ и иныхъ сообщеній сухопутныхъ и водныхъ и всякихъ сооруженій, поскольку они имѣютъ стратегическое значеніе;

з) обще-государственный долгъ.

V. Администрація.

29) Административная власть въ краѣ принадлежитъ нижеслѣдующимъ комиссіямъ:

1) внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ;

2) народнаго просвѣщенія;

3) казны, торговли, промышленности и путей сообщенія;

4) юстиціи;

5) контроля.

Во главѣ каждой комиссіи стоитъ главный директоръ. Всѣ главные директоры назначаются Монархомъ и отвѣтственны передъ сеймомъ. Вмѣстѣ они составляютъ административный совѣтъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ намѣстника.

30) Край раздѣляется на воеводства, а тѣ — на уѣзды; воеводствомъ управляетъ губернаторъ, уѣздомъ — уѣздный начальникъ. Чиновниковъ этихъ назначаетъ административный совѣтъ.

VI. Самоуправленіе.

31) Въ каждомъ воеводствѣ будетъ особое автономное отдѣленіе, независимое отъ губернатора, которое будетъ завѣдывать всѣми мѣстными дѣлами, какъ-то: школами, дорогами, общественнымъ призрѣніемъ и т. д. Равнымъ образомъ въ уѣздахъ будутъ уѣздныя отдѣленія, завѣдующія мѣстными дѣлами и подчиненныя воеводскимъ отдѣленіямъ. Личный составъ автономныхъ установленій избирается путемъ всеобщаго, тайнаго, равнаго и прямого голосованія. Избирательное право, активное и пассивное, будетъ такое же, какъ при выборахъ въ сеймъ.

32) Послѣднее звено администраціи и самоуправленія составляетъ всесословная гмина, городская и сельская. Во главѣ гмины стоитъ бургомистръ въ городѣ и войтъ — въ деревнѣ. Кромѣ того, будутъ гминные и городскіе совѣты, при чемъ въ сельскихъ гминахъ выс-

шею властью будетъ гминное собраніе. Избирательное право, активное и пассивное, опредѣлено будетъ въ гминахъ на тѣхъ же основаніяхъ, что и при выборахъ въ сеймъ.

Слабая обоснованность и эскизность нѣкоторыхъ пунктовъ этого проекта представляютъ широкое поле для критики; избѣжать отдѣльныхъ погрѣшностей онъ, конечно, и не могъ, какъ выраженіе пожеланій лишь одной заинтересованной стороны, безъ поправокъ, которыя можетъ внести другая. Совершенно, напр., не опредѣлена компетенція намѣстника; не упомянуто, на какомъ языкѣ будутъ вестись сношенія съ центральнымъ правительствомъ, равно какъ и о самыхъ формахъ общенія съ нимъ (намѣстничество, статсъ-секретаріатъ, делегаціи или обычный канцелярскій путь) не говорится ни слова; представленіе должностей въ Царствѣ исключительно его гражданамъ, т.-е. уроженцамъ края, ограничивало бы право другихъ лицъ въ силу одного ихъ происхожденія и, слѣдовательно, противорѣчило бы основнымъ взглядамъ прогрессистовъ; не указана далѣе необходимость для уроженцевъ Забужья и коренной Россіи имѣть въ высшихъ судебныхъ инстанціяхъ отдѣленія, гдѣ дѣла, по желанію, могли бы слушаться и на русскомъ языкѣ — еще длинный рядъ серьезныхъ недоумѣній возбуждаетъ проектъ. Ни излагать ихъ здѣсь, ни тѣмъ болѣе обсуждать мы не будемъ. Прежде всего документъ, нами приведенный, самимъ полякамъ вовсе не представляется кораномъ, гдѣ нельзя ни выкинуть, ни добавить даже запятой; наоборотъ, все время онъ подвергается переработкѣ; неизмѣнна только основа — автономическое устройство — остальное же, послѣ совмѣстнаго труда, можетъ быть соглашено ко взаимному удовольствію русскихъ и поляковъ. Этого проекта могло бы не существовать вовсе, какъ и партіи, его создавшей, но положеніе нисколько не стало бы другимъ: требованіе автономіи продолжало бы быть столь же всеобщимъ, столь же настоятельнымъ, естественнымъ и безусловно выгоднымъ для обѣихъ націй. «Одно государство, но два быта», говоритъ намъ польскій народъ, какъ одинъ человѣкъ. Нравственныя побужденія и предвидѣніе непосредственной пользы для общей

государственности, счастливо совпадая въ данномъ случаѣ, обязываютъ Россію покончить «старый споръ» такимъ полюбовнымъ размежеваніемъ. Важно, чтобы русское общество признало самый принципъ, проникло́сь убѣжденіемъ, что нѣтъ другого средства для радикальнаго уврачеванія русско-польскаго недуга, а новые палліативы будутъ лишь затягивать болѣзненный процессъ. Никакія частности прогрессистскаго плана или какихъ-нибудь иныхъ не должны смущать нашей національной щекотливости; оба племени столкуются немедленно на самыхъ братскихъ началахъ, едва нами будетъ одобренъ автономическій фундаментъ. Я цѣликомъ привелъ одинъ изъ проектовъ наиболѣе вліятельной партіи лишь съ тою цѣлью, чтобы русская публика по первоисточнику могла судить, насколько далека передовая фракція польскаго общества отъ сепаратистскихъ наклонностей.

Крупное симптоматическое значеніе имѣетъ и общая мотивировка программы прогрессивно-демократической партіи («Zasady programu postępowo-demokratycznego»). Здѣсь совершенно справедливо указывается, что внѣшнія притѣсненія безсильны совладать съ могучимъ потокомъ жизни: онъ уходитъ подъ землю, если не даютъ ему течь наверху, скрывается, но не изсякаетъ. «Собственно говоря,—заявляютъ прогрессисты,—значительною частью того, чего мы теперь домогаемся, фактически мы пользуемся постоянно: мы храним нашу національную и культурную самобытность, учимся на польскомъ языкѣ и т. д. Правда, эта самобытная жизнь развивается въ катакомбахъ, погребахъ, за прикрытіями; мы же хотѣли бы вывести ее на свѣтъ Божій и открыть ее всю. Мы просимъ поэтому лишь гласности для того, что дѣлаемъ и будемъ дѣлать тайкомъ. И требуемъ мы искренне, безо всякаго лицемѣрія, рабски-нищенствующаго, безъ хитростей и лжи, но съ вѣрою, что искренность полезна для обѣихъ сторонъ»... («Żądamy szczerze, bez niewolniczo-żebraczej obłudy, bez podstępnego kłamstwa, natomiast z miarą, że szczerość rzetelna dla obu stron jest pożyteczna»). Эта искренность такъ глубока, что ея не въ силахъ поколебать перспектива возможныхъ экономическихъ затрудненій,

даже бѣдствій. Я уже указывалъ на громадное значеніе, которое рынки имперіи имѣютъ для обрабатывающей промышленности Царства. «Признавая всю важность экономическихъ связей, соединяющихъ Царство Польское съ имперіей, — говоритъ прогрессивная партія, — мы думаемъ, что вопросъ объ ихъ сохраненіи или уничтоженіи есть вопросъ второстепенный и что онъ не можетъ предрѣшать законности требованія нами автономіи». Другими словами, если за автономію нужно заплатить обнищаніемъ края и, предоставивъ ее намъ, вы не захотите безпошлинно впускать польскіе фабрикаты въ имперію, — дѣлайте это, но только дайте намъ самоуправленіе, безъ котораго жизнь — не въ жизнь и теперешній матеріальный достатокъ — не сладость!

Нѣкоторые поляки подвергаютъ сомнѣнію даже самое существованіе національно-демократической партіи. Группу людей, присвоившихъ себѣ ея имя, журналъ очень наблюдательнаго публициста г. Свентоховскаго «Правда» назвалъ «мѣшаниной» элементовъ, «окрашенныхъ всѣми цвѣтами радуги и столь различныхъ между собою по убѣжденіямъ, стремленіямъ и моральнымъ девизамъ, что даже въ Ноевомъ ковчегѣ не было столь большихъ видовыхъ различій». В. Л. Сѣрошевскій указалъ въ «Правѣ» (1905 г., № 19), что до самаго послѣдняго времени у націоналъ-демократовъ не было опредѣленной программы, а когда въ ней встрѣтилась жгучая надобность, то, боясь распаденія партіи, они наскоро передѣлали докладную записку гр. Тышкевича о злоупотребленіяхъ привислинской администраціи и, «ничтоже сумнишася», выставили этотъ документъ, какъ теоретическое обоснованіе своихъ взглядовъ. Какъ видите, еще задолго до настоящей борьбы, въ Варшавѣ уже дѣлаются полемическіе выпады; національные демократы парируютъ прогрессивнымъ если не совсѣмъ удачно, то не съ меньшимъ ожесточеніемъ. Этотъ турниръ, даже когда онъ совершенно чуждъ личностей, представляетъ мало интереса уже потому, что и партія и самыя программы перетасуются до неузнаваемости, какъ только изъ поръ редакцій и кабинетовъ польскіе дѣятели выйдутъ на ши-

рокое раздолье общественнаго труда. Пока же, сверхъ отмѣченной мною націоналистической струйки, у второй польской демократической партіи больше угадывается, чѣмъ констатируется,— тяготѣніе вправо вплоть до заигрыванія съ консервативными элементами и наблюдается нескрываемая боязнь законодательнаго соучастія четвертаго сословія: всеобщей подачи голосовъ она не признаетъ. Программа, изложенная національными демократами («Русь», 1905, № 88), такова:

„Грозныхъ недуговъ теперешняго положенія не могутъ устранить никакія частныя реформы. Дѣйствительныя улучшенія могутъ быть достигнуты лишь при обоснованіи государственной принадлежности Царства Польскаго въ Россійской имперіи на началахъ автономіи края, истекающихъ изъ его польскаго характера и сообразующихся съ его природными особенностями, историческимъ развитіемъ и соціально-экономическимъ строемъ. Такимъ началамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ общесознаваемымъ нуждамъ и требованіямъ польскаго общества, соотвѣтствовали бы слѣдующія реформы:

I. Возстановленіе польскаго языка, какъ офиціальнаго во всѣхъ областяхъ публичной жизни, въ администраціи и въ судебномъ вѣдомствѣ, а также какъ языка преподаванія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ.

II. Возстановленіе полноправности римско-католической церкви. Признаніе свободы вѣроисповѣданія бывшимъ греко-уніатамъ. Полная свобода всѣхъ вѣроисповѣданій и обрядовъ.

III. Обоснованіе управленія края и его администраціи на мѣстномъ элементѣ.

IV. Введеніе сообразованнаго съ потребностями края мѣстнаго самоуправленія съ участіемъ въ немъ всѣхъ слоевъ населенія.

V. Отбываніе военной службы въ мирное время мѣстными призывными въ войскахъ, расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ.

VI. Отмѣна въ цѣломъ государствѣ всѣхъ исключительныхъ законоположеній и распоряженій, направленныхъ противъ поляковъ, отмѣна паспортной системы, предоставленія жителямъ Царства Польскаго гарантіи личныхъ и гражданскихъ правъ и посему прежде всего признаніе неприкосновенности личности и частныхъ жилищъ, предоставленіе свободы слова и печати, свободы собраній и союзовъ, а засимъ

VII. Сообразованіе съ особенными мѣстными условіями и съ исторической традиціей края всего внутренняго его строя, т.-е. законодательства, системы, администраціи, судоустройства и судопроиз-

водства, народнаго просвѣщенія и обоснованія этого строя на тодѣльномъ для Царства Польскаго бюджетѣ. Выработка означенной реформы должна быть предоставлена лицамъ, надлежаще ознакомленнымъ съ мѣстными условіями, пользующимся довѣріемъ польскаго общества и, слѣдовательно, призваннымъ для сего дѣла путемъ выборовъ".

Невозможно отрицать, что во взглядахъ на русско-польскій недугъ, которые насъ здѣсь исключительно интересуютъ, національные демократы буквально повторяютъ прогрессивныхъ, формулировавшихъ свою программу значительно раньше и затѣмъ развившихъ ее болѣе подробно.

Какъ это ни кажется парадоксальнымъ на первый взглядъ, но именно только — на первый, въ программахъ подпольныхъ, крайнихъ партій Царства Польскаго мы не находимъ никакихъ крайностей, едва рѣчь касается будущихъ русско-польскихъ отношеній. Въ концѣ-концовъ, вѣдь оно такъ и должно быть: идеалы вождей пролетаріата давно порвали съ націоналистической фазой. Ихъ отечество—въ иномъ Сіонѣ, ихъ братство—въ общемъ несчастьѣ. Въ Польшѣ дѣлались было попытки одновременнаго преслѣдованія задачъ «интернаціонала» и ясно выраженныхъ націоналистическихъ тенденцій; онѣ не могли, конечно, увѣнчаться успѣхомъ и Мамонъ «патріотизма» долженъ былъ уступить истинному Божеству повсюду единаго рабочаго вопроса.

Всѣ соціалистическія организаціи Царства слились въ 1893 году въ единую «польскую соціалистическую партію» (P. P. S., какъ ее обыкновенно называютъ). Первоначально она не считала возможнымъ освобожденіе рабочаго класса изъ-подъ ига капитализма безъ созданія *независимой* польской республики въ качествѣ гарантій дальнѣйшаго развитія соціализма въ Польшѣ. Такая резолюція партіи встрѣтила на лондонскомъ конгрессѣ 1896 года жестокую оппозицію польскихъ же соціалъ-демократовъ. Роза Люксембургъ основательно раскритиковала мотивировку положеній P. P. S. Было признано, что возстановленіе независимой буржуазной Польши было бы на руку лишь врагамъ соціальнаго строя и, слѣдовательно, всего

болѣе повредило бы именно рабочимъ. Съ тѣхъ поръ P. P. S. пишетъ на своемъ знамени «автономія» и перестаетъ находить различіе между своимъ дѣломъ и тѣмъ, которое выполняютъ русскіе товарищи. Польское освободительное движеніе соціалисты не признаютъ и не понимаютъ безъ связи съ общерусскимъ. Въ памятные октябрьскіе дни изъ ихъ рядовъ раздались даже голоса «прочь съ Польшей» и соціалистическія «Новины» обратились съ такимъ знаменательнымъ привѣтомъ къ русскимъ борцамъ: «польскій народъ, придавленный до вчерашняго дня, шлетъ вамъ поклонъ. Вы подняли голосъ на нашу защиту, но это былъ не голосъ, а историческая симфонія вашей души...: Это былъ великій гнѣвъ, это былъ громкій звонъ вашего русскаго сердца, это былъ манифестъ величайшаго теперь въ Европѣ государства идей... Теперь намъ уже не оторваться отъ васъ, но спаяться съ вами золотымъ лучомъ свобо́ды и любви». На 7-мъ съѣздѣ P. P. S. (въ мартѣ 1905 г.) окончательно ставитъ своей цѣлью добиться такой государственно-правовой самостоятельности Царства Польскаго, которая позволила бы ему развиваться вполнѣ свободно, *не отдѣляясь отъ Россіи*. Варшавское учредительное собраніе, созванное одновременно съ петербургскимъ и съ нимъ равноправное, явилось бы гарантіей такого развитія.

У P. P. S. мы наблюдаемъ яснѣе, чѣмъ у другихъ какихъ бы то ни было соціалистическихъ организацій, столь для нихъ странную лигатуру націонализма, и все-таки даже P. P. S. не посягаетъ на государственную цѣлость Россіи. Тѣмъ менѣе покушаются на нее прочія соціалистическія фракціи («Демократія Польши и Литвы», «Пролетаріатъ», «Бундъ»), ведущія чисто классовую борьбу и относящіяся отрицательно ко всѣмъ фермамъ современнаго политическаго строя, хотя бы онъ былъ данъ не извнѣ, а организованъ самодѣятельностью родичей. Среди представителей этихъ воззрѣній варшавскія патріотическія манифестаціи въ октябрѣ 1905 г. встрѣтили лишь насмѣшку, а національные флаги съ одноглавымъ орломъ — требованія «убрать глупую птицу», «гуся», «сыча», и замѣнить

его краснымъ флагомъ,—повсюду, гдѣ ступаетъ нога бѣлаго человѣка, имѣющимъ одно и то же значеніе.

Если бы въ васъ запало подозрѣніе, не является ли автономія идеаломъ только «верховъ» народа, то я укажу, что первые практическіе шаги къ ея осуществленію были сдѣланы именно «низами». Починъ крестьянъ не могъ итти дальше области гминнаго самоуправленія, ввѣренной имъ, и тутъ, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, они замѣнили русскій языкъ польскимъ, т.-е. въ доступныхъ для нихъ предѣлахъ привели въ исполненіе одинъ изъ главныхъ пунктовъ автономистской программы. Замѣтимъ, что, въ противность всѣмъ розсказнямъ, двигательною причиною были здѣсь не «паны», а ростъ національнаго самосознанія, отрицать который могутъ лишь тѣ, кто не наблюдалъ польской деревни. Конечно, свои требованія «хлопъ» выражаетъ не на политическомъ волапюкѣ, какъ мы, но все-таки слишкомъ ясно для того, чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній въ тождествѣ стремленій его и интеллигенціи. Переведите его образный языкъ на наши обычные политическіе термины, уловите обобщающую нить конкретныхъ случаевъ, которыми онъ васъ засыплетъ, живописуя нынѣшнюю «систему», классифицируйте съ точки зрѣнія государственнаго права порядки, которые изобразитъ вамъ «хлопъ», какъ желательные— и вы увидите, что сельскія массы жаждутъ той же автономіи не менѣе мучительно, чѣмъ горожане.

— Такъ! Автономія... — скажутъ «патріоты»: не нужно доказывать, что ея поголовно хочетъ весь польскій народъ и что *для него* она можетъ стать панацеей... Александръ I уже далъ ее одинъ разъ полякамъ, даже на гораздо болѣе широкихъ началахъ, нежели проектируемыя теперь. 16 лѣтъ пользовалась ею Польша, — время достаточное, чтобъ новыя установленія могли примирить націю съ потерею былой свободы... Какіе плоды принесло прекраснодушіе Александра? Ужасы 1831 года съ его рѣками русской и польской крови. Довольно опытовъ! Полякъ не удовольствуется самобытностью, сейчасъ же онъ потребуетъ и независимости... Въ концѣ-концовъ, путемъ но-

выхъ жертвъ, мы вынуждены будемъ вернуться къ старому положенію!

При маломъ нашемъ знакомствѣ съ Польшею такой аргументъ, какъ почерпнутый изъ исторіи, на первый взглядъ покажется побѣдоноснымъ. На самомъ же дѣлѣ возстаніе 1831 года объясняется причинами какъ общаго характера, такъ и частными, и вотъ, если бы первыя продолжали существовать доселѣ, только тогда можно было бы ожидать сходныхъ послѣдствій. Автономія, построенная на старыхъ основаніяхъ, дѣйствительно, могла бы привести къ краху. Царство Польское 1815—1830 гг. было единственной частью имперіи, имѣвшею народное представительство; Финляндія, обособленная географически и населенная людьми другой расы, въ счетъ не шла, потому что ея строй, можно сказать, не былъ неизвѣстенъ русскому обществу. Учрежденія Царства такъ разнились, къ выгодѣ для себя, отъ общеимперскихъ, что нужно было или послѣднія пересоздать по конституціонному польскому образцу, и это прямо обѣщалъ Александръ I въ извѣстной варшавской рѣчи, или же уравнять поляковъ въ безправіи съ русскими, какъ оно и было сдѣлано затѣмъ. Послѣ закона 6 августа 1905 года краевой сеймъ нашелъ бы себѣ соотвѣтствіе въ Государственной Думѣ и былъ бы не привилегіей для области, а ея правомъ, не могущимъ возбудить кривотолковъ. Сеймовый строй 1815—1830 г. напоминалъ куполъ, безъ колоннъ и фундамента висящій въ воздухѣ. Онъ былъ только декораціей представительства, потому что ни въ городахъ, ни въ деревняхъ самоуправленія не существовало. Проектируемая же теперь автономія представляетъ именно широкое развитіе идеи самоуправленія, на которой построенъ весь порядокъ, начиная съ ячейки быта—сельской гмины. Наконецъ сеймъ 1815—1830 г. совершенно былъ лишенъ законодательной иниціативы, собирался одинъ разъ, всего на мѣсяцъ, въ два года, и невольно былъ желчнымъ прокуроромъ администраціи,—косвенно, значитъ, и правительства, —а не ея благожелательнымъ руководителемъ. И въ этихъ тяжелыхъ условіяхъ онъ проявлялъ иногда такую политическую

зрѣлость, которой справедливо удивлялся жившій одно время въ Варшавѣ Казиміръ Перье—человѣкъ, видавшій виды, одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей великой революціи. Послѣ 17 октября 1905 года наша Дума стала законодательнымъ учрежденіемъ. Ужъ однѣ эти функціи, въ которыхъ нельзя отказать и проектируемому сейму, разъ онѣ даны Государственной Думѣ, существенно отличали бы его отъ учрежденія Александра I и обезпечивали бы обстановку, въ которой энергія польскаго народа могла бы обратиться не только на критику существующаго строя, но и на созидательство будущаго.

Таковы основныя причины неудачи перваго автономическаго устройства Польши, въ немъ самомъ лежавшія, къ которымъ присоединился цѣлый рядъ случайныхъ: подозрительность реакціоннаго «Священнаго Союза», цѣлостность абсолютизма Николая I, растерянность русскихъ властей, выведшихъ войска изъ Варшавы, когда быстро принятыми мѣрами можно было локализировать пожаръ, и т. д. Автономія 1862 года осталась только на бумагѣ, такъ какъ недостаточно еще дать что-либо, но нужно умѣть дать во-время, а она запоздала для лихорадившаго больного, которымъ былъ тогда край. Будь она даже введена въ дѣйствіе, все равно исключительность выборной организаціи Царства, не имѣвшей ничего схожаго со строемъ остальной имперіи, дѣлала реформу весьма неустойчивою. Если мы дважды предоставляли полякамъ автономію, въ самой себѣ уже носившую тлѣніе, и при условіяхъ, ей не благопріятствовавшихъ, то изъ малоуспѣшности этихъ попытокъ нужно сдѣлать выводъ не о ложности принципа, а о необходимости болѣе разумнаго его осуществленія. Старый режимъ можно оставить для Польши лишь въ томъ случаѣ, если онъ ее и насъ вполнѣ удовлетворяетъ, или сознавъ, что мы своротили съ пути справедливости и истиннаго пониманія государственныхъ выгодъ, на которомъ стояли наши дѣды въ 1815 и наши отцы въ 1862 годахъ. Нельзя же объявить ихъ менѣе русскими, чѣмъ мы, и дѣйствовавшими для пользы Польши во вредъ родинѣ. Первое же предположеніе опровергается всею окружающей дѣйствитель-

ностью. Иродова политика нашего ультра-національизма привела часть публики къ тому нравственному одичанію, при которомъ приходится доказывать азбучныя истины обществовѣдѣнія въ родѣ права каждой національности на самоопредѣленіе.

Царство населяютъ не только поляки; что автономія сулитъ имъ розы, нѣтъ спора; однако, здѣсь живутъ еще русскіе, около $1^1/_2$ милл. евреевъ, до 300 тысячъ литовцевъ и столько же приблизительно нѣмцевъ; не достанутся ли этимъ народностямъ одни терніи? Подобный вопросъ рождается тѣмъ естественнѣе, что въ автономной Галиціи борьба между польскимъ и русинскимъ элементомъ съ каждымъ годомъ становится ожесточеннѣе. Не уготовимъ ли мы нѣчто похожее и для племенъ, которыя поляки будутъ считать инородческими?

Да, этой борьбы, одинаковымъ политическимъ и экономическимъ оружіемъ, правда, при поддержкѣ одной изъ сторонъ вѣнскимъ правительствомъ, отрицать нельзя, но строить на ней догадки о плантаторскихъ и угнетательныхъ инстинктахъ поляковъ, какъ это дѣлаютъ фарисеи «охранители», было бы грубымъ заблужденіемъ. Корень галиційской междоусобицы нужно искать въ положеніи вещей въ Привислиньѣ; это— отзвукъ нашей обрусительной политики въ Царствѣ, преломленное отраженіе того же режима въ другой средѣ, гдѣ племя, играющее роль наковальни въ Россійской имперіи, становится молотомъ въ Австрійской, это—слѣдствіе проклятыхъ славянскихъ раздоровъ, примѣръ которымъ подаютъ не поляки. Я не хочу сказать, что въ Галиціи они мстятъ русинамъ за своихъ братьевъ въ Польшѣ. На всеславянскомъ съѣздѣ 1867 года въ Москвѣ Черкасскій кинулъ чеху Ригеру, печаловавшемуся на отсутствіе поляковъ въ братскомъ кругу, свою знаменитую фразу: «если они хотятъ примириться, пусть начинаютъ съ галиційскихъ русиновъ». Въ устахъ государственнаго человѣка эти слова звучатъ наивностью. Развѣ поляки обладаютъ суверенитетомъ въ имперіи Франца-Іосифа? Развѣ въ планы Вѣны не входитъ сѣянье раздора между отдѣльными вѣтвями славянства, которыя, соединившись, увидѣли бы себя хозяевами

въ Австріи и Венгріи, а не плохо привѣчаемыми гостями? «Начинать» можетъ лишь тотъ, кому это не только полезно, но и доступно, кто даетъ тонъ и другимъ, а не самъ живетъ по чужой указкѣ. Какъ бы ни натравливали нѣмцы галиційскихъ поляковъ на русиновъ, отношенія тотчасъ же смягчатся, едва автономіей Привислинья будетъ провозглашена и закрѣплена славянская солидарность. Та же Галиція, умѣвшая выработать такое неслыханное прежде явленіе, какъ ксендзовъ—ненавистниковъ всего шляхетскаго, въ роди Стояловскаго, покажетъ намъ, теперь немыслимыхъ, поляковъ-апостоловъ братства съ русинами, едва кончится старая тяжба.

Но если ничто не угрожаетъ русинамъ Забужья послѣ нашего примиренія съ поляками и въ автономной области, находящейся подъ верховенствомъ Россіи, то не предвидится ли посягательства на національныя права литовскаго, еврейскаго и нѣмецкаго меньшинствъ?

Часть литовцевъ давно привыкла—и въ славѣ, и въ паденіи—соединять свои судьбы съ польскимъ; другая же, у которой пробудилось самосознаніе, найдетъ ему удовлетвореніе въ школахъ съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ и въ равноправности его съ польскимъ въ мѣстностяхъ своего разселенія. Проектируемая автономія намѣчаетъ именно такую постановку дѣла.

Что касается евреевъ, то Польша представляется счастливою страной, не запятнавшей себя антисемитизмомъ. Въ доброе старое время, когда шляхтичъ рубилъ и судилъ, а хлопъ обливался потомъ на пашнѣ, исключительно еврей представлялъ торгово-промышленное сословіе страны. Онъ, ни у кого не перебивая хлѣба, взялся за дѣло, которое претило гордости однихъ и по многимъ причинамъ было не подъ силу другимъ, сталъ, утилизировать мертвыя богатства природы и въ этомъ смыслѣ выполнялъ необходимую государственную функцію. Конечно, были отдѣльныя злоупотребленія, какъ они бываютъ вездѣ, и арендаторство еврея иногда обходилось дорого и помѣщику и мужику, въ общемъ же—выигрывали всѣ. Въ Поль-

шѣ меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, чувствовалъ еврей себя пришельцемъ, потому что онъ не вытѣснялъ какой-либо туземный классъ, ни съ кѣмъ не долженъ былъ конкурировать, а лишь заполнялъ соціальную пустоту, болѣзненно чувствовавшуюся раньше между паномъ и крестьяниномъ. Его здѣсь не гнали, не дѣлали паріемъ, не развращали и озлобляли несправедливостью; поэтому онъ не враждовалъ съ правительствомъ и послѣднему не приходилось, въ цѣляхъ самосохраненія, науськивать простой людъ на евреевъ. Эта великая. но несчастная нація глубоко умѣетъ цѣнить человѣчное отношеніе къ ней. Всѣ ассимиляторскія попытки, включая египетскія казни и испанскія ауто-да-фе, какъ пѣна разбивались объ еврейскую стойкость, и только на берегахъ Вислы вы встрѣтите «поляковъ Моисеева закона»—евреевъ, остающихся вѣрными религіи отцовъ, но усвоившихъ себѣ бытъ и нравы согражданъ. Они горячо полюбили свою новую родину, не измѣняли ей въ бѣдахъ и умирали за нее въ печальномъ 63 году столь же самоотверженно, какъ если бы по прямой линіи шли отъ древнихъ «ляховъ». Мало того: они такими массами и при такихъ условіяхъ принимали тутъ христіанство, что и циникъ не посмѣетъ заподозрѣть житейскій расчетъ въ этихъ обращеніяхъ (См. T. Ieske-Choinski, „Neofici Polscy Materyali historyczne", Warszawa, 1905). Когда строительство мѣстной жизни было ввѣрено поляку, то первымъ его шагомъ была отмѣна ограниченій евреевъ въ различныхъ правахъ (законопроектъ Велепольскаго, Высочайше утвержденный 24 мая 1862 г.). По почину того же Велепольскаго евреи получили избирательныя права и членомъ государственнаго совѣта Царства былъ назначенъ еврей Матіасъ Розенъ.

Новыя мѣры стѣсненія, предпринимаемыя съ 11 іюня 1891 г. нашимъ правительствомъ относительно евреевъ въ Привислиньѣ, должны были уяснить польскому населенію мнимую противоположность интересовъ его и іудейскихъ. Онѣ могли бы, пожалуй, подготовить почву для антисемитизма, если бы не содружество еврея съ полякомъ въ огнраниченіяхъ; первый отдѣленъ

граждански больше второго, но и второй страждетъ отъ неполноты правъ сравнительно съ русскимъ. Общность обиды сплочиваетъ тѣхъ, кто ее терпитъ. Во всей польской прессѣ лишь журналъ «Rola» («Пашня») грѣшитъ юдофобствомъ, но онъ совсѣмъ не пользуется популярностью и антисемитизмъ его редактора-издателя г. Еленскаго не есть ни свирѣпый призывъ нашихъ «охранителей» къ погромамъ, ни тѣмъ болѣе отрыжка христіанскаго соціализма Адольфа Штеккера или махровость націонализма Дрюмона: это маньячество человѣка, который въ козняхъ евреевъ нашелъ двигательную пружину міра и ключъ къ тайнамъ вселенной. Онѣ объясняютъ для него чуть ли даже не землетрясенія. Такое юдофобство своей карикатурностью убиваетъ само себя. Мы въ правѣ поэтому думать, что, при автономіи, подъяремный теперь еврей будетъ возстановленъ въ своихъ правахъ человѣка, которыя онъ пріобрѣтаетъ тѣмъ же, чѣмъ и мы,—рожденіемъ. Не отрицаю и возможности полонизаціи части іудеевъ при новомъ строѣ, конечно не посредствомъ насилія, а такъ, какъ шла она и раньше,—путемъ прилѣпленія ихъ къ идеаламъ другой націи, когда сердце начинаетъ тянуться къ новымъ богамъ, а старые кажутся идолами. Существуетъ, впрочемъ, вѣрное средство помѣшать такой притягательной силѣ польскаго магнита, если почему-либо она не входитъ въ государственные планы: для этого достаточно запрячь все богатство еврейскаго духа на службу возрождающейся Россіи, а не умышленно толкать его на противодѣйствіе нашей государственности, дать этимъ измученнымъ людямъ родину, а ей — вѣрныхъ и любящихъ сыновъ. Неполноправный же еврей—горе для него, потеря—для Россіи, безславіе—для человѣчества.

Единственно, кому автономія не обѣщаетъ никакихъ выгодъ это—нѣмцамъ, вовсе не разумѣя подъ ними лицъ германскаго происхожденія, сжившихся съ мѣстнымъ населеніемъ и своими капиталами или приложеніемъ техническихъ навыковъ содѣйствующихъ благосостоянію края. Нѣмецкаго у нихъ осталась только фамилія, а часто они болѣе горячіе польскіе патріоты, чѣмъ шляхтичъ стариннѣйшаго герба. Мы говоримъ о предста-

вителяхъ тевтонской плутократіи, которые переносятъ сюда свою дѣятельность изъ-за границы исключительно съ цѣлью не платить таможенныхъ пошлинъ, привозятъ съ собою соотечественниковъ-рабочихъ, стараются по возможности обходиться иностранными, а не мѣстными матеріалами. Въ видѣ вознагражденія за трудъ они не отдаютъ населенію даже части получаемыхъ отъ края выгодъ, и пріобрѣтенныя ими суммы остаются, конечно, не въ странѣ, но уходятъ за рубежъ. Все, что безъ содѣйствія правительства, но съ помощью экономическаго пресса, можно сдѣлать для онѣмеченія туземцевъ, пускается здѣсь въ ходъ этими промышленниками-германизаторами. Къ нимъ болѣе чѣмъ наполовину перешло уже польское землевладѣніе пограничныхъ уѣздовъ Калишской, Ломжинской и Плоцкой губерній. Стонетъ панъ и плачетъ мужикъ въ тискахъ культуртрегера, выполняющаго по мѣрѣ силъ познанскую программу безъ противодѣйствія, которое могла бы ему оказать живая сила общественной сплоченности. Весьма вѣроятно, что при автономіи, съ возстановленіемъ краевого національнаго банка (основаннаго въ 1828 году кн. Друцкимъ-Любецкимъ, буквально возродившаго промышленность Царства и закрытаго нами въ 1885 г.) и подъемомъ техническаго образованія, польскіе трудъ и капиталъ кинутся въ ожесточенный бой съ чужеземнымъ, даже чужеяднымъ элементомъ. Но жизнь вообще немыслима безъ борьбы; пожелавъ только, чтобъ она велась болѣе корректно, нежели въ Познани, мы никакъ не можемъ счесть доводомъ *противъ* автономіи тѣ препятствія, какія она создаетъ эксплуатаціи Привислинья нѣмецкими капиталистами.

Если, до формальной отмѣны постановленій вѣнскаго конгресса, сама Россія не имѣла бы права безъ международной санкціи возвратить независимость полякамъ, то дарованіе имъ автономіи представляется чисто-домашнимъ нашимъ дѣломъ. Понравится ли это Германіи и Австріи или нѣтъ, но тутъ мы можемъ обойтись безъ совѣтниковъ; судей же у насъ не будетъ: весь міръ, особенно славянство, съ уваженіемъ отнесутся къ акту справедливости и разумности, которымъ будетъ положенъ

конецъ «старому спору». Какъ бы ни былъ силенъ ударъ, нанесенный русско-польскимъ примиреніемъ германизму, эта боль будетъ снесена молча: есть дѣянія, предъ нравственной высотою которыхъ нельзя не склониться, хотя бы они и разрушали наши эгоистичные расчеты. И велѣнія высшей правды и соображенія государственной пользы въ равной мѣрѣ дѣлаютъ этотъ шагъ обязательнымъ для насъ. Легче и безопаснѣе упрятать клокочущій вулканъ въ наперстокъ, чѣмъ продолжать политику денаціонализаціи.

Странно раздвоется сердце человѣка, знающаго быть современныхъ поляковъ: какая радость видѣть благородный, много-одаренный народъ исцѣлившимся отъ прежнихъ историческихъ заблужденій, за которыя библейски-сурово уже болѣе ста лѣтъ караетъ его судьба; какое горе созерцать этотъ національный духъ скованнымъ, лишеннымъ свободы самоопредѣленія и возможности въ братскомъ единствѣ работать для исторіи! Смерть не такъ страшна, какъ летаргія—сила безъ проявленій, сознаніе безъ голоса. Не умеръ польскій народъ и не тлѣномъ несетъ изъ пещеры, гдѣ онъ пребываетъ. Умерли лишь старые его предразсудки, плодъ сложнаго соціальнаго процесса, и возрожденная жизнь трепетно просится наружу, на благо и радость себѣ и другимъ.

Знаменитый польскій поэтъ Казиміръ Бродзинскій говоритъ: «миссіи Моисея, миссіи Христа предшествовало избіеніе невинныхъ. Понимаете ли вы теперь, что означаетъ мученичество дѣтей вашей страны. Польскія матери, внимайте! Да бодрствуетъ и надѣется всякая польская душа (Wszelka żywa duszo polska pragnij i czuwaj)!»

Часъ исполненія надеждъ насталъ...

Кто же отвалитъ гробовой камень?

Кто, если не обновляющаяся, конституціонная Россія, обниметъ воскресающаго Лазаря и съ вѣрою скажетъ:

— Развяжите его! Пусть идетъ!